КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

МИХАИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ КАРГЕР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

ПОСВЯЩАЕТСЯ 70-ЛЕТИЮ
М. К. КАРГЕРА

Βιβλιοθήκη
«Χριστιανική τέχνη»
№ 5754

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД 1974

Культура средневековой Руси. 1974, изд-во «Наука», Ленингр. отд., Л. 215 с.

Сборник, посвященный 70-летию видного советского археолога и искусствоведа М. К. Каргера, содержит статьи по вопросам археологии, истории, архитектуры, живописи и прикладного искусства средневековой Руси. Представлены результаты новых исследований, охватывающих разнообразные историко-культурные памятники.
Издание рассчитано не только на специалистов, но и на всех, интересующихся историей отечественной культуры и искусства.

Ответственные редакторы:
А. Н. КИРПИЧНИКОВ и П. А. РАППОПОРТ

К $\frac{10602\text{-}547}{042\ (02)\text{-}74}$ 109-74

© Издательство «Наука» 1974

К 70-ЛЕТИЮ МИХАИЛА КОНСТАНТИНОВИЧА КАРГЕРА

В 1973 г. М. К. Каргеру исполнилось 70 лет. Пятьдесят из них он отдал научной и педагогической деятельности. Доктор исторических наук, заведующий группой славяно-русской археологии ЛОИА АН СССР, профессор кафедры истории искусства исторического факультета Ленинградского государственного университета, лауреат Государственной премии, видный советский археолог и историк древнерусской культуры, знаток и пропагандист отечественного культурного наследия, в годы Великой Отечественной войны участник боев у стен осажденного Ленинграда — за всем этим ощущается напряженная творческая и патриотическая деятельность человека, посвятившего всю жизнь любимому делу.

С именем Михаила Константиновича связаны интереснейшие открытия и важные исследования, составляющие значительную часть фундамента советской славяно-русской археологии и истории древнерусского искусства, его перу принадлежит около 120 печатных работ.

М. К. Каргер относится к тому поколению советских ученых, которые явились носителями передовой марксистской методологии и совершили качественное преобразование дореволюционной археологической науки и искусствоведения. М. К. Каргер не поддался модному в 20-х годах вульгарному социологизму и сумел подтвердить важность источниковедческого анализа. Уже в ранних работах определился подход исследователя к памятникам древности как многогранным историческим источникам. Для творческой манеры ученого характерна любовь к фактам, которые он умеет тщательно собирать и интерпретировать. Точность в оценках и умелое использование разнообразных материалов обеспечивают книгам и статьям М. К. Каргера исследовательскую глубину и научную долговечность.

Особенно много сделал Михаил Константинович для историко-культурного и архитектурного исследования древнерусских городов. Экспедиции под его руководством осуществили в разные годы археологические, архитектурные и реставрационные работы во многих городах, среди которых крупные средневековые центры: Киев, Новгород, Переяславль-Русский, Галич, Владимир-Волынский, Полоцк, Витебск, Новогрудок, Туров, Ладога.

Раскопки этих городов обогатили науку множеством новых сведений и сделали ее достоянием около 30 каменных построек первых веков русской истории, казалось, навсегда исчезнувших. Достаточно назвать открытие каменного первенца Киевской державы — Десятинной церкви, обнаружение в том же Киеве многочисленных жилищ и мастерских, реставрацию выдающегося памятника новгородского искусства — Георгиевского собора в Юрьевом монастыре. Впервые лопата археолога раскрыла потрясающую по своему драматизму картину страшного разгрома Киева татаро-монгольскими полчищами зимой 1240 г. Феерическими по результатам были раскопки М. К. Каргера в Переяславе-Хмельницком (Переяславле-Русском), открывшие уникальный городской архитектурный ансамбль, созданный на рубеже XI—XII вв. на южной границе Руси.

Михаил Константинович осуществил полные раскопки небольшого волынского городка первой половины XIII в. — Изяславля, по обилию материала оказавшегося своеобразными русскими Помпеями. Раскопки в Новгороде, в частности открытие храма Благовещения на известном Рюриковом городище, позволили М. К. Каргеру обрисовать деятельность одного из самых выдающихся древнерусских зодчих — новгородского мастера Петра.

Перечень археологических открытий М. К. Каргера можно продолжить, главное, однако, заключается в том, что, занимаясь поиском и изучением археологических памятников, ученый неизменно руководствуется исторической проблематикой. Труды Михаила Константиновича, посвященные Киеву, Смоленску, Новгороду, являются образцами сочетания мастерского анализа фактов с обширными обобщениями. Статьи и книги ученого стимулируют дальнейшие исследования городской культуры древней Руси и заслуженно получили общественное признание.

Научно-исследовательскую работу М. К. Каргер всегда сочетал с педагогической, партийной, лекторской и административной деятельностью. На его увлекательных лекциях и докладах воспитано не одно поколение археологов и искусствоведов. Много сил Михаил Константинович отдает делу охраны, реставрации и пропаганде памятников отечественной старины. Много раз выступал ученый в качестве эксперта по вопросам сохранения художественного и архитектурного наследия.

Неутомимая и разносторонняя деятельность М. К. Каргера служит советской исторической науке, она восстанавливает наше великое прошлое и воспевает труд многих поколений русских людей, возделавших родную землю с ее великими и малыми городами, скромными жилищами и монументальными постройками.

С 1951 г. Михаил Константинович возглавляет группу славяно-русской археологии ЛОИА АН СССР. Научный стиль группы — требовательность, взыскательность, тщательность в работе, страстность к поиску — во многом привит ее заведующим. По инициативе коллектива и создан настоящий юбилейный сборник. Друзья, товарищи, коллеги желают Михаилу Константиновичу здоровья и новых успехов в дальнейшей работе.

А. Н. Кирпичников

НАИБОЛЕЕ КРУПНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ ЭКСПЕДИЦИЯМИ ПОД РУКОВОДСТВОМ М. К. КАРГЕРА

Киев

1938 — Жилища-мастерские (XII—XIII вв.) на усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря.
1938—1939 — Руины Десятинной церкви (X в.). Жилища-мастерские (XII—XIII вв.) на усадьбе Киевского исторического музея.
1939—1940, 1946—1952 — Софийский собор (XI в.) и усадьба Софийского архитектурно-исторического заповедника. Стены Митрополичьего двора (XI в.).
1945 — Собор Михаила Выдубицкого монастыря (XI в.).
1946, 1948, 1949 — Жилища-мастерские (XII—XIII вв.) на территории «города Владимира».
1947 — Руины двух храмов (конец XI в. и конец XII—начало XIII в.) на Кудрявце.

Киевская земля

1948—1949 — Руины храма Зарубского монастыря (XI в.).
1950 — Руины «Летской божницы» в Борисполе (XII в.).
1954 — Руины храма Бориса и Глеба в Вышгороде (XI в.).

Переяславль-Русский (Переяслав-Хмельницкий)

1949—1953 — Руины храма Михаила (XI в.).
1952 — Руины храма в детинце (XI в.).
1953 — Руины храма-усыпальницы (XI в.) и церкви Воскресения (XII в.).
1955 — Руины воротной башни и храма Андрея у Ворот (XI в.).

Галич (с. Крылос Ивано-Франковской области)

1955 — Жилища (IX—XII вв.) на территории детинца, «Золотого тока» и окольного города. Руины храма Ильи (XII—XIII вв.).
1957—1959 — Мастерская керамических архитектурно-декоративных плиток (XII—XIII вв.).
1959 — Руины храма-квадрифолия (XIII в.) в с. Побережье в окрестностях древнего Галича.

Владимир-Волынский

1955—1956 — Руины храма (XII в.) возле церкви Василия.
1955 — Жилища в урочище «Белые берега» (X в.).
1956 — Руины храма-ротонды Михаила (XIII в.).

Село Городище Шепетовского района Хмельницкой области

1957—1964 — Детинец и Окольный город древнего Изяславля (XII—XIII вв.).

Новогрудок

1961—1962, 1965 — Церковь Бориса и Глеба (XII в.).

Туров

1962—1963 — Руины храма (XII в.).

Полоцк

1957 — Жилища на Верхнем Замке (XII в.).
1957, 1961—1964 — Руины храма-усыпальницы в Спасо-Евфросиниевском монастыре (XII в.).
1964 — Софийский собор (XI в.).
1967 — Руины храма на Верхнем Замке (XII в.).

Волковыск

1966 Руины недостроенного храма (XII в.).

Витебск

1968 — Церковь Благовещения (XII в.).

Новгород

1933—1936 — Георгиевский собор в Юрьевом монастыре (1119 г.).
1955 — Мартириевская паперть Софийского собора (1045 г.).
1966—1968 — Храм Благовещения на Городище (1103 г.).
1969 — Башни для входа на хоры церкви Николы на Дворище (1113 г.) и церкви Бориса и Глеба в кремле (1165 г.).

Л. В. Алексеев

«ОКОВСКИЙ ЛЕС» ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Одной из достопримечательностей древней Руси, поражавшей иностранцев еще в XVI—XVII вв., были многочисленные леса: «Московия,— доносил в Рим в 1523 г. Альберто Компензе, — представляет вид совершенной равнины, усеянной массой лесов».[1] Это подтверждали и другие приезжавшие на Русь иностранцы.[2] Леса использовались населением не только как строительный и отопительный материал, но и в качестве пограничной защиты: «У Москвитян такой обычай, что они оставляют землю соседнюю с неприятелем на протяжении нескольких миль невозделанной и необитаемой; частые деревья, которые по необходимости вырастают на свободной почве, и густые леса затем образуют некоторого рода оплот против неприятеля и они [считают] себя в безопасности от вражеских набегов, как скоро окружают себя, на сколько возможно, бесплодными пустырями», — писал известный сподвижник Стефана Батория Р. Гейденштейн.[3] Неправ был В. В. Седов, утверждая, что, «археолог не может согласиться с положением, развиваемым М. К. Любавским, о значительной расчлененности древнерусских областей и населения лесами и болотами в эпоху Киевской Руси».[4] Наши археологические наблюдения над заселенностью Полоцкой,[5] а теперь и Смоленской земель показали, что страна в домонгольские времена представляла равнину, заполненную сгустками поселений, промежутки между которыми были заняты сплошным лесом. Нечто подобное представляли и другие древнерусские земли лесной полосы Восточной Европы. Уже на первых страницах летописи встречаются упоминания многочисленных лесов, показывающие, какую роль они играли у восточных славян и древней Руси. Киев, например, был основан рядом с лесом: «Бяше около града лес и бор велик и бяху ловища зверь».[6] Древляне жили (или во всяком случае прятались) от хазар «на горах» и «в лѣсѣхъ».[7] Любопытно, что не всегда летописец упоминает леса, существующие при нем: под Киевом, например, в XII в. лесов уже явно не было и их наличие в прошлом современников летописца удивляло.[8] В летописях начального периода встречаются изредка и наименования отдельных лесных массивов: Чертов лес (на Волыни), Болдыж лес (на Десне), Брынский (на р. Брыни), Оковский (в верховьях Волги), Ширенский (у Рыбинской луки р. Волги) и т. д.[9] Самым ранним упомянут Оковский лес, сообщение о котором мы находим уже в географической части Повести временных лет: «Днѣпръ бо потече из Оковьскаго лѣса, и потечеть на полъдне, а Двина ис того же лѣса потечеть, а идеть на полунощье и внидеть

[1] Письмо Альберто Компензе к папе Клименту VII. Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836, с. 27, 30.

[2] Павел Иовий Новокамский. Книга о посольстве. Там же, с. 23 и сл. — Обилие непроходимых лесов отмечают и наши летописи (см.: ПСРЛ, т. XI—XII, М., 1965, с. 195, 216 и др.).

[3] Р. Гейденштейн. Записки о московской войне. СПб., 1889, с. 116.

[4] В. В. Седов. Дреговичи. СА, 1968, № 3, с. 121.

[5] Л. В. Алексеев. Полоцкая земля. М., 1966, с. 70—73.

[6] ПВЛ, ч. I, М.—Л., 1950, с. 13.

[7] Там же, с. 16.

[8] А. Майков. Заметки о географии древней Руси. СПб., 1874, с. 31.

[9] А. А. Спицын. Русская историческая география. Пгр., 1917, с. 14.

в море Варяжьское. Ис того же лѣса потече Волга на въстокъ».[10] Итак, как уже писал Н. П. Барсов, в географической части летописец отметил «отличительную особенность восточной равнины. <..> центральное плоскогорье, с которого в различных направлениях стекают главные реки равнины»[11] и которое при нем называлось Оковским лесом.

Как далеко распространялся Оковский лес? Уже сама территория, очерченная летописью, показывает, что он был весьма велик. Так как из него вытекала Западная Двина, то лес этот распространялся, очевидно, западнее ее истоков, т.е. доходил до верховьев р. Торопы, возможно, даже и до низовьев р. Куньи, и до среднего течения р. Ловати. Малое количество древних поселений в этих местах может служить тому подтверждением. На севере Оковский лес, вероятно, доходил до озер Селигер, Пено или Стерж, а может быть, кончался правым берегом р. Полы. Его восточная граница начиналась у оз. Селигер, пересекала Волгу у устья р. Песочной, далее шла по левому берегу ее притока Пырышне к устью р. Молодой Туд. Село Окóвцы (Окóвец), расположенное на Пырышне, знаменито своими древностями и не один раз упоминается в летописи. Близлежащие курганный могильник и городище (рис. 1) доказывают, что село существовало уже в домонгольское время.[12] В 1539 г. здесь в лесу над р. Пырышней, на Пырышен-

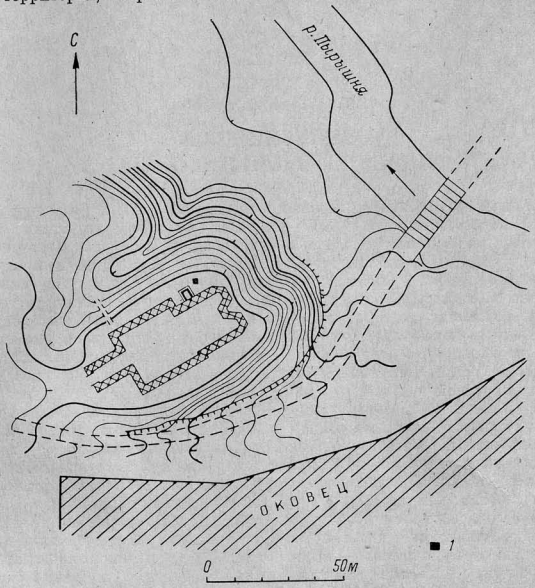


Рис. 1. Городище в с. Оковец.
1 — шурф 1972 г.

ском городище, «явилось» две чудотворные иконы, для которых по указу митрополита

[10] ПВЛ, ч. I, с. 11.

[11] Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, с. 16—17.

[12] Василий Крылов. Историческая записка о селе Оковцах. Тверь, 1862, с. 6. — Есть основания полагать, что с. Оковцы существовало еще в языческую пору: здесь неподалеку от села есть издревле почитаемый «Святой ручей» (С. А. Рачинский. Школьный поход в Нилову Пустынь. СПб., 1902, с. 28—29). По рукописи, хранившейся в оковской церкви, последняя была построена на месте древнего городища, которое находилось тогда на берегу реки и было «малое и плохое» (И. Токмаков. Историческое и археологическое описание церкви села Оковец, Осташковского уезда Тверской губернии. М., 1889, с. 47). Археологическое обследование этих мест производилось Л. В. Алексеевым в 1972 г. Оковецкое

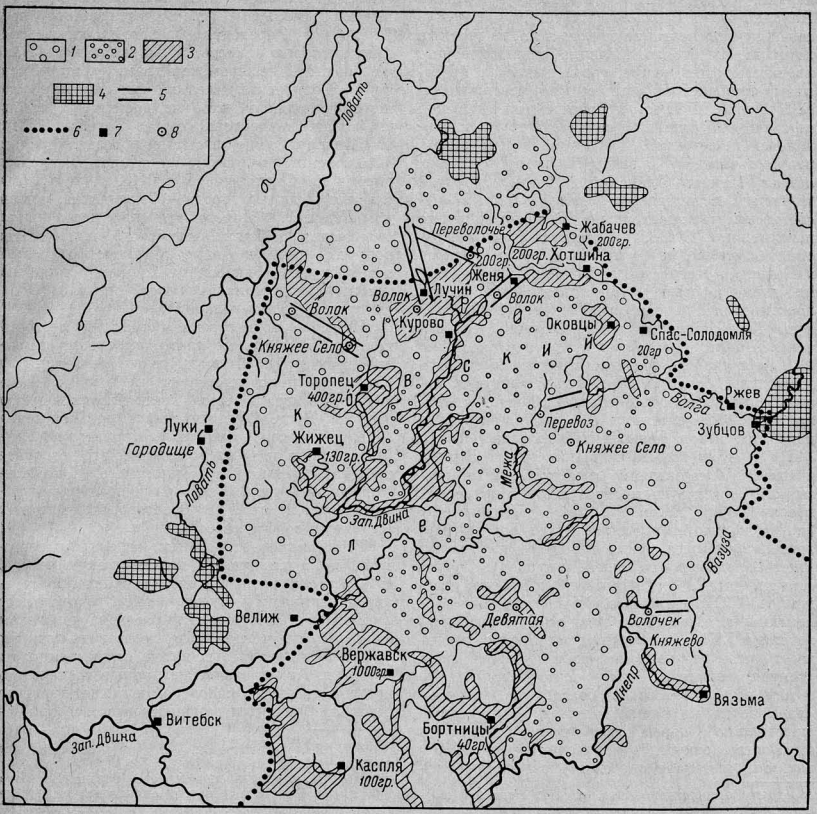


Рис. 2. Карта Оковского леса.

1 — реконструируемая часть Оковского леса; *2* — рудименты Оковского леса, сохранившиеся в XIX в.; *3* — скопления поселений Смоленской земли (по распространению курганов); *4* — скопления несмоленских поселений (по распространению курганов); *5* — реконструкция волоков Оковского леса; *6* — граница Смоленской земли (по А. Н. Насонову); *7* — феодальные центры Смоленской земли, возле которых есть остатки городищ (цифрами указано количество гривен, которые эти центры выплачивали смоленскому князю по грамоте Ростислава 1136 г.); *8* — современные топонимы Смоленской земли.

Иоасафа было отстроено на городище две церкви, куда заезжал молиться по взятии Полоцка Иван Грозный (1563 г.).[13] Село Оковец получило название от того леса, на границе которого оно стояло. Наличие большого лесного массива в этих местах подтверждается преданием, записанным в книге (по утверждению В. Крылова, XVII в.), хранившейся в Оковской церкви.[14] Об этом же свидетельствует и Никоновская летопись, из которой мы узнаем, что бежавшие от Грозного в Литву в 1548 г. князья Михаил Глинский и Иван Турунтай Пронский, испугавшись погони, попали в «места тесные и непроходные», из которых «уйти невозможно». В Москве, отрицая свою измену, они объясняли, что «поехали были молится в Ковець к Пречистой и съехались в сторону, не зная дорогы».[15] Как далеко на восток простирался Оковский лес южнее р. Молодой Туд? То обстоятельство, что из этого леса вытекал Днепр, показывает, что он доходил во всяком случае до среднего и верхнего течения р. Вазузы (рис. 2). Вязьмы и Гжатска, по-видимому, этот лес не достигал, иначе его непременно бы упомянул С. Герберштейн. Однако этот автор, дважды побывавший в России (1517 и 1526 гг.) и ездивший через Вязьму и Гжатск (окружающие леса которых он описывал), локализует интересующий нас лесной массив под наименованием «Волконский» «на несколько миль к западу от Ржева-Дмитриева»[16] (Волга делит город на две части: Ржев-Володимеров и Ржев-Дмитриев). Нужно сказать, что С. Герберштейн был хорошо осведомлен об Оковском лесе. Он называет его Волконским, т. е. так, как, судя по Воскресенской летописи XVI в., его тогда именовали,[17] указывает, что из него вытекали четыре реки (считая, вероятно, Межу или Торопу), что в нем есть Фроновское болото, из которого «начинается не очень большая река и приблизительно через две мили впадает в оз. Волго», откуда, «увеличенная множеством вод, она вытекает снова и называется Волгою».[18] Следует заключить, что восточная граница Оковского леса кончалась в районе верховьев Вазузы (здесь вытекал из него Днепр) и переходила в его южную границу, которая от истоков Вазузы поворачивала на запад. Мы не знаем, как далеко уходил Оковский (Волконский) лес на юго-запад, но кажется очевидным, что он достигал бассейна р. Каспли. На «чертеже» города Витебска 1664 г. на Нижнем Замке показана проездная башня «Волконский кругляк», от которой начиналась дорога на Смоленск (а в XIX в. проходила главная улица города — Смоленская, ныне ул. Ленина).[19] Дорога эта шла через район оз. Каспля, и башня витебского замка могла получить наименование Волконской только в том случае, если она проходила Волконским лесом. Так устанавливаются пределы Оковского леса на юго-западе.[20]

Итак, лесной массив «Оковский лес» находился на высоком плато, объединял верховья трех крупнейших русских рек, занимал обширное пространство и не мог, следовательно, не играть весьма крупной роли в жизни древней Руси. Судя по карте древнерусских земель, он всецело входил в территорию Смоленской земли[21] и, возможно, его северная опушка в районе озер Лучанского, Пено, Стержа, южной части Селигера и послужила границей Смоленской и Новгородской земель. Что же он собой представлял?

Реки, как известно, были основными торговыми коммуникациями древнерусских земель, их обилие и разнообразное направление течения показывают, что территория Оковского леса не могла не быть издревле заселена человеком и на ней не могло не существовать хотя бы нескольких сухопутных путей, связывавших их верховья. Археологические данные всецело это подтверждают. В Смоленской земле нет курганов ни эпохи бронзы, ни раннего железа, все они да-

городище расположено над р. Пырышней, возвышается над урезом воды на 15 м и внешних признаков валов не сохранило, так как овальная площадка его (40×70 м) испорчена огромным храмом XVII—XX вв. и кладбищем вокруг. Культурный слой мощностью 1.2 м, кроме поздних захоронений, содержит только лепную керамику, типичную для второй половины IX—X в. (Л. В. Алексеев. Исследования в древней Смоленщине. В кн.: Археологические открытия 1972 г. М., 1973, с. 49).

[13] ПСРЛ, т. XIII, М., 1965, с. 365; т. XXIX, М., 1965, с. 319.

[14] И. Токмаков. Историческое и археологическое описание церкви села..., с. 47.

[15] ПСРЛ, т. XIII, с. 154—155; т. XXIX, с. 153—154.

[16] С. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 113.

[17] ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, с. 262.

[18] С. Герберштейн. Записки о московитских делах, с. 113.

[19] А. П. Сапунов. «Чертеж» города Витебска 1664 г. Тр. Витебск. губерн. учен. комис., кн. 1, Витебск, 1910, с. 16; Л. В. Алексеев. К истории и топографии древнейшего Витебска. СА, 1964, № 1.

[20] Любопытно, что восточную и южную границу Оковского леса подтверждают и данные топонимики. В топонимии Смоленской губернии известно 8 топонимов «Раменье—Раменка» (по-древнерусски — лес на краю пашни, опушка. См. в кн.: Список населенных мест Российской империи. Т. XV. Смоленская губерния. СПб., 1868; И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб., 1903, с. 65). Все 8 топонимов распространены в северной Смоленщине и относятся к Оковскому лесу: в Бельском уезде — 3 топонима, в Гжатском — 3, в Сычовском — 1, в Дорогобужском — 1.

[21] А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 160—161, карта.

тируются древнерусским временем (VIII—XII, возможно, началом XIII в.) и могут служить прекрасным источником по исторической демографии этих мест. Где же распространены в Оковском лесу курганы, а следовательно, находились и древнерусские деревни?

Судя по нашим данным, самые заселенные земли в районе Оковского леса были у Торопца. Еще М. И. Семевский в середине прошлого века сообщал: «В стороне Торопецкого уезда особенно много курганов».[22] Обилие их на Западной Двине и Велесе (бывш. Мошинский приход) также отмечалось в литературе.[23] Раскопки Я. В. Станкевич показали, что торопецкое скопление славянских поселений возникло в начале второй половины I тыс. н. э. Юго-западнее этого скопления мы видим сгусток курганов вблизи Жижецкого озера, а к северо-востоку — у озер Лучанского, Охват, Волго, между озерами Пено и Селигером и т. д. Раскопки проводились далеко не везде, но уже априорно можно сказать, что территории эти были отняты у леса почти в то же время, что и в торопецкой трупне, или примерно на столетие позднее — в VIII—IX вв. Это была территория, где проходил знаменитый торговый путь «из варяг в греки», движение по которому началось в то время, а расцвет, судя по нумизматическим датам, относится к X — началу XI в.[24] Здесь, в верховьях главнейших русских рек, должны были существовать волоки, что подтверждается топонимикой: дер. Волок на р. Сереже показывает, что между верхним течением Торопы и этой рекой существовал сухопутный путь, дер. Волок к югу от оз. Лучанского подтверждает наличие волока между Западной Двиной и Полой, а дер. Переволочье — между р. Куды (втекающей в оз. Пено) и той же Полой. Северо-восточнее оз. Охват мы видим дер. Волок и понимаем, что озеро соединялось сухопутным путем с оз. Пено, а дер. Перевоз в самом верховье р. Межы указывает на волок между нею и р. Молодой Туд, наконец, дер. Волочек в верховьях Днепра свидетельствует о наличии сухопутной связи с р. Вазузой. Итак, плотность поселений в верховьях рек и на озерах в Оковском лесу объясняется не только обилием рыбы, которая избавляла население от полной зависимости от урожая, но и волоками, на которых представлялась возможность богатого заработка при перевозке купеческих людей посуху. У «волочан» (так называлось население, промышлявшее перевозкой на волоках) [25] были орудия перевозки, которые проезжие купцы иметь не могли: катки и, очевидно, ворот для вытягивания судна на берег, колы — повозки для транспортировки его по-суху, а также и тягловый скот. Имеющиеся в нашем распоряжении документы регулируют отношения волочан с проезжающими, устанавливают очередность перевозки и т. д.[26] Вынужденные остановки купцов, несомненно, приводили к оживленному обмену с местным населением, что делало жизнь на волоке еще более выгодной.

Однако в феодализирующейся стране свободные промыслы и торговля на волоках долго продолжаться не могли, и в каждом скоплении поселений мы вправе ожидать наличие памятника, отражающего возникший здесь феодальный центр. Самым ранним городом в этих местах был, по свидетельству археологии, Торопец.[27] Из него и началось проникновение смоленской дани в остальные близлежащие территории.[28] Возникнув в X или начале XI в., к середине XI в. он стал уже, по-видимому, большим торговым феодальным центром, выходцем из которого в 70-х годах был «преподобный» Исаакий Печерский (в прошлом — богатый купец).[29] В 30—40-х годах XII в. экономическое положение города настолько укрепилось, что он смог ежегодно выплачивать в Смоленск 40 гривен дани, столько же «урока» (налога), 15 лисьих шкурок, трое саней рыбы, 10 пудов меду и т. д.[30] В 60-х годах положение города еще более упрочилось — он становится форпостом борьбы Смоленской земли с Новгородом, и Роман Мстиславич Новгородский, напав на него, сжигает дома и берет в плен «голов множество» торопчан (1168 г.).[31] В 1169 г. летопись называет войско торопчан уже отдельно от смоленского,[32] а под 1208 г. мы узнаем впервые и о существовании торопецкого князя, который пользуется таким авторитетом, что приглашается на новгород-

---

[22] М. И. Семевский. Историко-этнографические заметки о Великих Луках и Великолукском уезде. СПб., 1857, с. 142—143.

[23] Н. Н. Редков. Историко-статистическое описание церквей и приходов Смоленской епархии. Вып. 1. Смоленск, 1915, с. 324.

[24] Я. В. Станкевич. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. МИА, № 76, 1960.

[25] Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963, с. 24.

[26] Там же.

[27] П. А. Раппопорт. 1) Изучение крепостей, проведенное отрядом Среднерусской археологической экспедиции 1956 года. КСИИМК, вып. 74, 1959, с. 88; 2) Оборонительные сооружения Торопца. КСИА, вып. 86, 1961, с. 15.

[28] А. Н. Насонов. «Русская земля»..., с. 164.

[29] ПВЛ, ч. I, с. 27; Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911, с. 28.

[30] ПРП, т. II, М., 1953, с. 39—44.

[31] НПЛ, М.—Л., 1950, с. 220.

[32] Там же, с. 221.

ское княжение (1210 г.).[33] Под 1225 г. упоминается «Торопецкая волость».[34] Торопецкая волость-княжество занимала уже почти всю территорию Оковского леса. В более раннее время, как мы уже говорили, дань Смоленска на скопления поселений Оковского леса проникла из Торошца. Прежде всего, надо полагать, дань эта распространялась на население, окружающее Жижецкое озеро. Я. В. Станкевич здесь, у дер. Залучье, открыто городище XI в., которое, очевидно, представляет собой остатки древнерусского города Жижец, платившего в 1136 г. в Смоленск 130 гривен и большое количество рыбы. Помимо этих поборов, сам город уплачивал в XII—XIII вв. епископу городскую подать «погородье» — 5 гривен и 1 лисицу.[35]

Археологические работы в районе Лучанского озера не проводились. Обилие курганных групп вокруг него и наличие лучанского волока заставляют думать, что здесь было платежеспособное население, среди которого не мог не возникнуть свой феодальный центр. В грамоте Ростислава Смоленского действительно упоминается город Лучин, плативший в Смоленск полюдье (цифра не сохранилась), мыто, доход с корчмы, три гривны урока, две «лисицы» и «осетр».[36] О Лучине упоминает и летопись, сообщая, что «Рюриковѣ же, идущу из Новагорода и Смоленска и бысть на Лучинѣ... родися оу него сын» (1173 г.).[37] На территории Смоленской земли несколько топонимов «Лучин», что вызывало различную локализацию этого пункта. Н. П. Барсов помещал его на Лучанском озере, П. В. Голубовский, а за ним А. Н. Насонов — на р. Ельше у дер. Лучаны.[38] Судя по приведенному отрывку, Лучин можно было бы приурочить к Лучину на Днепре (ныне Рогачевский район Гомельской области), где на самом деле есть остатки раннесредневекового города.[39] Однако город этот в Смоленскую землю не входит, и сообщение летописи о подарке его Рюриком своему сыну (о чем идет речь после цитированной части отрывка) невероятно. Следует обратиться к другим спискам Ипатьевской летописи, где этот текст сохранился, по-видимому, в более исправном виде. В Хлебниковском и Погодинском списках сказано, что Лучин был между Новгородом и Смоленском («Рюриковѣ же, идущу из Новагорода к Смоленску»).[40] Это меняет дело: Лучин следует искать либо на Ельше, либо у нашего Лучанского озера. Нет сомнения, что находился он у озера. Во-первых, на Ельше нет округи, с которой бы Лучин мог собирать солидную дань. Во-вторых, Лучин платил в Смоленск (единственный город!) одного осетра, а рыба эта заходила в реки только метать икру. В Смоленскую землю она могла попасть только через Ладогу, так как известно, далее Волхова она не заплывала.[41] Лучин, следовательно, должен был быть ближе всего расположен к Новгородской земле и находиться на удобном пути сообщения с Ладогой. Это и был центр на Лучанском озере, выросший в среде многочисленных древнерусских деревень этих мест. Здесь и следует искать его остатки.

Нет сомнения, что в междуречье Двины и Волги, между Волгой и Селигером у волоков были свои феодальные центры. Волок, начинавшийся у оз. Охват, выходил к юго-восточному берегу оз. Пено, как раз к тому месту, где в него впадает р. Большая Исня, именуемая, по свидетельству И. М. Красноперова, местным населением Женя.[42] Это навело его на мысль, что р. Исня Большая и есть Женя Великая, возле которой был центр с тем же названием, известный по грамоте Ростислава, но местоположение его исследователями с точностью не определено (на карте А. Н. Насонова помещен в другом месте и под вопросом). Работа И. М. Красноперова, осталась незамеченной, но его наблюдения, с нашей точки зрения, крайне важны. Важно, что Женя Великая платила в Смоленск 200 гривен, т. е. столько же, сколько соседние и находящиеся, следовательно, в тех же условиях Жабачев и Хотшин. Местоположение этих последних впервые было определено П. В. Голубовским, однако И. М. Красноперов, побывавший в 1899 г. на месте, определил, что Жабачев был не у новой дер. Жабы на оз. Сабро, а у дер. Рудино (именуемой в писцовых книгах 1624 г. Жабиной), один из концов которой носит и сейчас название Жабин. Около этой деревни у самого оз. Селигер он указал «высокий холм-курган, в настоящее время совершенно распаханный (за исключением площадки наверху)»,[43] где крестьяне находили кости, че-

[33] ПСРЛ, т. VII, с. 116.
[34] НПЛ, с. 64.
[35] ПРП, т. II, с. 41—44.
[36] Там же, с. 40—44.
[37] ПСРЛ, т. II, М., 1962, стб. 567.
[38] П. В. Голубовский. История Смоленской земли. Киев, 1895, с. 20, прим. 3.
[39] Н. П. Барсов. Очерки..., с. 25; А. Н. Насонов. «Русская земля»...

[40] А. Зьм. Каваленя. Археалогічныя разьведкі у Магілеускай, Бабруйскай і Менскай акругах. Працы археолёгічнай камісіі, т. II, Менск, 1930, с. 149—151.
[41] А. В. Куза. Рыболовство в древнем Новгороде по берестяным грамотам. Археол. сборник МГУ, М., 1961, с. 61; Л. П. Сабанеев. Жизнь и ловля пресноводных рыб. Киев, 1960, с. 558—600.
[42] И. М. Красноперов. Некоторые данные по исторической географии Смоленского и Тверского края в XII в. ЖМНП, 1901, июнь, с. 352.
[43] Там же.

репа, бусы и другие вещи. Можно полагать, что это и есть остатки городища Жабачев XII в. Пункт этот собирал дань со скопления деревень, вырвавших территорию у Оковского леса между северной оконечностью оз. Пено и южной оз. Селигера. Той же цели служил пункт Хотошин (ныне дер. Хотошина) на юго-восточном берегу оз. Волго, возле которого в 1899 г. сохранялось еще сильно подмываемое рекой городище («курган»). Хотошин контролировал суда, идущие от оз. Пено к Волге, и собирал дань с окрестных селений. В 50 км ниже Хотошина, в излучине Волги у устья ее правого притока Солодомли (ныне населенный пункт Спас-Солодомля, по-народному — Солодовля), где находятся курганы, подтверждающие его древность, есть какой-то холм над рекой, имеющий «искусственно округленный вид», по вероятному предположению И. М. Красноперова,— остатки населенного пункта, упоминаемого в грамоте Ростислава,— Солодовничи[44] (безосновательно помещенные П. В. Голубовским в Сычовском уезде),[45] платившего в Смоленск 20 гривен. Находясь почти на середине пути между Хотошином и Ржевом, он был, очевидно, остановочным местом для проезжающих по реке и эта его скромная деятельность (доход с корчмы) приносила князю всего 20 гривен дохода.

Помимо пунктов, обозначенных в грамоте Ростислава, на территории Оковского леса были, видимо, и другие феодальные центры, но доход с них поступал в Смоленск не непосредственно, а через более крупные пункты. Смоленские грамоты сообщают нам о существовании особой должности «волочский тивун» — должностном лице, собиравшем на волоках мыто с проезжающих.[46] Этим тивунам, вероятно, и принадлежали населенные пункты с названием «Княжее», «Княжее Село» и т. д. Их мы видим на карте именно на тех волоках, на которых не было городских центров, встречаемых в грамоте Ростислава: Княжее Село на волоке р. Торопа—р. Сережа, Княжое на волоке р. Межа—р. Молодой Туд, Княжево на волоке р. Днепр—р. Вазуза. Заметим, что от дер. Княжее Село в сторону г. Холм тянется длинная цепочка курганных групп, показывающая, что князю подчинялась и сухопутная дорога, идущая в этом направлении.

В заключение отметим и современные леса (по картам XIX в.), сохранившиеся в бывш. Смоленской земле и являющиеся рудиментом Оковского леса. Леса эти мы видим более всего в междуречье Западной Двины и Межи, а также в междуречье последней и верхних притоков Каспли. Возможно, что к рудиментам этим относится и лес, сохранившийся в XIX в. между р. Полой и оз. Стерж.

Таким образом, древнейший лесной массив русских летописей — Оковский (Волконский) лес занимал центральное плоскогорье Восточно-Европейской равнины и играл в жизни древней Руси огромную роль. Проникнув в глубь его территории по многочисленным рекам, славяне (из летописи мы знаем, что это были кривичи) основали здесь по меньшей мере 6 волоков, которые обеспечивали бесперебойную связь между реками Черноморского, Балтийского и Каспийского бассейнов. Южная часть Оковского леса подходила вплотную к бассейну р. Каспли, занятому, как известно, обширной областью Вержавлян Великих, платившей в Смоленск, судя по грамоте Ростислава, 1000 гривен.[47] Область эта имела свою систему водных коммуникаций и волоков и ее рассмотрение в нашу задачу сейчас не входит. Возможно, что обилие волоков в Оковском лесу послужило основанием для переосмысления его названия из Оковского в Волоковский, Влъковский или просто в Волконский, как он и стал обозначаться в более поздних источниках.[48]

[44] Там же.

[45] П. В. Голубовский. История Смоленской земли, с. 66, прим. 2.

[46] Смоленские грамоты. . ., с. 37.

[47] В. В. Седов. К исторической географии Смоленской земли. МИСО, вып. 4, Смоленск, 1961.

[48] ПСРЛ, т. VII, с. 262 и сл.

В. А. Булкин, Г. С. Лебедев

ГНЕЗДОВО И БИРКА
(К проблеме становления города)

Становление древнерусского города — одна из немногих тем славяно-русской археологии, которая вот уже десятки лет не сходит со страниц археологической и исторической литературы. Фундаментальные исследования по истории крупнейших древнерусских городов Киева и Новгорода[1] показали всю сложность этого вопроса, а также раскрыли масштабы и значе-

[1] М. К. Каргер. Древний Киев. Т. I. М.—Л., 1958; Тр. Новгор. археол. экспедиции, т. I, МИА, № 55, 1956; т. II, МИА, № 65, 1959; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956.

ние городской культуры русского средневековья.

Становление города — одно из проявлений процесса классообразования, завершающегося созданием государства. Развитие обоих взаимосвязанных явлений определяется как внутренними, так и внешними факторами. В числе последних — международная торговля Руси IX—XI вв. Советские археологи и историки полностью опровергли концепцию древнерусских городов как опорных пунктов, основанных шведами для обеспечения скандинавской «восточной торговли». Однако нельзя забывать, что расцвет международной торговли и на Руси, и в Скандинавии был следствием прогресса производительных сил и распада родовых отношений на громадной территории Восточной и Северной Европы. Русь и Скандинавия включились в единую систему международных торговых связей, и это не могло не повлиять на дальнейшее развитие общественных отношений и той, и другой стороны.

Предпосылки для развития этих отношений были заложены в предшествующий период под воздействием факторов общеевропейского характера: в VII—VIII вв. фризские торговые центры (Домбург и Дорестад) завязывают отношения с северными странами[2] и одновременно восточные купцы осваивают путь по Волге до Прикамья и Среднего Урала.[3] Однако восточная и западная ветви торговых путей сомкнулись лишь в IX в., когда в торговые связи активно включились славянские, балтские, финские и скандинавские племена. В VIII—IX вв. на магистральных путях Северной и Восточной Европы возникли поселения нового типа, служившие для реализации новых общественных функций. Начальные этапы их истории на территории Восточной Европы в письменных источниках освещены сравнительно скупо. Изучение ведется главным образом средствами археологии. В числе этих поселений — Ладога, Рюриково городище под Новгородом, и прежде всего Гнездово, характер которого до сих пор остается предметом дискуссии, несмотря на огромное количество накопленного материала.[4]

Гнездовский комплекс памятников, раскинувшийся на несколько километров вдоль днепровского берега, включает поселения, могильники и клады (см. рисунок, *а*). В западной части, при впадении р. Ольши в Днепр, находится Ольшанское городище, примыкающее к нему с севера селище и курганные группы, вытянутые цепью вдоль старицы Днепра. Центральная группа гнездовских памятников занимает высокое всхолмление, начинающееся от днепровской долины. Поселения, расположенные от днепровского берега вверх по р. Свинке вплоть до границы с курганами на площади 16 га, охвачены с севера полукольцом могильника, состоящего, по традиционной терминологии, из Центральной и Лесной групп. В устье Свинки находится большое гнездовское (Центральное) городище, окруженное со всех сторон, кроме южной, селищем. Весь этот комплекс как бы раскрывается в сторону Днепра. С селищем, по мнению А. Н. Лявданского, можно связывать находки нескольких кладов, другие обнаружены на городище. Материалы исследованных курганов, а также небольших раскопок на городищах и обследований селищ позволили еще А. Н. Лявданскому сделать вывод об их одновременности, подтвержденный последующими раскопками И. И. Ляпушкина.[5]

Хронология Гнездовского комплекса памятников разделяется на три стадии: сложения (IX—начало X в.), расцвета (X в.) и упадка (конец X—XI в.). Для каждой из них характерны свои особенные черты и своеобразная проблематика.

Занятия населения во многом определялись положением Гнездова на стыке днепро-двинских волоков и Днепра. Гнездово было тем пунктом, где начинался новый участок водного пути, требующий специальной подготовки. Здесь могли происходить встречи купцов, обмен товарами, торги и т. п. В то же время общеизвестно стратегическое значение Днепровского пути. Формирование в Гнездове военных отрядов подтверждается дружинным в своей основе характером могильника, а «военная тропа» по Днепру была хорошо известна и первым русским князьям, и норманнам. В честь жителей Гнездова, погибших в далеких и кровопролитных походах, были сооружены меморативные насыпи. Подвижность дружин, движение купцов, тяготение населения к крупному торжищу — все это предполагает колебания численности населения в Гнездове, его пульсацию.

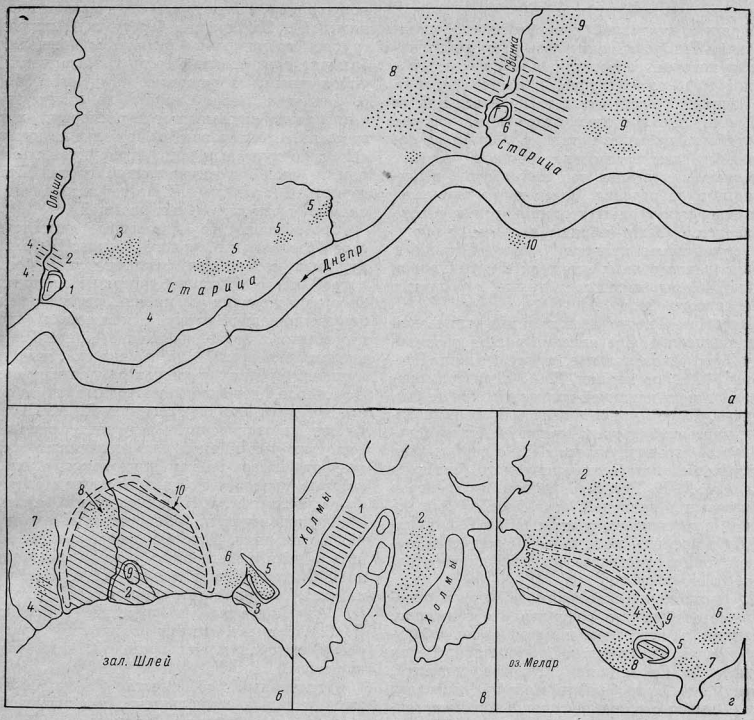
Торговые обороты в Гнездове засвидетельствованы находками кладов, состоящих из вещей скандинавского импорта, восточных монет и предметов местного происхождения. «Большие курганы» с особым выделением и всячески подчеркиванием высокого воинского звания

[2] H. Jankuhn. Haithabu. Neumünster, 1963, S. 30—33, 46.

[3] В. Ю. Лещенко. Восточные клады на Урале в IX—XIII вв. Автореф. канд. дисс. Л., 1971, с. 18—21.

[4] И. И. Ляпушкин. Гнездово и Смоленск. В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л., 1971, с. 33—37.

[5] И. И. Ляпушкин. Новое в изучении Гнездова. В кн.: Археологические открытия 1967 г. М., 1968, с. 43—44; А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Тр. Смолен. гос. музеев. Смоленск, 1924, с. 137—149.



I II III IV

Северные вики и Гнездово. Схема.

а — Гнездово: *1* — Ольшанское городище, *2* — поселение на берегах р. Ольши, *3* — Ольшанская курганная группа, *4* — одиночные курганы, *5* — курганы на старице Днепра, *6* — Большое гнездовское (Центральное) городище, *7* — Центральное гнездовское селище, *8* — Центральная курганная группа, *9* — Лесная курганная группа, *10* — курганы на левом берегу Днепра; *б* — Хедебю: *1* — поселение X—XI вв. внутри полукруглого вала, *2* — поселение IX в. внутри полукруглого вала, на берегу ручья, *3* — поселение IX в. на берегу ручья южнее «Хохбурга», *4* — фризское поселение VIII в. на берегу ручья южнее полукруглого вала, *5* — «Хохбург» (городище эпохи Великого переселения народов?), *6* — могильник южнее «Хохбурга», *7* — могильник VIII—X вв. южнее полукруглого вала, *8* — могильник IX—XI вв. внутри полукруглого вала и могильник конца IX—начала X в. с камерами, *9* — ремесленный квартал X в., *10* — полукруглый вал X в.; *в* — Ширингссаль: *1* — поселение, *2* — могильник; *г* — Бирка: *1* — «Черная Земля», *2* — курганное поле «Хемландена», *3* — грунтовый могильник на «Черной Земле» и курганы северной части «Хемландена», *4* — грунтовый могильник и курганы в южной части «Хемландена» и на «Черной Земле», *5* — «Борг», *6* — курганное поле юго-восточнее «Борга», *7* — курганное поле южнее Борга, *8* — грунтовый могильник севернее Борга, *9* — вал; *I* — могильники; *II* — поселения; *III* — городища; *IV* — валы.

погребенного обязательно содержат предметы торгового инвентаря, а также вещи явно привозные.

Наряду с торговлей и военными походами население Гнездова занималось ремеслом. Участок, на котором располагались мастерские, находился на берегу Днепра, в месте впадения р. Свинки. Раскопками, произведенными И. И. Ляпушкиным, здесь открыты мастерские по обработке цветных металлов.[6] Одним из показателей высокоразвитого ремесла служат найденные в курганах так называемые вещи-гибриды, т. е. изделия, сочетающие элементы различных культурных традиций ремесленного производства. Вещи-гибриды являются частичным отражением процесса взаимодействия и нивелирования разных этнических группировок в Гнездове, выразившегося также в развитии погребального обряда.

Население Гнездова отличается этнической неоднородностью. Это явление нельзя рассматривать как узколокальное, присущее лишь Гнездову. К X в., по мнению Е. А. Шмидта, «процесс этногенеза кривичей полностью еще не был закончен. Главным компонентом в формировании гнездовской группы кривичей была большая масса продвинувшихся на север славян, и остатки местного ассимилируемого балтского населения».[7] В Гнездове, одном из центров формирования кривичей, этот процесс был осложнен присутствием выходцев из Скандинавии. Этот элемент, хотя и не сыграл здесь заметной роли в этногенезе, но, по-видимому, повлиял на его характер.

Сложные этнические взаимодействия и определенные особенности социальной организации отразились в известном динамизме погребальных обрядов Гнездовского могильника. Район Гнездова на Смоленщине является, пожалуй, первым, где погребальный обряд позволяет сделать вывод о наличии социального неравенства. В могильниках предшествующего времени на Смоленщине нет признаков имущественной или социальной дифференциации.[8] Здесь же Д. А. Авдусин выделил три группы населения: предводители дружин, рядовые дружинники и ополченцы.[9]

Курганы Гнездова различаются как по характеру погребений, так и по форме насыпей. По обоим берегам р. Свинки преобладают курганы обычной круглой формы (большей частью полушарные, с некоторым количеством плоских насыпей). На правом берегу в Центральной группе громадными размерами выделяются большие гнездовские курганы с плоскими или уплощенными вершинами. На левом берегу р. Свинки в Лесной группе не отмечены насыпи, резко выделяющиеся размерами, хотя и здесь известны сравнительно большие курганы. «Плоские курганы» концентрируются в основном в южной и юго-западной частях Лесной группы. В этой же группе зафиксировано несколько четырехугольных насыпей.

Своеобразию форм насыпей соответствует своеобразие погребального обряда. В больших курганах содержатся исключительно богатые погребения с оружием, торговым инвентарем, наборами женских украшений, разнообразными жертвоприношениями, а в некоторых случаях погребения в ладье, зафиксированные большим числом заклепок. То же можно сказать о ряде курганов средних размеров с плоским верхом. Остальные, довольно однородные по обряду, все же дают, по определению Е. А. Шмидта, некоторые отклонения. Среди них, кроме перевернутых урн и ямок для сожженных костей, следует указать на каменные конструкции, известные, правда, в небольшом числе в основном по раскопкам М. Ф. Кусцинского и В. И. Сизова.

Трупоположения, обнаруженные на окраинах могильника, было бы преждевременно ставить в непосредственную связь с христианизацией Смоленщины в начале XI в. Некоторые из них, например в кургане 95 раскопок Д. А. Авдусина, в кургане 1 раскопок И. С. Абрамова, имеют восточную ориентировку, которая может восходить к языческим курганам.

Отмеченные особенности обряда объясняются не только социальными, но и этническими различиями населения Гнездова.

На рубеже X и XI вв. или в первой половине XI в. происходит спад активного функционирования Гнездовского комплекса. Неясными остаются его причины и характер. Жизнь в Гнездове продолжалась и после его расцвета и упадка: об этом свидетельствуют находки на территории центрального селища. В XV в. Гнездово упоминается уже как село, принадлежащее Смоленску.

Нерешенным остается вопрос об отношении Гнездовского комплекса памятников к древнему Смоленску. Раскопки И. И. Ляпушкина в Гнездове показали несостоятельность гипотезы Бугославского—Авдусина, согласно которой Гнездовский могильник являлся кладбищем древнего Смоленска. Но и точка зрения А. А. Спицына на Гнездово как первоначальное

---

[6] И. И. Ляпушкин. Гнездово и Смоленск, с. 36.

[7] Е. А. Шмидт. Об этническом составе населения Гнездова. СА, 1970, № 3, с. 104—108.

[8] Е. А. Шмидт. Археологические памятники периода возникновения города Смоленска. В кн.: Смоленск. Материалы юбилейной научной конференции. Смоленск, 1967, с. 51.

[9] Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках Гнездовских курганов в 1949 г. МИСО, вып. 1, 1952, с. 323.

место Смоленска нуждается в доказательствах.[10] Во всяком случае можно утверждать, что с IX до начала XI в. на Верхнем Днепре в районе Гнездова существовало крупное поселение, в рамках которого в период его расцвета осуществлялись не только торговые связи, ремесленное производство, но и шло развитие общественных, а в какой-то мере и этнических процессов. Это поселение значительно отличается от исследованных древнерусских городов X—XI вв. и по планировке, и по времени существования, а в известной мере и по формам социальной организации.

Отмечая специфику Гнездова, следует учитывать, что в условиях формирования и функционирования системы европейских торговых связей поселения, выполнявшие некоторые из свойственных Гнездову функций, возникли в разных местах Восточной, Северной и Западной Европы. Общая типология этих торговых центров (Handelsplätze) раннего средневековья («эпохи викингов» на Севере) разрабатывается Г. Янкуном.[11] Появление такого рода поселений обусловлено в первую очередь своеобразием торговли IX—XI вв., охватывавшей сравнительно широкие слои населения. В то же время она была сезонным, временным для большинства участников занятием, неразрывно связанным с грабительскими походами (походы викингов в Скандинавии) и постоянным поступлением в обращение военной добычи. Первоначально временные торговые центры возникали там, где зарождающаяся торговля не могла найти административных, политических или военных центров, обеспечивающих безопасность «гостей», на бойких перекрестках торговых путей, нередко на стыке регионов нескольких племен и народов, на реке или берегу фьорда, но непременно на некотором удалении от моря. Корабельные стоянки с небольшим числом обслуживающих их жителей быстро превратились в обширные, многолюдные поселения. Однако от средневековых городов эти торговые центры отличает ряд особенностей: 1) колеблющийся в зависимости от торгового сезона состав населения; 2) временные формы социальной связи «торговых людей»; 3) отсутствие, по крайней мере на ранних этапах развития, укреплений; 4) при господстве языческих поселения окружены большими могильниками с разнообразными вариантами обряда; 5) период функционирования ограничен IX — началом XI в., во второй половине X в. начинается упадок, а к середине XI в. торговые центры исчезают, сменяясь средневековыми городами.

Источники IX в. называют эти центры в Северной Европе «виками» (vicus — лат. — в значении «залив», «порт», то же wik, Wike — герм.).[12] Эта форма поселений не была скандинавским изобретением: норманны получили ее в готовом виде, познакомившись с фризскими виками — Домбургом на о. Вальхерен, Дорестадом в устье Рейна и другими, возникшими еще в VII столетии. Первый центр такого рода в Скандинавии — Хедебю — зародился в конце VII или начале VIII в. как фризский торгово-ремесленный поселок. В первой половине IX в. его сменили скандинавские поселения; одно из них быстро расширилось. С середины IX в. в Хедебю начинается чеканка собственной монеты. В X в. площадь поселения занимает 24 га; выделяется особый ремесленный квартал, окраины поселения заняты могильниками, частью уже застроенными. Наконец, вик был окружен мощным валом (см. рисунок, *б*).

Затем заметную роль в развитии северной торговли IX—X вв. сыграл Ширингссаль в Норвегии, остававшийся до конца «эпохи викингов» небольшим неукрепленным поселением на берегу фьорда; могильник с разнообразными по обряду погребениями находился на противоположном берегу (см. рисунок, *в*).

Скандинавский вик, наиболее тесным образом связанный с восточно-славянскими землями, — Бирка в Швеции на о. Бьорко (озеро Мелар) — возник в конце VIII—начале IX в. как открытое поселение под защитой городища (Borg) между двумя бухтами. Одна из них носит фризское название Kugghamn; по-видимому, как и в Хедебю, фризы первыми избрали это место для стоянки торговых судов (kugg — корабль, hamn — гавань).

Открытое поселение (Svarta jorden — «Черная Земля») занимало площадь в 12 га. В X в. оно было обнесено земляным валом. За пределами поселения на обширном поле (Hemlanden) возник курганный могильник с погребениями по способу сожжения. Другой могильник такого же рода располагался на полях южнее и юго-восточнее Борга. Севернее Борга, на территории поселения, возле и в насыпи вала и в примыкающих к этим районам северной и южной части Хемландена Я. Стольпе открыты грунтовые могильники с трупоположениями в ямах и камерах (см. рисунок, *г*).

Хронология Бирки охватывает IX и три четверти X в. Арбман считал, что после 975 г. в могильнике Бирки захоронения не совершали

[10] И. И. Ляпушкин. Гнездово и Смоленск, с. 37.

[11] H. Jankuhn. Typen und Funktionen vor- und frühwikingerseitlicher Handelsplätze im Ostseegebiet. Wien, 1971.

[12] Rimbertus. Vita Anskarii. Rec. G. Waitz. Hannoverae, 1884, kap. 16, 19; H. Jankuhn. 1) Typen..., S. 30; 2) Haithabu, S. 30.

лись,[13] кладбища XI—XV вв. в стороне от основного некрополя связаны со средневековыми сельскими поселениями на о. Бьорко.

Занятия населения можно определить главным образом по данным могильника; впрочем, на поселении зафиксированы следы ремесленной деятельности. Письменные источники делят жителей Бирки на знатных (nobili), купцов (negotiatores) и чернь (populi). Из них в IX в. вторая группа как будто преобладала. Очевидно, как и в Хедебю, ремесло становится занятием местных жителей несколько позднее, чем торговля (в Хедебю — с X в.). Размах торговых связей документирован обилием западных и восточных импортов в могилах Бирки. Часто встречающиеся в дружинных и даже женских погребениях гирьки для взвешивания серебра — свидетельство повседневности торговых сделок, купли и продажи. Есть сведения о частной собственности на землю в Бирке IX в. Постоянные и временные жители вика в случае нужды сходились на тинг, могли собрать ополчение. Городом, подвластным конунгу, управлял викраф (präfectus vici, comes), может быть, опиравшийся не только на тинг, но и на небольшую, подчиненную конунгу дружину.

Состав населения в какой-то мере отразился в соотношении различных типов обряда в могильнике Бирки.[14] Раннее ядро некрополя (Хемланден) состоит из небольших курганов с урновыми сожжениями, традиционными для Средней Швеции. Уже в IX в. севернее Борга возник могильник с трупоположениями в ямах и деревянных камерах. Те и другие связаны с началом христианизации Бирки (миссия Ансгара «Копье господне» в 830 г.). На земле, подаренной конунгом, вероятно в Борге, была основана первая церковь. Камерные могилы (богатые женские захоронения с наборами украшений и мужские с оружием), очевидно, принадлежали дружинникам-христианам (nobili) и их женам. Среди ямных могил могут быть погребения как крещеных шведов, так и выходцев из других стран.

На полях южнее и юго-восточнее Борга большинство погребений составляют сожжения в ладье, окруженные курганами с безынвентарными захоронениями. Специфический для «эпохи викингов» в Средней Швеции обряд, замкнутый характер кладбищ, противопоставленных городскому некрополю, наводят на мысль о принадлежности этих кладбищ дружинам викингов, в IX—X вв., безусловно, представлявшим собой особую, переходную форму социальной организации.

В X в. в Бирке распространился обычай ингумации. Традиционные урновые сожжения вытесняются безурновыми, богатыми или бедными. На окраине Хемландена и в пределах Черной Земли возникли новые кладбища. Здесь, вокруг высоких курганов с богатыми камерными могилами (парные погребения, с захоронением коня, оружием, парадной посудой) группируются небольшие насыпи и грунтовые могилы с различными вариантами обряда.

Новые типы обряда и группировка могил отразили социальную эволюцию вика. Наряду с викингами IX в. в X столетии выделился высший дружинный слой, хоронивший своих мертвых в камерных могилах. Королевская дружина в Скандинавии стала основой формирующегося господствующего класса. Кризис язычества, распространение христианства (новые кладбища возникли, вероятно, во второй половине IX в. возле основанных Ансгаром двух церквей на поселении) — также следствие социальной дифференциации.

Этнический состав не отразился в материалах Бирки столь же глубоко. При вероятной его сложности распространение нейтрального обычая ингумации затрудняет выделение нешведских погребений.

Историческое значение «вика на Мелар» заключается в том, что, как и другие поселения такого рода в Скандинавии, он явился аккумулятором новых общественных отношений. Первоначально недифференцированные социальные функции достигли здесь наивысшего развития. В рамках торгового центра выделяется ремесло, к началу упадка вика происходит юридическое оформление новых отношений (с Биркой связывают создание Björköaret, торгового права средневековой Скандинавии), выделяется господствующий класс (королевская дружина), наконец, происходит идеологическое освящение нового порядка с распространением христианства. Не случайно деятельность бременских миссионеров IX в. связана с Биркой и Хедебю.

Выделяя Бирку и Хедебю с их четкой топографической структурой среди прочих торговых центров, Г. Янкун скептически относится к возможности обнаружения им параллелей в западноевропейских и западнославянских материалах.[15] Такое отношение в ряде случаев оправдано трудностями археологического изучения многих торговых центров: так, например, порт раннесредневекового Волина, крупнейшего из этих центров в Поморье, оказался на

[13] H. Arbman. Birka. T. I. Text, Einleitung. Uppsala, 1940—1943. S. I—XV.

[14] Г. С. Лебедев. 1) Разновидности обряда трупосожжения в могильнике Бирка. В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 180—190; 2) Камерные могилы Бирки. Тез. докл. V Всесоюз. конф. по изучению скандинавских стран и Финляндии. М., 1971, с. 11—13.

[15] H. Jankuhn. Typen..., S. 26.

территории современного плотно застроенного города. Детализация его планировки, как будто сходной с планировкой северных виков, затруднена.[16]

В этом отношении Гнездовский комплекс памятников предоставляет новые возможности для сравнения с материалами других торговых центров IX—XI вв. Сопоставление Гнездова с Биркой выявляет ряд важных сходных черт этих памятников.

Сходство заключается: 1) в их положении на перекрестках торговых путей, в сравнительно безопасном месте (Центральный гнездовский комплекс находится на некотором удалении от волоков), под защитой укреплений, значительно меньших, чем основные поселения. Площадь последних отличается большими размерами (Бирка — 12, Гнездово — не менее 16 га), они не имеют укреплений. Поселения окружены большими курганными могильниками с различными вариантами погребального обряда; 2) в хронологической близости этих поселений; они начинают функционировать в IX в., достигают расцвета в X и приходят в упадок в конце X—началу XI в.; 3) в занятиях населения торговлей и ремеслом, в участии в военных походах; 4) среди населения наряду с этнической неоднородностью отмечены резкие социальные различия, возникшие во время существования поселения. И в Гнездове, и в Бирке выделяется дружинный слой, подчиняющий себе остальное население. Следует отметить, что в Гнездове представлены некоторые разновидности обряда сожжения, известные в Бирке (в частности, сожжения в ладье).

Для обоих центров, по-видимому, необходимо предположить колеблющийся состав населения, его пульсацию, а следовательно, преимущественно временный характер возникающих объединений. Наряду со сходными чертами существуют и значительные отличия Гнездова: оно расположено в глубине восточноевропейской равнины; его топографическая структура сложнее, нежели северных виков, что может объясняться особыми, неизвестными в Скандинавии, этапами развития этого центра. Гнездовское поселение так и не получило постоянных укреплений. Христианство здесь, вероятно, не стало широко распространенной религией.

Наконец, важнейшее отличие Гнездова заключается в том, что оно явилось одним из центров мощного процесса консолидации восточных славян, ассимиляции остатков балтского населения и формирования большого этнического массива — древнерусских кривичей. Следы этого процесса есть в материалах и могильника, и поселения. Социальные процессы здесь неразрывно связаны с этническими.

Эти отличия позволяют в известной мере определить историческое место Гнездова. Нет никаких оснований считать его «норманнской факторией»:[17] присутствие здесь, как и в Ладоге, норманнов объясняется тем, что перед нами интернациональная по сути форма организации международной торговли, притягивающая в первую очередь те элементы, которые были жизненно заинтересованы в ее развитии — независимо от их этнической принадлежности. Питательная среда этих поселений — местное население, обеспечивающее непрерывное в течение двух столетий их развитие. В то же время, в силу самой ограниченности международной торговли на этом этапе, она не могла развиваться за счет исключительно местных, внутренних ресурсов. Участие заморских гостей — такое же непреложное условие существования Гнездова в качестве торгового центра, как и Бирки, и Хедебю.

Население Гнездова IX—X вв. создало специфическую для своего времени культуру. В рамках ее происходит процесс нивелирования и объединения разнородных, нередко различных по происхождению, элементов. Пришельцы, оседавшие в Гнездове, с одной стороны, приспосабливались к воздействию среды, а с другой — становились одним из ее компонентов, передавая формирующейся культуре отдельные новые своеобразные черты,[18] которые в начале XI в. с появлением собственно древнерусской курганной культуры уже не прослеживаются.

Сложение раннеклассовой структуры в Гнездове в отличие от северных виков[19] не приняло столь развитых и отчетливых форм, как например в Киеве, где достигли наивысшего выражения те общественные явления, на которых оборвалось развитие Бирки (князь, дружина, христианская церковь). Гнездово — место и форма вызревания лишь некоторых общественных функций древнерусского города. На Руси эти функции окончательно закрепились за другими (прежде всего племенными) центрами, в большей мере зависевшими от развития внутренних, восточноевропейских процессов, и в меньшей — от далеких международных связей.

[16] W. Filipowiak. Port wczesnośredniowiecznego Wolina. Materialy zachodniopomorskie. T. II. Szczecin, 1956, s. 183—210.

[17] D. Avdusin. Smolensk and the Varangians according to the Archaeological Data. Norwegian Archaeological Review, vol. 2, 1969, p. 52—62; обсуждение статьи в Norw. Arch. Review, vol. 3, 1970.

[18] D. M. Wilson. East and West: a comparison of Viking settlement. In: Varangian problems. Scando—Slavica, supplementum 1, Copenhagen, 1970, p. 114.

[19] Во время обсуждения доклада по этой теме 7 апреля 1970 г. (см.: КСИА, вып. 129, 1972, с. 114) П. Н. Третьяковым была высказана интересная мысль, что восточноевропейским аналогом «вику» могут служить «станы», известные на Северо-Востоке Руси.

Л. А. Голубева

ГРАФФИТИ И ЗНАКИ ПРЯСЛИЦ ИЗ БЕЛООЗЕРА

Шиферные пряслица с надписями известны из раскопок многих древнерусских городов — Киева, Вышгорода, Любеча, Гродно, Старой Рязани, Теребовля, Друцка, Пинска, Новгорода, Витебска. Уже сейчас эти надписи являются самостоятельным разделом русской эпиграфики.[1]

Пряслице с надписью «Намале» (рис. 1) найдено нами в 1959 г. в Белоозере в горизонте первой половины XII в.[2] Это пряслице

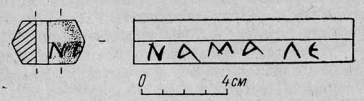


Рис. 1. Пряслице с надписью «Намале».

битрапецеидальное, выточено из темно-розового овручского шифера. Диаметр его по ребру — 2 см, внутреннего канала — 0.7 см. Надпись из шести букв нанесена в один ряд на нижнюю часть боковой поверхности. Широкие и крупные буквы вырезаны четко и хорошо читаются. По характеру начертания букв надпись выполнена уставом XI—XII вв. По содержанию она может представлять собой женское имя Намала в дательном падеже. Такое чтение предложила А. А. Медынцева.

Оно соответствует надписям «невесточь», «Ирини», «Степаниди», обозначающим принадлежность пряслица. Подобные надписи составляют наиболее многочисленную группу.

Среди древнерусских шиферных пряслиц известны также экземпляры, где вырезаны буквы алфавита,[3] инициалы,[4] нечитаемая надпись[5] или буквоподобные знаки в сочетании с различными насечками, которые образуют своеобразный орнаментальный пояс на боковой поверхности.[6] Есть пряслица со стилизованными изображениями животных и человеческой фигуры.[7] Б. А. Рыбаков указал на различные метки в виде креста, решетки, круга с крестом, треугольника и др., являющиеся, очевидно, знаками собственности, своеобразными тамгами.[8] Он полагает, что знаки последней группы характерны для деревенских владелиц, а горожанки метили свои пряслица надписями, инициалами, изредка рисунками.

Пряслица с отдельными буквами и особенно со знаками встречаются при раскопках несравненно чаще, чем с надписями. Однако если новая находка с надписью рано или поздно публикуется в археологических изданиях, то о пряслицах со знаками в печати сообщалось мало. Даже по Новгороду и Киеву, где найдены сотни пряслиц со знаками разного рода, в том числе и буквенными, отсутствуют сводки находок.

На примере Белоозера видно, что в древнерусском городе шиферные пряслица с граффити составляют меньшую часть. Более $^3/_4$ находок помечены различного рода небуквенными знаками.

При раскопках Белоозера найдено 667 пряслиц из овручского шифера. Древнейшие восходят к первой половине X в. (2 экз.). В горизонте конца X—XI в. найдено 176 экз., в слоях XII в. — 219 экз., затем количество находок уменьшается. 86 пряслиц отмечены различными знаками, которые можно разделить на три группы: I — геометрические, II — крестовидные, III — буквенные. Распределение пряслиц со знаками по горизонтам культурного слоя Белоозера следующее:

Группа пряслиц	Вторая половина X—начало XI в.	XI в.	XII в.	XIII в.	Итого
Геометрическая . . .	1	3	19	8	31
Крестовидная	2	5	26	6	39
Буквенная	—	3	5	8	16

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, с. 196—201; Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954, с. 17; В. Л. Янин. К чтению надписи на пряслице из Гродно. СА, 1958, № 1, с. 243—245; Л. В. Алексеев. 1) Три пряслица с надписями из Белоруссии. КСИИМК, вып. 57, 1955, с. 129—142; 2) Еще три шиферных пряслица с надписями. СА, 1959, № 2, с. 242—245; Б. А. Рыбаков. Раскопки в Любече в 1957 г. КСИИМК, вып. 79, 1960; П. Ф. Лысенко. Шиферное пряслице с надписью из Пинска. СА, 1966, № 3, с. 248—251; А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М., 1952; Б. А. Рыбаков. Русская эпиграфика X—XIV вв. В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963.

[2] № 899.

[3] Б. А. Рыбаков. Раскопки в Любече ..., рис. 14, *1*.

[4] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, с. 196.

[5] Д. А. Авдусин. Смоленская экспедиция. В кн.: Археологические открытия 1969 г. М., 1970, с. 69.

[6] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, рис. 39, *5*.

[7] П. П. Толочко, С. Р. Килиевич. Раскопки на Старокиевской горе. В кн.: Археологические открытия 1966 г. М., 1967, рис. на с. 247.

[8] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, рис. 38.

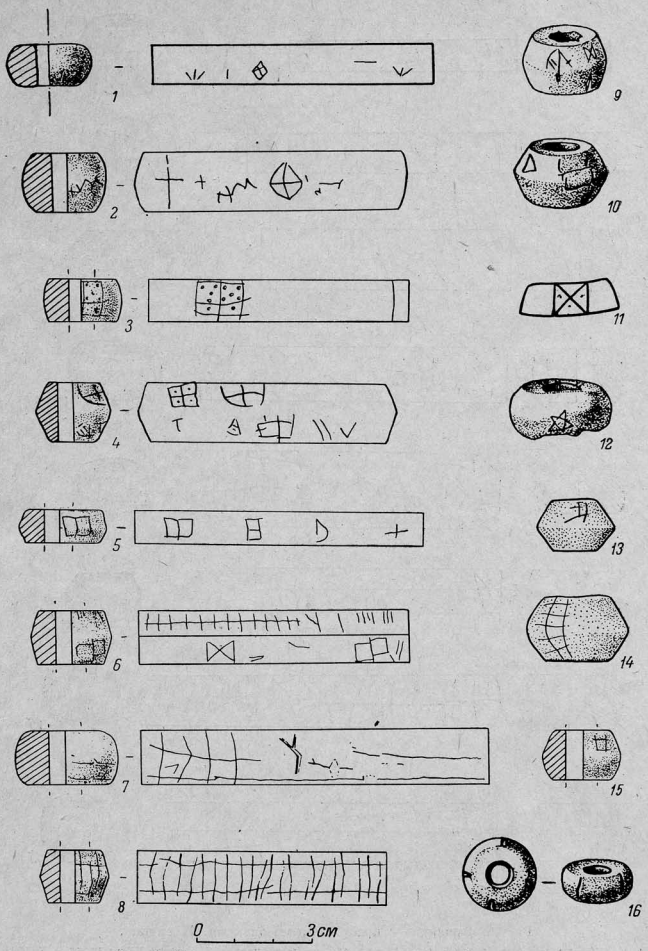


Рис. 2. Пряслица с геометрическими знаками. I группа.

1, 2, 4, 7, 8, 11, 12 — XII в.; *3, 9, 10, 15* — XIII в.; *5, 6, 13* — XI в.; *14* — X — начало XI в.; *16* — в выбросе.

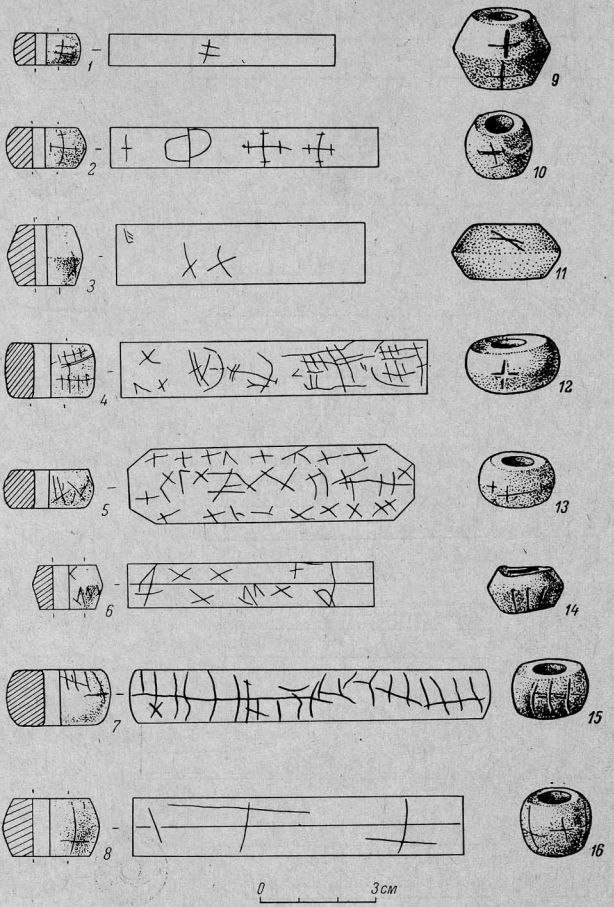


Рис. 3. Пряслица с крестовидными знаками. II группа.

1, 2 — XI в.; *3, 4, 5, 6, 8—10, 12—14* — XII в.; *7, 11*— вторая половина X—начало XI в.; *15, 16* — XIII в.

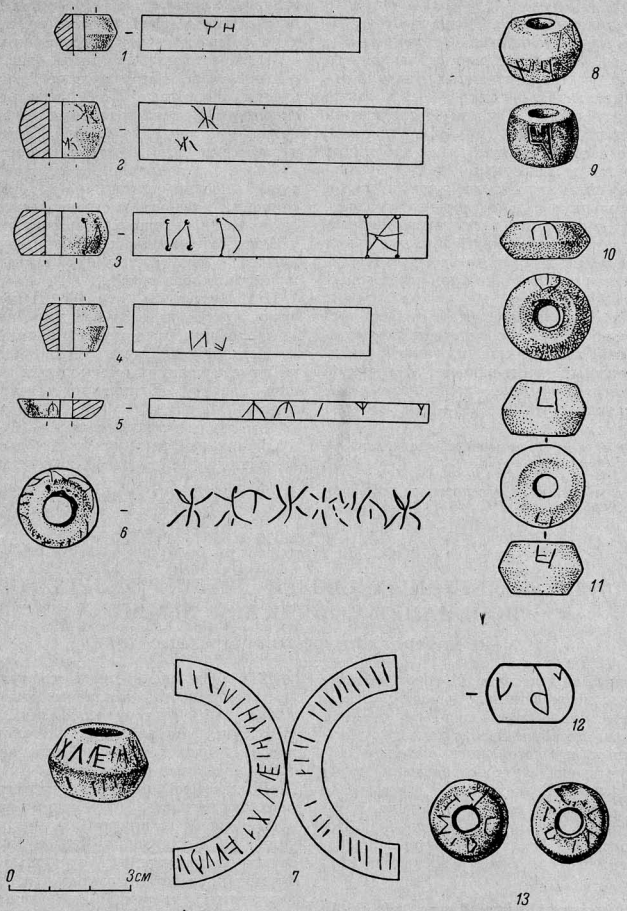


Рис. 4. Пряслица с буквенными знаками. III группа.
1—4, 7 — XII в.; *5, 11, 12* — XI в.; *6, 8—10, 13* — XIII в.

Мы воспроизводим знаки на 46 пряслицах; остальные 40 представляют собой повторение публикуемых.

I. Геометрические (рис. 2) знаки представлены в виде прямоугольников (8), ромбов (2), треугольников (3), пятиугольника, наклонных, вертикальных и горизонтальных, параллельных и пересекающихся линий (10), а также точечных углублений (2) или беспорядочно расположенных нарезок (4). Как правило, на пряслице изображен один какой-либо знак, но встречаются и сдвоенные (два треугольника, обращенные вершинами друг к другу, два прямоугольника с одной общей стороной). Наблюдается и сочетание различных геометрических фигур. Иногда круг, прямоугольник или ромб разделены двумя крестовидными линиями на четыре поля, в каждом из которых помещено от 1 до 5 точек.

Многие из этих знаков (круг, крест, треугольник, ромб) известны в качестве древних символов огня, солнца, жизни, земли.[9] Квадрат, пересеченный крест-накрест, с точками, служил идеограммой поля, засеянного семенами.[10] Возможно, что в XII—XIII вв. эти знаки уже утратили прямое магическое значение, но их «благожелательный» и «охранительный» смысл не был забыт. Отметины на пряслицах служили в то же время и знаками собственности, своего рода тамгами.

II. Крестовидные знаки (рис. 3) также разнообразны. Это прямые равноконечные кресты; одиночные (7), сдвоенные (4), строенные (6); встречено изображение косого креста (4), свастикообразного знака (2), двенадцатиконечного креста (1), многочисленных крестов в комбинации с горизонтальными и вертикальными линиями (15). Кресты, несомненно, имели апотропеическое значение. Увеличение их числа, очевидно, должно было усилить охранительное значение знака. Не исключен и орнаментальный и тамгообразный характер изображений.

III. Буквенные (рис. 4). Буквы вырезаны четко, крупно, особенно если это одна или две, не сопровождаемые другими знаками.

Помимо отдельных букв и монограмм, на двух пряслицах имеются резы, напоминающие надписи. Единственная читаемая надпись — «Намале».

Вместе с находками писáл (2 экз.) буквы и надпись на пряслицах свидетельствуют о несомненной грамотности белозерцев.

[9] А. К. Амброз. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками»). СА, 1965, № 3, с. 14, рис. 2.

[10] Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология земледельцев энеолита. СА, 1965, № 1, рис. 7, *8*.

Ф. Д. Гуревич

К ИСТОРИИ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ ПОНЕМАНЬЯ С КИЕВСКОЙ ЗЕМЛЕЙ

(По материалам ювелирного ремесла)

В ремесленной деятельности городов Понеманья важное место занимало ювелирное дело, особенно интенсивно развивавшееся начиная с XII в. Бронзолитейное дело и холодная обработка цветных и благородных металлов хорошо представлены археологическими материалами Гродно, Волковыска, Новогрудка и Слонима.[1] Специфика ювелирного дела, которую нам удалось отметить на материалах Новогрудка, позволила поставить вопрос о зарождении в этом городе своей ремесленной корпорации.[2]

В настоящей работе рассматривается еще одна особенность ювелирного ремесла в Понеманье: часть златокузнецов этой территории находилась под влиянием киевских ювелиров, которые, как известно, были непревзойденными мастерами своего дела.

Воздействие киевского художественного ремесла на ремесло Неманской земли отметил в свое время на материалах гродненского детинца Н. Н. Воронин. Он опубликовал тщательно изготовленные каменные разъемные формочки, предназначенные для отливки ложнозерненых украшений (звездчатых подвесок, бус и трехбусинных серег). На одной из них процарапан «знак Рюриковичей». Н. Н. Воронин справедливо усматривал в этих формочках разновидность изобретенного киевскими ювелирами инструментария, служившего для воспроизведения богатых нелитых украшений.[3]

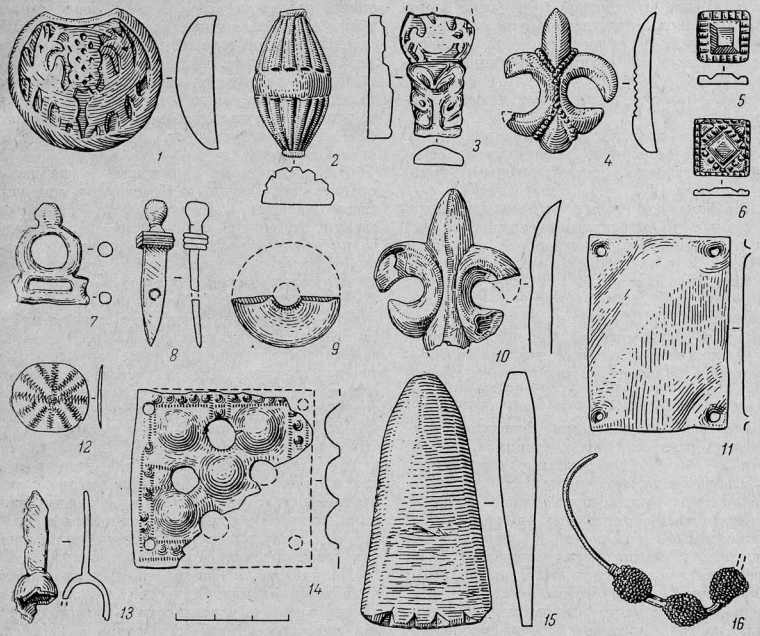
[1] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954, с. 42, 44, 69—71; Я. Г. Зверуго. Древний Волковыск. Автореф. канд. дисс. Минск, 1971, с. 9—10; Ф. Д. Гуревич. Ювелиры древнего Новогрудка. КСИА, вып. 110, 1967, с. 14—20; Г. И. Нех. Раскопки древнего Слонима. В кн.: Древности Белоруссии. Минск, 1966, с. 278.

[2] Ф. Д. Гуревич. Ремесленная корпорация древнерусского города по археологическим данным. КСИА, вып. 129, 1972, с. 31—36.

[3] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно, с. 71.

Формочки данного типа были названы Б. А. Рыбаковым «имитационными» и под этим наименованием прочно вошли в литературу.[4] Среди найденных украшений известны оловянный ложнозерненый наруч и звездчатая

ских ювелиров в Новогрудке. В 1970 и 1971 гг. на территории детинца открыты остатки ювелирной мастерской, которую можно датировать не ранее чем серединой XII в. Деятельность работавшего там ремесленника была весьма



Ювелирные изделия Новогрудка.

1—6 — матрицы; *7*, *8* — книжные застежки; *9* — бусина; *10* — подвеска; *11*, *12*, *14* — пластины; *13* — бракованное изделие; *15* — орудие; *16* — височное кольцо. Материал: *1—8*, *11—15* — медь и бронза; *9* — горный хрусталь; *10—16* — серебро.

подвеска из Гродно, а также оловянный ложнозерненый наруч из Слонима.[5] Таким образом, проникновение имитационных формочек в Понеманье приобщает ювелиров этой земли к техническим новшествам, возникшим в среде киевских златокузнецов.

В иной форме проявляется влияние киевмногообразной. Об изготовлении им литых изделий свидетельствуют многочисленные отходы бронзы, бракованные вещи (см. рисунок, *13*) и готовая продукция, из которой весьма интересны 8 книжных застежек (*7*, *8*). Часть вещей исполнена приемами тиснения. По-видимому, орудием служила подтреугольная поделка со следами сильной сработанности (*15*). Две медные квадратные матрицы с рубчатым орнаментом (*5*, *6*) использовались для тиснения бляшек — составной части головного убора. С одной из этих матриц (*6*), вероятно, оттиснуты 13 серебряных с позолотой бляшек, найденных на черепе женского погребения

[4] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, с. 270—274; Г. Ф. Корзухина. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. СА, т. XIV, 1950, с. 247—235; М. К. Каргер. Древний Киев. Т. I. М.— Л., 1958, с. 384—387.

[5] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно, с. 71; Г. И. Пех. Раскопки древнего Слонима, с. 276.

в окольном городе Новогрудка.[6] К продукции ювелира относятся разнообразные тисненые пластины, часть их украшена гравировкой (*12*, *14*).

Ювелир, работавший на детинце, занимался не только обработкой цветных и благородных металлов, а выделывал бусы из горного хрусталя. Среди находок встречены осколки этого минерала, а также единичные бусины (*9*).

Особое внимание привлекают четыре медные матрицы.

1. Матрица для колтов диаметром 4 см. На выпуклой стороне ее вырезаны два сопоставленных грифона, между которыми помещена плетенка (*1*).

2. Матрица для полых овальных реберчатых бусин с уплощенным пояском в средней части и карнизиками у отверстий. Длина ее 4 см (*2*).

3. Матрица длиной 3.8 см для подвесок, имеющих форму лилии (крин) с рубчатым орнаментом (*4*). В распоряжении ювелира имелась еще одна матрица для подвесок этого типа. Среди готовых изделий найдена серебряная подвеска большого размера (длина 4.5 см), которая была оттиснута с гладкой матрицы (*10*).

4. Обломок матрицы для фигурных пластинчатых браслетов, завершающихся головой животного (бык?). На пластине сохранилась часть изображения животного (*3*).[7]

Аналогичные матрицы, а также украшения, оттиснутые с описанных матриц, имеют многочисленные параллели в южнорусских древностях. Известно, что тисненые колты с изображением плетенки были серебряными и покрывались чернью.[8] Композиция из грифонов и плетенки часто встречается на южнорусских колтах. Довольно близок изображениям на новогрудской матрице орнамент колта из Тереховского клада бывш. Орловской губернии.[9] Полнейшее сходство с матрицей для подвески-крина представляет находка, опубликованная Б. А. Рыбаковым.[10] Ожерелья из серебряных и позолоченных овальных полых бусин в сочетании с подвесками в форме лилии неоднократно встречались в Киеве, в частности в кладах Михайловского Златоверхого монастыря и вблизи Трехсвятительской церкви.[11]

Что касается изделий, тисненных с матрицы для браслета, то, согласно указанию Г. Ф. Корзухиной, они известны среди украшений древнерусского Юга. Со своей стороны укажем на пластинчатый фигурный браслет, завершающийся головой животного. Этот браслет был найден в земле вятичей.[12]

Среди продукции ювелира новогрудского детинца обнаружено серебряное височное кольцо с напускными зерненными бусинами (*16*). Его тоже следует отнести к изделиям киевского типа.

Археологические материалы, найденные на детинцах Гродно и Новогрудка, являются, таким образом, неоспоримыми доказательствами того, что княжеские ремесленники чутко воспринимали формы украшений и технические усовершенствования, которые исходили от их киевских собратьев по ремеслу.

У Понеманья с Киевской землей были давние культурные связи. Они становятся особенно активными начиная с XII в. В это время заметно увеличивается ввоз овручских шиферных пряслиц. Киев поставляет горожанам Понеманья бо́льшую часть стеклянных браслетов. По материалам Волковыска установлено, что 75% стеклянных браслетов этого города было изготовлено в Киеве.[13] Киев являлся центром, где производились стеклянные изделия и оконное стекло, а также разнообразные предметы христианского культа (кресты-тельники, покрытые эмалью, энколпионы и др.).[14] Все эти вещи часто встречаются при раскопках древнерусских городов Понеманья.

По данным летописи, гродненские князья принимали активное участие в политической жизни Киева и, в частности, в военных походах киевских князей на Полоцк[15] (1128 г.), Литву (1132 г.), Галич (1144 г.) и на половцев (1132 и 1144 гг.). В 1150—1151 гг. гродненский князь Борис поддерживает Изяслава Мстиславовича в борьбе за Киев. Киевские и гродненские княжеские семьи роднятся по-

[6] К. В. Павлова. Могильник на территории окольного города Новогрудка. КСИА, вып. 110, 1967, с. 38, рис. 10.

[7] Определением данной матрицы автор обязан Г. Ф. Корзухиной.

[8] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, с. 310.

[9] А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси. М., 1936, табл. XIV, *3*.

[10] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, рис. 81.

[11] М. К. Каргер. Древний Киев, табл. XIV; Г. Ф. Корзухина. Древнерусские клады. Л., 1954, с. 113, табл. XXXV, *3*.

[12] Т. Н. Никольская. Кузнецы железу, меди и серебру от вятич. В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, рис. 2,7.

[13] Ю. Л. Шапова. Стеклянные браслеты Волковыска. Тез. докл. к конф. по археол. Белоруссии, Минск, 1969, с. 169.

[14] В. А. Богусевич. Мастерские XI в. в Киеве. КСИА АН УССР, вып. 3, 1954, с. 20; Г. Ф. Корзухина. О памятниках «корсунского» дела на Руси. ВВ, т. XIV, М., 1958, с. 133; В. А. Мальм. Крестики с эмалью. В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 117.

[15] ПСРЛ, т. II, М., 1962, с. 284, 290, 294, 315, 318, 410.

средством брачных союзов. О Новогрудке, который известен по летописи только с середины XIII в., подобных известий нет.

Экономические и политические связи Киевской земли и Понеманья способствовали их культурному сближению. Нам трудно ответить, в какой форме элементы ювелирного ремесла Киева распространялись в Понеманье: изготовляли ли ремесленники Неманской земли свой инструментарий, подражая киевским образцам, или получали его непосредственно из Киева. Н. Н. Воронин даже предполагает, что на гродненском детинце работал ювелир, прибывший с юга.[16]

Как бы не решался вопрос о путях влияния киевского художественного ремесла на обработку цветных и благородных металлов в Понеманье, в этом явлении отражаются глубокие культурные связи двух древнерусских территорий.

[16] Н. Н. Воронин. По берегам Кляьмы и Немана. В кн.: По следам древних культур. М., 1953, с. 282.

Г. Ф. Корзухина

ЕЩЕ РАЗ О ТМУТАРАКАНСКОМ БОЛВАНЕ

«Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень и поеха по чистому полю... Дивъ кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ и Поморію и Посулію и Сурожу и Корсуню и тебѣ, Тьмутораканьскый блъвань».[1] Таинственный болван полулегендарной Тмутаракани давно будоражит воображение исследователей. Бесчисленны попытки разгадать смысл этих слов. Есть среди них и достаточно неожиданные: Тмутараканский болван — это знаменитый Тмутараканский камень 1068 г.,[2] это — название побережья Таманского залива,[3] это — пограничный столб,[4] «Тмутороканьский блъванъ представляет собой не что иное, как проникнутую ненавистью кличку, брошенную в лицо заклятому врагу, завладевшему Тьмуторокань» — половецкому хану Кончаку.[5] В. Ф. Смирнов слово «болван» производил из персидского «пэглеван», что означает атлет, борец, богатырь.[6] Статуя изображала борца-«поединщика» типа Редеди, имя которого утрачено. П. Савельев высказал предположение, что Тмутараканским болваном мог быть назван памятник, остатки которого видели на берегу Ахтанизовского лимана еще в 1805 г. Это был пьедестал с надписью, из которой следовало, что на нем стояли статуи Астарты и Санерга, воздвигнутые Комосарией, женой Перисада в III в. до н. э.[7] Д. И. Иловайский возражал ему, поскольку статуи находились далеко от Тмутаракани.[8] Д. В. Айналов добавлял к этому, что в «Слове» говорится об одной статуе, а здесь их две.[9] Но некоторые исследователи разделяют мнение П. Савельева и в наши дни.[10] В том, что болваном в «Слове» названа какая-то статуя, разногласий между исследователями нет уже давно. Но что это за статуя и почему она названа Тмутараканской — неясно по-прежнему. Поэтому не поздно и сейчас предложить еще одно возможное решение данного вопроса.

Отличные мореплаватели, древние жители Средиземноморья в течение столетий досконально изучили свое Внутреннее море и его острова. Были составлены подробные описания побережья и удобных гаваней, измерены расстояния между ними, описаны проливы с указаниями их длины и ширины (в частности, оба Боспорских пролива), учтены мели, косы, подводные камни, выступающие дельты рек. Но только изобретение акваланга позволило археологам заглянуть в новый для них мир морских глубин. Оказалось, что в прибрежных водах покоятся останки множества кораблей, груженых амфорами и архитектурными деталями из мрамора, т. е. кораблей, затонувших не в ре-

[1] Слово о полку Игореве. М.— Л., 1934, с. 66.

[2] А. Зимин. Когда было написано «Слово»? Вопр. лит., 1967, № 3, с. 151.— Эта мысль возникла значительно раньше, о чем без ссылки на автора пишет Д. И. Иловайский: Д. И. Иловайский. Несколько соображений о памятниках Тмутараканской Руси и Тмутараканском болване. Древности. МАО, вып. 2, 1874, с. 63.

[3] Д. И. Иловайский. Несколько соображений..., с. 63—64.

[4] Д. В. Айналов. Замечания к тексту «Слова о полку Игореве». Сборник статей к 40-летию научной деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934, с. 179—180.

[5] В. Ф. Ржига. Восток в «Слове о полку Игореве». В кн.: «Слово о полку Игореве». М., 1947, с. 188.

[6] В. Д. Смирнов. Что такое Тмутаракань? ВВ, XXIII, Пгр., 1923, с. 52.

[7] П. Савельев. / Прим. к статье/: Н. Н. Надеждин. Заметка о каменных бабах. Изв. Археол. общ., т. I, вып. 3, СПб., 1859, с. 168.

[8] Д. И. Иловайский. Несколько соображений..., с. 62.

[9] Д. В. Айналов. Замечания к тексту..., с. 179.

[10] Д. С. Лихачев. Комментарий исторический и географический в книге «Слово о полку Игореве». М.— Л., 1950, с. 394—395.

зультате морских сражений, а во время мирных рейсов.

Необходимость улучшения естественных свойств гаваней поняли очень рано. Одним из средств для создания более безопасных условий плавания было возведение береговых ориентиров, видных в море с больших расстояний, — колонн, башен, маяков. К сожалению, история маяков еще не написана и данных о них собрано далеко не достаточно.[11] Исключение составляет Александрийский маяк — одно из семи чудес древнего мира, которому посвящена специальная монография.[12] Сведения же об остальных двух десятках древних маяков перекочевывают из работы в работу, почти не обрастая новыми данными. Время создания многих из них колеблется от эпохи эллинизма до раннего средневековья, не всегда ясно, какие из них были световыми, а какие служили ориентирами только в дневное время. Световая сигнализация была известна уже в V в. до н. э. В Пирейской гавани стояли две построенные Периклом (443—429 гг.) колонны, на которых ночью зажигали огонь. «Высоким светящимся знаком» называет Страбон Александрийский маяк (ок. 280 г. до н. э.).[13] В I в. н. э. башен со световыми сигналами было уже, по-видимому, очень много. Плиний Старший (до 79 г. н. э.) знает целую линию световых башен, протянувшуюся с востока на запад по всему Средиземноморью. В нее входили разновременные сооружения: башни карфагенского полководца Ганнибала (246—183 гг.) в Испании и Африке и башни «в Азии» (видимо, в Восточном Средиземноморье), построенные в 67 г. до н. э. Гнеем Помпеем Великим в связи с операцией по ликвидации пиратства на Средиземном море. Нет уверенности, что все эти башни были построены как маяки. Но всех их Плиний называет сторожевыми, так как на них по ночам зажигали огни. Благодаря этому Плиний и установил, что день и ночь наступают «на всей земле» (т. е. в Средиземноморье) не одновременно.[14] В Массалии (район Марселя) близ устья Родана (ныне Роны) берег был настолько низким, «что в непогоду даже на близком расстоянии земли не видно. Поэтому массалиоты поставили в виде отличительных знаков башни».[15] По-видимому, ориентирами для кораблей служили не только специально возведенные сооружения. Ими были сторожевые и межевые башни, колонны. Возможно, поэтому у древних авторов нет специального термина для обозначения маяка. Его называли «высоким светящимся знаком», «отличительным знаком» (Страбон), «сторожевой вышкой с сигнальным огнем» (Плиний Старший). И лишь когда название острова, на котором стоял Александрийский маяк, стало нарицательным, начал входить в употребление и специальный термин «фарос».

Много маяков было построено в эллинистическое время и в эпоху ранней Римской империи. Их охотно изображали на фресках и мозаиках, но особенно часто на монетах (от Домициана, 81—96 гг., до Коммода, 180—192 гг.).

На Адриатическом море известны маяки в Далмации (круглая башня в Скардоне, маяк в Диррахии), в Бриндизи, в Равенне (два или три маяка, возможно, один из них раннесредневековый), в Сицилии — цилиндрическая башня в Мессине (примерно 45—35 гг. до н. э.) и почти против нее через пролив — «столб регийцев». На побережье Кампаньи — два маяка (Путеолы и Гаэта) и третий на о. Капри. Наконец, маяк в гавани Рима, в Остии (41—54 гг.), которую еще Цезарь мечтал очистить от подводных камней. Далее на запад, уже за Геркулесовыми столпами, в устье Гвадалквивира — один из древнейших маяков — «Монумент», или «Башня Цепиона» (после 138 г. до н. э.). Маяк этот в литературе почти неизвестен. Х. Тирш написал о нем только так: «... световая башня Цепиона близ Хереса была, по-видимому, простой четырехугольной».[16] Подробнее писал о нем М. С. Боднарский: «Цепионова башня-маяк, воздвигнутый консулом Квинтом Сервилием Цепионом близ устья р. Бетис для охраны римского флота от пиратов, которые опустошали берега провинции».[17] Из древних авторов об этом маяке писали Страбон и Помпоний Мела. В устье Бетия, пишет Страбон, «Цепионова башня, воздвигнутая на скале, со всех сторон омываемой волнами; эта башня построена с удивительным искусством (подобно Фаросу) для спасения мореплавателей. Ведь не только наносные отложения реки образуют здесь мели, но и местность перед ней усеяна подводными камнями, так что необходим какой-нибудь далеко заметный знак».[18] Помпоний Мела (первая половина

[11] F. Lübker. Reallexikon des klassischen Altertums. Leipzig—Berlin, 1914, S. 590 (Leuchttürme); Pauly Wissowa. Real-Encyclopädie. Stuttgart, Bd. XII, 1925, «Leuchttürme»; Pauly Wissowa. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1938 (neue Bearbeitung), «Pharos».

[12] H. Thiersch. Pharos. Antike, Islam und Occident. Leipzig-Berlin, 1909.

[13] Страбон. География. Кн. XVI, гл. 1, § 6. Л., 1964, с. 731.

[14] М. С. Боднарский. Античная география. М., 1958, с. 245.

[15] Страбон. География. Кн. IV, гл. 1, § 8, с. 176.

[16] H. Thiersch. Pharos, S. 26.

[17] М. С. Боднарский. Античная география, с. 366 (прим.).

[18] Страбон. География. Кн. III, гл. 1, § 9, с. 138.

I в. н. э.) пишет, что «в самом море — монумент Цепиона, поставленный более на скале, чем на острове».[19] Значительно позже упоминает о маяке Иордан, говоря о двух мысах в устье Бетиса, «на которых до сих пор виднеются: на одном — храм Геркулеса, а на другом — памятник Сципиону».[20] Иордан ошибается, связывая маяк с именем Сципиона. Е. Ч. Скржинская исправляет его: «Монумент-маяк был поставлен римским полководцем Квинтом Сервилием Цепионом в честь победы над Вириатом, вождем лузитанских и иберских племен, восставших против римлян. Лузитанская война длилась со 154 по 138 г. до н. э.».[21]

Интригующие слова Страбона, писавшего, что башня построена «подобно Фаросу», побудили нас искать дополнительные источники, связанные с маяком, и обратиться к известному ленинградскому арабисту О. Г. Большакову с вопросом, нет ли в арабских источниках сведений о башне Цепиона. Оказалось, что они есть в книге арабского купца и путешественника XII в. Абу Хамида ал-Гарнати, написанной в 1162 г. и озаглавленной «Тухфат ал-албаб» («Подарок умам»). На русский язык была переведена только та часть, которая посвящена Восточной и Центральной Европе.[22] Поэтому перевод текста сделан О. Г. Большаковым специально для данной статьи.[23]

«Рассказ об идоле Кадиса, который построен Зу-л-Карнейн,[24] а Аллах лучше знает истину. А именно: в Андалусе соединение двух морей: Черного моря[25] и Румского моря.[26] И в соединении морей остров, на котором построен минарет из черной скалы, такой, что в нем совершенно не употреблено железо. Длина его сто локтей[27] или больше с квадратным низом и округлым верхом, [он] монолитный, без входа, а на вершине его человеческая фигура, черная, будто он негр, покрытая одеждой из золота удивительным способом, не сможет никто покрыть таким образом. Он покрыт одеждой, а правое плечо и локоть выходят [из-под нее], а рука его протянута и указывает указательным пальцем в сторону запада, а левая — в Черное[28] море, будто бы она держит ключ. А это море [такое], что в нем всегда волны, как горы, и судно не может плыть по нему из-за множества опасностей, а Аллах лучше знает».

Судя по описанию Абу Хамида, монумент-маяк Цепиона — это колоссальная колонна на квадратном в плане основании и со статуей наверху. Возможно, статуя и побудила Страбона сравнить монумент Цепиона с Александрийским маяком, также увенчанным статуей. В остальном монумент Цепиона мало походил на Александрийский маяк, хотя и был по своему великолепен. Световым он, очевидно, не был.

В Восточном Средиземноморье маяки известны и на африканском побережье (Александрийский маяк, ок. 280 г. до н. э.; Тапозирис, позднептолемеевской поры), и на азиатском: в Сирии (Лаодикея, время Августа) и два в Малой Азии (Эгеи в Киликии, время Августа, и Смирна). Маяки в Лаодикее и Эгее были увенчаны статуями. Серия маяков известна в Константинополе и его окрестностях: два на территории города и три на берегах Геллеспонта и Боспора. К сожалению, все они плохо датированы. Два из них (Большой Константинопольский маяк и маяк в Хризополисе) изображены на Пейтингеровых таблицах, так что теоретически оба могут быть датированы до 230 г. н. э., т. е. доконстантиновским временем. Большой Константинопольский маяк, находившийся на берегу Пропонтиды в районе Вуколеонского дворца, был увенчан огромной статуей и служил конечным пунктом системы световых сигналов, соединявших дворец с азиатским берегом. Малый Константинопольский маяк находился на берегу Золотого Рога. Память о нем сохранилась в названии крепостных ворот — «Фенер-капусу» («Ворота Фара») и расположенного здесь же греческого квартала «Фанар».

Особую заботу вызывало, безусловно, плавание по Геллеспонту и Боспору. Ширина их была настолько незначительной, что «с одного берега на другой доносится пение птиц, лай собак и разговор людей, и между двумя частями света можно поддерживать беседу, если только ветер не уносит слова».[29] Поэтому постройка светового маяка в м. Сестос на евро-

[19] Pomponii Melae. De Chorographia. Кн. III, § 4. — Перевод данного места сделан по просьбе автора М. А. Тихановой.

[20] Иордан. Cetica. M., 1960, с. 66, § 7.

[21] Там же. Комментарий Е. Ч. Скржинской, с. 187, прим. 19.

[22] О. Г. Большаков и А. Л. Монгайт. Путешествие Абу Хамида-ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.). М., 1971.

[23] Перевод сделан по списку, опубликованному Ферраном: G. Ferrand. La Tuḥfat al-albāb de Abū Ḥāmid al-Andalūsi al-Garnāṭī. Journal Asiatique, vol. CCVII, 1925, p. 69—70. — Приношу сердечную благодарность О. Г. Большакову за помощь в работе.

[24] Александр Македонский.

[25] Атлантический океан.

[26] Средиземное море.

[27] Локоть равен 51.3 см. Высота памятника была равна примерно 51.3 м.

[28] В рукописи, опубликованной Ферраном, переписчик допустил описку. В других списках сочинения ал-Гарнати указано правильно: не Черное, а Румское море.

[29] Плиний Старший (23—79 гг.), см.: М. С. Боднарский. Античная география, с. 260.

пейском берегу Геллеспонта, в самом узком его месте, вполне оправдана. При входе в Боспорский пролив на азиатском берегу в Хризополисе (Скутари) стояла круглая световая башня. При выходе из Боспора в Черное море в Панеионе стоял второй световой маяк — Румели-фанар, он был действующим еще в XVI в. Это была восьмигранная башня с внутренней лестницей в 120 ступеней. Вверху — большой фонарь (диаметр около 2 м) из стекол в свинцовых окантовках. Под стеклом — большая бронзовая чаша с маслом и 20 фитилями.[30]

Далее лежал долгий и опасный путь по бурному Черному морю к его северным берегам, в Крым и Меотиду. Плавали сюда уже в VI в. до н. э. На север везли масло и вино, обратно — рабов, хлеб, мед, соленую рыбу, кожи. Однако о маяках здесь не слышно. Даже около устья Дуная, где огромная коса вклинилась в море, не было необходимой сигнализации, и Полибий (201—120 гг. до н. э.) рассказывал, что моряки «иногда ночью незаметно набегают на нее и разбивают корабли».[31] И все же плавающие по Черному и Азовскому морям не были лишены необходимых сведений. Были учтены удобные гавани, измерены расстояния между ними, по обмелевшей Меотиде большие суда проводили лоцманы, тщательно по всем направлениям промерен узкий Боспор Киммерийский и неоднократно отмечена несколько поражавшая древних землеописателей такая особенность пролива, как замерзание (Геродот, Страбон, Плиний Старший, Помпоний Мела).

Сделав беглый экскурс в область античных и раннесредневековых маяков, вернемся к основной теме данной статьи: что такое «Тмутараканский болван»?

Перечисляя маяки, мы несколько раз указывали, что некоторые были увенчаны статуей. Таких маяков сейчас известно шесть: Александрийский (ок. 280 г. до н. э.),[32] монумент Цециона (ок. 138 г. до н. э.), цилиндрическая башня в Мессине (ок. 45—35 гг. до н. э.), трехъярусный маяк в Эгеи в Киликии и двухъярусный в Лаодикее в Сирии (оба времени Августа) и Большой Константинопольский маяк в гавани Вуколеон (до 230 г. н. э.?).

Могла ли возникнуть необходимость устройства маяка где-то в Керченском проливе? Безусловно, могла. Боспор Киммерийский узок и на всем протяжении мелководен. Азиатский берег пролива чрезвычайно изменчив — Кубань, распадаясь на рукава, выносит в пролив массу ила. Громадная коса Тузла, начинающаяся у Таманского полуострова, почти перегораживает пролив поперек. Еще более мощная коса Чушка (к северу от Тузлы) наполовину сужает пролив вдоль. У южной оконечности Чушки с ее внутренней стороны в начале XIX в. были обнаружены хорошо видные в тихую погоду шесть мраморных колонн, которые в 1823—1824 гг. попытались даже поднять.[33] Попытку разыскать эти колонны предприняли в 1957 г. сотрудники Азово-Черноморской подводной экспедиции под руководством В. Д. Блаватского. Они ожидали найти здесь остатки храма с шестью колоннами. Но вода в проливе мутна, видимость плохая и поиски не дали результатов.[34] Очень может быть, что сотрудники экспедиции ждали от находки не того, что там было на самом деле. Это могло быть просто затонувшее у косы судно, перевозившее архитектурные детали. Известен не один случай крушения кораблей, груженых фустами колонн и капителями. В 1951 г. близ берегов Южной Франции, при входе в порт Сан-Тропез и в Порт-де-Бу, были найдены остатки двух таких кораблей эллинистической поры. Крупнейшее кораблекрушение в конце II—начале I в. до н. э. произошло у северного берега Африки в районе Махдии (Тунис). Огромное количество колонн, капителей, баз не извлечено полностью и до сих пор после работы шести экспедиций.[35]

Маяк в районе кос Чушки и Тузлы был необходим, и если он действительно существовал, то его следует представлять в виде высокого сооружения с большой высокой статуей наверху.

Вопрос о времени постройки маяка очень сложен. Если исходить из времени создания шести остальных маяков со статуями, даты которых указываются между 280 г. до н. э. и 230 г. н. э., то маяк в Керченском проливе мог быть воздвигнут между III в. до н. э. и III в. н. э. Это был период процветания Боспорского царства. Во всяком случае он мог быть построен до IV в., так как после офици-

[30] H. Thiersch. Pharos, S. 25, прим. 1 на с. 24.

[31] М. С. Боднарский. Античная география, с. 102; Полибий. Всеобщая история. Кн. IV. Описание Понта Эвксинского, § 41.

[32] Г. Линде и Э. Бреттшнейдер без ссылки на источник пишут, что в 1962 г. аквалангисты подняли со дна статую Посейдона, венчавшую некогда Александрийский маяк (G. Linde, E. Brettschneider. In die Vergangenheit getaucht. Leipzig, 1964. В русском переводе книга названа: Из глубины веков и вод. Л., 1969, с. 94).

[33] Ф. Жиль. Древности Боспора Киммерийского. I (текст). СПб., 1854, с. CVI, прим. 4: П. Дюбрюкс. Описание развалин и следов древних городов. . .Боспора Киммерийского. . . Зап. Одесс. общ. истории и древностей, т. IV, 1858, табл. I.

[34] В. Д. Блаватский и Г. А. Кошеленко. Открытие затонувшего мира. М., 1963, с. 30, 74.

[35] Там же, с. 20—28, 49—50, 55—58.

ального признания христианства появление на маяке статуи Посейдона или Гелиоса вряд ли было возможно.

Почему, однако, в «Слове о полку Игореве» маяк назван Тмутараканским? Ближе к Боспорскому проливу находилась Каракондама, а Тмутаракань — наследница Гермонассы, расположена в глубине Каракондамского (Таманского) залива. Ставить маяк имело смысл, конечно, ближе к проливу. Но не следует забывать, что маяк назван Тмутараканским в XII в., когда на берегах залива уже не было ни Каракондамы, ни Фанагории, ни Кеп. Единственным городом была здесь Тмутаракань. По ней автор «Слова» и назвал болвана.

Существовал ли маяк в XII в. и почему его знает только «Слово о полку Игореве»? Маяк Румели-фанар при выходе из Боспора Фракийского в Черное море был действующим еще в XVI в. Если Тмутараканский маяк был построен после 63 г. до н. э., — года грандиозного землетрясения, при котором была сильно разрушена Керчь, то при благоприятных условиях он мог дожить и до очень позднего времени.

Почему все же о нем ничего не знают источники? Греческие и латинские авторы не были щедры на описание своих ближайших средиземноморских маяков. Этот же стоял еще и на отшибе. Для древней Руси Тмутаракань тоже далекая земля, находившаяся в поле зрения летописца всего сто с небольшим лет (988—1096 гг.). За эти годы в летописи внесены сведения только о политических событиях, если не считать сообщения о постройке церкви Богородицы в 1022 г. За пределами Тмутаракани лежали земли с чужой культурой — территория бывшего Боспорского царства, которое в XI—XII вв. напоминало о себе, конечно, не одним маяком. Остатки городов с их постройками и стенами, храмы, статуи, межевые столбы и алтари, сложные могильные сооружения были еще хорошо видны на поверхности земли. Но ни о чем этом в русских летописях нет ни слова. Почему же автор «Слова» все же упомянул о Тмутараканском болване? Да потому, что у него отчетливо виден интерес к старине, к истории и преимущественно к истории Юга. В его времена Тмутаракань уже 100 лет была для Руси отрезанным ломтем, но он пять раз возвращается к событиям, когда-то бушевавшим в этом далеком русском городе. Он вплетает в текст имена языческих богов, он поминает готских дев и Бусово время, у него какие-то реминисценции, связанные с Дунаем, и очень интересная серия упоминаний о Трояне. Поразил его воображение и Тмутараканский болван, независимо от того, сам ли он видел его, или только слышал о нем.

Подводная археология постепенно набирает силы и обзаводится техникой, и если когда-нибудь удастся обнаружить остатки исчезнувшего маяка, это поможет установить одну из важных реалий, упомянутых в «Слове о полку Игореве».

В. В. Мавродин, И. Я. Фроянов

«СТАРЦЫ ГРАДСКИЕ» НА РУСИ X В.

В одном из древнейших письменных памятников отечественной старины — Повести временных лет — сохранились обрывки воспоминаний о неких старцах градских. Как мимолетные виденья, проходят они перед взором исследователя, и точно сказать, кого разумел под ними летописец, к сожалению, невозможно. Но, несмотря на неопределенность их социального облика, историки не упускали случая, чтобы высказать ту или иную версию насчет общественной функции, которую приходилось старцам выполнять. Ученые усматривали в них то убеленных сединой стариков, выделяющихся опытом и мудростью,[1] то родовых старейшин, входивших в родоплеменную знать,[2] то представителей общинных властей,[3] то городовую старшину,[4] то земских бояр,[5] а порой и просто

[1] Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т. I. СПб., 1892, с. 160; И. Ф. Г. Эверс. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835, с. 244.

[2] С. М. Соловьев. 1) Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, кн. I, отд. 1. М., 1950, с. 20; 2) История России с древнейших времен. Кн. I, М., 1959, с. 223; С. Шпилевский. Об участии женщины в делах правления до Ивана IV. Юридический журнал, 1861, № 5, с. 209, 217; Н. Хлебников. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872, с. 23; С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939, с. 34.

[3] К. С. Аксаков. Полн. собр. соч., т. I, М., 1889, с. 102—105.

[4] В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси. Пгр., 1919, с. 28—29; Н. А. Рожков. Обзор русской истории с социологической точки зрения. Ч. 1. М., 1905, с. 83.

[5] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. СПб. — Киев, 1907, с. 47;

домохозяев, или домовладык,[6] то языческих жрецов.[7]

Первая проблема, возникающая перед исследователем, состоит в том, достоверны ли известия о старцах, сообщаемые древними летописями. Не являются ли они легендарными личностями? Этот вопрос тем более уместен, что летописные заметки, несущие сведения о старцах градских, пронизаны духом исторических преданий и легенд. Однако еще В. О. Ключевский, преодолевая подобные сомнения, говорил: «Старцы градские присутствуют в думе князя и подают голос вместе с епископами по таким делам, о которых Начальная летопись рассказывает без заметной примеси легенды».[8] Мы не хотим элементарной ссылкой на авторитет В. О. Ключевского отделаться от обсуждения важной источниковедческой проблемы, хотя и убеждены, что игнорировать указания одного из крупнейших русских историков было бы непростительно. Мы идем дальше и задаемся вопросом, нельзя ли за счет каких-нибудь дополнительных летописных материалов подкрепить веру в реальное существование старцев градских. И тут невольно напрашивается сопоставление терминов «старцы» и «старейшины». В летописи последний из них иногда употребляется в значении старшинства или первенства над людьми одной и той же категории. Победитель Царьграда вещий Олег, вспомнив о любимом коне, отданном на попечение слугам, «призва старейшину конюхом, рече: „Кде есть конь мъй, его же бех поставил кормити и блюсти его?“. Он же рече:„ Умерл есть“».[9] Старейшина конюхов — это старший конюх. В том же смысле старшинства летописец пользуется термином «старейшина», когда передает речь «философа», склонявшего князя Владимира принять христианство.[10] Но нередко под словом «старейшины» древнерусский книжник выводил, говоря языком современной социологии, общественных лидеров, т. е. тех, кто принадлежал к правящей верхушке, руководившей обществом, и тогда термин принимал уже отчетливое социальное звучание. Для иллюстрации сошлемся на хазарских старейшин, предрекших по славянской дани мечами печальную будущность собственного племени,[11] старейшин из Искоростеня, Белгорода и других городов.[12] Есть ли что-либо общее между ними и старцами? Как смотрел на одних и других летописец? Ближайшее знакомство с Повестью временных лет показывает, что непроходимой грани, отделявшей старейшин от старцев, не было. Больше того, для летописца старейшины и старцы — понятия взаимозаменяемые. Это явствует из текста о тех же хазарских старейшинах.[13] Любопытную замену слова «старейшина» на термин «старцы» обнаруживаем при сравнении Повести временных лет по Лаврентьевскому и Воскресенскому вариантам.[14]

Итак, вслед за древнерусскими летописцами мы утверждаем: старейшины и старцы — понятия эквивалентные. И зря И. Линниченко доказывал обратное.[15] Предположив эту равнозначность, получаем возможность заключить о тождестве терминов «старейшины градские» и «старцы градские» и таким образом расширить комплекс известий о старцах градских, поставив, следовательно, изучение вопроса на более надежную основу.

Летопись под 945 г. сообщает о жестокой расправе «блаженой» Ольги над жителями древлянского Искоростеня, среди которых были и «старейшины града».[16] Но, быть может, 945 г. — еще не самая ранняя веха выступления городских старейшин (старцев градских) на страницах летописных памятников? Архангелогородский летописец рассказывает, как в 881 г. Олег «налезоста Днепр реку, и приидоста под Смоленск, и сташа выше города и шатры поставиша многи разноличны цветы. Уведавше же смольняне, и изыдоша старейшины их к шатром и спросиша единого человека: „кто сеи прииде, царь ли или князь в велицеи славе?“. И изыде из шатра Ольг, имыи на руках у себя Игоря, и рече смольняном: „сеи есть Игорь князь Игоревич [Рюрикович?] рускии“. И нарекоша его смольняне государем, и вдася весь град за Игоря».[17] В свое время А. А. Шахматов находил в Архангелогородском летописце более древнюю передачу летописных статей Начального свода, чем в Новгородской первой летописи. Поэтому Архангелогородский летописец представлялся ему «весьма важным источни-

---

Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953, с. 126; С. А. Покровский. Общественный строй древнерусского государства. Тр. Всесоюзн. юридич. заочн. ин-та, т. XIV, М., 1970, с. 52—53.

[6] Д. И. Иловайский. История России. Ч. I. М., 1880, с. 301; И. Линниченко. Вече в Киевской области. Киев, 1881, с. 11.

[7] Л. Т. Мирончиков. Дохристианское жречество древней Руси (старцы, старосты, волхвы). Автореф. канд. дисс. Минск, 1969, с. 4, 6, 7, 22.

[8] В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси, с. 15.

[9] ПВЛ, ч. I, М. — Л., 1950, с. 29.

[10] «Видев же первый от ангел, старейшина чину ангелску, помысли в себе, рек: „Сниду на землю, и преиму землю...“» (ПВЛ, ч. I, с. 62).

[11] ПВЛ, ч. I, с. 16.

[12] Там же, с. 43, 85, 87.

[13] Там же, с. 16.

[14] Там же; ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, с. 266.

[15] И. Линниченко. Вече в Киевской области, с. 10—11.

[16] ПВЛ, ч. I, с. 43.

[17] Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.— Л., 1950, с. 21.

ком при исследовании нашего летописания».[18] Правда, А. Н. Насонов полагает, будто «в ходе дальнейших разысканий он (А. А. Шахматов, — *В. М., И. Ф.*), по-видимому, пришел к мысли, что источник этот (Устюжский свод) слишком поздний, чтобы можно было использовать его для решения поставленной задачи, и в последующих трудах он к нему почти не прибегал».[19] Однако современные издатели Устюжского летописного свода, учитывая редакторскую отделку составителя (сокращения всякого рода, осмысления и подновления текста), видят в нем все же огромную ценность, поскольку он донес до нас более древнюю и полную редакцию Начального свода, отражение которой нигде еще не встречается.[20] Что касается привлеченной нами записи, то и в ней ощущаются следы обработки позднейшего редактора: подозрительной выглядит фразеология старейшин («кто сеи прииде, царь ли или князь в велицеи славе»), свидетельство о том, будто смольняне нарекли Игоря государем. И все-таки участие старейшин в событиях вряд ли стоит отвергать. Это становится очевидным в свете обстоятельств, обеспечивших Олегу власть над Смоленском. Здесь нам придется сделать историографическое отступление, так как без напоминания о некоторых деталях, имеющихся в высказываниях историков по поводу продвижения Олега из Новгорода в Киев, определить указанные обстоятельства будет не вполне удобно.

Н. М. Карамзин, повествуя о походе князя Олега вниз по Днепру, говорит: «Смоленск, город вольных Кривичей, сдался ему, кажется, без сопротивления, чему могли способствовать единоплеменники их, служившие Олегу».[21] Предположение Н. М. Карамзина перечеркнул С. М. Соловьев, который, рассказав, как Олег закрепил за собой Смоленск и Любеч, специально отметил: «Как достались Олегу эти города, должен ли был он употреблять силу или покорились они ему добровольно — об этом нельзя ничего узнать из летописи».[22] Нерешительность С. М. Соловьева устранил С. Ф. Платонов: «Олег не долго пробыл на севере, он спустился по великому водному пути, покорил все племена, на нем жившие, и успел счастливо, без особенных усилий, завладеть Киевом».[23] Б. Д. Греков не различает особенностей, при которых Олег утвердился в Смоленске и Любече: князь занимает их,[24] овладевает ими.[25] Такое недифференцированное представление просочилось и в учебники для высшей школы.[26]

Мы не можем согласиться с тезисом С. М. Соловьева, что из летописи нельзя понять, применил силу Олег при завладении Смоленском и Любечем или же нет. Догадка Н. М. Карамзина при вдумчивом отношении к летописному тексту находит полное подтверждение. В самом деле, когда летописец сообщает о занятии Олегом Смоленска, он употребляет выражение «принял город», а Любеча — «взял Любеч».[27] Отсюда ясно, что в Смоленск Олег попал мирным путем, тогда как Любеч и Киев открыли ворота, покоряясь силе завоевателя. Рассказ летописца позволяет судить, почему Олег без вооруженного столкновения занял Смоленск. Оказывается, он «приде к Смоленьску с кривичи».[28] А если еще вспомнить о тесном содружестве словен, кривичей и других окольных племен, завершившемся образованием конфедерации племен, сыгравшей важную роль в новгородской истории,[29] то добровольное подчинение Смоленска вновь прибывшему князю получает исчерпывающее объяснение. Но мирный, обусловленный каким-то договором, въезд Олега в город кривичей не мог оставить безучастными местные власти, олицетворенные в старейшинах. Поэтому версия Архангелогородского летописца о смоленских старейшинах, вошедших в контакт с Олегом накануне его появления в городе, весьма правдоподобна. Мы принимаем ее и связываем с ней самое раннее упоминание в древнерусских летописных памятниках о городских старейшинах, или старцах градских.

Как в описанном Архангелогородским летописцем эпизоде, так и в других старцы градские выступают в качестве полномочных руководителей общества, с которыми князья вынуждены считаться. Даже во второй половине X в., в переломную эпоху Владимира Святославича,[30] они

---

[18] А. А. Шахматов. О начальном киевском летописном своде. Чтения в Общ. истории и древностей Российских, 1897, кн. 3, с. 52.

[19] А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969, с. 21.

[20] Устюжский летописный свод, с. 5. См. также: К. Н. Сербина. Устюжский летописный свод. Исторические записки, т. 20, 1946, с. 260—263.

[21] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I, с. 82.

[22] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 1, с. 139.

[23] С. Ф. Платонов. Лекции по русской истории. СПб., 1907, с. 63.

[24] Б. Д. Греков. Киевская Русь, с. 453.

[25] Б. Д. Греков. Борьба Руси за созидание своего государства. М.— Л., 1945, с. 52.

[26] См., например: История СССР. Ч. I. Учебник для педагогических институтов. М., 1961, с. 63.

[27] ПВЛ, ч. I, с. 20.

[28] Там же.

[29] В. Т. Пашуто. Особенности структуры древнерусского государства. В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 84—85; В. Л. Янин, М. Х. Алешковский. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы). История СССР, 1971, № 2.

[30] В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, с. 289—346.

еще теснятся в аппарате управления и влияют на ход государственных мероприятий первостепенной важности, таких как введение христианства, расходование казенных средств.[31] Старцы — советники в княжеской думе и непременные участники пиров владимировых, выполнявших задачу социального общения местного населения с носителем публичной власти — киевским князем.[32]

Выделялись ли старцы чем-нибудь из остальной высокопоставленной знати или же сливались с ней? Каково, например, отношение их к боярам? В исторической литературе прослеживаются две линии в данном вопросе. Одни историки (А. Рейц, С. В. Юшков) стараются не смешивать бояр со старцами градскими,[33] другие (М. Ф. Владимирский-Буданов, Б. Д. Греков), относя старцев к категории земских бояр, сглаживают тем самым различия между ними.[34] Позиция последних историков легко уязвима и с точки зрения фактов, упоминаемых летописью, и с точки зрения логики развиваемых ими положений. Обращаясь к летописи, замечаем, что ее составитель разграничивает бояр и старцев градских.[35] Вникая в логическую канву исследования названных авторов, ощущаем слабость построения отдельных звеньев. Дореволюционных ученых, впрочем, можно еще понять, поскольку они исходили из идеи о прибытии издалека варяжских дружин на Русь, представители которых образовали княжеский двор с его высшим слоем — княжими боярами, противостоящими туземному боярству. Но исследователь, придерживающийся мнения о ничтожной миссии варягов в социально-политической истории древней Руси и быстрой ассимиляции их славянской средой, не может противопоставлять «высших членов княжеского двора» туземной знати, не впадая в противоречие с самим собой.

Еще меньше похожи старцы на князей. Мы говорим об этом потому, что в историографии предпринимались попытки сравнять старцев градских и князей.[36]

Итак, старцы градские — это не князья, не бояре. Кто же они? Без привлечения этнографического материала ответить на поставленный вопрос нельзя. Историки, к сожалению, обходились без этого материала.

Наблюдения Л. Г. Моргана над бытом индейцев демонстрируют сложную структуру власти в родо-племенном обществе на позднем этапе его развития, когда народом управляет совет вождей, народное собрание и высший военачальник.[37] Совет вождей выполнял гражданские функции.[38]

На аналогичное разделение властей у древних германцев обратил внимание Ф. Энгельс: «Высшей ступени варварства соответствует и организация управления. Повсеместно существовал, согласно Тациту, совет старейшин (principes), который решал более мелкие дела, а более важные подготовлял для решения в народном собрании... Старейшины (principes) еще резко отличаются от военных вождей (duces), совсем как у ирокезов».[39]

Старцы градские, по нашему убеждению, и есть та племенная знать, которая занималась гражданскими делами, чем она и отличалась от князей и их сподручников бояр, профилирующихся прежде всего в области военной. Наименование «градские» они получили потому, что пребывали, как и следовало ожидать от племенной знати, в «градах» — племенных центрах. Не везде положение старцев градских было одинаково. Более уверенно и устойчиво они чувствовали себя в тех землях-княжениях, где правили местные князья — потомки племенных вождей, вросших в туземную почву. Между этими князьями и старцами вряд ли возникали острые или неразрешимые противоречия. Вспомним древлян с их патриархально-идиллическим общественным тонусом, добрыми князьями, нарочитыми мужами (старейшинами), «иже дерьжаху Деревьску землю». Несколько иной была судьба старцев там, где утвердилась иноземная династия Рюриковичей. Здесь, пожалуй, чаще возникали поводы для взаимного неудовольствия. Однако и Рюриковичи вынуждены были на первых порах считаться с ними и при случае пользоваться их поддержкой. Пример князя Владимира Святославича тут более чем кстати. Но нельзя также преувеличивать значение старцев градских: при всем своем социальном весе они во второй половине X в. — осколки прошлого, готовые навсегда исчезнуть с политического небосклона древней Руси. И, действительно, в XI в. о них уже ничего не слышно.

---

[31] ПВЛ, ч. I, с. 74—75, 87.

[32] Р. С. Липец. Эпос и древняя Русь. М., 1969, с. 127—131.

[33] А. Рейц. Опыт истории российских государственных и гражданских законов. М., 1836, с. 30, (прим.); С. В. Юшков. Очерки по истории..., с. 34.

[34] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории..., с. 26—28, 47—48; Б. Д. Греков. Киевская Русь, с. 126—127.

[35] «И реша старци и боляре...» (ПВЛ, с. 58); «Созва Володимер боляры и старци градьские...» (там же, с. 74); «И созва князь боляры своя и старца...» (там же, с. 75); «И съзываше боляры своя, и посадникы, старейшины по всем градом...» (там же, с. 85).

[36] См.: Русская история в очерках и статьях. Под ред. М. В. Довнар-Запольского, [б/г], с. 293.

[37] Л. Морган. Древнее общество. Л., 1934, с. 71.

[38] Там же.

[39] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 142.

В чем причина ухода старцев? Собирание восточнославянских земель вокруг Киева губительно отозвалось на старцах, тяготевших к местной обособленности и замкнутости, поднимавших свои племена против гегемонии киевских князей. Не случайно, Ольга, ворвавшись в Искоростень, подвергла экзекуции тамошних старцев.[40] Но главная причина исчезновения их заключалась, конечно, не в карательных мерах князей из Киева, а в распаде родового строя, из недр которого вышли старцы; рухнули учреждения родового строя, и вместе с ними отошли в небытие их персонифицирующие старцы градские.

[40] ПВЛ, с. 43. — В Лаврентьевском списке Повести временных лет читаем: «...старейшины же града изънима...». Не то в Ипатьевском списке: «...старейшины же города ижьже...». Трудно сказать, какой из вариантов более правилен. Несомненно только, что старцы градские нередко теряли свободу и даже жизнь.

М. В. Малевская

ГОНЧАРНАЯ МАСТЕРСКАЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XI В. В ДРЕВНЕМ ГАЛИЧЕ

Архитектурно-археологическая экспедиция под руководством М. К. Каргера в 1955 г. проводила раскопки древнего Галича — одного из крупнейших центров Галицко-Волынской земли. Исследования проводились в разных частях города (ныне с. Крылос) и дали интересные результаты.[1]

В данной статье мы коснемся лишь одной постройки (жилище № 2), расположенной на окраине окольного города (рис. 1).[2] Жилище № 2 — прямоугольная в плане полуземлянка (3×2.6 м), нижняя часть которой вырыта в материковой глине до 0.6—0.7 м. Стенки вертикальны; ровный пол, покрытый тонким слоем чистого песка, лежит на глубине 1.05 м от современной поверхности. В углах жилища — ямки от столбов, диаметром 14—16 см, глубиной 24—25 см. В северо-западном углу — развал печи-каменки; под булыжниками и кусками обожженной глины обнаружено скопление золы и угля. За печью стенка жилища образует небольшую впадину. Около печи 4 ямы глубиной от 10 до 25 см.

В средней части жилища на полу — скопление крупных обломков гончарной керамики с характерными для X—XI вв. профилями венчиков. Такая же керамика разбросана по всей площади пола и особенно возле устья печи. Наряду с гончарной обнаружено несколько фрагментов толстостенной лепной посуды.

К основной камере жилища с севера примыкает узкий проход (шириной от 0.9 до 1 м), соединяющий ее с хозяйственной ямой. Уровень пола прохода и дна ямы на 10 см выше пола жилища. Яма круглая в плане, диаметр — около 1.5 м. На дне ее найдено большое количество обломков керамики такого же типа, как и обнаруженная в жилище. Никаких вещей в жилище не оказалось.[3]

Само устройство полуземлянки, состоящей из прямоугольной и округлой частей, соединенных проходом, выделяет ее из ряда обычных жилищ, в том числе открытых в Галиче, и говорит скорее о производственном характере сооружения. Необычно также расположение печи, находящейся не в самом углу жилища, а на расстоянии 0.5 м от западной его стены. Между печью и стеной имеются ямки от столбов, служивших, видимо, ножками стола или скамейки.

Однако не только конструктивные особенности рассматриваемого сооружения, но и обнаруженные в нем многочисленные обломки глиняных горшков выделяют эту постройку из числа других.

Особенно много керамики было найдено на дне круглой ямы. Здесь оказалось около 200 фрагментов венчиков, стенок и днищ, настолько одинаковых по составу теста, толщине стенок, обжигу, отсутствию орнаментации, изгибу шейки и венчика, что они казались принадлежащими одному-двум горшкам. И только благодаря некоторому различию в профиле венчиков и незначительной разнице в цвете обломков удалось реконструировать почти полностью девять сосудов (рис. 2). Бо́льшая часть горшков очень схожа между собой по пропорциям (высота равна или чуть превышает максимальный диаметр тулова, который приходится на $^2/_3$ высоты сосуда, а диаметр венчика в два раза больше диаметра дна) и размерам (диаметр венчика равен 20—22, максимальный диаметр

[1] М. К. Каргер. Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 году. КСИА, вып. 81, 1960, с. 61—71.

[2] Автор благодарит М. К. Каргера за предоставленный для исследования материал.

[3] М. К. Каргер. Основные итоги раскопок..., с. 68—69.

тулова 24—26, диаметр дна 10—12 и высота 22—26 см). Только два горшка отличаются от остальных иными пропорциями (один более приземистый, а другой более вытянутый) и меньшими размерами (рис. 2, *2, 3*). По профилю венчика все горшки подразделяются на сформованы на гончарном круге при помощи техники спирального налепа, что хорошо заметно на придонных частях сосудов. Бесспорно, два горшка сформованы на одном круге, о чем свидетельствуют идентичные отпечатки его оси и трещин в доске (рис. 2, *1, 4*). Оба отпечатка

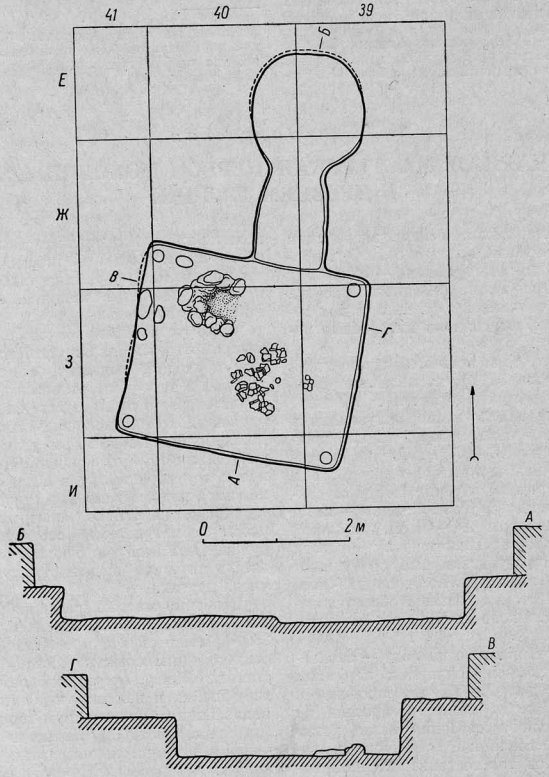


Рис. 1. Гончарная мастерская (жилище № 2).

два типа: 1-й характеризуется простым венчиком со слегка скругленным или срезанным краем (рис. 2, *1—4*), 2-й — венчиком более сложного профиля со слабовыступающим валиком или уступом с наружной его стороны (рис. 2, *5—9*).

Все горшки сделаны из глины со значительной примесью песка в качестве отощителя и

торца оси расположены в центре днищ, имеют округлую форму, диаметр 1.5 см и глубину менее 1 мм. От них отходят рельефные лучи, — видимо, отпечатки трещин в диске гончарного круга. Пользуясь исследованиями А. А. Бобринского, можно сказать, что горшки эти были сформованы на ручном гончарном круге легкого типа с раздельным диском, возможно,

с диском грибовидной формы.[4] На шести других сохранившихся днищах отпечатки оси отсутствуют. Все сосуды имеют трехслойный обжиг (наружная поверхность оранжевая или серо-розовая, внутренняя — оранжевая, а излом были обожжены не в специальном горне, а в обычной домашней печи, в данном случае, видимо, в печи-каменке, расположенной в основной прямоугольной части постройки.

Отмеченные черты сходства горшков из

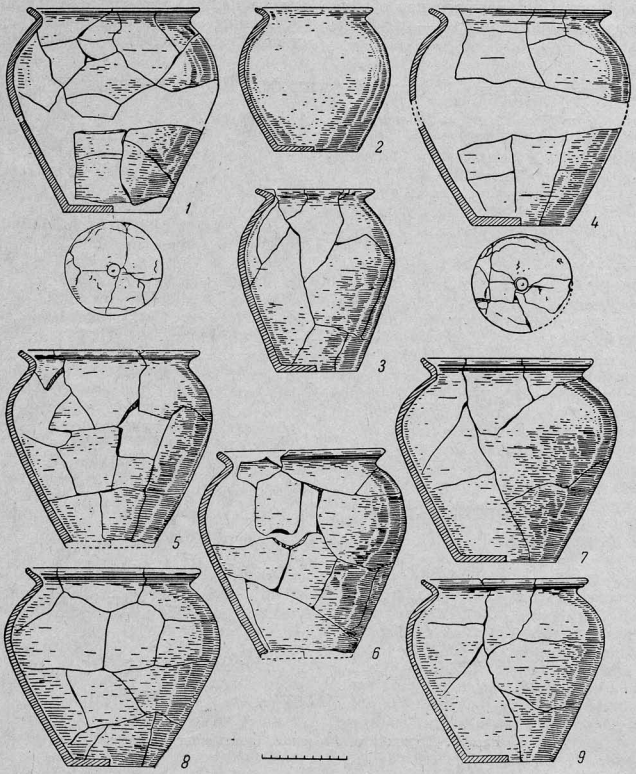


Рис. 2. Горшки из круглой ямы мастерской.

черепка черный почти на всю его толщину) и почти все — темные пятна с наружной стороны, свидетельствующие о недообожженности сосудов. Едва ли можно сомневаться, что горшки круглой ямы — одинаковые пропорции, размеры, состав теста, техника изготовления, обжиг, отсутствие орнаментации — дают основание считать, что все сосуды были изготовлены в одной мастерской. Незначительное различие в профиле венчиков горшков и изготовление их на разных досках (с выступающей осью и без нее) говорит о выполнении изделий либо одним

[4] А. А. Бобринский. Древнерусский гончарный круг легкого типа на территории северо-западных областей РСФСР. Вестник МГУ, 1961, № 4, с. 54—69.

мастером в разное время, либо двумя мастерами.

Обнаружение в яме большого количества разбитых горшков без следов закопченности и нагара, т. е. не бывших в употреблении, позволяет сделать предположение о назначении ямы для выброса сосудов, разбившихся при обжиге или выемке из печи, иначе говоря, — для брака производства.

отличаются от последних чуть более вытянутыми пропорциями и несколько усложненным профилем венчика. По форме венчика сосуды с пола сооружения могут быть отнесены к горшкам 2-го типа, как некоторые горшки из круглой части постройки, но к более развитому его варианту. Этот вариант характеризуется рельефным валиком с наружной стороны венчика и незначительным углублением с внутрен-

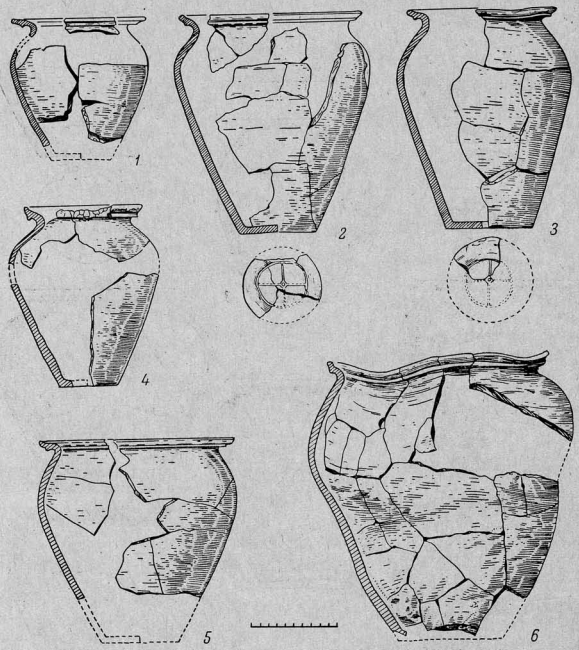


Рис. 3. Горшки из основного помещения мастерской.

Анализ керамики, обнаруженной на полу основной части постройки и, в частности, перед устьем печи подтверждает, что рассматриваемое сооружение является гончарной мастерской. Здесь было собрано 88 очень сходных между собой обломков посуды, которые при детальном рассмотрении оказались принадлежащими пяти горшкам (рис. 3, *1—5*). По составу теста, толщине стенок, степени обжига, отсутствию орнамента горшки с пола постройки очень близки горшкам из круглой ямы. Они

ней его стороны, служившим, видимо, опорой для крышки. Важно отметить, что на днищах двух горшков с пола постройки были клейма. Одно из них представляет окружность с вписанным в нее кругом (рис. 3, *2*), другое же, судя по небольшой сохранившейся части, могло быть тождественно первому (рис. 3, *3*). Весьма вероятно, что оба горшка были сделаны на одном гончарном круге и в отличие от других были покрыты тонким слоем оранжевого ангоба. Имелись ли клейма на других горшках,

сказать нельзя, так как их днища не сохранились.

Самым ярким подтверждением производства горшков в рассматриваемом сооружении является сильно деформированный сосуд, найденный в обломках посредине постройки (шестой горшок с пола — рис. 3, *б*). Профиль венчика его совпадает с другими. Так как на горшке нет никаких следов закопченности или ошлакованности, свидетельствующих о пребывании горшка в пожаре, деформация его произошла либо при обжиге в печи, когда он был еще сырым, либо еще до обжига после подсушки. Последнее предположение представляется более вероятным, так как в изломе стенок не заметны следы обжига (весь черепок серый). Желтоватый же и местами оранжевый цвет наружной и внутренней поверхностей объясняется неравномерно нанесенным ангобом. Сильно деформированный горшок с пола жилища, как и второй, с покоробившимся венчиком (рис. 3, *3*), являются, без сомнения, браком производства.

Таким образом, конструктивные особенности постройки и связанный с ней комплекс керамики достаточно убедительно говорят, что она представляла собой гончарную мастерскую, а одновременно, возможно, служила и жилищем гончара. Но полное отсутствие каких-либо вещей не позволяет судить об этом окончательно. Мастерская была оставлена ее владельцами, по всей вероятности, в мирной обстановке (следов пожара не прослежено) и весь инвентарь ее был, видимо, вынесен.

Открытие мастерской в Галиче интересно в связи с тем, что для раннего периода истории древнерусских городов известна еще только одна мастерская X—XI вв. в Киеве и одна гончарная печь конца X в. на городище Супруты Тульской области.[5] Надо отметить, что в отличие от галичской печи две другие имели специальную двухъярусную конструкцию. Это говорит о существовании в X—XI вв. и гончарных мастерских, и специальных горнов для обжига посуды. Однако едва ли можно сомневаться, что в это раннее время и в деревнях, и в городах наряду с горнами продолжали пользоваться бытовыми печами. Не только открытая в Галиче мастерская, но и керамическая продукция многих древнерусских городов X—XI вв., во многих случаях отличающаяся не полной прокаленностью стенок (трехслойный обжиг), подтверждает сделанное предположение.

Трудно сказать, насколько широко сбывал гончар (или гончары) свою продукцию, но ближайшие соседи ею, несомненно, пользовались: фрагменты горшков, тождественные найденным в мастерской, были обнаружены в одном жилище (№ 3) и нескольких ямах, расположенных недалеко от мастерской. Производительность труда гончара или гончаров — владельцев мастерской — была, конечно, небольшой. В домашней печи с размером пода 45×50 см можно было одновременно обжигать не больше двух горшков. Но есть основания полагать, что в древнем Галиче в то же время функционировали и другие мастерские. Об этом свидетельствуют днища сосудов с различными отпечатками оси гончарного круга (выпуклыми и вдавленными), сочетания оси и клейма или только клейма, найденные в комплексах конца X—XI в. на территории окольного города и детинца.

Некоторая эволюция продукции мастерской, выразившаяся, как это было отмечено, в постепенном усложнении профиля венчика, а также наличие разных гончарных кругов, говорят о том, что мастерская существовала довольно долго и за это время в ней могло работать два или даже три поколения гончаров. Первому мастеру могли принадлежать горшки 1-го типа (из круглого помещения) с отпечатками оси сработанного круга, второму — горшки 1-го и 2-го типов, выработанные на другом круге (или на новом диске),[6] и последнему — горшки с пола мастерской, отличавшиеся от продукции из круглого помещения не только более сложным профилем венчика, но и более вытянутыми пропорциями, покрытием ангобом и наличием клейм.

Для выяснения времени существования мастерской надо сопоставить связанный с ней керамический комплекс с керамическим комплексом жилища № 1 на детинце Галича, датированного М. К. Каргером по совокупности находок (3 глиняных пряслица и одно шиферное, 4 костяных проколки, бронзовое кольцо, кусок бронзовой проволоки, кусок железного шлака, сочетание кружальной и лепной керамики) X в.[7] На полу жилища № 1 вместе с кружальными сосудами, близкими горшкам из круглого помещения мастерской (тип 1-й и 2-й), но выполненными другой рукой, были найдены фрагменты лепных горшков, конических мисок и сковородок, характерных для IX—X вв. Однако заметное количественное преобладание в жи-

[5] П. П. Толочко, С. Р. Килиевич, В. Д. Дяденко. Из работ Киевской археологической экспедиции. Археологические исследования на Украине в 1967 г., вып. 2, Киев, 1968, с. 188—190; С. А. Изюмов. Гончарный горн на городище Супруты. В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 130—133.

[6] Возможно, что вся продукция из круглого помещения принадлежала одному гончару, сменившему свой круг и слегка усложнившему профиль венчика горшков.

[7] М. К. Каргер. Основные итоги раскопок..., с. 62—63.

лище № 1 кружальной керамики над лепной и горшков 2-го типа над горшками 1-го типа склоняет к датировке жилища № 1 второй половиной или даже концом X в. Отсутствие же в мастерской гончара (жилище № 2) лепной керамики,[8] с одной стороны, и наличие развитого варианта горшков 2-го типа, которого не было в жилище № 1, — с другой, дает основание отнести мастерскую к несколько более позднему времени, чем жилище № 1. Она существовала, вероятно, на протяжении первой половины XI в. начиная с рубежа X и XI вв.

Такую датировку мастерской подтверждают керамические материалы других городов Галицкой земли, как например Плисневска,[9] Риннева,[10] Судовой Вишни[11] и ряда поселений на территории Молдавии,[12] где господство горшков с развитым профилем венчика (с валиком или карнизиком) падает на конец X—XI в.

Таким образом, открытая в древнем Галиче гончарная мастерская дала интересный материал для освещения ряда вопросов, касающихся гончарного ремесла в древнерусском городе конца X—XI в.

[8] Найденные в заполнении мастерской (а не на полу) несколько фрагментов лепных мисок и сковородок не увязываются с ней достаточно надежно, как и другой материал из заполнения, который в связи с этим не был принят во внимание.

[9] У. Д. Старчук. Розкопки городища Пліснеська в 1947—1948 рр. Археологічні пам'ятки, т. III, Київ, 1952, с. 384, табл. I, *1, 2*.

[10] Ю. М. Захарук і О. О. Ратич. Слов'янське поселення біля с. Рішнів, Львівськоі області. Археологічні пам'ятки, т. V, Київ, 1955, с. 40—42, 44, табл. I, *1—3, 5*.

[11] О. О. Ратич. Результати досліджень древньоруського городища Замчиська в м. Судова Вишня, Львівскоі области в 1957—1959 рр. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вып. 4, Київ, 1962, с. 115, 118, табл. I, *1*.

[12] Г. Б. Федоров. Городище Екимауцы. КСИИМК, вып. 50, 1953, с. 110, рис. 47, *2—4*; И. Г. Хынку. Сельское гончарное производство Молдавии в VI—XVII вв. Автореф. канд. дисс. М., 1960, с. 6—8, табл. I, *5, 6*.

Г. Г. Мезенцева

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЛАНИРОВКИ ДРЕВНЕГО БЕЛГОРОДА

Белгород — один из крупных городов Киевской Руси, неоднократно упоминающийся в летописях в связи со многими историческими событиями, давно уже привлекает внимание исследователей. Особый интерес вызывают его мощные укрепления. Сохранившиеся до наших дней и точно датированные летописью, они представляют собой почти единственную возможность для изучения древнерусских укреплений раннего периода и дают ценные материалы для разрешения вопросов о возникновении, развитии и планировке городов Украины.[1]

Еще в конце XIX и начале XX в. ученые обследовали и описали топографию местности, остатки укреплений Белгорода, а также отдельные выявленные находки.[2] Наиболее полное исследование укреплений Белгорода в дореволюционное время было проведено в 1909—1910 гг. известным археологом В. В. Хвойкой и военным инженером топографом Б. Стеллецким. В. В. Хвойка не только обследовал сохранившиеся укрепления, но и произвел в некоторых местах их раскопки и предложил их реконструкцию.[3] Б. Стеллецкий подробно описал рельеф данной местности и впервые сделал топографический обмер и план древнего Белгорода.[4]

В 50-е годы Д. И. Блифельд высказал некоторые предположения об устройстве укреплений.[5] А. Н. Кирпичников поднял чрезвычайно важный вопрос об историческом значении Белгорода.[6] Более детальное изучение укреплений Белгорода провел П. А. Раппопорт, который сделал разрезы валов, описал их в ряде работ, включив в свои обобщающие труды о древнерусских укреплениях.[7]

[1] А. И. Станиславский. Планировка и застройка городов Украины. Киев, 1970.

[2] В. Б. Антонович. Отчет о поездке в Белгородку с археологической целью. Чтения в историческом обществе Нестора-летописца, т. I, кн. 1, Киев, 1879; Л. Лекин. Опыт военно-исторического исследования древнерусских укрепленных пунктов. Воен.-ист. вестник, 1909, № 3, 4; И. Зимин. Поездка в село Белгородку. Воен.-ист. вестник, 1909, № 5, 6.

[3] В. В. Хвойка. Древние обитатели среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, с. 77—79.

[4] Б. Стеллецкий. Белгород — древняя русская крепость (историко-топографический очерк). Киев, 1909.

[5] Д. І. Бліфельд. Дослідження древнього Белгорода. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952.

[6] А. Н. Кирпичников. К истории древнего Белгорода в X—XI вв. КСИИМК, вып. 73, 1959, с. 21—32.

[7] П. А. Раппопорт. 1) Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, № 52,

Все ученые при исследовании укреплений Белгорода до сих пор пользуются топографическим планом Б. Стеллецкого, считая его вполне достоверным, хотя и не совсем ясным (в частности, вызывал недоумение так называемый поперечный вал окольного города). Между тем план Б. Стеллецкого требует значительных коррективов.

Археологическая экспедиция Киевского университета, с 1966 г. систематически изучая древний Белгород и производя раскопки в различных местах, одновременно исследовала его топографию и сделала обмеры детинца и окольного города.[8] В результате всех этих работ создан более точный план древнего Белгорода. Кроме того, удалось выяснить некоторые интересные и важные особенности его планировки.

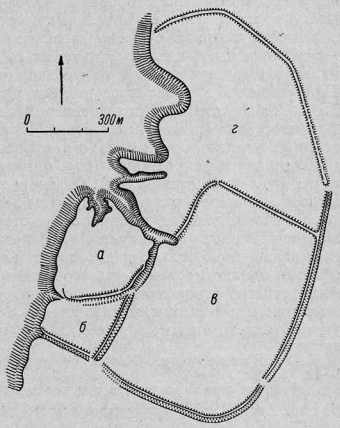
По плану Б. Стеллецкого, древний Белгород состоял из детинца вытянутой прямоугольной формы (идущего вдоль р. Ирпеня в направлении с севера на юг и укрепленного валами с двух сторон — южной и восточной) и окольного города неправильной овальной формы, примыкающего к детинцу с восточной и северной сторон. Окольный город разделен примерно пополам поперечным валом, который обрывается посредине. Западная сторона окольного города и детинца не укреплены. Б. Стеллецкий все укрепления, показанные на плане, относил к X в., связывая их с летописным указанием постройки крепости по приказу князя Владимира.[9]

Новый план древнего Белгорода (см. рисунок) дает более полное представление о его развитии и планировке.

Археологические находки свидетельствуют, что на месте детинца ранее находилось довольно большое (площадью 8.5 га) укрепленное городище VIII—IX вв.,[10] которое занимало мысовое положение (см. рисунок, *а*) и было ограничено с западной стороны р. Ирпенем, а с северной и восточной — глубокими оврагами. С напольной же — южной — стороны выявлены вал и ров. Вал сильно оплыл, но и до сих пор возвышается до 2 м. Хаты, которые здесь построены, у местного населения называются хатами на валу. Ров хорошо наблюдается и теперь. Таким образом, мы видим обычное мысовое городище, использующее для защиты природные условия и укрепленное только с напольной стороны, что характерно и для других городищ VIII—IX вв.[11]

Во время княжения Владимира, когда Киевская Русь достигла своего «кульминационного пункта», начинается интенсивное строительство городов.

В Белгороде на месте ранее существовавшего городища, о котором имеется краткое упоминание в летописи под 980 г.,[12] по указанию Владимира в 991 г. начинается постройка нового города: «В лето 6499 Володимер заложи



Городище древнего Белгорода.

град Белгород, и наруби в нь от инех городов, и много людий сведе во нь; бе бо любя град сь».[13]

Поскольку Белгород был заложен единовременно, а не развивался постепенно, как другие древнерусские города, то большой интерес представляет его планировка, которая могла носить уже некоторые черты регулярности. Прежде всего важно отметить, что город закладывался очень больших размеров.

Детинец был расширен в южную сторону и приобрел вместо округлой прямоугольную форму (см. рисунок, *а, б*). Площадь его уже становится 12.5 га. Он по-прежнему ограничен с запада р. Ирпенем, с севера и востока — оврагами, но, кроме того, со всех сторон укрепляется еще и валами. Особенно была укреплена южная сторона, которая не имела естественных преград. Здесь, на почти ровной местности, был

1956, с. 53, 73—82; 2) Древние русские крепости. М., 1965, с. 33.

[8] Топографические обмеры и планы выполнены инженером-топографом Ю. С. Каменцовым.

[9] ПВЛ, ч. I, М.— Л., 1950, с. 57.

[10] Г. Г. Мезенцева. Про топографію стародавнього Білгорода. Український історичний журнал, № 8, Київ, 1968, с. 114—116.

[11] П. А. Раппопорт. Очерки по истории..., с. 24, 25.

[12] ПВЛ, ч. I, с. 57.

[13] Там же.

вырыт глубокий ров и воздвигнут высокий вал, сохранившийся до нашего времени. С северной стороны валы детинца не сохранились — они обвалились в овраг, но отроги их местами прослеживаются и сейчас. С западной, прибрежной, стороны также были воздвигнуты валы. Они не сохранились из-за оползней, но при тщательных исследованиях и обмерах их выявили (местами возвышаются до 1.5 м).

Итак, детинец Белгорода X в. имел уже замкнутую линию укреплений, характерную и для других древнерусских городов X—XIII вв.[14] Однако его форма была не круглая, как у других, а прямоугольная с четко выраженными юго-восточным и юго-западными углами (о других говорить трудно, так как они обвалились).

Еще больший интерес представляет планировка окольного города. Прежде всего было обращено внимание на поперечный вал. При обследовании удалось проследить его продолжение в западном направлении (на оплывших остатках его теперь стоят хаты). Он тянется до перекрестка современных дорог, а затем делает поворот на юг и доходит до оврага, за которым начинается детинец (см. рисунок, *в*). Западный отрезок вала сильно оплыл, срезан дорогой и постройками, однако местами есть его останцы и при их зачистке были выявлены остатки деревянных городень и сырцы, находившиеся в конструкции вала.[15] Таким образом, загадочный до сих пор поперечный вал становится вполне понятным в общей системе укреплений города.

Выяснение северной и западной границ укреплений окольного города помогает осмыслению его формы. Окруженный мощными валами с деревянными конструкциями со всех сторон, окольный город как бы повторяет прямоугольную форму детинца, но в бо́льших размерах. Площадь его 40 га.

Северная часть окольного города (площадь 45 га) отличается бесформенностью, являвшейся, очевидно, результатом постепенного заселения этой местности, окруженной впоследствии дополнительными укреплениями (см. рисунок, *г*). Дальнейшее исследование укреплений позволит более точно датировать их.

Особенности планировки Белгорода можно объяснить единовременностью его постройки, о чем мы имеем летописное свидетельство. Вероятно, здесь сказались зачатки возникновения регулярной планировки древнерусских городов, отразившиеся в прямоугольной планировке «волынского» типа укреплений X—XI вв.[16] и получившие широкое распространение в XV—XVI вв.[17]

[14] П. А. Раппопорт. Очерки по истории..., с. 61—62.

[15] Старожилы еще помнят, что тут проходил вал и как он был затем прорезан новой дорогой, которая была проведена к реке вместо старой, проходившей ранее в овраге.

[16] П. А. Раппопорт. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. МИА, № 140, 1967, с. 198.

[17] П. А. Раппопорт. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X— XV вв. МИА, № 105, 1961, с. 89.

Т. Н. Никольская

ЛИТЕЙНЫЕ ФОРМОЧКИ ДРЕВНЕРУССКОГО СЕРЕНСКА

В детинце города Серенска в 1965 г. впервые были найдены три каменные литейные формочки и среди них хорошо известная теперь формочка для изготовления широкого створчатого серебряного браслета с чернью, орнаментированного сценами языческих русалий.[1]

С тех пор каждый год раскопок в Серенске приносит новые находки.[2] Теперь коллекция этих замечательных предметов художественного ремесла по своему богатству и разнообразию превосходит все известные собрания литейных формочек из древнерусских городов, за исключением, пожалуй, Киева: в Серенском детинце на раскопанной площади в 900 м² найдено более 50 формочек, служивших для отливки колтов, трехбусинных височных колец, пластинчатых и створчатых браслетов, перстней, различных подвесок, бус, пуговиц, крестиков, лунниц и т. д. Многие из них были двусторонними.

В последние годы исследователи древнерусского ремесла сделали вывод, что применение имитационных литейных формочек, т. е. предназначенных для подражания тиснению, зерни, филиграни,[3] было связано с особым техниче-

[1] Б. А. Рыбаков. Русалии и бог Симаргл-Переплут. СА, 1967, № 2, с. 93; Т. Н. Никольская. К истории древнерусского города Серенска. КСИА, вып. 113, 1968, с. 115, рис. 38.

[2] Т. Н. Никольская. 1) Кузнецы железу, меди и серебру от витич. В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 126, 130, 131, рис. 1, *3*; 2) Древнерусский Серенск — город витических ремесленников. КСИА, вып. 125, 1971, с. 77, рис. 24, *1—5*, *7*, с. 78, рис. 25.

[3] В связи с тем, что большая часть этих формочек была найдена в Киеве (59 из 73), Г. Ф. Корзу-

ским приемом, изобретенным древнерусскими литейщиками и получившим название «литье навыплеск».[4] Было установлено, что «навыплеск» отливались только полые изделия: колты, бусы, трехбусинные височные кольца.[5] Открытия в Новгороде, где найдены не только имитационные литейные формочки, но и предметы украшений, отлитые «навыплеск», позволили заключить, что подобная техника литья появилась одновременно в различных ремесленных центрах древней Руси.[6] В этом мы могли убедиться на материале раскопок в Серенске, где также были встречены как литейные формочки для литья «навыплеск», так и украшения, выполненные в этой технике. Все литейные формочки Серенска изготовлены из плотного тонкодисперсного мергеля.[7]

Особый интерес представляют две почти одинаковые двусторонние формочки для отливки колтов «навыплеск», найденные в разных местах, но выполненные, очевидно, рукой одного мастера. Одна из них, почти целая, обнаружена в землянке-мастерской северо-западной части детинца;[8] от другой, откопанной в противоположной стороне городища, сохранилась только половина створки (рис. 1, *1*). Формочки служили для отливки колтов двух типов. На одном из них, почти круглом, изображены две сопоставленные птицы, обрамленные ложновитой сканью. По краю колта шла кайма из ложновитой скани в виде арочек, соединенных маленькими петлями. Дужка отливалась вместе с колтом. Литые колты в Серенске пока не найдены, однако в других поселениях, например в Новгороде[9] или Поросье,[10] известны биллоновые или медные литые колты, выполненные в имитационных литейных формочках. Другой колт[11] был скромнее орнаментирован: без каймы, с двумя петельками для дужки. Изображение на его щитке менее четко, по-видимому, это был сказочный пес Симаргл.[12] Прекрасно сохранившаяся литейная формочка для круглого колта с изображением геральдического зверя,[13] подобно киевским формочкам, возможно, также служила для отливки бронзовых колтов с эмалью.[14] Встречаются формочки для круглых колтов, орнаментированных менее пышно, например концентрическими кругами из ложной зерни (рис. 2, *1*).

В северо-западной части детинца встречена створка трехстворчатой формочки для отливки трехбусинного височного кольца «навыплеск». Бусины кольца по окружности и радиусам украшены поясками ложной зерни, в центре бусины шарик зерни. Стержень кольца, как и бусины, полый, отливался вместе с ними, а затем в нагретом состоянии сгибался (рис. 1, *2*, 2, *13*). По орнаментации и расположению бус формочка очень близка найденным в тайнике Десятинной церкви в Киеве.[15] На Серенском городище обнаружено два литых трехбусинных височных кольца; форма и орнамент бус полностью совпадают с бусами рассмотренной литейной формы. Одно из колец целиком серебряное. Другое состояло из бронзовой дужки и нанизанных на нее трех серебряных бусин. К сожалению, сохранность колец очень плохая, так как они откопаны в слое пожара. Известна литейная формочка для отливки трехбусинных височных колец «навыплеск» и с гладкими бусами. Кольцо получалось согнутым в кружок[16] (рис. 2, *14*).

Существовали литейные формочки и для отливки гладких шарообразных бус (рис. 2, *8*) или бус, орнаментированных кружочками ложной скани (рис. 2, *6*). Бусы, изготовленные в этих формах, также известны в Серенске.

Ряд имитационных формочек служил для отливки плоских предметов, пластинчатых и створчатых браслетов, перстней, лунниц (рис. 2, *5*), круглых медальонов, крестиков (рис. 2, *10*) и т. п.

Помимо литейных формочек для отливки широких створчатых серебряных браслетов с чернью, богато украшенных сценами языче-

---

хина в свое время назвала их «формочками киевского типа» (Г. Ф. Корзухина. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. СА, т. XIV, 1950, с. 220).

[4] Н. Н. Стоскова. Литье способом «навыплеск» в древней Руси. Вопр. истории естествознания и техники, 1955, № 1, с. 155—156; Н. В. Рындина. О древнерусском литье «навыплеск». СА, 1962, № 3, с. 91.

[5] Т. Н. Никольская. Древнерусский Серенск..., с. 77, рис. 24, *7*.

[6] Н. В. Рындина. О древнерусском литье..., с. 98.

[7] Петрографический анализ литейных формочек произведен в лаборатории Института археологии АН СССР О. Ю. Круг.

[8] Т. Н. Никольская. Кузнецы железу..., с. 127, рис. 1, *1*.

[9] Н. В. Рындина. О древнерусском литье..., с. 95, 96, рис. 3, *5*.

[10] Г. Ф. Корзухина. Киевские ювелиры..., с. 223, рис. 1, *3*.

[11] В Серенском детинце обнаружена и литейная формочка, специально предназначенная для отливки дужки для колта (рис. 2, *12*).

[12] Б. А. Рыбаков. Русалии..., с. 93, рис. 2.

[13] Т. Н. Никольская. Древнерусский Серенск..., с. 77, рис. 24, *2*, с. 78, рис. 25, *3*.

[14] М. К. Каргер. Древний Киев. Т. I. М., 1958, табл. II, V.

[15] Там же, табл. VI.

[16] Каменная литейная формочка (одна половинка) для трехбусинного височного кольца с гладкими бусинами найдена в вятичском кургане XIII в. у с. Митяево, в погребении девочки (А. В. Арциховский. Митяевские литейные формы. Техника обработки камня и металла. М., 1930, табл. IX). Такая же литейная форма найдена на городище Болгар на Волге (А. В. Арциховский. Курганы вятичей. РАНИОН, М., 1930, с. 64).

ских русалий[17] или изображением человеческого лица,[18] имеются формочки с менее замысловатым орнаментом в виде зверей[19] или птиц в сочетании с геометрическим или растительным узором (рис. 1, *6*), подражающим узору дорогих серебряных браслетов из кладов домонгольской поры в Земле вятичей. Встречаются различные комбинации рельефных полос, гладких или в виде витой веревочки, расположенных то в виде косого креста в сочетании с шариками ложной зерни, то в виде параллельных поясков (рис. 1, *5*, 2, *4*, 7). На литейных формочках эти линии и точки были углубленными.[20] Подобный же орнамент встречается и на формочках для пластинчатых (несторчатых) браслетов. Следует упомянуть двустороннюю литейную формочку для отливки двух пластинчатых браслетов: на одной ее стороне изготавливались браслеты, орнаментированные косыми ромбиками, составленными из ложновитой скани, на другой — браслеты с рельефными продольными полосами. На боковой грани формочки процарапаны две буквы. Два фрагмента одной формочки с подобным орнаментом, найденные в разных пластах, составили целую литейную формочку для пластинчатого браслета. На ее боковой грани также процарапаны две буквы (рис. 1, *4*).

Целая, хорошей сохранности формочка с надписью на боковой грани (надпись прочитать не удалось; первая буква Н) предназначалась для отливки трех миниатюрных крестиков и прямоугольной бляшки, возможно для пояса (рис. 1, *8*).[21] Встречены в Серенском детинце и литые крестики, изготовленные в данной литейной форме (рис. 1, 7).

Интересна литейная формочка, к сожалению, сохранившаяся не полностью. На одной ее стороне отливались сразу два пластинчатых тупоконечных браслета: один из них украшен четкими завитками растительного орнамента (побег), контуры другого обозначены ложновитыми веревочками (рис. 2, *9*). Литые пластинчатые браслеты с подобным орнаментом найдены в Серенском детинце.[22] Другая сторона формы служила для отливки предмета загадочного назначения: это булавка с крестообразной головкой, украшенной ложной зернью и колечками ложной скани; конец булавки раздвоен и загнут крючками (рис. 1, *9*).[23] В Серенском детинце была найдена бронзовая булавка, которая может быть поставлена в один типологический ряд с предметами, отливавшимися в данной форме: конец булавки также раздвоен и загнут крючками, однако головка ее была в виде ромбического щитка, на котором изображена птица в профиль (рис. 1, *3*). Назначение таких булавок пока не совсем понятно; возможно, что они употреблялись в качестве застежек для парадной одежды. Найден обломок еще одной двусторонней литейной формочки. Одна сторона ее служила, вероятно, для отливки подобного же типа булавки, но более легкой и ажурной. Крестообразный корпус украшения изготавливался из ложновитой скани, дополненной шариками ложной зерни (рис. 2, *2*). На другой стороне формы отливался ажурный нательный крестик, выполненный в той же технике[24] (рис. 2, *3*). В левом верхнем углу формочки сквозное отверстие, а в правом небольшое углубление для скрепления с крышкой. Плоские каменные крышки, которыми пользовались при отливке односторонних плоских вещей, также найдены при наших раскопках (рис. 2, *11*).

Итак, мы рассмотрели разнообразные имитационные литейные формочки древнерусского Серенска, изготовленные, несомненно, рукой

[17] Т. Н. Никольская. К истории.., с. 115, рис. 38.

[18] Т. Н. Никольская. Древнерусский Серенск.., с. 77, рис. 24, *1*, с. 78, рис. 25, *1*.

[19] Там же, с. 78, рис. 25, *5*.

[20] Обломки литых створчатых браслетов, орнаментированных ложной зернью и ложной сканью, известны в Серенском детинце, однако они выполнены в других литейных формочках, пока не найденных. (Т. Н. Никольская. 1) К истории.., с. 114, рис. 37, *3*; 2) Кузнецы железу.., с. 129, рис. 2, *9*).

[21] Литейные формочки с надписями известны в Киеве. На одной из них — для трехбусинной серьги — четкая надпись: Макосимов.

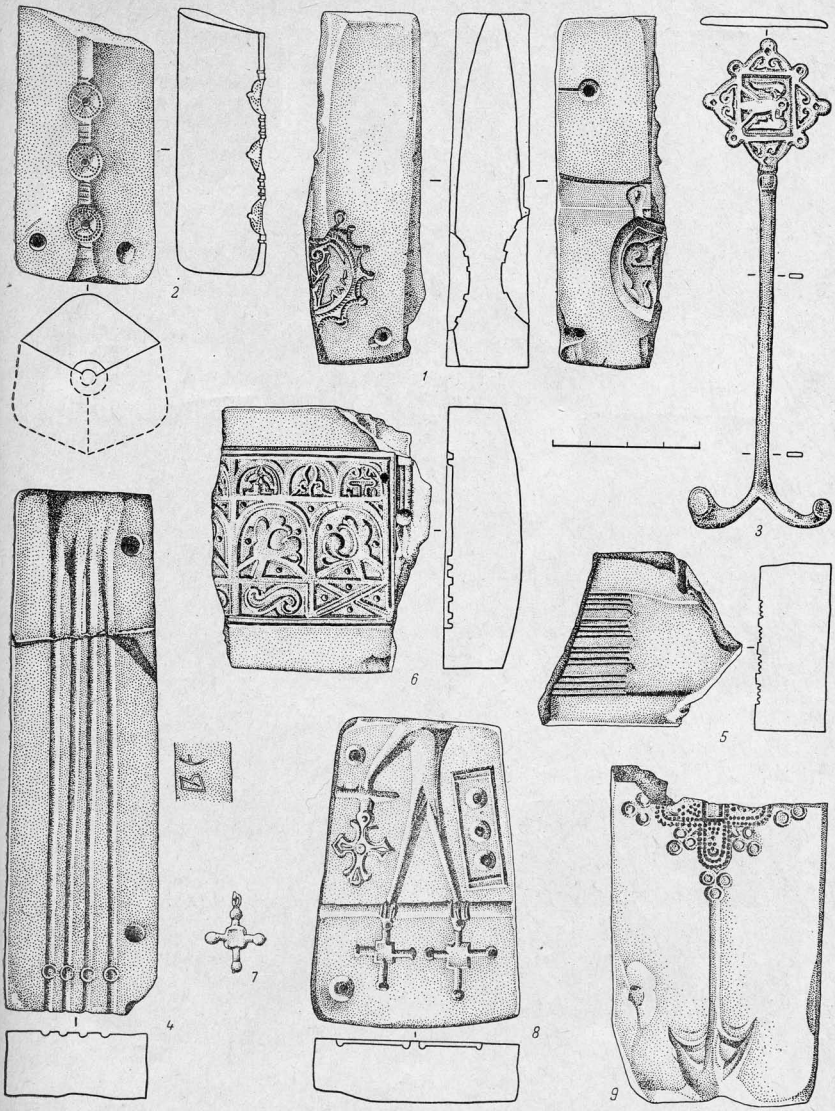
[22] Т. Н. Никольская. К истории.., с. 111, рис. 35, *4*, с. 114, рис. 37, *13*.

[23] Крестообразные булавки подобной формы найдены в Новгороде. (М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). МИА, № 65, 1959, с. 243, рис. 7, 8, 10).

[24] В том же раскопе ранее был найден обломок двусторонней литейной формочки для подобного же крестика, на обломке — нижняя его часть (на другой стороне формочки отливалась круглая монетовидная подвеска). Целая литейная формочка для подобных же крестиков, найденная в 1966 г. в другой мастерской (северо-западная часть детинца), опубликована: Т. Н. Никольская. Кузнецы железу.., с. 130, рис. 3, *1*, *4*. Шиферная литейная формочка для нательных крестиков, напоминающих серенские, известна в коллекции Райковецкого городища (В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, табл. XVII, 7).

Рис. 1. Каменные литейные формочки и бронзовые украшения Серенского городища.

1— литейная формочка для колта; *2* — литейная формочка для трехбусинного височного кольца; *3* — бронзовая булавка; *4* — литейная формочка для пластинчатого браслета; *5* — обломок литейной формочки для пластинчатого браслета; *6* — литейная формочка для створчатого браслета; *7*, *8* — литейная формочка для крестика и крестик, отлитый в данной формочке; *9* — литейная формочка для булавки с крестообразной головкой.



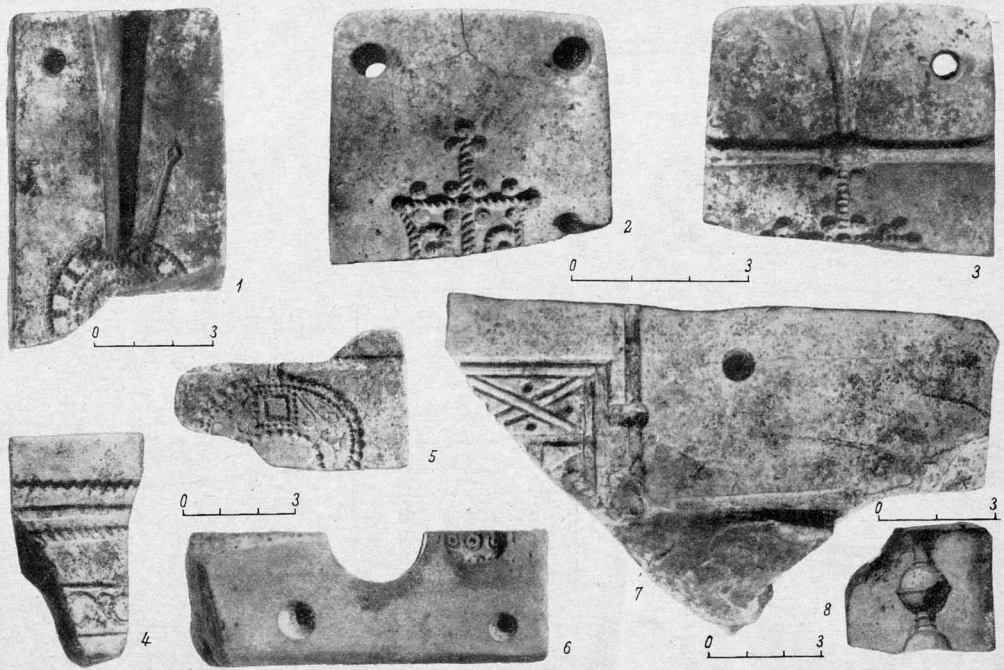


Рис. 2. Каменные литейные формочки Серенского городища.

1 — литейная формочка для колта; *2, 3* — двусторонняя литейная формочка для булавки с фигурным навершием и крестика; *4, 7, 9* — литейные формочки для створчатых и пластинчатых браслетов; *5* — литейная формочка для лунницы; *6, 8* — литейные формочки для бусин; *10* — литейная формочка для крестика; *11* — обломок крышки для литейной формочки; *12* — литейная формочка для дужки колта; *13* — литейная формочка для трехбусинного височного кольца; *14* — гипсовая отливка в литейной формочке трехбусинного височного кольца.

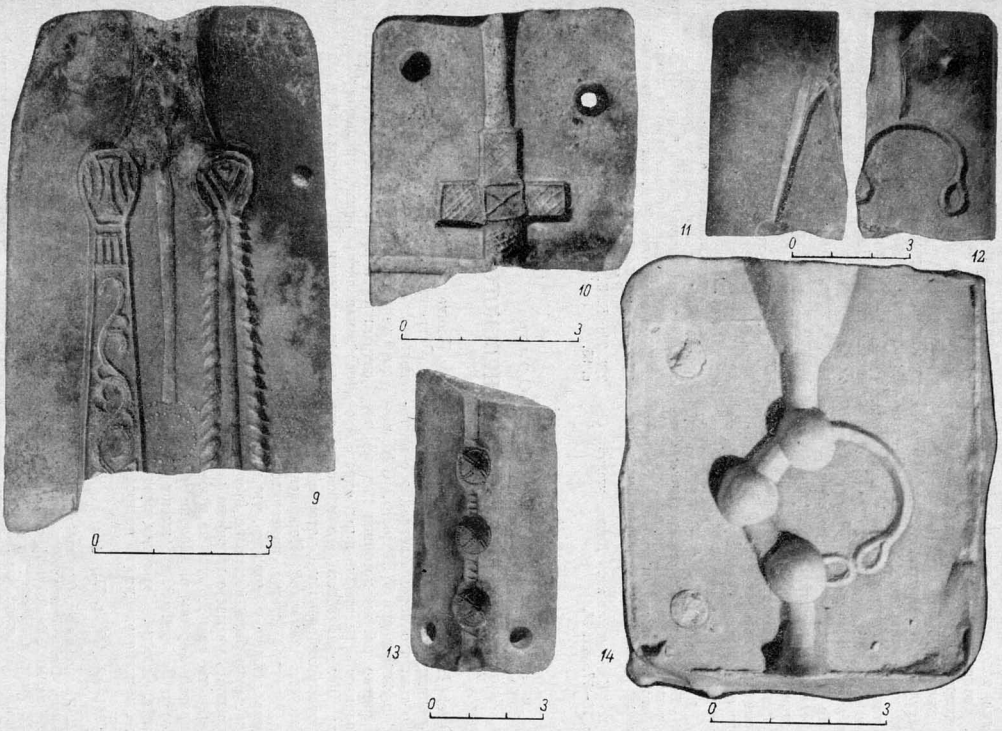


Рис. 2 (*продолжение*).

умелого мастера. Значит, наряду с ювелирами-литейщиками в Серенске работали и квалифицированные специалисты-камнерезы.[25]

Изучение топографии литейных формочек показало, что они не были «разбросаны» по всей территории Серенского детинца, а сосредоточены главным образом в восточной и западной частях, где открыты остатки жилищ-мастерских ремесленников. На раскопанной площади таких мастерских открыто четыре. Среди них особенно выделялась большая постройка в восточной части, погибшая во время пожара. На ее площади была найдена 31 литейная формочка, ювелирная наковальня и около тысячи разнообразных украшений, в том числе многочисленные витые бронзовые браслеты, решетчатые перстни и т. д.[26] Постройка, видимо, принадлежала богатому боярину, на дворе которого работали зависимые от него ремесленники.

К какому же времени относятся найденные в Серенске литейные формочки? Подавляющее большинство формочек и самих украшений найдено в слое пожара, который мы связываем с монгольским нашествием в 1238 г., поэтому их можно датировать второй четвертью XIII в. Однако характер украшений, изготавливаемых в этих формочках,[27] позволяет считать, что имитационные литейные формочки в древнерусском Серенске, как и в других городах (Киев, Новгород), появляются уже в конце XII в.[28] и продолжают употребляться вплоть до монгольского нашествия.

[25] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, с. 269—270. — Косвенным свидетельством существования таких камнерезов являются совершенно одинаковые литейные формочки для колтов и фигурных нательных крестиков, найденные в разных мастерских.

[26] Т. Н. Никольская. Древнерусский Серенск. . ., с. 75—77, рис. 24.

[27] Г. Ф. Корзухина датирует киевские имитационные формочки началом XIII в., выделяя характерные для этого времени признаки украшений (Г. Ф. Корзухина. Киевские ювелиры. . ., с. 227—228). Как мы могли видеть, литейные формочки, в которых изготавливали серенские ювелиры свои украшения, не обладают характерными для начала XIII в. признаками: трехбусинные височные кольца имеют одинаковые шарообразные бусы, колты по-прежнему круглые. Преобладающий орнамент — изобразительный.

[28] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, с. 271, 272, 278; Н. В. Рындина. О древнерусском литье. . ., с. 95.

С. Н. Орлов

ГОРОДЕЦ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО НА ШЕЛОНИ

В первой Новгородской летописи по Синодальному списку под 1239 г. есть краткое сообщение о том, что князь Александр с новгородцами «сруби городци по Шелоне».[1] В Комиссионном списке той же летописи под тем же годом говорится о постройке лишь одного «городца» на Шелони.[2] Место его известно: это Старое Порховское городище, которое в 1387 г. было заменено каменной Порховской крепостью.[3] В данной статье приводятся материалы, позволяющие утверждать, что в 1239 г. на этой же реке была построена вторая деревянная крепость на месте городища у дер. Городок. Городище расположено на мысе, образованном правым берегом р. Шелони и впадающей в нее р. Боровенкой, в 8 км вверх по течению от г. Сольцы. Памятник неоднократно посещался, но исследования его не проводились.[4]

Площадь городища 1.8 га. С трех сторон оно ограждено высокими берегами рек, а с напольной стороны — земляным валом и слабо выраженным рвом (рис. 1). Вал длиною 87 м сохранился в прибрежной части у р. Шелони, остальная часть, примыкающая к р. Боровенке, на протяжении 50 м распахана и на поверхности не прослеживается.

Культурные отложения выступают почти на всем городище в виде темного перегноя и перегоревших печных камней. В центральной части, на пашне, прослеживаются пятна выступающего материка, где культурный слой не сохранился. При осмотре городища резко бросается в глаза, что поверхность его по периметру исключительно ровная, как бы искусственно выровненная. Как мы увидим, она действительно выравнивалась специально при постройке крепостной стены.

Археологические исследования проводились на городище в 1969 и 1970 гг. в местах наибольшего разрушения. Это были небольшие охранные раскопы, общая площадь которых немногим превышает 400 м^2. Раскоп I (1969 г.) был заложен на мысе в юго-западной части городища. Здесь, в обнажениях крутой

[1] НПЛ, М.— Л., 1950, с. 77.

[2] Там же, с. 381.

[3] П. А. Раппопорт. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. МИА, № 105, 1961, с. 41.

[4] Н. К. Рерих. Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого края. ЗРАО, т. XI, 1899; А. К. Васильев. Материалы к археологической карте. В кн.: Познай свой край. Вып. 3. Псков, 1927.

осыпи, виднелись остатки каменной стенки, выложенной из плит известняка в один ряд без связующего раствора. Стенка укрепляла подсыпку из глины и песка, которая заполняла впадину для выравнивания края площадки мыса вдоль берега р. Боровенки на сыпка имела толщину 1.5 м, а к краям уменьшалась и сходила на нет.

На вопрос, когда и для каких целей была сделана подсыпка, выравнивающая естественную впадину, можно было ответить только после тщательного изучения культурных на-

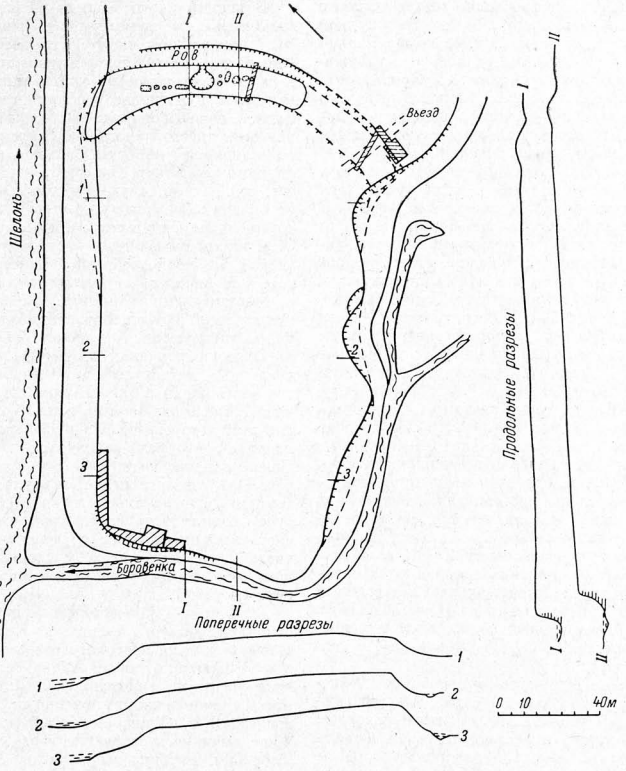


Рис. 1. Городище у дер. Городок.

протяжении 26 м. В раскопе II (1970 г.), который примыкал к раскопу I в северо-западном его углу и тянулся вдоль правого берега р. Шелони, удалось проследить распространение подсыпки в этом направлении еще на протяжении 16 м. Таким образом, общая длина подсыпки по периметру мысовой части городища 42 и ширина 4 м. В центре впадины подпластований на этом и других участках.

Почти на всей площади раскопа I с поверхности до глубины 0.3—0.4 м залегал перемешанный пашней темный перегной. В северо-западной части раскопа под пахотным слоем выступала подсыпка, а в юго-восточной обнажились неразрушенные культурные отложения. На разрезах стенок этой части раскопа

видно, что подсыпка перекрыла более древний культурный слой, а позже уже поверх нее отложились новые наслоения.

Археологические находки, собранные в разных слоях раскопа I, дают возможность определить время их отложения. В нижнем, предматериковом, слое встречались только обломки грубой лепной керамики с примесью крупной дресвы. Выше по горизонту наряду с лепной встречалась гончарная керамика с характерным бороздчатым и волнистым орнаментом. В слое пожара, который отложился до подсыпки, найдено значительное количество находок. Так, на глубине 0.85 м от поверхности найдены две бронзовые чашечки от весов X—XI вв. На глубине около 0.5 м от поверхности обнаружено три железных наконечника стрел ланцетовидной формы с черешком. Непосредственно в слое пожара в спекшемся состоянии находилось три наконечника копий. Там же найдено пять рыболовных крючков и четыре зуба от остроги. Все эти предметы были, очевидно, в одном помещении и погибли в огне. Они хорошо датируются X—XI, но не позднее XII в.[5] В горизонте пожара, который залегает выше подсыпки, найден железный топор с узким лезвием. Время бытования этих топоров в Новгороде относится к XIII в.[6]

Таким образом, уже в раскопе I четко определились два горизонта культурных отложений. Нижний горизонт поселения — предматериковый, где встречается в основном лепная керамика и лишь небольшое количество обломков от гончарных горшков. Этот период существования поселения завершается пожаром, в слое которого найдены хорошо датированные предметы вооружения X—XI вв. Верхний горизонт, разрушенный на большей части площади пашней, залегал выше подсыпки и может быть датирован находкой топора XIII в. Выделение двух горизонтов культурных отложений полностью подтвердилось на других участках раскопов.

В раскопе II толщина культурных отложений колеблется от 0.6 до 0.8 м, а в прибрежной части достигает 1.2 м. Верхний пахотный слой здесь также представляет собой перемешанный темный перегной толщиной до 0.4 м и местами непосредственно под ним в прибрежной части выступает подсыпка. Следовательно, слой пожара поверх подсыпки, который сохранился в раскопе I, здесь не сохранился. Но находки, собранные в верхнем горизонте выше подсыпки, свидетельствуют, что слой XIII в. имелся и здесь. Например, найден наконечник бронебойной четырехгранной стрелы и обломок наконечника втульчатого копья. Оба эти предмета древнерусского оружия характерны для XII—XIII вв.[7]

В южной части раскопа II четко выделялась подсыпка из материковой глины. Толщина ее в прибрежной части достигает 0.8 м. Она перекрыла нижний слой пожара, лежащий поверх предматериковых отложений. В нижнем горизонте культурного слоя, перекрытого подсыпкой, вновь обнаружены предметы вооружения и бытового характера. На глубине 0.73 м от поверхности найдена большая фибула с завитками на концах. Она изготовлена из бронзового перевитого стержня толщиной 0.7 м, форма ее подковообразная, диаметры 0.8 и 8.5 см. Длина иглы фибулы 9 см. На глубине 0.75 м от поверхности найдена бронзовая пряжка подобной же подковообразной формы с утолщением на концах и бронзовый литой браслет с разомкнутыми концами. Все эти находки принадлежат украшениям прибалтийских типов и датируются в основном X—XI вв.[8]

С целью изучения структуры вала и установления местоположения несохранившейся его части были заложены две траншеи. Траншея 1 прорезала насыпь вала около центральной линии городища. По профилям стенок выяснилось, что вал сооружался в два приема. Более древняя часть его состоит главным образом из светлого песка, а верхняя, перекрывающая ее, — из смеси песка с темным перегноем культурного слоя. Кроме того, нижняя часть насыпи отделена от верхней прослойкой чистого светлого песка. Первичная насыпь вала имела ширину около 8 и наибольшую высоту 1.5 м.

Траншея 2 заложена в 14 м от южного склона городища в его северо-восточном углу. Насыпь вала на поверхности здесь не сохранилась, распахана, но основание ее на разрезах траншеи четко определилось. Ширина основания первичной насыпи, очевидно, здесь не превышает 9 м. С внешней стороны насыпи хорошо выявилось основание рва. В ширину ров имел 5 м. Глубина его по отношению к материку была около 1.3 м. Нижняя часть оказалась заполненной культурными отложениями, которые состояли из углистой черной массы перегноя в смеси с перегоревшими печными кам-

[5] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, с. 164, рис. 13, *9*; А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие. САИ, вып. 2, 1966, с. 7 и сл., табл. II, рис. 1.

[6] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1965, с. 29 и сл., рис. 11, *1, 2*.

[7] А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, рис. 1, тип IV, *А*; А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, с. 163, рис. 15, *7*.

[8] М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). МИА, № 65, 1959, с. 241 и сл., рис. 6. — Полную аналогию фибулы имеют в находках из погребений Гнездовского могильника (МАР, № 28, 1902, табл. 1, *17, 19, 21*).

нями. Представляется, что в ров сбрасывали то, что вычищали периодически из печей-каменок. При расчистке культурных остатков в основании рва найдено 34 фрагмента от лепных глиняных горшков и несколько черепков от гончарных горшков без орнамента.

обнаружено основание печи-каменки. Печь находилась в жилом помещении, нижний ряд бревен сруба которого удалось расчистить и зафиксировать (рис. 2). Постройка имела квадратную в плане форму с размером сторон внутри 4.8 × 4.8 м, а длина бревен с углами

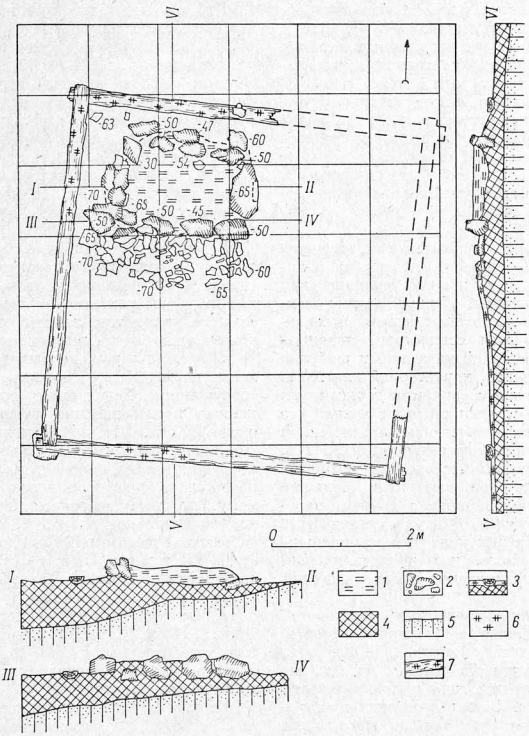


Рис. 2. Остатки избы в раскопе у въезда на городище у дер. Городок.
1 — глина; *2* — камни; *3* — бревна (в сечении); *4* — плотный перегной; *5* — материк; *6* — слой пожара; *7* — обгорелые бревна.

Раскоп у въезда на городище был заложен в 1970 г.[9] Этот маленький раскоп дал новые важные материалы. После снятия дерна при расчистке пахотного слоя на глубине 0.4—0.6 м

достигала 5.3 м. На бревнах были следы пожара. Прослойка со следами пожара прослеживалась на всей внутренней площади помещения и отслаивалась от утрамбованного земляного пола. Характерно, что никаких бытовых предметов на уровне остатков постройки не найдено, но около северо-западного угла ее на

[9] Охранные раскопки 1970 г. проводились отрядом Новгородской архитектурно-археологической экспедиции под руководством М. К. Каргера.

уровне земляного пола обнаружен железный наконечник стрелы длиной 13.5 см, треугольный в сечении. Такие наконечники использовались как бронебойные и бытовали в Новгороде в XII и последующих веках.[10] Ниже основания постройки залегают культурные отложения в виде темного перегноя толщиною 0.2 м. При расчистке этого слоя встречены обломки от гончарных горшков с волнистым и линейным орнаментом и бронзовая небольшая подковообразная фибула с завитками на концах. Эта фибула также датируется XI в.

Интересные данные получены при изучении траншеи, которая прошла к северу, вдоль внешней бровки рва, и соединялась с траншеей 2, пересекающей основание вала. В траншее не обнаружено рва; здесь была перемычка, которая, очевидно, и служила въездом на городище. Ров прослеживался к северу и югу от перемычки.

Таким образом, полученные материалы в раскопе у въезда вновь указывают на наличие двух периодов в жизни городища как укрепленного поселения. Первый период связан с нижними горизонтами культурных отложений и датируется совместным нахождением лепной и гончарной керамики и фибулой с завитками на концах, характерной для XI в. Второй период связан с верхними горизонтами культурного слоя, с засыпкой рва в южном его конце и постройкой избы с печкой-каменкой поверх этой засыпки. Относится он к XIII в.

Кроме раскопов, мы исследовали осыпи на склонах городища, где выступали большие толщи песка, перемешанного с темным перегноем культурного слоя. В двух случаях были заложены шурфы и выяснено, что осыпи представляют собой места, где проводили подсыпки с целью выравнивания краев площадки городища.

Для заполнения выявленных неровностей потребовалось не менее 700 м³ земли, которая, вероятно, была взята с внутренней площади городища. Это видно по многим местам, где отсутствует культурный слой и с поверхности выступает материк. Уже объем земляных работ свидетельствует, что они не могли быть выполнены жителями одного поселка. Эти работы имели государственные масштабы.

Нет сомнения, что по выровненному периметру площадки городища и по поверхности земляного вала шла рубленая из бревен крепостная стена. Хотя следы ее и не сохранились, но остатки сторожевой избы при въезде в городище, следы пожара на поверхности присыпки в раскопе I и выравнивание площадки вокруг городища — все это убеждает, что здесь были возведены серьезные сооружения. В стратегическом отношении место городища очень выгодное, мыс глубоко вдается в русло р. Шелони и крепость была нацелена на противника, идущего водой с верховьев этой реки.

Кто же мог быть противником? Очевидно, это были литовские князья, усилившие набеги в XIII в. на юго-западные территории Новгородской земли. Под 1200 г. летописец сообщает: «Ловать възяша Литва и до Налюця, с Белее до Свинорта и до Ворча середу».[11] Из сообщения видно, что литовцы прошли не только по верховьям р. Ловати, они вторглись в долины рек Полы (Налючи) и Поломети (Белое, современное село Белый Бор, около станции Лычково). Затем литовцы вошли в долину р. Шелони, где стояло упомянутое поселение Свинорт.[12]

Городище как укрепленный пункт, по-видимому, появилось не позднее начала X в., но славянское поселение на этом месте, возможно, возникло еще раньше. Об этом свидетельствует большое количество лепной керамики, которая встречается в предматериковых отложениях. В 1239 г. на городище были, очевидно, возведены новые, более мощные, оборонительные сооружения. Территория городища, выровненная под основание стены, имеет длину около 600 м. Это почти половина периметра Новгородского детинца. Крепость, вероятно, просуществовала не очень долго, так как она не вошла в поле зрения летописцев. По-видимому, она была разорена и сожжена литовским князем Ольгердом в 1346 г., когда тот прошел со своим войском по долинам рек Шелони и Луги. Летописец пишет по этому поводу: «...прииха князь Литовьскии Ольгердъ съ своею братьею съ князи и со всею Литовьскою землею, и ста в Шелони, на усть Пшаги рекы... И взя Шелону и Лугу на щить, а с Порховського городка и съ Опоки взя окупъ».[13] С этого момента, очевидно, крепость на городище не возобновлялась.

Итак, новые археологические источники в сочетании с письменными дали возможность установить наличие на берегах р. Шелони еще одной крепости, которая существовала, видимо, с X—XI до середины XIV в. и защищала пути сообщения между Новгородом и Псковом, а также подходы к Новгороду Великому со стороны Литвы.

[10] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, с. 163, рис. 13, *44*.

[11] НПЛ, с. 45 и 239.

[12] Село Свинорт (сейчас с. Невское) находится в 17 км ниже городища по течению р. Шелони, на правом ее берегу, при впадении р. Колошки (или Колокши).

[13] НПЛ, с. 358.

А. В. Поппэ

О ЗАПИСИ ИГУМЕНА СИЛЬВЕСТРА

«Игуменъ Селивестръ святога Михаила написахъ книгы си Лѣтописець, надѣяся от Бога милость прияти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ в то время игуменящю у святаго Михаила, въ 6624 индикта 9 лѣто; а иже чтет книгы сия, то буди ми въ молитвахъ».[1]

Значение приписки выдубицкого игумена Сильвестра при восстановлении судеб Повести временных лет и ее редакции не подлежит сомнению. Попытки ее интенсивного прочтения правомерны, но следует учитывать и рассматривать все возможности, не останавливаясь только на подходящей. М. Х. Алешковский и А. Г. Кузьмин считают, что Сильвестр вспоминает о проделанной им работе, будучи уже переяславльским епископом (поставлен 1 января 1118 г. — умер 12 апреля 1123 г.), и исходя из этого строят вские для истории летописания выводы.[2] Не оспаривая их тут, мы попытаемся только разобраться в возможностях различного понимания, а следовательно, и датировки самой записи.

Оба автора ставят ударение на «в то время», понимая это выражение в современном смысле, как указание на нечто более отдаленное во времени. Но следует принять во внимание, что древнерусское указательное местоимение *тъ, та, то* выражает разные степени удаленности (во времени или пространстве), поэтому оборот может быть переведен «в это время».[3] К тому же в данном случае местоимение *то* выражает анафорическую связь, оно не столько указывает, сколько отсылает к упомянутому в предшествующем контексте.[4] Здесь следует рассматривать оборот как целое с учетом его применения в киевский период, особенно в летописании. Из наблюдений видно, что летописец пользовался старославянскими оборотами речи «в се время», «в то время», в значении книжного «в ту пору», причем сравнение Лаврентьевского и Ипатьевского списков показывает на заменимое употребление «се» и «то». При строгом обозначении понятие времени «в се время» выражало одновременность событий, тогда как в обороте «в то время» следует усматривать отношения взаимной связи событий, происходящих в тот самый период.[5]

Но самое главное, доискиваясь смысла записи, следует учесть, что в предложении дважды выступает дательный самостоятельный,[6] состоящий в данном случае из причастия действительного залога настоящего времени и

---

[1] См.: Лаврентьевская летопись. ПСРЛ, т. I, Л., 1926, стб. 286. Ср.: Радзивиловская или Кенигсбергская летопись. I. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб., 1902, л. 155. — Сокращение в обоих списках *лѣт* следует читать в винительном падеже, а не в родительном, так как имеется в виду «индикта 9-е (а не 9-го) лето». Ошибочное прочтение *лета* господствует в изданиях ПВЛ, и А. А. Шахматов предлагал конъектуру «въ лето 6624, индикта 9» (ср. предложенную им реконструкцию текста: ПВЛ, Пгр., 1916, с. 332), но исправность чтений Лаврентьевского и Радзивиловского списков делает ее лишней.

[2] М. Х. Алешковский. 1) Первая редакция Повести временных лет. Археографический ежегодник за 1967 г. М., 1969, с. 17; 2) Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в древней Руси. М., 1971, с. 49—52; А. Г. Кузьмин. Индикты начальной летописи (К вопросу об авторе Повести временных лет). В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 312. — Отметим, что датировка Сильвестровой записи его переяславльским периодом вытекает также из ошибочного понимания текста в том смысле, что Сильвестр говорит о своей работе сначала в третьем лице, а затем — в первом. Этого не могло бы быть, если бы запись была сделана в 1116 г. в Выдубице, а не после 1118 г. в Переяславле (см.: М. Х. Алешковский. 1) Первая редакция..., с. 38; 2) Повесть..., с. 50). Но *написах* ведь не 3-е л., а 1-е л. ед. числа аориста, и переводить следует: «Я, игумен Сильвестр, ...написал...».

[3] Ср.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. 1906, СПб., стб. 1067. См., например, в Юрьевской грамоте (около 1130 г.): «тъ святыи Георгии» (Памятники русского права. Вып. 2. М., 1953, с. 102) с явно подчеркнутым всем контекстом указанием близости: этот самый.

[4] И. Я. Элсберг. Значение и употребление постпозитивного указательного местоимения тъ (тотъ) в русском литературном языке XII—XIII вв. (На материале описаний хождений и путешествий русских людей). Уч. зап. Латв. гос. ун-та, т. 83, Рига, 1967, с. 33—47.

[5] А. С. Львов. Выражение понятия времени в Повести временных лет. В кн.: Русская историческая лексикология. М., 1968, с. 20—39.

[6] Об употреблении этой формы древнерусскими книжниками см.: И. Белоруссов. Дательный самостоятельный падеж в памятниках церковно-славянской и древнерусской письменности. Русский филологический вестник, т. 41, Варшава, 1899, с. 71—140. — Выдержки из источников оборотов с дательным самостоятельным, заменяющих обстоятельственные предложения времени, см. также: с. 111—120; В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1965, с. 482—488; Е. Карский. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962, с. 105—106. — Заметим, что редактор протографа Радзивиловского и Академического списков чужд ался уже конструкции Сильвестра и заменил: «...при князи Володимери Киевьском, а мне игуменом бывшю» (ПСРЛ, т. I, М., 1962, с. 286, прим. 8).

местоимения в дательном падеже: *княжащю ему, мне игуменящю*. Оба оборота дательные самостоятельные исполняют функцию придаточных предложений времени, причем употребление в обоих причастиях настоящего времени указывает на современность действий действию глагольного сказуемого: *написахъ* (книгы).[7] Применение аориста, подчеркивающего законченность действия, позволяет четко понимать предложение. Сильвестр завершил свою работу над летописью[8] в княжение Владимира в Киеве, будучи игуменом (перевести можно так: «...когда он княжил в Киеве, а я в это самое время игуменствовал у святого Михаила»), в 6624-е индикта 9-е лето, т. е. в период между 1 марта и 1 сентября 1116 г. Вопрос о том, когда же он написал это предложение, можно считать открытым и следует искать решение путем иных соображений.

Такого рода запись, по замыслу адресованную будущим читателям, потомкам, книжники писали обычно, завершая свой труд. Показательна в этом отношении приписка диакона Григория в Остромировом евангелии с применением дательного самостоятельного: «Написах же еуангелие се... Изяславу же князу тогда прѣдържащю обѣ власти...»,[9] т. е. «в ту пору, когда князь Изяслав владел двумя областями». Помимо употребления наречия временного значения *тогда*, отмеченные обстоятельства современны не только времени написания Евангелия, но не прекращались и некоторое время спустя после составления приписки 12 мая 1057 г.[10]

Таким образом, наиболее вероятно отнести запись к моменту, когда Сильвестр ставил последнюю точку, т. е. весной или летом 1116 г., на что, пожалуй, указывает выбор аориста и совершенного вида, подчеркивающих скорее всего момент окончания, а не процесс (писах), тогда как при более поздней записи следовало бы ожидать давно прошедшего времени: написал *бѣх* (*бях*). В пользу составления записи в 1116 г. говорит и то, что Сильвестр называет себя в начале записи игуменом.[11] Если бы Сильвестр делал эту запись после 1 января 1118 г. в Переяславле, будучи уже в архиерействе, ему было бы неуместно представляться читателю игуменом («Я, игумен Сильвестр, написал...»). Он назвал бы свой настоящий сан, тем более, что далее определяет время своего труда над Летописцем. В том, что Сильвестр два раза заявляет о своем игуменстве в монастыре св. Михаила, следует видеть не столько плеоназм, сколько анафору — повторение, подчеркивающее определенную мысль в высказывании.[12]

В свете изложенного предположение о более позднем составлении записи, уже в Переяславле, в 1118—1123 гг., звучит неубедительно, и исследователям, не желающим от него отказаться, необходимо привлечь иные доказательства в его пользу.

---

[7] Ср. тождественные обороты речи с дательным самостоятельным, заменяющим обстоятельственные предложения времени: «Феодосьеви живущю в монастыри и правящю добродетелное житие... к нему же и аз придох» (ПВЛ под 1051 г. ПСРЛ, т. I, с. 160); «Быша же си в лето 6559, владычествующу благоверному кагану Ярославу» (Исповедание веры Илариона с припиской о поставлении. РИБ, т. 36, Пгр., 1920, с. 103); «Аз же... куних кандило... принесох ко гробу Господню, уже вечеру сущю» (Хождение игумена Даниила. Изд. М. Веневитинова, 1883—1885 гг. В кн.: Slavische Prorуläen, 36, München, 1970, S. 128).

[8] Мы не касаемся тут ее сути, но следует не впервые отметить, что глагол *написати* мог означать равным образом как сочинение текста (ср.: ПВЛ под 1051 г.: «Се же написах и положих и кое лето почал быти монастырь ...Печерьскыи...»), так и его переписку, и поэтому построенный на одностороннем толковании этого слова вывод, что Сильвестр был переписчиком (М. Х. Алешковский. Повесть..., с. 52, 117), беспредметен.

[9] Диакон Григорий в этом предложении трижды прибегает к дательному самостоятельному. См.: Остромирово евангелие 1056—57. Изд. И. К. Савинкова, СПб., 1889, л. 294.

[10] По крайней мере до 1060 г. Ср.: А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 524—525; А. Рорре. Ostromir. Słownik Starożytności Słowiańskich, t. III. Wrocław, 1967—1968, s. 549—550.

[11] На это обратили внимание Д. С. Лихачев и Я. С. Лурье, выступая в прениях по докладу автора «О спорных вопросах древнейшего летописания», состоявшемуся в древнерусском секторе ИРЛИ 3 июня 1971 г.

[12] С. Т. Голубев считал: «Плеоназм этот может находить оправдание (объяснение) в том факте, что Повесть временных лет, начатая Сильвестром в бытность его иноком Печерской обители, закончена была им уже в звании Выдубицкого игумена» (С. Т. Голубев. Киево-Выдубицкий монастырь. Тр. Киев. духов. акад., кн. 12, 1913, с. 550). Сказанное Сильвестром приводит к мысли, что весь свой труд над летописью он относит не только ко времени игуменства (т. е. после 1105 г.), но и ко времени после вокняжения в Киеве Владимира Мономаха (т. е. после 20 апреля 1113 г.). Но делать какие-либо выводы на основании этого рода плеоназмов рискованно, учитывая, что излишние, с точки зрения точной передачи мысли, слова у средневековых книжников не редкость.

М. Г. Рабинович

К ИСТОРИИ СКОМОРОШЬИХ ИГР НА РУСИ
(«Реквизит» вертепа)

Среди множества найденных при археологических раскопках в Москве игрушек обращают на себя внимание человеческие фигурки, имеющие внизу специальную круглую втулку. Верхняя часть фигурки представляет собой голову и корпус мужчины или (реже) женщины. Они вылеплены от руки, глаза и рот прочерчены острой палочкой.

Лепка чрезвычайно обобщенная, детали лица почти не проработаны, одежду различить едва возможно, однако фигурки очень выразительны. Они несколько шаржированы, неуловимые штрихи придают им черты карикатуры.

Ног нет, на их месте — втулка (диаметр 1.3—1.8 см), которую можно надеть на палец. Руки у всех фигурок обломаны, но по оставшимся частям видно, что мастер хотел сообщить куклам большую экспрессию, изображая их в движении, с широко расставленными руками. В отличие, например, от игрушечных всадников движения этих фигурок очень свободны, отсутствует какая-либо скованность, кажется, куклы ведут оживленный разговор.

В наших коллекциях пока три такие фигурки. Две из них (рис. 1, *1*, *3*) найдены в Зарядье среди развалин усадьбы, сгоревшей при пожаре 1468 г. (комплекс № 15), третья (рис. 1, *2*) — поблизости от этой усадьбы, тоже на северной стороне Великой улицы, в прослойке несколько более ранней, но также относящейся к середине XV в.[1]

Пожалуй, наиболее выразительна фигурка мужчины в несколько суживающейся кверху шапке-«горшке» (рис. 1, *1*). Голова его поднята, даже несколько закинута назад, как бы в удивлении. Сохранившаяся часть правой руки позволяет предположить, что она (прямая или согнутая) была поднята примерно до уровня плеча. Глаза приоткрыты, нос слегка выдается, подбородок, к сожалению, сколот, так что нельзя судить о нижней части лица. Впрочем, кажется, была небольшая борода. В целом, это тип простоватого мужика.

У другой фигурки отбиты и голова, и руки (рис. 1, *2*). Все же можно понять, что изображен мужчина в короткой неподпоясанной рубахе (несколько расширенный подол рубахи и образует втулку). Поза более уверенная, чем у первой фигурки, руки, по-видимому, находились перед грудью или лицом, как это бывает при жестикуляции во время разговора.

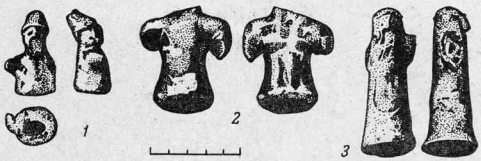


Рис. 1. Керамические фигурки из раскопок в Москве (*1—3*).

Третья фигурка, вероятно, женская. На ней довольно длинная одежда, был и головной убор, но он отбит, как и обе руки. Черты лица неясны, глаза едва намечены, выделяется лишь крупный нос (рис. 1, *3*). Левая рука, очевидно, была поднята. В том виде, в каком фигурка сохранилась, нельзя с полной уверенностью утверждать, что она женская. Возможно, мастер и не задавался целью как-либо подчеркнуть пол, чтобы в зависимости от обстоятельств фигурка могла выполнять и мужские и женские роли (например, роль солидного богатого горожанина в длинной одежде).

Высота этой фигурки 8 см (в головном уборе она должна была быть больше); высота первой фигурки 5 см, вторая фигурка должна была быть крупнее первой, но меньше третьей.

По материалу и технике изготовления фигурки близки к хорошо известным московским игрушкам, производившимся мастерами Гончарной слободы. Но хронологически они им предшествуют: московские игрушки в виде

[1] М. Г. Рабинович. Культурный слой центральных районов Москвы. Древности Московского Кремля. МИА, № 167, 1971, с. 59, 98.

фигурок людей и животных распространились только в XVI и особенно в XVII в.[2]

Конструкция фигурок XV в. и отмеченные нами различия в характере их исполнения заставляют предположить другое назначение этих предметов. Очевидно, это не игрушки в собственном смысле слова (хотя нельзя отрицать

дей, — писал Олеарий, — имеют при себе и таких комедиантов, которые, между прочим, при помощи кукол устраивают представления (у голландцев это называется Klucht). Эти комедианты завязывают себе вокруг тела одеяло и расправляют его вверх вокруг себя, изображая таким образом переносный театр,

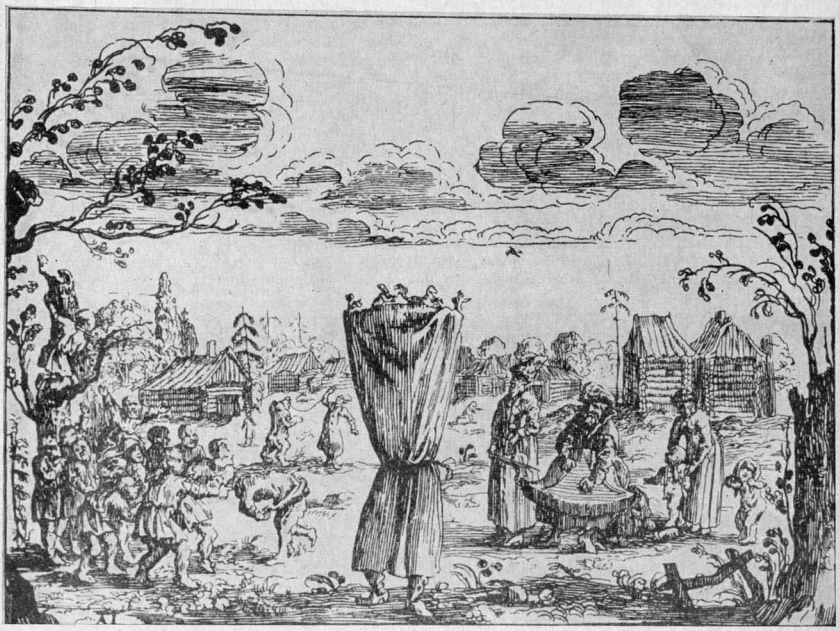


Рис. 2. Уличное представление скоморохов в Москве (по А. Олеарию).

и возможности использования их в детской игре), а персонажи кукольного театра.

Посетивший Москву в середине XV в. Адам Олеарий описал и уличный быт города. Он рассказал в своей книге, как прямо на улицах для потехи прохожих устраивают игры скоморохи. «Их плясуны — вожаки медве-

с которым они могут бегать по улицам и на котором в то же время могут происходить кукольные игры».[3]

Описание дополняется рисунком, выполненным, как считают исследователи, при участии самого Адама Олеария и изображающим уличную сценку (рис. 2).[4] Тут есть вожак с медведем, паяц (в маске?), музыкант, играющий на гуслях, которые лежат у него на коле-

[2] М. В. Фехнер. Глиняные игрушки московских гончаров. МИА, № 12, 1949, с. 52—56. — Попытки отнести некоторые находки женских фигурок того же типа к глубокой древности в настоящее время оставлены (Г. М. Шовкопляс. Археологічні пам'ятки гори Кіселівкі в Київі. Праці Київського державного музею, в. 1, Київ, 1958, с. 156—157).

[3] А. Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, с. 190.

[4] Там же, с. 189.

нях. В центре же — странная фигура: человек в сапогах и довольно длинном (до икр) кафтане, скрытый выше пояса странным сооружением, напоминающим по форме усеченный конус, обращенный большим основанием кверху. Верхняя площадка этого сооружения служит своеобразной сценой, на которой развивается действие кукольной комедии. Художник изобразил все детали, и на рисунке хорошо различаются миниатюрные фигурки оживленно жестикулирующего человека, лошади с поднятым хвостом, другого человека и еще какого-то животного (возможно, собаки). Д. А. Ровинский попытался даже восстановить сюжет комедии: он считает, что это известный и много позднее герой русского народного театра Петрушка покупает у цыгана лошадь.[5] И если лошадь на рисунке имеет лишь отдаленное сходство с игрушками работы московских гончаров XVI—XVII вв., то фигурка жестикулирующего Петрушки (крайняя справа) весьма напоминает описанную нами вторую фигурку из раскопок слоя середины XV в.

О деталях устройства самой этой передвижной ширмы-сцены мнения исследователей расходятся. Д. А. Ровинский считает, что скоморох повязан женской юбкой, натянутой вверху на обруч.[6] А. С. Фамицын предполагает, что ширма устроена из холщевой простыни.[7] Наконец, свидетель подобных сценок Олеарий сообщает, что скоморохи пользовались в таких случаях одеялом. Расхождения эти, на наш взгляд, несущественны.

Так или иначе, своеобразная переносная ширма из материи закрывала верхнюю часть фигуры скомороха-кукольника и поднималась выше его головы настолько, чтобы он мог достать до ее верхнего края (обруча?) вытянутыми кверху руками. На пальцы рук надевались фигурки, с которыми скоморох и разыгрывал маленькие комедии.

А. С. Фамицын вслед за Д. А. Ровинским предполагает, что главными сюжетами комедий были различные приключения Петрушки, аналогии которым находил в середине прошлого столетия у белорусов П. В. Шейн. Во времена Шейна куклы представляли собой марионеток с картонными (может быть, сделанными из папье-маше) головой и руками.[8] Ясно, что и в XVII, и в XVI, а тем более в XV в., когда бумага и все, что из нее производилось, было редко и чрезвычайно дорого, куклы скоморохов должны были быть из какого-то другого материала. Прежде всего на ум приходит дерево — материал для таких поделок чрезвычайно пригодный. Сохранившиеся и до наших дней народные деревянные игрушки, изображающие как бы отдельные сцены из комедий кукольного театра (например, медведь и мужик, бьющие друг друга ослопами), вероятно, имеют очень древние традиции.

Но найденные керамические фигурки позволяют предположить, что по крайней мере одним из предков картонной куклы была кукла глиняная, применявшаяся русскими скоморохами уже в середине XV в. Она вполне могла служить и во времена Олеария, который ничего не сообщает, из какого материала были сделаны куклы.

Если верить рисунку, то скоморошьи игры были сложным и разнообразным зрелищем, и его представляла целая, как мы бы сейчас сказали, труппа из нескольких человек со своим специальным, не очень сложным, реквизитом (вероятно, разного рода материями для устройства передвижных ширм и наряжания «козы», масками, куклами, музыкальными инструментами). Вожак и медведь потешали собравшихся в хорошо известном по позднейшим реликтам жанре. Им помогал паяц, иногда надевавший маску, иногда наряжавшийся козой, чтобы плясать с медведем. Скоморох-кукольник разыгрывал на вертепе излюбленные кукольные комедии. Всем аккомпанировал гусляр.

Скоморохи на Руси селились в городах и селах среди посадских людей или крестьян. Писцовые книги, указывая профессию тяглого человека, нередко упоминают скоморохов. Упоминаются даже целые скоморошьи слободы. Например, в с. Щербинах Тверского уезда была в конце XVI в. скоморошья слободка в 17 дворов. Казна брала со скоморохов высокий оброк, но они пользовались при этом некоторыми важными льготами по сравнению с пашенными крестьянами.[9]

В отличие от крестьян и большинства посадских тяглых людей скоморохи по самому роду занятий были подвижны и покидали свои дома иногда надолго, бродя по городам и селам.

Находка керамических кукол на Великом посаде, разумеется, не случайна. Здесь, в главном ремесленном и торговом районе Москвы, поблизости от торговых рядов, в Зарядье на Великой улице всегда было много народа, охотно смотревшего на игры скоморохов. То обстоятельство, что фигурки найдены среди развалин усадьбы какого-то крупного феодала (вернее всего, князя Ивана Юрьевича

[5] Д. А. Ровинский. Русские народные картинки. Т. II. СПб., 1900, с. 360—361.

[6] Там же, с. 361.

[7] А. С. Фамицын. Скоморохи на Руси. СПб., 1889, с. 106—110.

[8] Там же, с. 109.

[9] Писцовые книги Московского государства. Отд. II. СПб., 1877, с. 297.

Патрикеева),[10] может быть объяснено поразному.

Нам уже случалось писать, что сильнейший пожар, разразившийся в понедельник 31 мая 1468 г., уничтожил едва ли не весь Великий посад Москвы, вплоть до кремлевских стен.[11] Ясно, что во время этого стихийного бедствия жители пытались спасти свои дома и оказать помощь соседям. Не удивительно, если в толстом слое угля и золы, оставшемся на пожарище, перемешались вещи с различных усадеб.

Поэтому находка кукол среди развалин бани князя Патрикеева еще не говорит, что скоморохи жили там, хотя исключить возможность наличия скоморохов на боярском дворе мы не можем. Они могли даже входить в состав дворни, но могли и получить в тот страшный день только временный приют у князя или у кого-либо из его соседей. Не стоял ли на Великой улице и двор скомороха, как бывали их дворы в других городах и селах?

Так или иначе, найденные в Зарядье керамические фигурки раскрывают перед нами еще одну страничку быта русского города XV в.

[10] М. Г. Рабинович. Культурный слой..., с. 56.

[11] Там же, с. 54.

Е. А. Рябинин

НОВГОРОД И СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ОБЛАСТЬ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

(Культурные взаимодействия по археологическим данным)

В конце XIX—начале XX в. в северо-западной части Новгородской земли были проведены крупные археологические исследования средневековых курганных древностей.[1] Вещественный материал, полученный в результате раскопок 7000 курганов, дал возможность не только уточнить письменные данные о населении северо-запада Водской пятины, но и решить вопросы, связанные с культурой этого населения, его этническим составом.

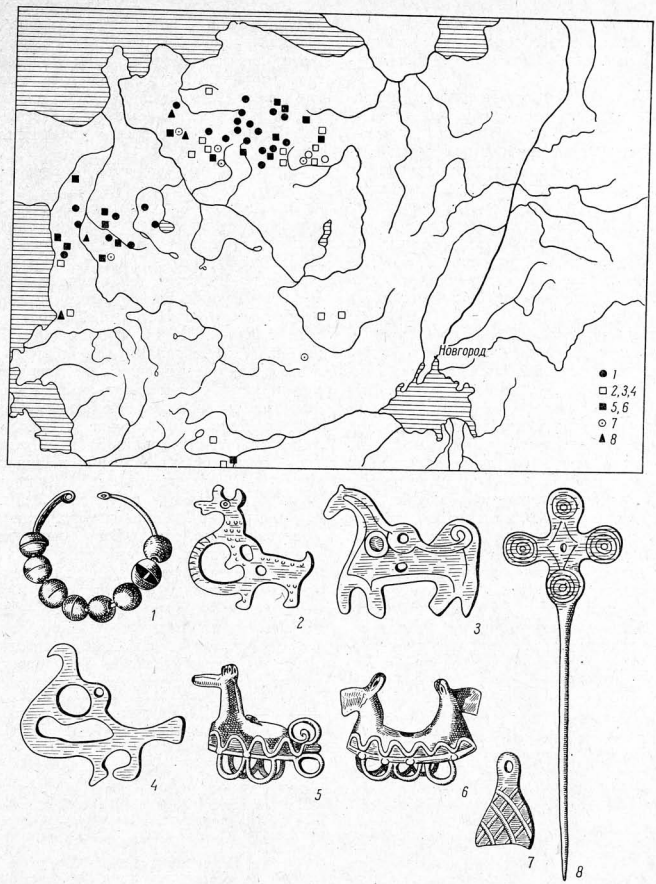
Анализ курганных древностей показал близость материальной культуры Ижорского плато и северо-восточного Причудья к древнерусской культуре, к культуре Новгорода. В то же время в памятниках, найденных на территории нынешней Ленинградской области, прослеживаются специфические, характерные только для этой территории типы вещей, относимые рядом исследователей к дорусскому (водскому) населению. Некоторое своеобразие древнерусской культуры северо-запада Новгородской земли отмечали А. А. Спицын, А. М. Тальгрен, Х. А. Моора, В. В. Седов, А. Х. Моора и др.[2]

О тесной связи Новгорода и его владений говорят русские летописи и древние новгородские акты, на что неоднократно указывали русские и советские историки.[3] Однако выявление механизма этих связей, решение вопроса о культурном взаимодействии центра Новгородской земли и ее периферии на конкретном археологическом материале становится возможным только после начала исследования самого Новгорода — крупнейшего культурного, экономического и торгового центра Северной Руси. Работы экспедиции продолжаются, поэтому в настоящее время мы можем оперировать лишь частью того материала, который хранит в себе Великий Новгород. Каждый год приносит новые находки, позволяющие уточнить и расширить представление о культуре города. Но даже тот

[1] Раскопки Л. К. Ивановского, В. Н. Глазова, Г. Р. Шмидта, Н. К. Рериха, А. А. Спицына, К. Д. Трофимова, К. Кудряшова, И. Данилова и др.

[2] А. А. Спицын. 1) Расселение древнерусских племен по археологическим данным. ЖМНП, 1899, кн. VIII, с. 329; 2) Курганы С.-Петербургской губ. в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, т. 20, 1896, с. 36—37; A. M. Tallgren. Les provinces culturelles finnoises de l'âge récent dans la Russie du nord. ESA, III, Helsinki, 1928, p. 21; П. Н. Третьяков. У истоков древнерусской народности. МИА, № 179, 1970, с. 143—144; Н. Моора. Wotiche Altertümer aus Estland. ESA, IV, Helsinki, 1929; S. 272; Х. А. Моора. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, с. 135—136; В. В. Седов. 1) Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.). СА, т. XVIII, 1953, с. 190—216; 2) Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода. КСИЭ, т. XV, с. 72—83; А. Моора. Peipsimaa etnilisest ojaloost. Tallinn, 1964, p. 284; А. Х. Моора. Очерки этнической истории Причудья. Автореф. канд. дисс. Таллин, 1964, с. 5—6.

[3] См., например: Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, с. 46—48; С. С. Гадзяцкий. Вотская и Ижорская земли Новгородского государства. Исторические записки, т. 6, 1940, с. 100—148; А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 79—80.



Карта распространения типов украшений в северо-западных областях Новгородской земли.

1 — многобусинные височные кольца; *2*, *3*, *4* — плоские зооморфные украшения XI—XII вв.; *5*, *6* — полые зооморфные украшения конца XII—XIV вв.; *7* — лапчатые привески; *8* — булавки эстско-ливского типа.

археологический материал, который вошел в научный оборот,[4] уже дает возможность ставить интересные проблемы, касающиеся как самого Новгорода, так и его связей с окружающими территориями.

В данной статье предпринята попытка проследить культурные взаимодействия Новгорода и северо-запада Водской пятины, причем объектом исследования явились некоторые специфичные элементы ленинградских курганных древностей. Сравнительный анализ этих категорий материала, известных и в новгородских слоях, представляется наиболее перспективным, так как, выделяясь на фоне общих для всего Северо-Запада древнерусских типов вещей, именно они определяют своеобразие культуры Ижорского плато и северо-восточного Причудья.

Для ранних курганов (XI—XII вв.) такими предметами будут различные зооморфные украшения и характерные для прибалтийско-финских племен булавки с крестообразным навершием.

В курганных древностях рассматриваемой территории встречено в общей сложности не менее 42 экз. подвесок в виде животных, из них половина относится к XI—XII вв. Этот период характеризуется удивительным разнообразием зооморфных украшений: достаточно указать, что 21 подвеска представлена 11 различными формами. Мы почти не видим в этот период устойчивых, серийных типов зооморфных украшений, которые, по мнению большинства исследователей, являются определяющими элементами этнически смешанного населения северорусских областей.[5] Некоторые из этих плоских изображений животных довольно часты в памятниках Прибалтики, с которой Новгородская земля находилась в тесном контакте. Другие, по-видимому, являются предметами импорта или местной переработкой украшений, характерных для Приладожья, Прикамья и Верхнего Поднепровья; имеются и единичные находки своих собственных форм подвесок-амулетов. В слоях XI—XII вв. древнего Новгорода встречено 6 пластинчатых подвесок в виде животных, но лишь 2 из них, возможно, отражают связи с северо-западом Водской пятины (см. рисунок, *2*, *3*); однако и их происхождение может быть обусловлено торговыми сношениями Новгорода с землями в бассейне Западной Двины, где подобные украшения широко известны.[6]

Находка двух подвесок в виде прорезного гуська (см. рисунок, *4*) — одной в слое конца X в., второй — в слое рубежа XI—XII вв. — отражает связь с Приладожьем, так как этот тип является характерным для древностей X — XI вв. названного района; на территории северо-запада Новгородской земли известен лишь 1 экз. пластинчатой подвески-гуська, который представляет собой поздний вариант, относимый к XII—XIII вв. О наличии в Новгороде жителей Приладожья или торговых связей с ними свидетельствуют пластинчатая уточка,[7] неизвестная в северо-западных землях Великого Новгорода, а также горизонтальный игольник,[8] обнаруженный в слое XII в. Концентрация перечисленных находок в памятниках южного Приладожья и Карелии неоднократно отмечалась исследователями.[9] В новгородских слоях этого периода встречены 2 экз. коньков так называемого смоленского, или общераспространенного, типа,[10] известных в ленинградских древностях. Но они вряд ли могут служить доказательством существовавших связей между Новгородом и его округой. Таким образом, зооморфные украшения XI—XII вв. не указывают на наличие сильных взаимовлияний Новгорода и его северо-западных владений; они скорее говорят о непосредственных связях населения рассматриваемой территории с соседними областями, минуя Новгород, о еще

[4] А. В. Арциховский. 1) Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, № 11, 1949, с. 119—151; 2) Раскопки восточной части Дворища в Новгороде. МИА, № 11, 1949, с. 152—176; Тр. Новгор. археол. экспедиции, т. I, МИА, № 55, 1956; т. II, МИА, № 65, 1959; т. III, МИА, № 117, 1963.

[5] См., например: А. С. Уваров. Поясные украшения в курганах мерян. Сборник мелких трудов Уварова, т. II, 1910, с. 89—93; I. R. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. T. II. Helsingfors, 1877; Д. Н. Анучин. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них религиозных символах. МАВГР, т. III, 1899, с. 237—259; А. Колмогоров. Тихвинские курганы. Тр. XV Археол. съезда в Новгороде в 1911 г. М., 1914, с. 426—427; В. В. Седов. Финно-угорские элементы в древнерусских курганах. В кн.: Культура древней Руси. М., 1966, с. 249.

[6] I. K. Bähr. Die Graber der Liven. Dresden, 1850, Taf. X, *9*; Katalog der Austellung zum X Archäol. Kongress in Riga, 1896, Taf. 18, *16*; Karnups. Israkumi Talsu Pilskaln. SM, 4, 1936, рис. 13, *г*; F. Balodis. Lafviešu Starptautiskie sakari ap 1000 g. pēc Klistug. LVI žurn. 1, Riga, 1939, рис. 7, *2*.

[7] М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). МИА, № 65, 1959, с. 228, рис. 2, *9*.

[8] Там же, с. 232, рис. 3, *12*.

[9] Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18, 1895; А. Колмогоров. Тихвинские курганы, с. 425—427; H. Salonen. Graberfunde aus dem Ladogagebiet. ESA, IV, Helsinki, 1929, S. 229—249; V. I. Ravdonikas. Die Grabsitten in dem «finnichen» Kurgannen im südöstlichen Ladogagebiet. ESA, IV, 1929, S. 214—228; W. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und Ladogagebiet. Stockholm, 1930, S. 83—102; В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье. Изв. ГАИМК, вып. 94, 1934; В. І. Пименов. Вепсы. М.—Л., 1965.

[10] М. В. Седова. Ювелирные изделия..., с. 228, рис. 2, *8*.

не выработавшихся собственных серийных формах привесок-амулетов.

Однако новгородский материал заставляет сделать предположение, что еще в XI—XII вв. в Новгороде происходит как заимствование, так и переработка некоторых украшений, характерных в определенной степени и для ленинградских курганов. М. В. Седова отмечает, что наиболее древними формами булавок, встреченных при раскопках Неревского конца, являются прибалтийские формы, в том числе и булавки с крестообразным навершием (см. рисунок, *8*).[11] Этот столь характерный для прибалтийско-финских народов тип нагрудной застежки[12] лег в основу новгородского типа лопатковидных булавок конца XI—начала XII в., причем встречен переходный тип от крестообразных ажурных булавок к лопатковидным. На Неревском раскопе обнаружено 6 булавок эстско-ливского типа. В. В. Седов выделил этот тип булавок в качестве характерного водского элемента,[13] т. е. индикатора смешанного состава населения северо-западных областей. На территории Ленинградской области они найдены в 12 курганных комплексах в количестве 17 экз. Оставляя в стороне вопрос, являются ли эти находки свидетельством связей Ижорского плато с Новгородом, или же они обусловлены торговлей с Прибалтикой, отметим тот факт, что уже в XI—XII вв. в Новгороде происходит ремесленное усвоение и переработка одного из характерных для курганных древностей северо-запада Водской пятины культурного элемента.

Поздний этап существования курганных древностей Ижорского плато и Причудья (конец XII—XIV в.) значительно отличается от предыдущего. Именно в этот период вырабатываются серийные типы вещей, характерные только для рассматриваемой территории и определяющие своеобразие «славянско-водской» культуры. К ним относятся многобусинные височные кольца и полые зооморфные украшения. В пяти курганных комплексах XII—XIII вв. встречен и такой специфически «чудской» элемент, как лапчатые привески (см. рисунок, *7*); в новгородских слоях этого же времени известно 3 экз. лапчатых привесок, весьма сходных с курганными находками. Однако широкого распространения этот вид украшений не получил.

Многобусинные височные кольца (см. рисунок, *1*) представляют собой одну из наиболее характерных принадлежностей женского убора средневековых обитателей Водской земли. Еще Х. А. Моора называл многобусинные кольца в числе водских типов вещей.[14] Но выделение их из массы древнерусского материала было проведено В. В. Седовым: именно благодаря его исследованиям многобусинные височные кольца стали рассматриваться в качестве типичных «ингерманландских» украшений.[15] Произведенный подсчет показал, что на рассматриваемой нами территории они обнаружены в 113 погребальных комплексах в количестве 196 экз. Относятся эти украшения к позднему этапу существования курганных древностей и являются весьма частым элементом женского инвентаря в жальничных погребениях. Датирующий материал комплексов с многобусинными височными кольцами заставляет отнести время их существования к XIII (или концу XII)—XIV вв. Подобная датировка вполне согласуется с новгородской шкалой древностей: все три находки многобусинных височных колец, встреченных в Новгороде, относятся к слоям XII—XIV вв.[16] Эти единичные находки в городских слоях столь распространенного в Водской земле типа украшений являются, по-видимому, подтверждением пребывания в Новгороде выходцев из северо-западных областей.

Полые зооморфные украшения в виде «коньков» или «барашков» были широко распространены по всей лесной полосе Восточной Европы, населенной в период средневековья финно-угорскими племенами. Находки подобных украшений на северо-западе Новгородской земли связываются с летописной водью.[17] Несмотря на широкое распространение этого вида украшений, удалось выделить специфически новгородские типы полых «коньков». На территории Водской земли встречен 21 «конек». Представленные рядом вариантов, они все же отличаются своей однотипностью и серийностью. Их можно разделить на одно- и двугласые (см. рисунок, *5, 6*). Эти «ингерманландские» типы найдены в слоях конца XII—XIV вв. в древнем Новгороде в количестве 18 экз. Учитывая, что находка 21 однотипного северо-западного «конька» получена

[11] Там же, с. 238—240.

[12] H. Appelgren. Suomen Muinailinnat Helsingissä. 1891, рис. 137, 140; A. M. Tallgren. Zur Archäologie Eestis, II, Dorpat, 1925, S.79; H. Moora. Die Vorzeit Estlands. Tartu, 1932, S. 31—45; Ed. Sturms. Zur Vorgeschichte der Liven. ESA, X, 1936, S. 31—45; E. Kivikoski. Die Eisenzeit im Auraflussgebiet. SMYA, XLIII, 1939, Taf. XIV, *3—6*.

[13] В. В. Седов. 1) Этнический состав..., с. 99; 2) Антропологические типы..., с. 75.

[14] H. Moora. Wotiche Altertümer aus Estland, S. 278.

[15] В. В. Седов. 1) Этнический состав..., с. 193—195; 2) Антропологические типы..., с. 74.

[16] М. В. Седова. Ювелирные изделия..., с. 224.

[17] В. В. Седов. Этнический состав..., с. 198—199.

в результате раскопок 7000 курганов Ленинградской области, вряд ли их количество на рассматриваемой территории будет значительно увеличено в результате новых исследований.

Таким образом, раскопки Новгорода только 1951—1956 гг., открывшие лишь часть древностей этого крупнейшего центра Северной Руси, дали почти столько же типичных водских подвесок-амулетов, как и весь огромный пласт курганных древностей северо-запада Водской пятины. Очевидно, раскопки Новгорода с 1956 г. принесли и принесут еще немало подобных зооморфных украшений, и, несомненно, в Новгороде их больше, чем на всей рассматриваемой территории. Чем можно объяснить это интереснейшее явление?

М. В. Седова вполне убедительно доказала наличие «чудского» элемента в изделиях древнего Новгорода, подтверждаемое и письменными источниками.[18] Но тот факт, что полые зооморфные украшения из Новгорода близки древностям северо-запада Водской пятины, заставляет искать иные объяснения этого сходства: 1. В Новгороде сосредоточено столько же финно-угорских (водских) подвесок, как и на всей территории, где водское население засвидетельствовано летописью. 2. Характерные для территории Ижорского плато и Причудья многобусинные кольца, встреченные там в количестве, превышающем находки зооморфных украшений почти в 10 раз, известны в древностях Новгорода того же времени лишь в 3 экз., т. е. в 6 раз меньше, чем новгородские подвески-«барашки». Таким образом, нарушается та пропорция, которая была бы вполне естественна при переселении в Новгород представителей северо-западных земель, привносящих специфические элементы своей материальной культуры. 3. Произведенный подсчет зооморфных украшений с территории древней Руси дал возможность установить, что в средневековых памятниках известно 120 полых коньковых подвесок, из них новгородские типы (включая и амулеты северо-запада Водской пятины) представлены 45 экз. Подсчет показывает, что в Новгороде сосредоточена шестая часть всех полых «коньков». 4. Увеличение «чудских» элементов в Новгороде, если судить по такому их индикатору, как зооморфные шумящие подвески, относится не к XI—XII, а к XIII—XIV вв. 5. Если XI—XII вв. на северо-западе Новгородских земель характеризуются разнообразными и несерийными типами зооморфных украшений, то древности XIII—XIV вв. дают однотипные (и даже стандартные) формы подвесок, не связанные генетически с предшествующими формами. В то же время Приладожье, также входящее в состав Великого Новгорода, уже на раннем этапе (X—XII вв.) характеризуется вполне сложившимися, устойчивыми типами вещей «чудского» происхождения; но именно древности Приладожья не получили в Новгороде широкого распространения.

Поэтому вполне естественно спросить, не являются ли некоторые типично «чудские» украшения Северо-Запада продукцией новгородского ремесла? Это подкрепляется и приведенным фактом переосмысления и переработки в специфически новгородский тип такого выразительного прибалтийского элемента, как крестообразные булавки.

Б. А. Рыбаков высказал предположение, основанное на картографическом анализе и стандартности формы «конька» смоленского типа, о производстве его в Смоленске или смоленской округе.[19] Подобное же предположение возникает при анализе новгородских типов зооморфных украшений. Вполне возможно, что городские ремесленники изготовляли эти подвески в виде животных с учетом их популярности в финно-угорской среде, а распространение некоторых стандартных форм в северных районах зависело от торговых связей города и его земель. Письменные источники сообщают весьма убедительные данные об оживленной торговле Новгорода с Водской землей. Существовала даже «вотская сотня» — купеческая организация, обслуживающая рассмотренные нами районы.[20] И представляется вполне допустимым, что одной из статей торговли «вотской сотни» являлись изготовленные городскими ремесленниками излюбленные украшения постепенно обрусевающего чудского населения. Именно торговлей и культурными связями Новгорода могут быть объяснены некоторые северо-западные типы вещей, найденных на магистральных путях новгородской торговли (например, Воскресенские находки на р. Ваге).[21]

Окончательное решение вопроса о роли ремесленного производства Новгорода в изготовлении этих украшений затруднено тем, что подвески-амулеты в значительной степени изготовлялись по восковым моделям.[22] Поэтому почти исключается возможность выявления изделий, отлитых в одной форме, что яви-

[18] М. В. Седова. Ювелирные изделия. . ., с. 260—261.

[19] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, с. 458.

[20] С. С. Гадзяцкий. Вотская и Ижорская земли. . ., с. 101—102.

[21] А. А. Спицын. Археологический альбом. ЗОРСА, т. XI, 1915, с. 240—244.

[22] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, с. 150—155.

лось бы бесспорным доказательством производства для сбыта «чудских» подвесок-амулетов городскими ремесленниками. Однако определенная стандартность поздних зооморфных украшений все же позволяет наметить в качестве одного из дальнейших путей исследования их производства поиски близких по изготовлению и деталям изделий, которые могли быть исполнены по единому шаблону, оттискиваемому в восковой модели.

В настоящее же время вопрос о ремесленном производстве некоторых северо-западных «водских» типов вещей в самом Новгороде является лишь предположением, основанным на изучении курганных древностей Северо-Запада. Возможно, что новый археологический материал внесет существенные коррективы в это предположение. Но несомненным представляется одно: связи Новгорода со своими владениями не ограничивались лишь механическим распространением славяно-русской культуры на окружающие территории, заселенные некогда «чудскими» народами. Богатейший экономический, культурный и торговый центр многоплеменного Новгородского государства являлся и своеобразным центром культурных взаимодействий со своими владениями, перенимавшим и усваивающим традиции окружающего населения и в свою очередь энергично воздействующим на него.

В. В. Седов

ДВЕ ЗАМЕТКИ ПО АРХЕОЛОГИИ СУЗДАЛЯ

Историю оборонительных сооружений древнего Суздаля еще предстоит изучить. На основе материалов раскопок 1939—1940 и 1958 гг. считается, что первоначальная постройка укреплений Суздальского детинца относится к рубежу XI—XII вв. Прорезка вала, выполненная П. А. Раппопортом в северной части детинца, примыкающей к р. Каменке, показала, что в конце XII или в первой трети XIII в. на месте древнего вала сооружается мощная насыпь шириной 16 и высотой около 4 м. Третий этап строительства, когда была срезана верхняя часть насыпи XIII в. и наверху образовалась широкая горизонтальная площадка, относится к XV в. Вал на этом участке каких-либо внутренних деревянных конструкций не имел.[1]

В 1970 г. изучение суздальских валов было продолжено. С этой целью в районе древних Ильинских ворот заложен раскоп площадью 64 м². В этом месте насыпь вала срыта до уровня современной поверхности, очевидно, при расширении Кремлевской улицы. Поэтому раскопками изучались лишь нижние части вала, ограждавшего детинец с напольной стороны.

Изучение культурных напластований в раскопе позволило восстановить следующую картину (рис. 1).

Первоначально был насыпан сравнительно небольшой вал шириной 9 м в основании. Сооружен он из очень плотной глины бурого цвета. Внутри глины изредка встречались включения и прослойки золы с угольками и серой супеси. Верхняя часть вала была потревожена при позднейших реконструкциях, поэтому его высота не может быть определена. Древнейший вал сохранился только на высоту около 1.5 м. С внешней стороны его вырыт искусственный ров. Стенки рва и внешнего склона вала имели наклон около 65—70°. Если крутизна склона оставалась такой же и выше, то вал мог иметь высоту около 4 м.

При устройстве первоначального вала применены деревянные конструкции. Остатки дерева сохранились плохо. Тем не менее удается установить, что внутривальные деревянные конструкции состояли из линии связанных между собой бревенчатых срубов, поставленных на глину на 20—30 см выше основания вала. Линия состояла из четырехстенных срубов, продольные стенки которых имели выпуск и были врублены «в нахлестку» в поперечные стены соседних срубов, благодаря чему вся конструкция оказывалась связанной воедино. Сложены срубы из дубовых бревен (врубка «в обло») длиной около 4 м, диаметром 25—30 см. Интервалы между срубами, по-видимому 0.6—0.7 м. Трудно сказать, сколько венцов имели срубы. Раскопками зафиксировано три-четыре венца, но их, несомненно, было больше.

Первоначальный вал сооружен непосредственно на прослойке погребенной почвы. Только в отдельных местах под насыпью вала зафиксированы прослойки древесного тлена.[2] С внутренней стороны вплотную к валу при-

[1] П. А. Раппопорт. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X — XV вв. МИА, № 105, 1961, с. 26, 99—101.

[2] В 4 м юго-восточнее при прокладке траншеи в 1969 г. отмечено, что древнейший вал насыпан на тонкой темно-серой прослойке, содержащей лепную керамику.

мыкала темно-коричневая прослойка, образовавшаяся из перегнившей древесины. Здесь же зафиксированы сгнившие доски, концами уходящие под вал. Лежала прослойка на слое бурой глины и стратиграфически соответствовала строительству срубных конструкций в валу. Очевидно, это остатки строительной деятельности.

Такая керамика обычно датируется X—первой четвертью XI в. Если это так, то постройку древнего ядра вала можно датировать серединой XI в.

Не исключено, что сначала суздальское городище, расположенное в излучине Каменки, имело вал лишь с напольной стороны. И только позднее, на рубеже XI—XII вв., валы были

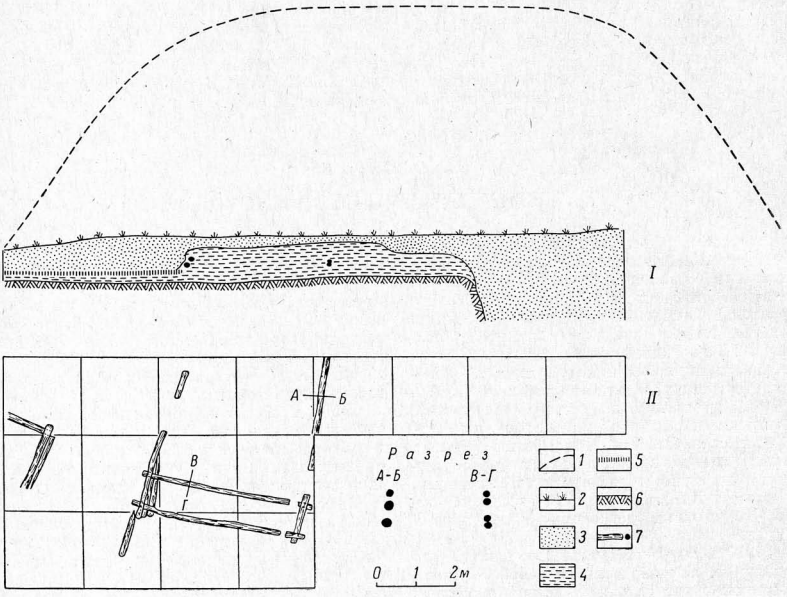


Рис. 1. Разрез вала Суздальского детинца (*I*) и план раскопа (*II*).

1 — контуры вала; *2* — дерновый слой на месте разреза вала; *3* — насыпь вала XII в.; *4* — древнейшее ядро вала; *5* — темно-коричневая прослойка; *6* — линия материка; *7* — дерево.

Ближайшая постройка находилась в 2 м от края вала. Раскопками открыт угол сруба, сложенного на коричневой прослойке. Внутри сруба находился слой прокаленной красно-оранжевой глины. По-видимому, этот угол постройки занимала печь.

Время сооружения первоначального вала Суздальского детинца определить можно только по керамике, встреченной в насыпи. Она немногочисленна — несколько венчиков раннегончарных сосудов гнездовского облика и обломки стенок с волнисто-линейными узорами, занимающими значительную площадь горшков. насыпаны по всему его периметру.

В Северо-Восточной Руси внутривальные деревянные конструкции в виде срубов исследовались на Сарском и Сунгиревском городищах, в Мстиславле, Дмитрове и Владимире.[3] Следы бревен отмечены и в валах Суздальского детинца, опять-таки с напольной стороны.[4]

[3] П. А. Раппопорт. Очерки по истории..., с. 106—109; В. В. Седов. Из полевых исследований 1961 г. КСИА, вып. 96, 1963, с. 37—41.

[4] А. Ф. Дубынин. Археологические исследования г. Суздаля (1936—1940 гг.). КСИИМК, вып. XI, 1945, с. 99.

Через какое-то время после постройки суздальский вал был реконструирован. При этом верхняя часть первоначального вала была срыта и на ней сооружена насыпь из очень плотной желтой глины. Вал был значительно расширен (до 18 м в основании), древнейший ров засыпан, а вместо него сооружен новый, более широкий и глубокий. В насыпи отмечены отдельные сгнившие бревна, свидетельствующие о применении деревянных конструкций, характер которых остался не выясненным.

ки, при разборке которых собрано несколько обугленных предметов из дерева. Наиболее интересными являются фрагменты деревянной посуды, изготовленной на токарном станке, и ложки (рис. 2).

Одна из чаш имела прямой, фигурный верхний край и полусферическое тулово на низком поддоне (рис. 2, *3*). Ее верхний диаметр — 10.4, диаметр поддона — 4.9, высота чаши — 7.8, толщина стенок — 0.5—0.6 см. Поверхность орнаментирована горизонтальными

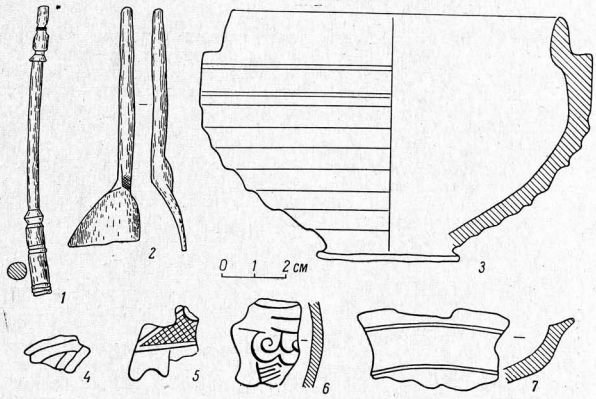


Рис. 2. Деревянные ложки и посуда из Суздаля (*1—7*).

Судя по керамическим фрагментам, собранным в этой части насыпи, нужно полагать, что реконструкция вала происходила в XII в. Одновременна ли она с сооружением валов по периметру детинца (рубеж XI—XII вв.) или относится уже к периоду перестройки, покажут будущие раскопки.

Как уже отмечалось, верхняя часть вала на месте раскопок срыта, поэтому позднейшая история его сооружения не может быть прослежена.

* * *

Изделия из дерева в городах Владимиро-Суздальской земли до сих пор не обнаруживались, так как культурные напластования этих памятников обычно не сохраняют органических остатков. В раскопе 1970 г., заложенном в северо-восточной части Суздальского детинца, были исследованы сгоревшие жилые постройрельефными полосами. Находка датирована XII в. Применялись такие чаши для подачи на стол пищи.

В соседней постройке того же времени найдены фрагменты другой, мелкой чаши. Она имела приплюснутое полусферическое тулово с линейным узором и наклонный верх, заканчивающийся утолщением (рис. 2. *7*). Здесь же собраны обломки стенок еще нескольких деревянных сосудов, формы которых не восстанавливаются. Стенки сосудов имеют резные узоры — геометрические или сочетание геометрических с растительными (рис. 2, *4—6*).

Из той же постройки происходят две деревянные ложки. Одна из них принадлежит к типу простых и имеет гладкую прямую ручку и овальную неглубокую лопасть. Перелома между черенком и лопастью почти нет. Длина черенка — 5.7 см (рис. 2, *2*). В Новгороде подобные простые ложки с небольшим переломом между лопастью и черенком появ-

ляются в середине XI в. и широко бытуют в течение XII—XIV вв.[5] Ближайшими аналогами суздальской находки, пожалуй, являются ложки XII в. из новгородской коллекции.

От второй ложки сохранилась только ручка. Длина ее около 9 см. Она интересна тем, что вся украшена фигурной резьбой (рис. 2, *1*).

[5] Б. А. Колчин. Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ, вып. Е1-55, 1968, с. 43—45.

М. П. Сотникова

СЕРЕБРЯНЫЙ СЛИТОК С ИЗЯСЛАВЛЯ-ГОРОДИЩА

Среди многочисленных и разнообразных памятников материальной культуры, обнаруженных при раскопках городища у с. Городище Шепетовского района Хмельницкой области УССР,[1] имеется всего один предмет, относящийся к сфере древнерусского денежного обращения. Это серебряный шестиугольный в плане брусок (рис. 1), являющийся древнерусским платежным слитком так называемого киевского типа.[2] Длина слитка — 65, ширина — 18—26, высота—16—18 мм; вес — 170.891 г.

Рис. 1. Слиток, найденный при раскопках городища близ с. Городище в 1960 г.

Во время безмонетного периода XII—первой половины XIV в. слитки разных типов были самыми крупными и единственными серебряными единицами древнерусского денежного обращения. Более 400 слитков киевского типа, известных к настоящему времени, происходят из трех десятков кладов, в большинстве своем без какого-либо сопровождающего материала датирующего значения. Поэтому каждый экземпляр, открытый при археологических раскопках, представляет интерес.

Шестиугольные слитки называются киевскими по месту первой находки,[3] половина всех последующих находок также происходит из разгромленного татаро-монголами в 1240 г. Киева и его окрестностей, а область распространения этих слитков — среднее и верхнее Поднепровье, нижнее течение Десны, Волынь. Отождествляемое с упоминаемым летописью г. Изяславлем[4] городище у с. Городище является четвертым пунктом находки слитков киевского типа на Волынской земле.[5] Небольшой городок погиб в 1241 г. при движении татаро-монгольских полчищ от Киева к Владимиру-Волынскому.[6]

Временем татаро-монгольского нашествия определяется верхняя граница бытования слитков киевского типа, так как нет ни одной находки шестиугольных слитков с джучидскими монетами. Самый же старший из известных киевских слитков найден при археологических раскопках в Новгороде, в непотревоженном культурном слое XII в.[7] Следовательно, факт находки шестиугольного слитка на Изяславле-городище безукоризненно «вписывается» в существующие понятия о территории и времени обращения слитков киевского типа. На первый взгляд может показаться, что он просто увеличивает число известных слитков. Однако для исследователей слиток интересен весом и деталями формы.

По весовой норме слитки киевского типа делятся на две группы. Норма первой группы, включающей более 370 шестиугольных слитков весом от 135 до 170 г, равняется приблизительно 164 г.[8] Составляя половину византийской литры, такой шестиугольный слиток в домонгольское время, по-видимому, литрой и

[1] М. К. Каргер. Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957—1964 гг. Тез. докл. советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве (сентябрь 1965 г.). М., 1965, с. 39.

[2] Инв. № $\frac{\text{ГП-60}}{1}$. Публикуется с любезного разрешения М. К. Каргера.

[3] А. А. Ильин. Топография кладов серебряных и золотых слитков. Пгр., 1921, № 68; N. Bauer. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters. Numismatische Zeitschrift, Bd. 62, Wien, 1929, S. 101/25; П. П. Толочко. Топографія скарбів монетных гривен у Києві. Археологія, т. XX, Київ, 1966, с. 123—134.

[4] М. К. Каргер. Древнерусский город Изяславль..., с. 40.

[5] N. Bauer. Die Silber- und Goldbarren..., № 54, 64, 82.

[6] М. К. Каргер. Древнерусский город Изяславль..., с. 39.

[7] В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, с. 171. Ср.: А. Ф. Медведев. О новгородских гривнах серебра. СА, 1963, № 2, с. 112.

[8] В. Л. Янин. Денежно-весовые системы..., с. 53, рис. 4.

назывался.[9] Вес киевских сребреников рубежа X—XI вв., занимавших в южнорусской денежно-весовой системе положение куны,[10] находится в рациональном отношении к этой 164-граммовой русской литре.

Норма шестиугольных слитков второй группы, включающей около 45 слитков весом от 170 до 216 г, близка 204 г и совпадает с восходящей к одной из скандинавских денежно-весовых единиц нормой новгородского серебряного слитка XII—XV вв. в форме палочки,[11] называемого письменными источниками гривной серебра.

При разнице в весе отдельных экземпляров слитков внутри обеих весовых категорий, достигающей иногда 40 г, в товарно-денежном обращении шестиугольные слитки должны были приниматься «в отвес», подобно практике приема новгородских слитков в XV в.[12]

Хотя шестиугольные слитки обеих норм обращались на одних и тех же территориях, вряд ли они были ровесниками, так как (за четырьмя исключениями) происходят из разных кладов.[13] Благодаря присутствию в двух кладах вместе с киевскими слитками-литрами византийских монет конца XI—XII в. слитки-литры датируются XII—первой половиной XIII в.[14] Шестиугольные слитки-гривны датируются первой половиной XIII в. по наличию в нескольких кладах слитков других типов — новгородского и литовского[15] — при отсутствии джучидских монет.

К какой же из двух весовых категорий относится слиток с Изяславля-городища? Будучи около 171 г, он может оказаться и одним из самых тяжелых слитков-литров южной весовой системы и одним из самых легких слитков-гривен северной системы. Выбор затрудняется тем, что в каждой категории до сих пор было известно всего по одному слитку весом в 170 г.[16] Однако формальные признаки вводят изяславский слиток в группу шестиугольных гривен.

В то время как совершенно ясно становление формы новгородского 204-граммового слитка-палочки XII в. путем развития более ранних прутообразных слитков серебра неопределенного веса в продолговатые бруски с почти треугольным сечением, о происхождении формы шестиугольного слитка приходится только догадываться.[17] Законченность и устойчивость этой формы, имеющей в плане фигуру, образованную

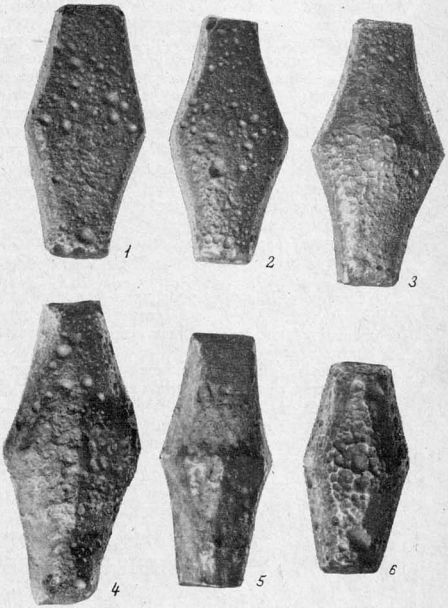


Рис. 2. Разновидности древнерусских серебряных платежных слитков так называемого киевского типа. Собрание Гос. Эрмитажа.
1—3 — клад из с. Задрутье Могилевской губернии. 1893 г. Инв. № 305, 307, 316; *4* — Тверской клад 1906 г. Инв. № 442; *5* — Пронский клад Рязанской губернии 1872 г. Инв. № 434; *6* — находка неустановленного происхождения. Инв. № 460.

как бы отсечением острых углов ромба, указывает на ее заимствование откуда-то в готовом виде. Поскольку никаких аналогий этой форме найти пока не удалось, приходится считать ее явлением автохтонным.[18]

При устойчивости общей шестиугольной формы слитки киевского типа делятся на не-

[9] Там же, с. 52—55.
[10] Там же, с. 171; М. П. Сотникова. Сребреники Киевского клада 1876 г. Нумизматика и сфрагистика, вып. 3, Киев, 1968, с. 136—137.
[11] В. Л. Янин. Денежно-весовые системы..., с. 47, рис. 1; М. П. Сотникова. Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII—XV вв. Тр. Гос. Эрмитажа, т. IV, Л., 1961, с. 45.
[12] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.— Л., 1949, с. 44, № 25; С. Чижов. Неприуроченная монета удельного периода. Нумизматический сборник (МАО), т. 1, М., 1911, с. 351, 352.
[13] N. Bauer. Die Silber- und Goldbarren..., Taf. *4, 6*.
[14] Там же, S. 101/25, 34/100, 35/111.
[15] Там же, S. 119/43.
[16] В. Л. Янин. Денежно-весовые системы..., рис. 1, *4*.
[17] И. Г. Спасский. Русская монетная система. Л., 1970, с. 64.
[18] Б. А. Романов. Деньги и денежное обращение. В кн.: История культуры древней Руси. Домонгольский период. Т. I. М.— Л., 1948, с. 392.

сколько разновидностей по соотношению длины, ширины, высоты в средней части и степени уплощенности концов. Самые тяжелые, отлитые в норме северной гривны, слитки оказываются не самыми длинными или широкими, но более высокими, с горбатой «спинкой», крутизна которой зависела, очевидно, от глубины литейной формы.

Общим внешним признаком слитков киевского типа с весовой нормой в 164 г является их уплощенность (высота 4—8 мм) сравнительно со слитками того же типа 204-граммовой нормы (высота 14—20 мм). При этом некоторые из них имеют совершенно ровные поверхности «спинки» и резко скошенные боковые стенки; другие — высокий «горб» в центре «спинки», третьи — мягко покатую «спинку» и сглаженные очертания боков (рис. 2, *1—3*). Одному или нескольким пунктам литья принадлежат слитки одной весовой нормы, но разнообразных форм, определить невозможно, так как все они встречаются в одних и тех же кладах.

Слиток с Изяславля-городища внешне совсем другой. Зато он чрезвычайно сходен с шестиугольными слитками весовой нормы в 204 г.

Кроме значительно большей высоты, слитки этой группы отличаются заметной суженностью пропорций, четкостью откосов боковых сторон и наличием вполне явственных жгутообразных утолщений вдоль линии стыка (под тупым углом) плоскостей, образующих боковые стороны слитка (рис. 2, *4—6*). Вероятно, не случайно, что все внешне сходные с изяславльской находкой слитки[19] имеют почти тот же вес (около 168 и 172 г). Происхождение обоих экземпляров, появившихся на коллекционерском рынке около 1915 г., к сожалению, не установлено. Поэтому именно изяславльский слиток может датировать этих своих «родственников», а не наоборот.

Замечательна исключительная суженность формы изяславльского слитка. Тупые углы в его очертаниях настолько велики (170 против 150° у остальных экземпляров данной разновидности), т. е. слиток так близок очертаниями к новгородскому продолговатому бруску, что даже заставляет задуматься о возможности изготовления некоторой части слитков новгородского типа в Киеве.

Находка шестиугольного слитка новгородской весовой нормы в руинах волынского городка, существовавшего с конца XII до середины XIII в., хорошо подтверждает имеющиеся в науке представления о датировке и распространенности слитков данной типологической разновидности и может быть использована для проверки датировки самого Изяславля-городища.

[19] Гос. Эрмитаж, Отдел нумизматики, инв. № 460. — Слиток приобретен у А. Ф. Эльтермана 10 марта 1915 г. См. рис. 2, *6* настоящей статьи; Российское общество нумизматов. Протоколы 1915 г. (январь—май). Пгр., 1915, с. 26, табл. 10, *3*.

М. В. Фехнер

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О ВНЕШНИХ СВЯЗЯХ КИЕВА В XII В.

Летом 1903 г. на территории Михайловского монастыря в Киеве был обнаружен глиняный сосуд, наполненный золотыми и серебряными предметами женского убора. Великолепные вещи клада, хранящиеся в настоящее время в Государственном Историческом музее (инв. № 49876), широко известны по ряду публикаций.[1] Эти сокровища, связанные, вероятнее всего, с княжеско-боярской средой, были зарыты в землю не ранее конца XII в.

Кроме украшений, в составе клада находятся еще небольшие фрагменты шелковых тканей, которые представляют остатки парадного женского костюма. Сравнительно хорошо сохранились куски одежды, украшенные золотой вышивкой и серебряными позолоченными бляшками. Здесь найдены налобный венчик, остатки платка-повоя и нескольких стоячих воротников, куски ленты, которая нашивалась на верхнее платье, и др.

К сожалению, не сохранились сведения, где обнаружены эти предметы одежды: лежали они близ глиняного горшка или над ним, прикрывая драгоценности. Можно лишь полагать, что они были положены в землю завернутыми в холщевую ткань, следы которой обнаружены.

Несмотря на то что материал Михайловского клада неоднократно издавался, ткани остались до сих пор не изученными. Между тем они являются ценным источником по социально-экономической истории древней Руси, в частности по вопросу ее внешнеторговых связей.

[1] Отчет Археологической комиссии за 1903 г. СПб., 1906, с. 184—192; Н. Беляшевский. Ценный клад великокняжеской эпохи. Археол. летопись Южной России за 1903 г., № 5, СПб., 1904; Г. Ф. Корзухина. Русские клады. М.— Л., 1954.

Известно, что в эпоху раннего средневековья шелк занимал одно из первых мест среди импортируемых Русью товаров. В летописях упоминаются шелковые материи различных сортов — фофадья, аксамит, оловир. Однако летописные данные не позволяют уяснить значение этих наименований, а также локализовать происхождение той или иной материи. Конкретное представление об ассортименте шелкового текстиля, обращавшегося на русском рынке XI—XII вв., можно получить только на основе изучения тех небольших фрагментов тканей, которые сохранились в погребениях и кладах того времени. И, конечно, Михайловский клад в этом отношении вызывает особый интерес, поскольку в нем представлены фрагменты 11 различных видов шелка. За более чем 700-летнее пребывание в земле ткани утратили свой цвет и приобрели однообразный желтовато-коричневый тон. В результате специальных исследований этих образцов[2] выяснилось, что первичная окраска была красная, различных оттенков: от ярко-розового до вишнево-коричневого. Ткани были окрашены мареной и сафлором — растительными красками, широко распространенными в Средиземноморье, Иране и Средней Азии.

Большинство сортов шелка из клада представляет безузорную ткань. Только на двух образцах прослежен вытканный рисунок.

По способу переплетения и характеру пряжи Михайловские шелка можно разделить на так называемые двухслойные или двусторонние ткани саржевого переплетения и на ткани простого полотняного переплетения.[3]

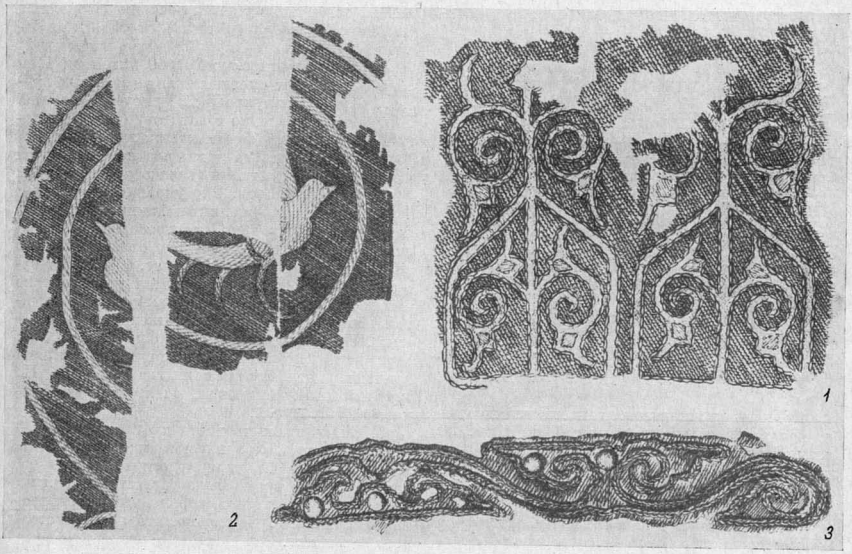


Рис. 1. Шелковые двухслойные ткани (*1—3*).

Характерной особенностью двухслойных материй является наличие двух основ, из которых одна — внутренняя — не участвует в переплетении и свободно лежит между двумя утками. Вторая основа создает структуру ткани, переплетаясь с базовым утком саржей. Лицевая поверхность ткани образована настилами

[2] Исследование произведено старшим научным сотрудником ГЦХНРМ им. акад. И. Э. Грабаря А. К. Елкиной. См. Приложение, с. 70.

[3] Структурный анализ тканей произведен старшим научным сотрудником Института художественной промышленности Н. Т. Климовой.

второго утка, который уточной саржей $^1/_2$ привязывается к нижнему слою той же основой.

Следует подчеркнуть, что у двухслойных тканей нити основы крученые, а нити утков крутки не имеют. Отличительной чертой их, кроме того, является преобладание нитей утка над нитями основы. Большая плотность уточных нитей придавала тканям гладкую, атласистую поверхность. Благодаря внутренней основе они отличались большой прочностью и эластичностью.

К двухслойным тканям относится восемь образцов.

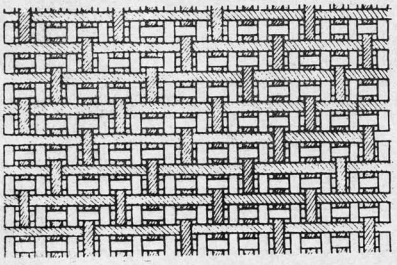


Рис. 2. Схема переплетения двухслойных тканей, выполненных уточной саржей 1/2 (по Р. Гренвольдт).

1. Ткань темно-розового цвета плотностью по основе 60, по утку 100 нитей на 1 см. Из ткани выкроена полоса шириной около 14 см, покрытая вышивкой: стилизованный растительный орнамент выполнен золотными и шелковыми нитями (рис. 1, *1*).

Согласно отчету о находке клада, эта полоса была нашита на платье «сверху вниз». Вероятно, она шла от ворота платья до самого подола, как на одежде одной из женских фигур группового портрета семьи Ярослава в Софийском соборе.[4]

2. Ткань розового цвета плотностью 60×50 нитей на 1 см. На ткани имеется вышивка золотными нитями в виде двух концентрических кругов и вписанных в них птиц, однако полностью восстановить узор оказалось невозможным (рис. 1, *2*). Трудно решить, являются ли данные фрагменты остатками целого платья или только нашивкой, украшавшей одежду.

3. Ткань красного цвета. Плотность ее определить не удалось, так как сохранившиеся небольшие куски сплошь покрыты вышивкой.

Фрагменты этой ткани представляют часть стоячего воротника шириной 6 см, украшенного золотной вышивкой, серебряными позолоченными бляшками и бисером. Воротник имел спереди разрез и застегивался на маленькие шаровидные пуговицы. Судя по тому, как были заделаны края воротника, он не пришивался к платью, а являлся самостоятельной частью туалета, которую носили на шее подобно ожерелью. Стоячие воротники точно такого же покроя известны из женских погребений XII в., обнаруженных при раскопках городища Очаков (Киевская область) и Старой Рязани.[5]

4. Ткань плотностью 20×60 нитей на 1 см с вытканным орнаментом в виде больших кругов. Фон — темно-красный, рисунок — синий. Точное представление о характере узора составить нельзя из-за фрагментарности ткани.

5. Ткань красного цвета плотностью 30×36 нитей на 1 см. Из ткани сделано очелье длиной 34 и шириной 2.3 см. Оно украшено круглыми серебряными позолоченными бляшками и золотной вышивкой в виде стилизованного стебля, от которого то вниз, то вверх отходят парные симметрические «закруты» (рис. 1, *3*). Этот орнаментальный мотив повторяется по всей длине головной повязки. Очелье с таким же орнаментом находилось на черепе в женском погребении XII в., найденном в Старом Галиче близ саркофага Осмомысла. Эта повязка обрамляла верхнюю часть лба и доходила до ушей. По мнению Н. П. Кондакова, очелье обычно прикрывалось убрусом.[6]

6. Ткань красного цвета плотностью 60×88 нитей на 1 см. Сохранилась в виде обрывка полосы шириной 4.5 см с подогнутыми краями, которая в свое время была расшита золотными нитями и украшена серебряными позолоченными бляшками. Возможно, это остатки стоячего воротника.

7. Ткань красного тона плотностью 46×66 нитей на 1 см. Представляет часть стоячего воротника (ширина 6 см) с вышивкой золотными и шелковыми нитями.

8. Фрагмент полосатой ткани плотностью 20×72 нитей на 1 см.

На Востоке и в странах Средиземноморья уже в V—VI вв. производили шелковые ткани с двумя основами (базовой и внутренней, или подкладочной). Ткани, исполненные в такой технике, были широко распространены и позже. Например, в Иране они бытовали еще в XI—

[4] Отчет Археологической комиссии за 1903 г., с. 189; В. Н. Лазарев. Русская средневековая живопись. М., 1970, с. 46.

[5] М. О. Новицька. Гаптування в Київській Русі. Археологія, т. XVIII, Київ, 1965, с. 31—32.

[6] Н. П. Кондаков. Изображение княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб., 1906, с. 114.

XII вв., хотя там в это время вырабатывали шелковые материи и иной структуры.[7]

Что же касается Византии VIII—XIII вв., то там в шелкоткацком производстве безраздельно господствовали ткани, вытканные уточной саржей с двумя основами и двумя утками (рис. 2).[8]

Таким образом, двухслойные михайловские ткани XII в. соответствуют по технике переплетения тканям, производившимся в Византии. Это дает все основания считать их предметом византийского привоза.

По-видимому, к изделиям Византии можно отнести и золототканую ленту, находящуюся в составе клада, поскольку она близка по своему строению к описанным тканям. Сохранилось 17 фрагментов этой ленты шириной 2.8—3 см с геометрическим узором и схематическим изображением зверей. Повторяющиеся по всей длине орнаментальные мотивы разделены между собой золотным фоном (рис. 3). Узор ленты выработан одной основой (из крученых нитей) и двумя утками (золотным и шелковым из некрученой пряжи), фон ее выполнен саржевым переплетением $^1/_2$ золотного утка с шелковой основой. В местах узора включается второй рисующий шелковый узор. Плотность ленты в квадратах с узорами 28×60, на участках с золотным фоном — 28×30 нитей на 1 см.

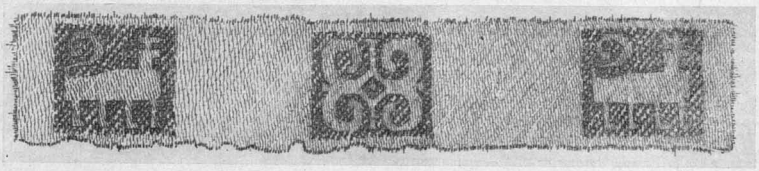


Рис. 3. Золототканая лента.

Подобные золототканые ленты применялись в княжеской и боярской одежде; ими обшивались края плаща, ворот и рукава платья, обрамлялся головной убор.

Остальные шелковые материалы из клада выработаны простым полотняным переплетением. Из них значительный интерес представляют фрагменты шелка типа фаты, окрашенного сафлором в ярко-розовый цвет. Эта ткань отличается повышенной круткой тончайших нитей как основы, так и утка. При плотности 30×30 нитей на 1 см уточные и основные нити ложатся на большом расстоянии друг от друга, в результате чего образуются просветы, делающие ткань прозрачной и легкой. На некоторых фрагментах сохранились следы орнамента в виде отдельно расположенных небольших прямоугольников, контуры которых вышиты золотными нитями. Вероятно, куски фаты являются остатками платка (так называемого повоя или убруса), которым, как это видно на миниатюре Изборника Святослава, женщины покрывали волосы или носили его поверх чепца (волосника). Прикрывая шею, концы повоя, перевязанные сзади, ниспадали на спину или свешивались на грудь.[9] Место производства этой ткани установить трудно, так как подобные покрывала были обычны в странах Востока и в Византии. Однако, основываясь на том, что фата была выполнена из сильно крученых нитей, что не типично для среднеазиатского шелкоткачества, и принимая во внимание ее ярко-розовый цвет, столь излюбленный на Востоке и редко встречающийся в византийских тканях, можно в виде предположения отнести ее к изделиям Ирана. Известно, что иранские города Ахваз, Аскар Мукраме и Нахр-Тире (в провинции Хузистан) являлись центрами по производству тонких женских покрывал и вуалей.[10]

Отличительной особенностью двух остальных образцов, входящих в группу тканей с полотняным переплетением, является отсутствие крутки нитей не только утка, но и основы. Они окрашены мареной в красный тон и имеют низкую плотность: 25 × 25 и 38 × 27 нитей на 1 см. Как показали исследования последних лет, отсутствие крутки нитей основы было характерным для шелкоткацких мастерских Средней Азии,[11] в связи с чем можно считать, что эти две ткани были привезены в Киев именно оттуда.

---

[7] N. A. Reath, E. B. Sachs. Persian textiles and their technique from the sixth to the eighteenth centuries. New Haven, 1937, p. 13—14, 20—23.

[8] R. Grönmoldt. Webereien und Stickereien des Mittelalters. Hannover, 1964, S. 18—19.

[9] Н. П. Кондаков. Изображение княжеской семьи. . ., с. 113.

[10] Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.— Л., 1956, с. 241.

[11] А. А. Иерусалимская. К вопросу о связях Согда с Византией и Египтом. В кн.: Народы Азии и Африки, 1967, № 3, с. 121.

Итак, небольшая коллекция тканей из Михайловского клада дает известное представление о многообразии шелковых материй, обращавшихся в Киеве в XII в., а это свидетельствует о широте его внешних связей. Наиболее распространен здесь был двусторонний гладкий шелк различных сортов — продукция шелкоткацких мастерских Византии. Вместе с тем в это время известен шелк среднеазиатского и иранского происхождения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. К. ЕЛКИНА

ИССЛЕДОВАНИЕ КРАСИТЕЛЕЙ ТКАНЕЙ ИЗ МИХАЙЛОВСКОГО КЛАДА

Анализ тканей производился по методу, разработанному Е. Ф. Федорович. Кроме того, для получения вытяжек красителей из небольших фрагментов шелка применялся один из видов хроматографии на бумаге — «клин Кононова».[1]

Исследованию было подвергнуто около 20 фрагментов. Установлено, что все они содержат красные красители различного происхождения (сафлор, марена и, возможно, червец).

Сафлор (*Carthamus tinctorius* L.) — травянистое растение, которое культивировалось в Средней Азии и Иране. Лепестки его цветов применялись как красильное сырье для окрашивания шелка без предварительной протравы пряжи в розовый цвет (от светлого до темного). Сафлор ценился за яркость и чистоту цвета, но с древних времен была известна непрочность этой краски к свету. Сафлор обнаружен на трех тканях клада.

В других тканях отмечено присутствие красного красителя из группы антрахиноновых, к которым относятся марена и червец.

Марена (*Rubia tinctoria* L.) известна как древнейшее красильное растение. Сырьем служили корни марены, применяемые по алюминиевой протраве и красившие любые волокна в прочный красный цвет. Большая часть двухслойных тканей клада окрашена мареной.

Червец (или кермес), один из драгоценнейших красителей древности, добывался из насекомых типа «армянской кошенили» (*Porphyrophora hameli* Braud). Червецом по алюминиевой протраве окрашивали шелк в малиновый и темно-вишневый цвета.

В двух узорных тканях клада присутствует два красителя. Нити синего шелка окрашены индиго (*Indigobera tinctoria* L.), в красных нитях можно предположить марену или червец, может быть, и смесь этих красителей. Точно установить состав красителей не удалось, потому что в археологических тканях красители марены и червеца чрезвычайно близки по своим реакциям. Возможно, здесь присутствовал и третий цвет (белый, желтый или светло-зеленый), так как подобные узорные ткани XII в., как правило, бывают трехцветными. Однако обнаружить его пока не удалось.

[1] Е. Ф. Федорович. Методы исследования окраски археологических и этнографических тканей в приложении к текстильным изделиям Средней Азии прошлых эпох. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1967; В. Н. Кононов. Восстановление первичных красок археологического ковра из Ноин-Ула. М.— Л., 1937.

И. П. Шасколький

КОГДА ЖЕ ВОЗНИК ГОРОД КИЕВ?

Вопрос о времени возникновения крупнейшего города древней Руси в последние годы затрагивался на страницах ряда научных и научно-популярных изданий; при этом прослеживается не всегда ясно высказываемое, но довольно определенное стремление удревнить, отодвинуть на несколько столетий в прошлое дату возникновения Киева.[1]

Как известно, письменные источники (за редким исключением) не дают и не могут дать начальных дат истории древнерусских (и шире — средневековых и античных) городов, ибо древние города не основывались в какой-то определенный момент по решению государственной власти, а возникали в результате стихийного процесса социально-экономического развития окружающей территории. Поэтому всегда нелегко, а чаще просто невозможно определить не то что год, но и десятилетия, а нередко и столетия возникновения города.

[1] **История Киева.** Т. I. Киев, 1963, с. 33—38; М. Ю. Брайчевський. Коли і як виник Київ. Київ, 1963; П. П. Толочко. 1) Вопросы исторической топографии древнего Киева. Киев, 1966, с. 9—10; 2) Древний Киев. Киев, 1970, с. 10—11; 3) Історична топографія стародавнього Києва. Київ, 1970, с. 42—55; Історія міст і сіл Української РСР. Т. 5. Київ. Київ, 1968, с. 22—24. См. также: М. М. Шулькевич. Киев. Историко-архитектурный очерк. Киев, 1968, с. 10.— В статье «Київ» в Украинской советской энциклопедии под влиянием перечисленных работ сообщается: «...час заснування К[иева] і життя Кия визначається не пізніше як серединою 1-го тыс. н. э.».

В дореволюционной историографии вопрос о времени возникновения Киева мог решаться лишь на основе скупых и неясных данных письменных источников. В предреволюционные годы были начаты раскопки древнейшего киевского городища на Старокиевской горе (В. В. Хвойка, Д. В. Милеев), но результаты этих работ не были серьезно изучены и опубликованы.

Только в годы Советской власти в Киеве развернулись широкие археологические исследования, давшие возможность глубоко изучить прошлое столицы древней Руси. В частности, выдающееся значение имело открытие М. К. Каргером в 1939 г. на Старокиевской горе остатков поселения VIII в. — периода, предшествовавшего возникновению древнерусского государства. Однако небольшие масштабы находки — всего одно плохо сохранившееся жилище (полуземлянка) с лепной керамикой — не давали оснований для широких научных выводов. Весьма важно было также, что в результате археологических работ 1930-х годов удалось установить существование древнейшего киевского городища на Старокиевской горе, ограждавшегося засыпанным в X в. глубоким (до 4—6 м) рвом.[2]

Результаты собственных многолетних археологических исследований, исследований других советских археологов вместе с результатами полуторавековых разысканий дореволюционных ученых были подвергнуты М. К. Каргером всестороннему анализу в фундаментальном обобщающем труде «Древний Киев». В главах о ранних этапах истории Киева автор наглядно показал крайнюю бедность достоверных конкретных сведений о Киеве довеликокняжеской поры и потому проявил большую осторожность в вопросе о времени возникновения города. Он позволяет себе говорить лишь о Киеве VIII—X вв., считая древнейшей частью города городище на Старокиевской горе, но не уточняет времени его возникновения и в некоторых местах текста склоняется даже к более осторожной датировке начала существования этого городища концом VIII в.[3]

В последующие годы были сделаны попытки доказать, что Киев как город или хотя бы как городище (на Старокиевской горе) возник на два столетия раньше — в VI в. Единственным основанием для такого утверждения явилась гипотеза, согласно которой легендарный основатель города Киева князь Кий жил в VI или начале VII в., имел сношения с каким-то византийским императором и был как-то связан с борьбой Византии в VI—начале VII в. против враждебных племен на дунайской границе империи.[4] Сама по себе подобная гипотеза допустима, хотя далеко не бесспорна. И можно ли одно гипотетическое построение — о времени возникновения Киева — основывать на другом столь же гипотетическом построении — о времени жизни и деятельности легендарного князя Кия?

Сторонники более ранней датировки возникновения Киева не имели для своего построения твердых археологических аргументов. Раскопанная М. К. Каргером в 1939 г. землянка не могла быть аргументированно отнесена к VI в. Находки отдельных вещей VI—VIII вв. и еще одной землянки на территории старых городских кварталов Киева[5] могли говорить лишь о наличии каких-то славянских поселений на Киевских горах[6] (что само по себе весьма вероятно), но не могли служить прямым доказательством, что уже тогда существовал *город* Киев.

В августе 1971 г. в периодической печати появились известия, что во время раскопок на Старокиевской горе киевскому археологу В. К. Гончарову удалось обнаружить остатки жилища с лепной керамикой корчакского типа, датируемой VII в. н. э.[7] На основании этой находки руководитель Киевской экспедиции Института археологии АН УССР П. П. Толочко сообщил корреспондентам газет: «В руках исследователей наконец-то появились предметы, по которым можно точно датировать древнейшее городище, обнаруженное ранее на Старокиевской горе», и «корчакские сосуды документально подтверждают, что историческое предание об основании Киева полянским князем Кием относится к шестому—седьмому векам».[8]

Увы, в действительности найденные сосуды — самые обыкновенные лепные глиняные горшки VI—VII в., и совершенно невозможно доказать, что они имели какое-либо отношение к легендарному князю Кию; сосуды эти никак не могут свидетельствовать о реальности существования Кия и о подлинности предания об основании им города Киева.

[2] М. К. Каргер. К вопросу о Киеве в VIII—IX вв. КСИИМК, вып. VI, 1940, с. 61—66.

[3] М. К. Каргер. Древний Киев. Т. I. М.—Л., 1958, с. 521—522.

[4] М. Ю. Брайчевський. Коли і як виник Київ, с. 70—72; История Киева, с. 36—37.

[5] М. К. Каргер. Древний Киев, с. 92—96; М. Ю. Брайчевський. Коли і як виник Київ, с. 73—77; П. П. Толочко. Історична топографія..., с. 43—45; П. Толочко, С. Кіліевич. Археологічні дослідження Старокиївської гори 1965—1969 Київська старовина, Київ, 1972, с. 6, 10; С. Р. Кіліевич. Археологічні дослідження на Старокиївській горі. Середні віки на Україні, вып. 2, Київ, 1973, с. 100.

[6] М. К. Каргер. Древний Киев, с. 96.

[7] «Правда Украины», 19 августа 1971 г.; «Вечірній Київ», 20 августа 1971 г.; «Известия», 27 августа 1971 г.

[8] «Правда Украины», 19 августа 1971 г.; «Вечірній Київ», 20 августа 1971 г.

Но, разумеется, вполне могло быть, что в VI—VII в. на Старокиевской горе существовало какое-то славянское поселение. Важно другое, существовало ли это поселение непрерывно с VII до IX—X в., или же в довеликокняжеский период жизнь здесь возникала периодически, время от времени, и затем вновь угасала, что в равной мере возможно. Притом совершенно неизвестно, было ли уже тогда это поселение городищем, огражденным тем глубоким рвом, который обнаружен раскопками 1908—1909 и 1936—1939 гг. Во всяком случае, ни в засыпке, ни в основании рва этого городища не было сделано находок ранее VIII в. И главное, какой характер носило это поселение? Находка лепной керамики ясно говорит, что это было поселение сельское. Это могло быть поселение, предшествовавшее Киеву, но это явно еще не был *город* Киев.

Авторы, пытающиеся удревнить время возникновения Киева, забывают об одном существенном обстоятельстве. С позиций марксистской науки имеется принципиальное различие между поселением вообще и городом. Город — поселение торгово-ремесленного характера, и он возникает только во время формирования классового общества в результате отделения ремесла и торговли от сельского хозяйства; в эпоху первобытно-общинного строя город существовать еще не мог. Соответственно и город Киев возникает только тогда, когда в Среднем Поднепровье складывается классовое общество. До этого на месте Киева могли существовать (и существовали) сельские поселения, но возникновение города было еще невозможно.

По имеющимся в настоящее время данным в Среднем Поднепровье классовое общество сформировалось в IX—X вв. VIII в., по всей видимости, лежит еще целиком в рамках первобытно-общинного строя. Соответственно только с IX в. можно предполагать превращение сельских поселений на Киевских горах в город.[9]

К сожалению, археологические материалы Киева и всего Среднего Поднепровья IX—X вв. не всегда могут быть хронологически расчленены, и у нас еще мало материалов, бесспорно относящихся к IX в. И монетные клады (клады куфических монет), и свидетельствующие о высоко развившейся социальной дифференциации богатые погребения, найденные на территории Киева, по данным М. К. Каргера, относятся целиком или в подавляющем большинстве к X в.[10] Однако исследование найденных в Киеве изделий местного ремесла позволило тому же автору говорить и о наличии развитого ремесленного производства в этом городе уже в IX—X вв.[11]

В источниках для Киева IX в. впервые прослеживается еще одна функция города — политико-административная. С 80-х годов, после прихода в Поднепровье войска князя Олега, Киев стал столицей огромного древнерусского государства, объединившего северные и южные восточнославянские племена. Но целью похода Олега Киев был, по всей видимости, потому, что он и ранее, уже в течение какого-то достаточно длительного времени был политико-административным центром государственного образования, охватывавшего южнорусские земли. Весьма вероятно, что Аскольд и Дир, правившие в Киеве в середине IX в., были реальными историческими лицами, ибо в народной памяти долго сохранялись конкретные сведения о местах их погребения. В Киеве, скорее всего, жил и хакан государства Рос, упомянутый в 839 г. в Бертинских анналах.

Одним словом, по нашему мнению, функции города Киев приобрел в первой половине IX в., хотя процесс слияния нескольких славянских поселений на Киевских горах (и на Подоле) в единый город произошел, конечно, не сразу, а продолжался в течение IX и первой половины (а может быть — и всего) X в.

---

[9] Чувствуя слабость своей аргументации о существовании города Киева с VI в., сторонники концепции его раннего возникновения пытаются обойти эту трудность, стараясь говорить для VI — VII вв. не о городе, а лишь о городище; временем возникновения Киева они считают сооружение городища на Старокиевской горе, рассматривая его как городище князя Кия (История Киева, т. I, с. 35—38; М. Ю. Брайчевський, Коли і як виник Київ, с. 69—73; П. П. Толочко. Історична топографія.., с. 51). В «Истории Киева» (т. I, с. 37) прямо говорится о постройке в VI — VII вв. «на территории Старокиевской горы древнейшего Киевского городища — замка полянского князя» и подчеркивается, что это событие «было важным фактором в истории возникновения города Киева». Но, как уже говорилось, нет никаких оснований датировать ров этого городища временем ранее VIII в. Огромные размеры рва (по глубине и длине) скорее говорят, что столь мощное сооружение было непосильно для небольшого сельского поселения VI — VII вв. и скорее всего могло быть создано уже формирующимся южнорусским государственным образованием конца VIII—начала IX в.

[10] М. К. Каргер. Древний Киев, с. 116—126, 220—226.

[11] Там же, с. 370, 372—373, 378, 414.

А. А. Шенников

О ЗНАЧЕНИЯХ ТЕРМИНА «ВЕЖА»

В русской письменности до XIV в. слово «вежа» имело несколько значений. Чаще всего так назывались поселения и жилые постройки, в том числе передвижные, у степных полукочевников — половцев, татар и др.[1] В XIII в. вежей названа оборонительная башня в г. Холме.[2] Иногда вежами именовались каменные крепостные башни за пределами Руси.[3] В Польско-Литовском государстве вежами тоже назывались крепостные башни. Видимо, поэтому данное слово иногда слишком поспешно переводится в том же смысле. Так, башнями обычно считаются вежи, существовавшие в Х в. в Искоростене наряду с голубьницами, клетями и одринами,[4] хотя, по контексту, это могли быть и какие-то хозяйственные строения. В рассказе XI в. о воинах, которые «поступиша к граду под вежеми»,[5] термин может означать не только крепостные башни, но и какие-то осадные приспособления для подхода к стенам.

Несколько раз упомянуты несомненно хозяйственные вежи в монастырях и усадьбах светских феодалов. В них что-то варили, хранили съестные припасы, там работали женщины; имелась особая должность — вежарь.[6] Такие вежи, в том числе «вежа для быдла» (для скота),[7] наряду с вежами-башнями тоже имелись в Польско-Литовском государстве. Летом 1228 г. финны-емь после неудачного нападения на Русь бежали домой через Карельский перешеек и по пути прятались в каких-то вежах от местных жителей — карел: «и тех Корела, где объшедше, в лесе ли, или на ниве, или в вежах, выводяще, побиша их».[8]

Такое разнообразное употребление термина «вежа» говорит о том, что он относился к объектам, сходным не по назначению, а скорее по внешней форме или конструкции. О том же свидетельствуют и некоторые более поздние данные.

На Кольском полуострове русские, вероятно, с новгородских времен называли вежами жилые постройки саамов-полукочевников. В XIX в. вежей назывался постоянный жилой шалаш в зимнем саамском селении («куэт» — у восточных саамов и «ката» — у западных). Бревенчатый каркас в форме усеченной пирамиды обкладывался для утепления дерном по обрешетке и слою бересты. Посредине находился очаг, дым шел в отверстие, обрамленное верхней обвязкой каркаса. Нижняя обвязка нередко заменялась срубом в 3—4 венца. В конце XIX—начале XX в. такие шалаши делались в плане квадратными, но в XVII—XVIII вв. они были 6- или 8-угольными, а еще ранее, по всей вероятности, круглыми.[9]

На севере Камско-Вятского бассейна в XIX в. русские называли вежей прямоугольную срубную постройку без потолка, с крышей в виде двух несомкнутых скатов и с очагом посредине. Такие сооружения имелись там у всех неславянских народов (у каждого под своим названием), у одних в качестве летнего жилища (манси, башкиры), у других в качестве кухни-столовой в усадьбе большой крестьянской семьи (удмурты, мари, татары).[10] Эти вежи тоже произошли от конических или пирамидальных шалашей. У одной группы восточных мари конические усадебные кухни уцелели до конца XIX в.[11] У башкир видна вся эволюция от простейших конических шалашей до упомянутой срубной постройки.[12] У всех

---

[1] Например: ПСРЛ, т. I, М., 1962, с. 25, 225, 228, 249, 279, 283—284, 289, 332, 339, 397, 399, 414, 418, 425, 438; т. II, М., 1962, с. 401, 532, 540, 653, 654, 659, 671, 676; т. V, СПб., 1851, с. 207—214; Софийский временник, ч. I, М., 1820, с. 354.

[2] ПСРЛ, т. II, с. 844.

[3] Там же, с. 666; Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М. — Л., 1958, с. 207.

[4] ПСРЛ, т. I, с. 59.

[5] Там же, с. 271.

[6] Преподобного отца Феодора игумена Студийского о останцех церковных канон. В кн.: П. Казанский. История православного русского монашества. М., 1855, с. 199; И. И. Срезневский. 1) Сказания о святых Борисе и Глебе. СПб., 1860, с. 78; 2) Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. М., 1958, с. 483.

[7] Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею, т. 14. Вильно, 1888, с. 499—590.

[8] ПСРЛ, т. IV, вып. 1, Пгр., 1915, с. 204.

[9] J. Scheffer. Lappland. Frankfurt-am-Main, 1675, S. 212—229; A. Ehrenmalm. Reise durch West-Nordland nach der Lappmark Asehla. Copenhagen—Leipzig, 1748, S. 402—404; U. Sirelius. Über der primitiven Wohnungen der finnischen und obugrischen Völker. Finnisch-ugrische Forschungen, Bd. 6, H. 2—3, Helsingfors, 1906, S. 121—139.

[10] Н. С. Попов. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. 2. СПб., 1804, с. 195—196, 206, 209, 211, 214, 216—217; А. А. Петров. Заметки по этнографии черемис Красноуфимского уезда. Изв. Оренбург. отд. Русск. геогр. общ., вып. 6, Оренбург, 1895, с. 24; П. Сигов. Марийцы (черемисы) в Уральской области. Марий Эл, 1928, № 7—8, с. 103.

[11] В. Павлович. Черемисы. Самарск. губерн. ведомости, 1901, № 74, с. 5.

[12] С. И. Руденко. Башкиры. М., 1955, с. 200—214.

указанных народов следы этой эволюции видны и в строительной терминологии. Вятские и пермские русские называли срубные вежи своих неславянских соседей также терминами «шалаш» и «чум», которые в других частях России не относились к срубным постройкам. Слово «чум» (от «чом» из языка коми) у русских везде, кроме Камско-Вятского бассейна, означает только конический шалаш. Первые русские, пришедшие в Прикамье в XIV—XV вв. из бассейна Северной Двины, должны были знать вежи саамов и чумы ненцев. Следовательно, упомянутые срубные постройки местного населения могли быть названы вежами, чумами и шалашами именно потому, что русские еще застали конические или пирамидальные варианты этих строений.

В XIX в. в ряде других местностей вежами тоже назывались разные легкие шалаши и еще некоторые предметы, имевшие в своей основе каркас в виде полной или усеченной пирамиды, например, вехи или вешки (первоначально — вежки) — межевые, дорожные, навигационные и иные знаки в форме треноги или в виде пучка прутьев, насаженного на шест.[13] Таким образом, слово «вежа» применительно к постройкам означало сперва простейший конический или пирамидальный шалаш. С заменой таких шалашей более совершенными постройками термин мог переходить и на них. В Прикамье он перешел на срубные постройки с двускатными крышами, а на юге Руси — на кибитки и на подвижные жилища, развивавшиеся путем постановки конических шалашей и кибиток на повозки. Предоставляем лингвистам проверить, нет ли родства между существительным «вежа» и глаголом «вязать» и не означало ли слово «вежа» вначале вообще пучок, связку. Заметим лишь, что невероятна гипотеза о переходе термина «вежа», якобы родственного слову «возить», с кочевнических повозок на неподвижные шалаши.[14]

Теперь понятно, что в описании осады крепости XI в. вежами могли быть названы какие-то передвижные или переносные шалашеобразные укрытия для подхода к стене. Объясняется и перенос термина на крепостную башню. Польско-литовские деревянные башни-вежи имели каркас в форме усеченной пирамиды, отличавшийся от каркаса, например, саамской вежи размерами и пропорциями, но не конструктивной схемой. Думаем, что из-за такой конструкции и была названа вежей башня в Холме, расположенная как раз в ареале позднейших польско-литовских вежа. На Руси термин в этом смысле не привился, так как здесь впоследствии преобладали срубные башни. Перенос термина «вежа» на каменные башни — словотворчество домонгольских русских книжников, не отражавшее реальной строительной терминологии (не случайно так назывались лишь иноземные, а не русские каменные башни).

О вежах на Карельском перешейке и хозяйственных вежах выскажем предположения, требующие разработки. У многих кочевников и полукочевников, независимо от ландшафтной зоны, типа хозяйства и этнической принадлежности, при переходе к оседлости сезонно-обитаемая шалашеобразная постройка ставилась во дворе и превращалась в усадебную кухню-столовую, нередко служившую также для приготовления теплого корма скоту. Постепенно она становилась долговременным постоянным сооружением, с тенденцией к превращению в постройку типа «скотной избы». Начало этой эволюции видно у саамов, продолжение и завершение — у финнов: коническая, а затем прямоугольная финская усадебная кухня «кота» была таким же наследием неоседлости, как и аналогичная «ката» у осевших саамов, только «оседание» у финнов произошло раньше.[15] Этот же процесс, с вариациями в деталях, известен у эстонцев, ненцев, хантов, башкир, казахов, калмыков, ногайцев и ряда народов, более далеких от Руси. По обоснованным предположениям этнографов, усадебные кухни ряда неславянских народов Среднего Поволжья тоже унаследованы от полукочевничества (лесного или лесостепного). Спорить тут можно лишь о датах «оседания», — впрочем, не очень древних, судя по тому, что, например, северные мари еще в середине XVI в. имели преимущественно охотничье хозяйство, а значит, и полукочевничество лесного типа.[16]

В лесостепной зоне Восточной Европы славяне, по крайней мере в домонгольское время, могли иметь такое же скотоводческое полукочевничество с подсобным земледелием, какое до XVIII в. имели запорожские и донские казаки. Нет сведений об охотничьем и рыболовном полукочевничестве лесного типа у славян, но зато как в лесостепной, так и в лесной

[13] В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1955, с. 175, 330, 336.

[14] М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1964, с. 285.

[15] M. Högström. Beschreibung des der Crone Schweden gehörenden Lapplands. Copenhagen—Leipzig, 1748, S. 127—128; M. Castren. Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—1844. St.-P., 1853, S. 128; A. Ahlqvist. Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen. Helsingfors, 1875, S. 102—105; Н. Дергачев. Русская Лапландия. Архангельск, 1877, с. 7; G. Retzius. Finnland. Berlin, 1885, S. 15, 24—31; U. Sirelius. Über die primitiven Wohnungen der finnischen und ob-ugrischen Völker. .., Bd. 7, 1907, S. 68—75; Bd. 9, 1909, S. 21—24.

[16] ПСРЛ, т. XIX, СПб., 1903, с. 60.

зонах они имели особую форму неоседлости на основе переложных систем земледелия, которую мы предложили называть земледельческой неполной оседлостью.[17] У неславянских народов Восточной Европы земледельческая неполная оседлость в ряде случаев тоже имела место как переходный этап от полукочевничества к полной оседлости.

Земледельческая неполная оседлость, как и другие формы неоседлости, требовала создания различных построек для кратковременного использования, в том числе и шалашеобразных, которые тоже могли затем попадать в усадьбы и превращаться в кухни. Следовательно, вся эта эволюция была в принципе возможна и у славян. Славянский термин «вежа» мог относиться не только к полукочевническим постройкам за границами Руси, но и к подобным же постройкам самих славян и тех неславянских народов, которые жили в пределах Руси чересполосно со славянами.

В XIII в. на Карельском перешейке русские могли называть вежами зимние жилые шалаши карел на охотничьих тропах (а может быть, еще и в зимних главных усадьбах, как у саамов). Финны-емь могли прятаться в таких постройках, стоявших летом пустыми, так как карелы в это время находились при своих нивах, удаленных от зимних селений. Это одна из типичных лесных форм земледельческой неполной оседлости.

Хозяйственные вежи в Киевской Руси — это, по нашему мнению, усадебные кухни, служившие также для приготовления теплого корма скоту (впоследствии — вежа для быдла) и еще сохранявшие форму конических или пирамидальных шалашей, подобно финским кота и т. п. Позже, с утратой шалашеобразной формы и с превращением в более капитальные срубные сооружения, они получили новое название — поварня, под которым существовали до XVIII в., а местами и дольше.[18]

[17] См.: А. А. Шенников. Земледельческая неполная оседлость и «теория бродяжничества». В кн.: Этнография народов СССР. Л., 1971, с. 76—91. — Об одном из лесных вариантов земледельческой неполной оседлости у русских в XV—XVI вв. см.: И. В. Левочкин. Некоторые проблемы возникновения и эволюции земледельческого поселения в Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та, № 359, М., 1970, с. 145—174.

[18] А. А. Шенников. Назначение и устройство поварни. Докл. отд-ния и комис. Геогр. общ. СССР, вып. 15, Л., 1970, с. 111—124.

Е. А. Шмидт

К ХРОНОЛОГИИ КУРГАНОВ XI—XIII ВВ. В СМОЛЕНСКОМ ПОДНЕПРОВЬЕ

Датировка древнерусских погребальных памятников становится возможной только на определенной ступени изучения курганных древностей. Точность датировок увеличивается по мере накопления материала. Поэтому вполне закономерны некоторые неточности, допущенные в прошлом, и те поправки и уточнения, которые делались и будут делаться в связи с усовершенствованием методики полевых исследований и введением новых методов обработки фактического материала.

Вопросы хронологии курганных древностей кривичей подвергались значительной разработке,[1] но, тем не менее, их нельзя считать окончательно решенными. Основанием для дальнейшего уточнения хронологии курганов XI—XIII вв. в Смоленском Поднепровье служат обширные материалы, полученные в результате раскопок курганной группы у дер. Харлапово Дорогобужского района Смоленской области.[2]

В настоящей работе использованы сведения о 79 курганах: 69 — наши раскопки 1952—1953 гг. и 10 — раскопки Н. И. Савина[3] (материалы В. М. Чебышевой не использованы из-за фрагментарности сведений). Все эти данные позволили составить представление о 84 погребениях (41 женское и 43 мужских); некоторые захоронения (детские и взрослые без вещей) в поврежденных курганах также не были учтены.

Время возникновения курганной группы обосновывается находками в пяти курганах

[1] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. РАНИОН, М., 1930; Н. П. Третьяков. Костромские курганы. Л., 1931; Т. Н. Никольская. Хронологическая классификация верхневолжских курганов. КСИИМК, вып. 30, 1949, с. 31—41; Очерки по истории русской деревни X — XIII вв. Тр. ГИМ, вып. 32, М., 1956; вып. 33, М., 1959; вып. 43, М., 1967.

[2] В. М. Чебышева. Раскопки курганов Смоленской губернии Дорогобужского уезда летом 1879 г. Изв. ОЛЕАЭ, т. 49, вып. 1, 2, М., 1886; Н. І. Савін. Раскопкі курганоў у Дарагабускім і Ельнінскім паветах Смаленскай губ. Працы археалогічнай камісіі, т. II, Менск, 1930, с. 219; Е. А. Шмидт. Курганы XI — XIII вв. у дер. Харлапова в Смоленском Поднепровье. МИСО, вып. 2, Смоленск, 1957, с. 184—280.

[3] Архив ЛОИА АН СССР, д. 182 за 1924 г.

монет, датируемых концом X—началом XI в., и вещами из погребального инвентаря. Так, в кургане 4 (мужское погребение) найден железный меч, датируемый первой половиной XI в.,[4] железный боевой топор, бытовавший в XI в.,[5] и серебряная подковообразная фибула XI в.[6] Боевые топоры, найденные в кургане 44 и др., датируются XI в.,[7] хотя, может быть, некоторые из них были в употреблении и в начале XII в.[8] В двух погребениях (9 и 49) найдены массивные колуновидные топоры, но и они датируются XI—началом XII в.[9] Наконечники копий[10] и остальные предметы (пряжки железные и бронзовые, поясные кольца и бляшки, фибулы, глиняные сосуды и пр.) из погребений с оружием и монетами их датировке не противоречат. Все это дает основание считать, что насыпание курганов началось в середине XI в.

За эту датировку говорит и анализ инвентаря из женских погребений. В курганах 2, 8, 4, 8с, датированных монетами XI в., найдены вещи, подтверждающие такую датировку: бусы[11] — сердоликовые призматические 14-гранные и монетообразные, стеклянные цилиндрические с золотой фольгой;[12] височные кольца,[13] серебряные браслетообразные завязанные и ромбощитковые завязанные; тупоконечные орнаментированные плоские браслеты.[14] Вещей, характерных для X в., в курганах нет.

Дата прекращения насыпания курганов определяется по погребениям, содержавшим витой круглопроволочный браслет 2×3,[15] полузавязанные браслетообразные височные кольца,[16] пластинчатые загнутоконечные браслеты,[17] решетчатые, двузигзаговый и другие перстни. Это — конец XII—начало XIII в.

Таким образом, все погребения в Харлаповском курганном могильнике, как мужские, так и женские, совершены от середины XI до начала XIII в.

Исследователи древнерусских курганов при решении вопросов хронологии использовали инвентарь почти исключительно женских погребений, на основе которых составляли корреляционные таблицы. В целом же хронологические признаки мужских погребальных комплексов разрабатывались меньше и корреляционные таблицы для них не составлялись.

На основе тщательного изучения погребального инвентаря и некоторых элементов погребального обряда нами разработаны хронологические таблицы женских и мужских погребений (табл. 1, 2). При написании этих таблиц автор исходил и из предположений: 1) в уже существовавших курганах, имевших основное погребение, дополнительно хоронили ближайших родственников; 2) разница во времени между совершением основного и дополнительного захоронения не могла быть очень большой, т. е. она была не более полувека; 3) наборы вещей и украшений, особенно бус, в большинстве случаев, и в основном и в дополнительном погребениях, должны быть одного и того же типа и материала, что, видимо, обусловливалось одновременностью их приобретения и недолговременностью нахождения в продаже.

Эти предположения имеют некоторое подтверждение в курганах Харлапова. Например, в кургане 17, датируемом второй половиной XI в., основное и дополнительное женские погребения имели совершенно одинаковые серебряные височные кольца (завязанные браслетообразные, завязанные ромбощитковые и перстнеобразные) и некоторое количество каменных бус одинакового типа (сердоликовые 6-, 7- и 8-гранные, монетообразные, хрустальные шарообразные). Аналогичная картина была в курганах 1 и 19, датируемых XII в. То же самое засвидетельствовано и для курганов, содержащих мужские погребения. Курганы 64 и 66 при первых основных мужских погребениях имели полный набор вещей, включающий топор, нож, поясной набор, деревянное ведерко с железными обручами. Дополнительные захоронения

---

[4] А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие. САИ, Е1-36, 1966, вып. 1, с. 76.

[5] А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, вып. 2, с. 116.

[6] В. А. Мальм. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ, вып. 43, М., 1967, с. 153—154.

[7] А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, вып. 2, с. 116. — Большинство топоров отнесено к типу IV и один к типу VII (XI в.).

[8] М. Х. Алешковский. Курганы русских дружинников XI—XII вв. СА, 1960, № 1, с. 73. — По его классификации топоры относятся к типу Д (X—XII вв.), но распространены они были более всего в XI в.

[9] В. П. Левашова. Сельское хозяйство. Очерки по истории русской деревни. Тр. ГИМ, вып. 32, М., 1956, с. 40—41. — Клиновидные узколезвийные топоры типа I отнесены к XI—началу XII в.

[10] А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, вып. 2, с. 88.

[11] М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ, вып. 33, М., 1959, с. 152.

[12] Там же, с. 158.

[13] В. П. Левашова. Височные кольца. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ, вып. 43, М., 1967, с. 40, 43.

[14] Т. Н. Никольская. Хронологическая классификация. . ., с. 33, 37.

[15] Т. В. Равдина. О датировке вятических курганов. СА, 1965, № 1, с. 125.

[16] Е. А. Шмидт. Курганы XI—XIII вв. у дер. Харлапова. . ., с. 206.

[17] Т. Н. Никольская. Хронологическая классификация. . ., с. 33, 39.

в этих курганах были несколько беднее инвентарем, но содержали топоры и ножи аналогичных типов.

Составленные для Харлаповских курганов табл. 1 и 2 позволяют сделать некоторые общие замечания относительно времени бытования отдельных типов вещей у кривичей Поднепровья.

В литературе считается, что стеклянные золоченые и серебряные бусы типичны для XI—начала XII в.[18] Однако, судя по находкам в Харлапове, такого типа бусы бытовали в течение всего XII в. В более поздних курганах XII в. золоченые стеклянные бусы имеют меньшие размеры и плохое по качеству стекло, а иногда вместо золотой фольги желтую краску. Одна такая бусина из Харлапова подвергнута химическому анализу, и выяснено, что она не привозная, а местного производства.[19]

Сердоликовые бипирамидальные бусы бытовали в течение всего рассматриваемого нами периода, что не противоречит наблюдениям, сделанным и на других территориях.[20] По своему характеру эти бусы из Харлапова подразделяются на 6-, 7- и 8-гранные, из них 8-гранные обнаружены только в погребениях второй половины XI — первой половины XII в.

Бусы из светлого прозрачного стекла встречаются в течение всего периода, тогда как бусы из синего стекла распространяются только во второй половине, а глазчатые бусы были распространены в первой половине периода.

Характер браслетообразных височных колец меняется: от больших серебряных аккуратно завязанных (XI в.) к бронзовым полузавязанным (конец XII—начало XIII в.). В XI—начале XII в. браслетообразные височные кольца дополняются ромбощитковыми завязанными.

Браслеты простые дротовые встречались в течение всего периода, это же самое можно сказать и о витых тройных браслетах, что вполне соответствует наблюдениям, сделанным при анализе вятических курганных древностей,[21] и подтверждает датировку тройных витых браслетов второй половиной XI—XIII в. Пластинчатые браслеты распадаются на две хронологические группы: 1-я группа (XI—первая половина XII в.), когда бытуют пластинчатые тупоконечные и ушастоконечные браслеты, и 2-я группа (конец XII—начало XIII в.) — распространение только пластинчатых загнутоконечных браслетов. Это наблюдение вполне совпадает с материалами из верхневолжских курганов.[22]

Перстни простые круглопроволочные с утонченными концами и ложновитые бытовали в течение всего периода, тогда как ложновитые с питью и витые тройные и четверные характерны только для XII в.

Есть определенная закономерность, присущая как женским, так и мужским погребениям, — глиняные сосуды, поставленные обычно в ногах, встречаются в погребениях XI—XII вв., сделанных на материке или в мелких ямах, тогда как в погребениях конца XII—начала XIII в., в глубоких ямах, они не встречены.

В некоторых поздних погребениях конца XII—начала XIII в. в ожерельях встречаются металлические трубочки-пронизки очень плохой сохранности, сделанные из какого-то сплава или металла, по внешнему виду напоминающего цинк и его окислы.

Вполне возможно, что некоторые отмеченные особенности, не отражают общих закономерностей в развитии инвентаря, свойственных всем древнерусским землям, а являются отражением только локальных особенностей данной группы кривичей Смоленского Поднепровья.

Общее направление развития погребального обряда в курганах у дер. Харлапова было нами сформулировано еще в первой публикации,[23] но есть достаточно оснований рассмотреть и некоторые детали этого развития.

В женских погребениях есть свои особенности. Из изученных 41 женского погребения 27 являются основными (66%), а 14 — дополнительными (34%). Из 27 основных погребений 12 совершено на выжженном материке (44%), 8 на чистом материке (30%), 5 в подкурганных ямах (19%), в остальных случаях характер материка установлен не был (7%), хотя погребения были совершены на его поверхности. Подстилка из коры или обертывание трупа корой совершалось в течение всего периода, тогда как устройство деревянных срубов (домовин?) наблюдалось только в XI—начале XII в. В XI—начале XII в. женские погребения совершались на выжженном материке и часто в деревянном срубе. Дополнительные захоронения в этот период единичны. В XII в. основные захоронения совершаются преимущественно на чистом материке без его выжигания, а погребение на выжженном материке, как и погребения с сооружением срубов, становятся единичными. В это время количество дополнительных погребений значительно увеличивается. В начале XIII в. погребение в глу-

[18] Т. В. Равдина. О датировке вятических курганов, с. 124; А. В. Арциховский. Курганы вятичей, с. 145; М. В. Фехнер. К вопросу..., с. 153.

[19] М. В. Фехнер. К вопросу..., с. 165.

[20] Там же, с. 152, 178; А. В. Арциховский. Курганы вятичей, с. 139.

[21] Т. В. Равдина. О датировке вятических курганов, с. 128.

[22] Т. Н. Никольская. Хронологическая классификация..., с. 37 и сл., рис. 4.

[23] Е. А. Шмидт. Курганы XI—XIII вв..., с. 192.

ТАБЛ II

Хронология женских погребений

№ курганов и погребений	Височные кольца				Подвески		Браслеты					Перстни				Бусы сердоликовые				Шарообразные (хрусталь) бусы
	браслетообразные завязанные	полузавязанные и сомкнутые	ромбощитковые завязанные	трехбусинные и пр.	зооморфные с цепочками	лунницы литые	простые проволочные	витые тройные	витые 2×3	пластинчатые тупоконечные	пластинчатые загнутоконечные	простые и ложновитые	ложновитые с нитью	витые тройные и четверные	решетчатые широкосрединные	бипирамидальные 8-гранные	бипирамидальные 6- и 7-гранные	призматические 14-гранные	монетообразные	
2	п									+										
8	п											x				п	x	+	+	x
17—2	п			+			x					x					x			
48	п			+			x			+		x					x			
23	п			+												п	x			
4	п				п		x			+		x				п	x	+	+	x
17	п			+			x					x				п	x	+	+	
3	п				п		x	x		+		x					x			
6—2	п				п		x									п	x	+		
5	п			+																
10-с	п			+	п		x					x								
8-с	п							x									x			x
9	п									+		x								
1	п						x			+										
6-с	п				п					+		x	д			п	x	+		
70	п									+										
45	п					д											x	+		x
42	п															п	x			
6	п																			
22	п											x		д		п	x			
32		о															x			
46	п					д						x								
19—2	п											x				п	x			
1—2		о				д		x				x	д	д	т					
19	п											x				п	x			
53	п																x			
66	п											x					x			
74	п						x										x			x
51	п												д							
40	п																x			
11		о						x												
20	п																			
60				т											т					
25				т		д									т		x			
12				т			x					x								
37		о													т					
2-с				т			x					x								
28		о							о		о									
31		о						x			о				т		x			x
57		о										x					x			
61		о									о						x			x

Примечание. + — вещи, характерные для XI—начала XII в.; x — вещи и элементы обряда, бытовавшие весь период; о — вещи и элементы обряда конца XII—начала XIII в.; с (с цифрой впереди) — курганы из раскопок Н. И. Савина.

бокой подкурганной яме становится господствующим.

Развитие элементов погребального обряда в мужских погребениях в общем имеет такое же направление, как и в женских, но в то же время не лишено и некоторых особенностей. Среди мужских захоронений меньше дополнительных, а больше основных. Так, из 43 изученных мужских погребений 37 являются основными (86%) и только 6 погребений — дополнительными (14%). В остальном мужские погребения распределяются таким же образом, как и женские. Из 37 основных погребений 16 совершено на выжженном материке (43%),

ДА 1

в Харлаповских курганах

Элипсовидные (хрусталь и аметист) бусы	Бусы стеклянные: бочкообразные золоченые	Бусы стеклянные: цилиндрические золоченые	Бусы стеклянные: бочкообразные серебряные	Бусы стеклянные: прозрачные светлые	Бусы стеклянные: бочкообразные синие	Бусы стеклянные: глазчатые	Медные спиральки	Цинковые трубочки	Бубенчики: прорезь крестообразная	Бубенчики: прорезь простая	Ножи железные	Сосуды глиняные	Элементы погребального обряда: основное погребение	Элементы погребального обряда: дополнительное погребение	Элементы погребального обряда: на выжженном материке	Элементы погребального обряда: на чистой поверхности	Элементы погребального обряда: погребение в яме	Элементы погребального обряда: деревянный сруб	Элементы погребального обряда: обкладка из коры	Хронология
	х		х									х	х		п				х	
	х		х	х		п				х	х	х	х		п				х	
	х									х	х	х	х		п			п	х	
				х						х	х		х						х	
	х			х						х	х	х	х						х	
п	х		х										х		п			п	х	XI в.
				х					п	х	х		х	х						
п	х	п				п												п	х	
									п	х	х		х	х	п				х	
	х												х						х	
													х		п			п	х	
	х	п				п											о			
	х		х			п				х				х						
п	х	п	х										х		п				х	
						п					х		х		п					
	х		х	х		п	д		п	х		х	х		п				х	
п											х	х	х			д				
	х													х					х	
	х		х	х	т									х						
												х	х			д		п	х	
	х	п		х		п			п			х		х						
п	х				т	п								х						
			х				д				х		х		п					
			х	х		п				х	х			х					х	
										х			х		п					XII в.
	х										х					д				
	х									х	х			х						
	х									х										
												х	х			д			х	
			х	х	т				п	х			х	х		д			х	
												х								
									п	х			х			д				
	х										х		х			д				
										х	х			х						
	х		х								х		х			д			х	
				х									х							
	х		х	х	т			о		х	х		х				о		х	
				х	т			о		х			х				о			XIII в.
					т					х			х				о			
	х			х				о						х						

п — вещи и элементы обряда XI—XII вв.; д — вещи и элементы обряда XII в.; т — вещи и элементы обряда XII—начала XIII в.;

11 на чистом материке (30%), 8 в подкурганных ямах (22%), для остальных погребений характер материка не установлен (5%), но умершие помещены на его поверхности. Подстилка из коры или обертывание трупа корой у мужских погребений отмечены только в XI—первой половине XII в. При этом следы коры зарегистрированы в 12 мужских погребениях из 43 (28%), тогда как в женских погребениях — в 20 случаях из 41 (49%). Остатки колод в подкурганных ямах обнаружены в Харлапове только в мужских погребениях (в 5 глубоких ямах из 7). Там же отмечено резкое уменьшение количества инвентаря, помещае-

ТАБЛИЦА 2

Хронология мужских погребений в Харлаповских курганах

№ курганов и погребений	Инвентарь: мечи	топоры боевые	топоры рабочие	ножи железные	наконечники копий	острия с кольцом	мелкие поясные кольца	железные поясные кольца	лировидные пряжки (бронзовые)	четырехугольные пряжки (бронзовые)	четырехугольные пряжки (железные)	округлые пряжки (железные)	другие вещи у пояса	серебряные фибулы	медные пуговицы	рукоятки стеков	железные обручи от ведерок	глиняные сосуды	Элементы погребального обряда: основное погребение	дополнительное погребение	на выжженном материке	на чистом материке	погребение в яме	деревянный сруб	обкладка из коры	деревянные колоды	Хронология
2				х			п												х		п				х		
4	+			х			п		п								п	х	х		п			п	х		
15-1		++		х			п												х								
44		++		х			п		п								п		х								
21		++		х		+	п						+				п		х		п				х		
40		++		х	+		п												х		п				х		XI в.
64-1		++		х		+	п	п									п		х		п			п	х		
66-1		++		х	+		п	п			+						п		х		п						
15-2		++					п		п											х							
6		++		х			п	п		п								х	х		п			п	х		
66-2		++		х			п		п											х							
8-с		+		х														х	х				о				
49			п	х	+		п	п				п	+				п	х	х		п				х		
3				х								п					п		х		п			п	х		
9			п	х			п		п			п						х	х		п						
71				х	+		п	п				п						х	х		п				х		
64-2		+		х																х							
5-с				х		+		п											х			д					
5																		х		х	п						
45				х					п								п		х		п						
29				х			п					п						х	х		п			п	х		
20				х				п				п							х		п						
46				х			п	п				п							х			д			х		
42							п										п		х		п			п	х		
74				х														х	х			д					
7				х														х	х			д					XII в.
3-с				х				п	п			п							х			д					
10				х														х	х			д					
39				х																х							
54				х															х		п						
51				х															х			д					
72				х															х			д					
25				х				п											х			д					
38																		х	х			д					
4-с																		х	х			д					
18																				х							
62								п		п						о			х				о				
56				х															х				о			о	
61				х															х				о			о	
30															о				х				о			о	
7-с				х											о				х				о				
67																о			х				о			о	XIII в.
69															о				х				о			о	

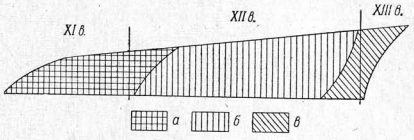
Примечание. + — вещи, характерные для XI—начала XII в.; х — вещи и элементы, бытовавшие почти весь период; п — вещи и элементы обряда XI—XII вв.; д — элементы обряда XII в.; о — вещи и элементы обряда конца XII—начала XIII в.; с (с цифрой впереди) — курганы из раскопок Н. И. Савина.

мого с умершим, происходившее от начала XII до начала XIII в. (см. табл. 2). Вообще же эта тенденция заметна и в женских погребениях (см. табл. 1). Отмечалась она и на других территориях Руси,[24] что связывалось с отмиранием обычая класть в погребения различные вещи, а не с обеднением населения.

Для других территорий кривичей исследователи выделяют две хронологические стадии: 1-я — XI—середина XII в.; 2-я — середина XII—XIII в. Однако при анализе хронологической таблицы верхневолжских курганов, даже составленной выборочным методом, бросается в глаза неравномерное распределение погребений по стадиям: 1-я стадия — 61 и 2-я стадия — только 15.[25] Такое соотношение дает основание предполагать, что во второй половине XII и в XIII в. количество погребений в Верхнем Поволжье сократилось в несколько раз, а это едва ли имело место на самом деле.

Рассмотренные нами материалы показывают, что развитие погребальных памятников в Харлапове прошло не две, а три стадии или этапа: 1-я стадия — вторая половина XI—начало XII в., 2-я стадия — бóльшая часть XII в.; 3-я стадия — конец XII—начало XIII в. Представить это общее развитие можно в виде диаграммы (см. рисунок).

Хотя каждая стадия ограничена во времени и имеет свои характерные признаки, все-таки становится ясным, что замена элементов в погребальном обряде и инвентаре не происходит одновременно и некоторое время наблюдается



Развитие погребальных памятников в Харлапове.
а — 1-я стадия; *б* — 2-я стадия; *в* — 3-я стадия.

сосуществование старых и новых элементов. При этом появление новых и сохранение старых, в рамках поступательного развития, видимо, связано с субъективными особенностями и общественным положением как умершего, так и его ближайших родственников. Взаимное расположение отдельных погребений (см. табл. 1, 2) по стадиям, отражает тенденцию общего развития, но не во всех случаях соответствует фактической последовательности совершения самих захоронений. Установить же эту последовательность на основе имеющихся материалов пока невозможно.

[24] Т. Н. Никольская. Хронологическая классификация. . ., с. 41; А. В. Успенская. Курганы Южной Белоруссии X—XIII веков. Тр. ГИМ, вып. 22, М., 1953, с. 120.

[25] Т. Н. Никольская. Хронологическая классификация. . ., с. 41, рис. 4.

А. М. Шовкопляс

НЕКОТОРЫЕ ГУТНЫЕ СТЕКЛЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ КИЕВА

Одним из широко распространенных ремесленных производств средневековой Украины было изготовление стеклянных изделий в специальных мастерских, называвшихся гутами.[1] Отсюда и названия самих изделий — гутные.

Производство носило индивидуальный характер, и качество продукции всецело зависело от мастерства и художественного чутья стеклодува — гутника.

Наиболее ранние сведения о гутах на Украине, в частности на Волыни, встречаются в письменных документах середины XVI в.[2] Однако гутная стеклянная продукция на Украине еще очень мало изучена, и ей посвящены единичные работы,[3] в которых учтена лишь незначительная часть изделий, дошедших до наших дней. До сих пор науке неизвестны гутные стеклянные изделия из Киева. Это произошло прежде всего из-за того, что изучение материальной культуры города до самого последнего времени ограничивалось первой половиной XIII в. Памятники же последующих веков, вплоть до XVIII в., выпадали из поля зрения ученых. Между тем довольно значительная коллекция стеклянных гутных изделий (более 40 шт.) происходит из раскопок на территории древнего Киева, произведенных в 1955 г. под руководством В. К. Гончарова в усадьбах по улице Владимирской, 7 и 9.[4]

[1] Л. П. Калениченко. Гутне скло на Україні (короткий нарис). Мистецтво, фольклор, етнографія. Наукові записки, I—II, Київ, 1947, с. 44—45.

[2] Там же, с. 42.

[3] И. А. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева. Киев, 1893; Б. Н. Ханенко. Древности Приднепровья. Вып. 5. Киев, 1902, табл. 35; Л. П. Калениченко. Гутне скло на Україні; В. Ф. Рожанківський. Українське художнє скло. Київ, 1959.

[4] В. К. Гончаров. Археологічні розкопки в Києві у 1955 р. Археологія, т. X, Київ, 1957,

Очень интересные изделия обнаружены при раскопках Киевской экспедиции, осуществленной под руководством М. К. Каргера в 1946 г. также на территории старого города (в усадьбах по улицам Владимирская, 1 и 7, Большая Житомирская, 4). При раскопках местами встречались в довольно значительных скоплениях фрагменты керамики, стекла и другие находки, датируемые XVII—XVIII вв.[5] Более 100 обломков, а также отдельные целые изделия из этих сборов хранятся в Государственном историческом музее УССР.

В зависимости от практического применения гутные изделия из Киева можно разделить на две основные группы — столовую посуду и оконное стекло. Все изделия прозрачные, имеют светло- или темно-зеленый цвет. Зеленоватые оттенки вызваны наличием окиси железа и некоторых других металлов, обычно находящихся в качестве естественной примеси в составе песка, служившего исходным сырьем для производства стекла.

Рис. 1. Гутные стеклянные изделия из Киева (*1—8*).

с. 122. — Материалы хранятся в ГИМ УССР и Археологическом музее АН УССР.

[5] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, с. 168.

Ассортимент киевской столовой посуды был достаточно разнообразен. Это прежде всего сосуды для хранения жидких веществ. Среди них четырехгранные бутылки — штофы, довольно толстостенные, светло-зеленого цвета, нецианской республики А. Кантарини, побывавший в Киеве в 1474 г.

Далее отметим бутылки зеленого цвета с высоким узким горлышком, у основания которого находится рельефный валик (рис. 1, *6, 8*). Своеобразную серию сосудов представляют бутылочки из прозрачного стекла, уплощенной формы с прямым или отогнутым наружу венчиком. Под венчиком или при переходе его в тулово (рис. 1, *7*) также бывает рельефный валик. На плечиках этих сосудов имеются маленькие ручки, напоминающие ручки древне-

Рис. 2. Гутные стеклянные изделия из Киева (*1—17*).

с узким горлышком, на котором иногда встречаются один или два кольцевых рельефных валика. Высота более 20 см. Прямоугольное дно имеет углубление в центре (рис. 1, *1, 2*). Форма их оказалась чрезвычайно живучей и сохранилась до наших дней. О применении киевлянами спиртных напитков писал посол Ве-

русских глиняных сосудов так называемого киевского типа (рис. 2, *8*). Донья у них овальной формы с углублением в центре (рис. 1, *4, 5*). Интересны два сосуда необычной формы, один из которых, темно-зеленого цвета, имеет шаровидную форму, узкое горло, округлую ручку (рис. 1, *3*). Второй сосуд, из бесцветного стекла, по форме напоминает глиняный кувшин. Его широкое горло при переходе в тулово украшено накладным расчлененным валиком. У этого сосуда также имеется ручка. Донышко представляет собой круглую розеткообразную подставку (рис. 2, *17*).[6]

Из сосудов для питья бытовали цилиндрические стаканы (рис. 2, *11*), чаще всего с ручками (рис. 2, *6, 9*), украшенными фигурными выступами (рис. 2, *12, 13*). Один из стаканов орнаментирован вертикально расположенной расчлененной полоской (рис. 2, *10*). Подобные стаканы с ручками, датируемые XVI—XVII вв., известны в Луцке.[7] От стаканов, а также кувшинчиков происходят донья в виде круга, по краям которого наварен розеткообразный орнаментированный валик (рис. 2, *15, 16*). Кроме Киева такие донья найдены в Кременце, там они датируются XVI—XVII вв.[8] К стеклянным сосудам для питья из Киева относятся и небольшие, немного расширенные кверху стопки из бесцветного стекла (рис, 2, *1, 3*). Подобный сосуд, но граненный в верхней части, был найден в Киеве на горе Киселевке (рис. 2, *2*).

Одной из разновидностей стеклянной посуды являются бокалы на высоких ножках-подставках, основания которых имеют вид плоских дисков (рис. 2, *4*). Целый бокал такого типа, датируемый XVI—XVII вв., происходит из Луцка.[9]

Найдены в Киеве также небольшие сосудики с узким горлышком, один из них орнаментирован горизонтальными углубленными полосами (рис. 2, *7*). Второй сосудик имеет вид удлиненной баночки (рис. 2, *14*). Может быть, такими же были те сосудики-«стекляницы», которые по указу царя Алексея Михайловича в 1662 г. «велено купить в Черкасских городах»,[10] так как они «надобны в аптекарском приказе».[11]

В Киеве, как и в других городах Украины, в XVI—XVIII вв. применялось оконное стекло, так называемые лунницы. Они использовались прежде всего в замковых и монастырских постройках. Средневековые оконные стекла представляли собой бесцветные диски диаметром 12—13 см с кромкой (рис. 2, *5*). Их соединяли с помощью свинцовой оправы, что придавало окну характер своеобразного орнаментального узорочья.[12] Путешественник XVII в. Павел Алеппский, сопровождавший антиохийского патриарха Макария в путешествии по России и Украине и оставивший описание древних киевских храмов и монастырей, сообщал, что в Лаврской церкви Киево-Печерского монастыря, в Софийском соборе и Михайловском монастыре было много окон со светлым стеклом.[13]

Любопытные письменные данные о стеклянном производстве в Киеве имеются в «Расходной книге» 1675—1676 гг., в которой приведена запись по расходу денег на плату стеклодельцам.[14] Так, киевскому жителю «шкляру Кондрату Яковлеву» за большую «окончину, поставленную в Печерских воротах на башне и за работу и за шкло и за олово, дано 20 алтын»; «окончиннику» московскому стрельцу Никите Алексееву «за 8 окончин новых в дереве ... дано 8 гривен, ему ж дано 10 алтын за 2 окончины к киевским воротам в караульню, где стоял сотник»; другому окончиннику стрельцу Иванову Карпову «за 3 окончины больших дано 20 алтын». Когда в первой половине XVII в. в Москве возникают стекольные заводы, стеклодувы-гутники для них приглашались и из украинских земель, в частности из Киева.[15]

Те стеклянные гутные изделия XVI—XVII вв., которые собраны в Киеве в настоящее время, позволяют говорить о развитии в нем стеклянного производства и о широком применении различных стеклянных изделий в быту средневековых киевлян. Стекловедение средневекового Киева было дальнейшим развитием этого вида местного ремесла, берущего начало еще в эпоху Киевской Руси. Именно

---

[6] В. К. Гончаров. Археологічні розкопки..., с. 127.

[7] В. Ф. Рожанківський. Українське художне скло, с. 42, рис. 7, *г*, с. 45.

[8] Там же, с. 41, рис. 6, *г*, с. 44—45.

[9] Там же, с. 41, рис. 6, *д*.

[10] Черкасскими городами, или черкассами, в XVII—XVIII вв. было принято называть Украину.

[11] В. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915, с. 118; А. Орешников. Аптекарская посуда времени Петра Великого. Старые годы, февраль, 1908, с. 87.

[12] Такие окна, как полагает П. Г. Юрченко, были, в частности, в замке, находившемся на горе Киселевке (П. Г. Юрченко. Дерев'яна архітектура. В кн.: Історія українського мистецтва. Т. III. Київ, 1968, с. 24, рис. 7).

[13] Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. Киев, 1874, с. 77—79, 82.

[14] Н. Н. Оглоблин. «Расходная книга» Киевской приказной избы за 1675—76 гг. Чтения в историческом обществе Нестора-летописца, кн. XI, Киев, 1891, с. 19.

[15] Отписка воеводы В. Новосильцева в разрядный приказ. В кн.: Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах, т. III, с. 491.

в Киеве были обнаружены древнерусские стеклодельные мастерские XI—XIII вв.[16]

Как уже отмечалось, некоторые гутные изделия из Киева очень близки стеклянным изделиям, происходящим из гут Кременца и Луцка, надежно датированным XVI—XVII вв. К сожалению, находок из гутного стекла в целом немного. Очень хрупкие изделия плохо сохраняются в земле. К тому же ценность стекла и сложность получения его из первичного сырья (песка) обусловили вторичную переработку стеклянного утиля при изготовлении новых изделий. Этого требовала и сама технология варки средневекового стекла в гутном производстве.[17] Стеклянные гутные изделия, в том числе и киевские, являются одним из ярких образцов украинского народного прикладного искусства. Особенно высокохудожественными гутные изделия изготовлялись в XVIII в. Они восхищали современников своей красотой и неповторимостью.[18] Вызывают они интерес и в наши дни. Формы многих из них с успехом возрождают современные стекольные заводы и даже известен ряд мастеров, которые изготавливают гутные изделия, наследуя древней манере.

Можно надеяться, что дальнейшие археологические исследования во многих средневековых городах значительно увеличат количество и разнообразие гутных изделий. Прежде всего это относится к Киеву.

[16] М. К. Каргер. Древний Киев. Т. I. М.—Л., 1958, с. 402—411.

[17] В. Ф. Рожанківський. Українське художнє скло, с. 38.

[18] Вірші Кліментія Зромонаха, Зіновіэва сина. Пам'ятки українсько-руської мови і літератури, т. VII, Львів, 1912, с. 103; М. В. Ломоносов. Письмо о пользе стекла поручику Ивану Ивановичу Шувалову, 1752 г. Избранные философские произведения, М., 1950, с. 482.

Ю. Л. Щапова

СТЕКЛЯННЫЕ БРАСЛЕТЫ ИЗЯСЛАВЛЯ

Небольшой городок Изяславль, стоявший на пути Батыя, беспощадно разгромленный и уничтоженный им, благодаря этому печальному и трагическому событию сохранил в толще своего культурного слоя огромное археологическое богатство.[1] Браслеты из стекла не прельстили завоевателей. И вот теперь множество обломков браслетов аккуратно лежат в лотках. Огромное, почти астрономическое, число — 10 000 разных по цвету, но чрезвычайно похожих друг на друга формой, размером и качеством стекла, браслеты привлекают к себе внимание исследователей.

О стеклянных браслетах древней Руси написано много, но никогда еще не доводилось строить все рассуждения и выводы на таких солидных основаниях. В силу этого хотелось бы начать с формального описания изделий, найденных в Изяславле.

Браслет представляет собой замкнутый отрезок стеклянного дрота. Поперечное сечение его может быть разным: круг — для гладких, многолепестковая розетка — для крученых и рубчатых, несколько сомкнутых малых кругов — для витых, сегмент или треугольник — для плоско-выпуклых. Гладкие браслеты, найденные в Изяславле, составляют 39.5%, крученые — 52.3, плоско-выпуклые — 4.5, рубчатые — 1.5, витые — 1.2, треугольные — 1%.

Величина внутреннего диаметра колеблется от 3 до 8 см. Следовательно, на один браслет требовался отрезок дрота длиной 10—25 см. Приведем более точные данные о размере браслетов: диаметр 3 см имеет 3% браслетов, 4 см — 16, 5 см — 30, 6 см — 40, 7 см — 10, 8 см — 1%. Наиболее часто встречаемый диаметр 5—6 см, и таких браслетов 70%. Браслетов малых размеров найдено больше, чем крупных: древнерусский стеклянный браслет рассчитан на ношение у запястья на тонкой руке.

Сравнивая формально-типологическую характеристику браслетов Изяславля с такой же характеристикой браслетов других городов древней Руси, нельзя не заметить, что по этому признаку ближе всего оказываются друг к другу браслеты Изяславля и Киева.[2] Правда, количественная характеристика киевских изделий дана в доверительных интервалах в силу того, что находок в Киеве не хватает для более строгих формулировок.

Что касается цвета, то здесь все значительно сложнее. Все браслеты изготовлены из цветного стекла. Технические возможности, которыми располагали древнерусские мастера, обеспечивали получение стекла шести цветов:

[1] М. К. Каргер. Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957—1964 гг. В кн.: Тез. докл. советской делегации на I Междунар. конгрессе славянской археологии в Варшаве. М., 1965.

[2] Ю. Л. Щапова. 1) Стеклянные браслеты и датирование городского культурного слоя. СА, 1969, № 4, с. 102—107; 2) Стекло Киевской Руси. М., 1971.

ТАБЛИЦА 1

Количественная характеристика стеклянных браслетов Изяславля с учетом цвета и формы

Цвет браслетов	Форма браслетов																			
	гладкие	гладкие с перевитием	гладкие с нитью	крупнокрученые 20 : 5	среднекрученые 20 : 8	мелкокрученые 20 : 12	мелкокрученые 20 : 16	мелкокрученые 20 : 20	крученые особого рода	сложнокрученые	мелкокрученые с перевитием	среднекрученые с перевитием	крупнокрученые с перевитием 20 : 8	крупнокрученые с перевитием 20 : 5	рубчатые	витые	гладкие двойные	треугольные	плоско-выпуклые	плоско-выпуклые с узором	Итого
Коричневый . . .	547	196	99	79	315	441	315	154	80	4	54	137	159	61	78	27	2	53	26	135	2962
Зеленый	198	31	21	25	102	108	59	13	2	—	11	20	17	1	5	9	—	1	9	20	652
Бирюзовый . . .	248	39	1	25	66	123	29	9	4	—	3	12	7	2	4	5	—	5	21	13	616
Фиолетовый . . .	865	21	1	43	204	249	74	9	2	1	1	3	2	—	5	30	1	—	17	6	1534
Желтый	53	109	8	4	14	16	1	4	56	—	—	3	8	1	3	3	1	—	—	31	315
Синий	169	15	1	34	144	84	43	13	19	—	—	3	1	—	10	6	—	8	22	8	518
Красный	1	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5
Итого	2081	411	131	209	850	1021	521	202	163	5	69	178	194	65	105	80	4	67	95	213	6664

ТАБЛИЦА 2

Процентная характеристика стеклянных браслетов Изяславля с учетом цвета и формы

Цвет браслетов	Форма браслетов																			
	гладкие	гладкие с перевитием	гладкие с нитью	крупнокрученые 20 : 5	среднекрученые 20 : 8	мелкокрученые 20 : 12	мелкокрученые 20 : 16	мелкокрученые 20 : 20	крученые особого рода	сложнокрученые	мелкокрученые с перевитием	среднекрученые с перевитием	крупнокрученые с перевитием 20 : 8	крупнокрученые с перевитием 20 : 5	рубчатые	витые	гладкие двойные	треугольные	плоско-выпуклые	плоско-выпуклые с узором	Итого
Коричневый . . .	7.97	2.94	1.5	1.2	4.8	6.6	4.8	2.31	1.2	0.06	0.77	2.09	2.40	0.93	1.18	0.41	0.03	0.8	0.41	2.02	44.42
Зеленый	2.87	0.45	0.3	0.35	1.66	1.56	0.9	0.23	0.03	—	0.21	0.31	0.26	0.01	0.07	0.14	—	0.01	0.14	0.3	9.80
Бирюзовый . . .	3.72	0.59	0.01	0.35	1.0	1.99	0.44	0.12	0.06	—	0.04	0.16	0.09	0.03	0.06	0.07	—	0.07	0.3	0.2	9.30
Фиолетовый . . .	13.06	0.3	0.01	0.67	3.0	3.73	1.05	0.16	0.03	0.01	0.01	0.04	0.03	—	0.07	0.45	0.01	—	0.26	0.09	22.98
Желтый	0.85	1.67	0.12	0.06	0.22	0.24	0.01	0.06	0.84	—	—	0.04	0.12	0.01	0.04	0.04	0.01	—	—	0.47	4.80
Синий	2.75	0.22	0.01	0.51	2.08	1.2	0.62	0.17	0.29	—	—	0.04	0.01	—	0.15	0.09	—	0.12	0.32	0.12	8.70
Красный	0.01	—	—	—	0.06	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0.07
Итого	31.25	6.47	1.95	3.14	12.76	15.32	7.82	3.03	2.45	0.07	1.03	2.68	2.91	0.98	1.58	1.20	0.06	1.00	1.43	3.20	100.07

коричневого, зеленого, бирюзового, фиолетового, желтого и синего. Однако по разным причинам стекло получалось настолько разным и по оттенку, что некоторые исследователи считают нужным специально отмечать браслеты черные, серые, янтарные, сиреневые, светло-зеленые, темно-зеленые, светло-коричневые, темно-голубые и т. д. Такая палитра могла удовлетворить требованиям любого вкуса. А если принять во внимание и форму их, то картина еще более усложнится. В табл. 1 представлены сведения о 6664 браслетах, найденных в Изяславле в 1957—1959 и 1961 гг. Характеристика каждого цвета дана в абсолютных числах. Браслеты гладкие, крученые, крученые особого рода, сложнокрученые, рубчатые, витые, гладкие двойные, плоско-выпуклые и треугольные исчерпывают все богатство форм. Перевитье усложняет художественные качества изделия в пределах тех же форм и, как и любой декор, всегда учитывается при типологии браслетов. В общей сложности, таким образом, в Изяславле в начале XIII в. было известно 108 типов стеклянных браслетов, доля каждого из которых строго рассчитана (табл. 2). Указанная величина (в %) характеризует значение, долю каждого типа браслетов в общем объеме.

Все стеклянные браслеты привезены в Изяславль из Киева. Именно поэтому табл. 2 характеризует не что иное, как киевский вывоз стеклянных браслетов, причем основная часть его приходится на первые десятилетия XIII в.[3]

Примерно такие же браслеты вывозились в это время и в другие древнерусские города с небольшими, правда, поправками на местные условия, касавшимися в большей или меньшей степени их цветовой гаммы.

Если сравнить вывоз браслетов этого времени с более ранним, например, с тем, который представляют нам новгородские находки, относящиеся к третьей четверти XII в. (18-й ярус, датируемый 1161—1177 гг.),[4] то нельзя не заметить очевидных различий (табл. 3).

За 60—70 лет, которыми отделены друг от друга рассматриваемые характеристики, изменилась цветовая гамма браслетов, вывозимых из Киева. Увеличилось количество окрашенных браслетов (зеленых, бирюзовых и фиолетовых вдвое и даже втрое), число неокрашенных (коричневых и желтых) уменьшилось в полтора раза. Эти изменения скорее всего отражают

ТАБЛИЦА 3

Сравнительная характеристика киевского экспорта стеклянных браслетов

Цвет браслетов	Третья четверть XII в. (Новгород)	Первые десятилетия XIII в. (Изяславль)
Коричневый (и черный) . .	55.5	44.4
Зеленый	6.5	9.8
Желтый (и бесцветный) . .	14.0	4.8
Бирюзовый	4.0	9.3
Фиолетовый	8,0	23.0
Синий	12.0	8.7
Итого	100.0	100.0

сдвиги, происшедшие в производстве древнерусских стеклянных изделий вообще, хотя нужно заметить, что связь производства и сбыта осложнена рядом дополнительных факторов, учесть которые в применении к средневековью особенно трудно. Тем не менее становится очевидным, что древнерусское стеклоделие идет по пути увеличения производства окрашенных стекол. Перстни и браслеты, бусы и привески требовали большого количества цветного стекла. В последние 50 лет, предшествующих нашествию монголо-татар, появилась и разноцветная стеклянная посуда.

Яркая цветовая палитра, которой располагали древнерусские стеклоделы, отличала их изделия от стеклянных изделий других стран. Это безусловное преимущество открывает их продукции (главным образом украшениям) широкий сбыт внутри страны и за ее пределами. Киевские стеклянные украшения, известные на северо-западе Руси, в Прибалтике, в Польше, особенно часто встречаются в памятниках второй половины XII—начала XIII в. Это время, когда в больших масштабах осуществляется не только экспорт готовой продукции (например, браслетов в Изяславль), но и экспорт ремесла (возникновение браслетных мастерских в Новгороде и Рязани).

Стеклянные браслеты Изяславля приближают нас к пониманию тенденций и характера развития древнерусского стеклоделия. На данном этапе (от своего зарождения в начале XI в. до конца, до 1240 г.) оно идет по пути освоения технологических приемов и приобретения рынков сбыта, распространяясь на новые территории, вовлекая их в общее развитие, протекающее экстенсивно.

[3] Ю. Л. Щапова. Стеклянные браслеты..., с. 106.

[4] М. Д. Полубояринова. Стеклянные браслеты древнего Новгорода. МИА, № 117, 1963, с. 176, табл. 5.

В. Л. Янин

ЦЕРКОВЬ БОРИСА И ГЛЕБА В НОВГОРОДСКОМ ДЕТИНЦЕ

(О новгородском источнике «Жития Александра Невского»)

Разрушенная около трехсот лет назад новгородская церковь Бориса и Глеба в Околотке давно уже привлекает внимание исследователей. Известия о ней немногочисленны, но в ряде случаев они выходят за рамки чисто «архитектурного паспорта» памятника, позволяя ставить сложные проблемы историко-политического характера.

Впервые о строительстве церкви Бориса и Глеба «в граде» упоминается в летописи под 1146 г.[1] Нет сомнения, что это была деревянная постройка и ей не предшествовала более ранняя одноименная церковь: этот первый в Новгороде Борисоглебский храм возникает сразу после закладки в 1145 г. каменной церкви Бориса и Глеба на Смядыни,[2] как первый отклик на столь значительное в новом утверждении борисоглебского культа событие.

В 1167 г. на смену деревянной церкви закладывается каменная, оконченная и освященная в 1173 г.[3] Два обстоятельства, связанные с этим строительством, особенно стимулируют интерес исследователей. Во-первых, строителем церкви новгородские летописи, включая древнейший Синодальный список, называют знаменитого Сотко Сытинича. Во-вторых, летописцы отождествляют место церкви Бориса и Глеба с тем участком, на котором некогда стояла первая деревянная тринадцативерхая церковь Софии, построенная в 989 г., а затем сгоревшая.[4] Древнейшим дошедшим до нас источником этого последнего сообщения является показание Комиссионного списка Новгородской первой летописи под 6557 г.: «Месяца марта в 4, в день суботный, сгоре святая Софея; беаше же честно устроена и украшена, 13 верхы имущи, а ту стояла святая Софея конець Пискупле улице, идеже ныне поставил Сотъке церковь камену святого Бориса и Глеба над Волховом».[5]

Не подлежит сомнению подозрительная противоречивость этого известия. Древнейший Синодальный список Новгородской первой летописи никак не локализует деревянную Софию и называет другую дату ее пожара: «В лето 6553. Съгоре святая София, в суботу, по заутрьнии, в час 3, месяца марта в 15. В то же лето заложена бысть святая София Новегороде Володимиромь княземь».[6]

Какая из этих дат истинна? Н. Г. Бережков признавал таковой названную Комиссионным списком 6557 г. Основой для его вывода послужило соответствие 4 марта субботе в 1049 г. и несоответствие 15 марта субботе в 1045 г. Необходимость исправления даты в Синодальном списке, по предположению исследователя, диктовалась потребностью указания причинной связи между пожаром старой Софии и закладкой новой. Редактора Синодального списка смутило то обстоятельство, что новая София строится еще тогда, когда существует старая. Поэтому он якобы перенес известие о пожаре, стоявшее в первоисточнике под 6557 г., на 6553 г., устранив из него указание на первоначальное место храма и на сооружение на нем в более позднее время церкви Бориса и Глеба. С другой стороны, в Синодальном списке, редактор которого в связи с предпринятой им перестановкой текста изменил день пожара, сохранилось указание на точный час этого события, опущенное в дальнейшем сводчиками Новгородской первой летописи младшего извода.[7] Такое явно искусственное построение могло бы быть оправдано, если бы день пожара, показанный в Синодальном списке, действительно не соответствовал бы субботе. Однако 6553 г., начавшись в 1045 г., закончился в 1046 г., а 15 марта 1046 г. приходится как раз на субботу. Иными словами, допустив здесь употребление циркамартовской датировки, мы лишаемся возможности опорочить известие Синодального списка. Признавая его истинность, мы, между прочим, должны относить начало строительства каменной Софии не к 1045 г., как это обычно делается, а к 1046 г.

Что касается показания Комиссионного списка, его противоречивость не в том, что, согласно его версии, закладка новой церкви предшествует пожару старой. Более парадоксальным представляется другое обстоятельство. Южная часть новгородского детинца, в которой расположена церковь Бориса и Глеба, была включена в систему фортификаций лишь

---

[1] НПЛ, М.—Л., 1950, с. 27, 214.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 32, 34, 219, 223.
[4] Там же, с. 181; НЛ, СПб., 1879, с. 2, 145, 173.
[5] НПЛ, с. 181.
[6] Там же, с. 16.
[7] Н. Г. Бережков. Хронология русского летописания. М., 1963, с. 221.

в 1116 г.[8] Иными словами, отождествляя вслед за Комиссионным списком места постройки первоначальной Софии и церкви Бориса и Глеба, мы вынуждены будем признать, что городской собор Новгорода был сооружен вне града, а это само по себе вызывает недоумение.

Согласно версии Комиссионного списка, старая София сгорела за год до создания новой. Между тем легенда позднейших летописцев утверждает, что во время строительства каменного Софийского собора церковная служба совершалась в храме Иоакима и Анны.[9] Такое свидетельство лучше согласуется с показанием Синодального списка, оставляющим город без собора на все время строительства 1046—1050 гг. Следует отметить, что раскопками 1940 г. во время вскрытия участка Борисоглебской церкви тезис о местонахождении под ней первоначальной Софии не был подтвержден.[10]

Приведенные материалы позволяют сделать предположение о вторичности текста Комиссионного списка. Его переделки тенденциозны, а цель их заключается в намерении подчеркнуть особое значение Борисоглебской церкви в ту эпоху, к которой относится сама эта редакторская операция.

В 1262 г. церковь Бориса и Глеба «съгоре от грома». Рассказывая об этом, летописец замечает, что она «гораздо бо бяше и лепа».[11] Оценивая результаты ее раскопок, М. К. Каргер пишет: «...храм представлял исключительно монументальное сооружение, не уступавшее по своим размерам одной из самых величественных построек Новгорода — собору Георгия в Юрьевом монастыре».[12] В ходе новых раскопок 1969 г. внутри ныне существующей церкви Андрея Стратилата М. К. Каргеру удалось обнаружить остатки хорошо сохранившейся лестничной башни, которая вела на полати церкви.[13]

Будучи восстановлена после пожара, церковь между 1300 и 1302 гг. рухнула,[14] в 1302 г. была заложена опять, в 1305 г. окончена и в том же году освящена.[15] В 1350 г. ее поновили.[16] В 1405 г. во время пожара Людина конца, Прусской улицы и детинца она «вся выгоре».[17] В 1441 г. архиепископ Евфимий поставил церковь Бориса и Глеба на старой основе, «и быша ему пособники новъгородци».[18] Впрочем, и предыдущие возобновления постройки не нарушали ее первоначального плана, что очевидно из материалов раскопок 1940 г.

В Семисоборной росписи Новгорода, составленной между 1463 и 1508 гг.,[19] церковь Бориса и Глеба в Околотке не имеет приделов: стоящая рядом с ней маленькая церковь Андрея Стратилата обозначена здесь как самостоятельный храм.[20] Роспись ружных церквей времени митрополита Александра (1577—1589 гг.) уже именует Андреевскую церковь придельной к Борисоглебской.[21] На известной Хутынской иконе церковь Бориса и Глеба имеет две главы — большую в центре ее перекрытия и малую в юго-западном углу, что точно соответствует выявленному раскопками плану церкви с сохранившимся до наших дней в несколько более позднем варианте приделом.[22] Еще раз Борисоглебская церковь изображена на омофоре патриарха Никона.[23] Последнее известие о ней относится к 1652 г.[24] В документе конца XVII в. (1682—1696 гг.) о церкви Бориса и Глеба в детинце сказано: «церковь в прошлых в давных годех в раззорении и вся до основания разобрана».[25]

---

[8] М. Х. Алешковский. Новгородский детинец 1044—1430 гг. (по материалам новых исследований). Архитектурное наследство, т. 14, 1963.

[9] НЛ, с. 181.

[10] А. А. Строков. Раскопки в Новгороде в 1940 году. КСИИМК, XI, 1945, с. 65.

[11] НПЛ, с. 83, 311.

[12] М. К. Каргер. Новгород. Л., 1970, с. 69—70.

[13] Там же, с. 70.

[14] В 1300 г. в ней еще совершалась служба (НПЛ, с. 91, 330), в 1302 г. «заложиша церковь камену святого Бориса и Глеба, которая порюшилась» (НПЛ, с. 91, 331).

[15] НПЛ, с. 92, 332. — Церковь Бориса и Глеба в известиях 1302 и 1305 гг. не локализована. Однако в эту эпоху из всех новгородских Борисоглебских церквей только кремлевская была каменной. Из одноименных новгородских церквей Борис и Глеб на Подоле еще в 1311 г. была деревянной (НПЛ, с. 93, 334), первая каменная постройка в Плотниках относится к 1377 г. (НПЛ, с. 375), на Гзени — к 1424 г. (НПЛ, с. 415).

[16] НЛ, с. 230.

[17] НПЛ, с. 398.

[18] Там же, с. 421, 463.

[19] Самая поздняя из названных в этом документе церковь Сергия Радонежского построена в 1463 г. (НЛ, с. 53), но созданной в 1508 г. церкви Похвалы Богородицы на Владычном дворе (НЛ, с. 312) в нем еще нет.

[20] А. Никольский. Описание семи новгородских соборов по списку XVI в. в С.-Петербургской библиотеке св. Синода. Вестник археологии и истории, вып. X, СПб., 1898, с. 80.

[21] Временник ОИДР, кн. 24, М., 1856, Смесь, с. 27.

[22] П. Л. Гусев. Новгород XVI в. по изображению на Хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия». Вестник археологии и истории, вып. XIII, СПб., 1900; А. А. Строков. Раскопки в Новгороде..., с. 69, рис. 30. — А. А. Строков ошибается, полагая, что малый купол венчает башню (там же, с. 66). На месте башни уже в XVI в. стоял придел Андрея Стратилата.

[23] Л. А. Мацулевич. Храмы детинца на неизданном плане Новгорода XVII в. Сб. Новгор. общ. любит. древности, вып. 3, Новгород, 1910, с. 3—6.

[24] Л. А. Мацулевич. О времени разрушения Борисоглебской церкви в новгородском детинце. Новгородская церковная старина. Тр. Новгор. церк.-археол. общ., вып. 1, Новгород, 1914, с. 187.

[25] Там же, с. 186.

Изложив внешние факты истории Борисоглебской церкви, мы должны теперь остановиться на некоторых нюансах письменных сообщений о ней, позволяющих говорить о значении этого храма в разные эпохи. Возможно назвать три периода, характеризующиеся заметной разницей в статусе этой церкви.

Наименее интересен из них третий, последний период, совпадающий с московским временем, но начинающийся, возможно, еще в последние годы новгородской независимости. В конце XV—первой половине XVII в. церковь Бориса и Глеба ничем не выделяется, занимая положение рядовой приходской церкви в системе соборного участка храма Михаила Архангела на Прусской улице.[26]

Значительнее первый период существования этой церкви, простирающийся примерно до середины — второй половины XIII в. Только что мы отметили зафиксированную в позднем источнике организационную связь Борисоглебской церкви с Прусской улицей. Она, собственно, и стояла на Прусской улице, в той ее части, которая, будучи отрезана фортификациями 1116 г., продолжалась на территории детинца. «Устав Ярослава о мостех», определяя мостовую повинность жителей Прусской улицы, предписывает: «с прусы до Бориса и Глеба мостити».[27] Нам уже приходилось доказывать, что боярская Прусская улица была политическим центром сначала Людина конца, а затем — с образованием в конце XIII в. Загородского конца как особой административной единицы — центром обоих этих концов Софийской стороны.[28] Имеются некоторые основания видеть в Борисоглебской церкви первого периода ее существования вечевой храм прушан и организуемых ими территорий.

Речь идет о показаниях летописного рассказа 1221 г., излагающего подробности последнего столкновения посадника Твердислава и князя. Ополчившись на Твердислава, который в это время был болен, князь Всеволод Мстиславич во главе вооруженных новгородцев встал на Ярославовом дворище. Твердислава же привезли «на санках к Борису Глебу, и скопишася о нем пруси и Людинь конець и загородци, и сташа около его пълком и урядивъше на 5 пълков». Такая демонстрация силы привела к сохранению Твердиславу жизни, однако по замирении он сложил с себя посадничество и постригся в монастырь.[29] Выступая в этом рассказе как место сбора консолидированных Прусской улицей политических сил, церковь Бориса и Глеба демонстрирует несомненные признаки вечевого кончанского храма.

Самым любопытным оказывается второй период существования Борисоглебской церкви, обнимающий время с конца XIII до середины XV в. В 1300 г. единственный раз в истории новгородской кафедры поставление архиепископа происходит в самом Новгороде, куда ради этого акта съехались митрополит Максим, ростовский епископ Семен и тверской епископ Андрей. Они «поставиша архиепископа Новугороду Феоктиста; знаменаша его в церкви святою Бориса и Глеба, месяца июля (ошибка летописца, следует „июня“, — *В. Я.*) 29; того же месяца и поставиша его в святои Софьи, на память святою апостолу Петра и Павла (29 июня, — *В. Я.*)».[30] Церковь Бориса и Глеба как место торжественной церемонии выбрано не потому, что Софийский собор почему-либо в этот момент не был доступен: в тот же день церемония продолжена и в Софии. Нужно полагать, что Борисоглебский храм к этому времени приобрел характер общегородского (общегосударственного) института. Отметим особо, что Феоктист был ставленником прусского боярства, коль скоро до избрания на кафедру он игуменствовал в Благовещенском монастыре[31] — кончанском монастыре Людина конца.[32]

Вывод о приобретении церковью Бориса и Глеба особого статуса подтверждается летописным сообщением 1350 г. Борисоглебский храм был поновлен „ореховским серебром“, т. е. военной добычей новгородцев, вернувшихся из удачного похода на Ореховец в 1348 г.[33] Государственный трофей Новгорода не мог быть использован в постройке локального значения.

Симптоматичным оказывается и цитированное выше летописное сообщение 1441 г. о стро-

[26] А. Никольский. Описание.., с. 79—80.

[27] НПЛ, с. 507.

[28] В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962; В. Л. Янин, М. Х. Алешковский. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы). История СССР, 1971, № 2, с. 40. — Важнейшие аргументы в этой связи см.: А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 109—110.

[29] НПЛ, с. 60, 262. — Сам Твердислав был жителем Прусской улицы. В 1176 г. его отец Михаил Степанович поставил на Прусской улице церковь Михаила Архангела (НПЛ, с. 35, 224), в 1219 г. Твердислав вместе со своим братом Федором на месте этой деревянной церкви сооружают каменную церковь Михаила с приделом во имя Трех святых отроков; это строительство закончено в 1224 г. (НПЛ, с. 59, 63, 260, 267). Постригся Твердислав, как и его отец, в Успенском Аркаже монастыре (НПЛ, с. 50, 60, 246, 262) — кончанском монастыре загородцев (см.: В. Л. Янин. Из истории высших государственных должностей в Новгороде. В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963).

[30] НПЛ, с. 91, 330.

[31] Там же, с. 90, 330.

[32] В. Л. Янин. Из истории высших государственных должностей в Новгороде.

[33] НЛ, с. 230.

ительстве церкви архиепископом Евфимием, которому были «пособници новъгородци», а не жители какой-либо улицы или какого-нибудь конца.

Ретроспективное указание на особое государственное значение Борисоглебской церкви содержится в источнике 1652 г. На полях Степенной книги, рассказывающей о перуновых палицах — символе межконцанской розни новгородцев, сделана приписка, утверждающая, что эти палицы хранились именно в Борисоглебском храме: «Последи же во 7160 году последния палицы у святого Бориса и Глеба взем Никон митрополит новгородцкии пред собою огнем сожже и тако преста бесовское то тризнище отоле со оловеными наконечники тяжкими».[34]

Это сообщение, связующее языческие и христианские реалии и представляющее Борисоглебскую церковь хранительницей традиции, очевидно, смыкается с тенденциозной легендой о совпадении мест первоначальной Софии и храма Бориса и Глеба. Сама по себе редакторская работа, внедрившая на страницы летописи эту легенду и относящаяся все к тому же второму периоду истории церкви Бориса и Глеба, дополняет характеристику памятника как имеющего особое значение в структуре новгородской церковной и политической организации.

Существует еще один круг свидетельств, подтверждающий, что в рассматриваемый период и борисоглебский культ приобрел новые черты. Летописным описаниям ратных побед свойственна идея заступничества небесных сил, их покровительства правой стороне. Эта идея ощутима и в Новгородской первой летописи. В 1169 г. новгородцы побеждают суздальцев «силою крестьною и святою богородицею».[35] В 1225 г. Литва преодолена «божиею помочью и святыя София».[36] В 1234 г. против немцев новгородцам помогает «бог», а против Литвы «пособи бог и крест честьный и святая София, премудрость божия».[37] В 1238 г. Новгород от татарского нашествия «заступи бог и святая великая зборная апостольская церкы святая Софья и святыи Кюрил и святых правоверных архиепископ молитва и благоверных князии и преподобьных черноризець иереискаго сбора».[38] В 1240 г. в Невской битве новгородцы «схранены богом и святою Софьею и молитвами всех святых».[39] В 1262 г. под Юрьевом сыграла роль «честнаго креста сила и святои Софьи»,[40] а в 1269 г. тяжелая победа у Раковора досталась «силою креста честнаго и помощью святыя Софья, молитвами святыя владычица нашея Богородица приснодевица Мария и всех святых».[41]

В интересующий нас период заступничество небесных сил воплощается иначе. В 1301 г. победа над шведами под Венцом достигнута «силою святыя Софья и помощью святою Бориса и Глеба».[42] В 1348 г. ореховецкий поход выигран «милостью божьею и святеи Софеи заступлением, и молитвами пресвятыя владычица богородица нашея, силою креста честнаго, на нь же уповаша, и святою мученику христову Бориса и Глеба помощью».[43] Самое раннее «участие» Бориса и Глеба в новгородских военных операциях относится к 1242 г., когда Александру Ярославичу в Ледовой битве пособили «бог и святая Софья и святою мученику Бориса и Глеба, еюже ради новгородци кровь свою прольяша, тех святых великими молитвами».[44]

Первое упоминание пособничества Бориса и Глеба именно в связи с военными событиями времени Александра Невского кажется не случайным после обращения к данным синодика XVI в. из другой новгородской Борисоглебской церкви (в Плотниках). Приведем из него подробную цитату: «Покои, господи, избиенных на Неве от немець при велицемь князе Александре Ярославичи, и княжих воевод и новгородцькых воевод и всех избиенных братии нашеи, и на Ледом избиеных от немець братии нашеи, и на Раковоре избиеных от немець братии нашеи, и у Венца избиеных от немець при князе Андреи, и у Выбора избиеных от немець братии нашеи при князе Юрьи, и в Орехове скончавшихся братии нашеи, и под Корельским городом избиеных от немець братии нашеи, и на Нарове избиеных при князе Александре Ярославлице, и на Мурманех, и на Печере, и в Перме, и на Югре избиеных братии нашеи, и под Псковом избиеных братии нашеи, и в полону скончавшихся братии нашеи, и в поганьском языки, и на Дону избиеных братии нашеи при велицем князе Дмитреи Ивановичи,[45] и под Торжком избиеных братии нашеи от князя Михаила, и згоревших от огня в Торьжку, и в Новомгороде избиеных братии нашеи и на Руси избиеных

[34] Л. А. Мацулевич. О времени разрушения..., с. 187.
[35] НПЛ, с. 33, 221.
[36] Там же, с. 64, 269.
[37] Там же, с. 73, 283, 284.
[38] Там же, с. 76, 289.
[39] Там же, с. 77, 294.
[40] Там же, с. 83, 312.
[41] Там же, с. 87, 317.
[42] Там же, с. 91, 331.
[43] Там же, с. 361.
[44] Там же, с. 78, 296.
[45] Попутно обратим внимание на это в высшей степени любопытное свидетельство участия новгородцев в Куликовской битве.

боляр новгородцкых и иных братию нашю от князя Василья Васильевича».[46] Как видим, горестный список военных жертв доведен до 1456 г., что указывает на истинное время составления этого поминания, но начато оно жертвами эпохи Александра Ярославича.

Мы далеки от мысли утверждать, что включение в екгеньи подобного списка было спецификой Борисоглебских церквей Новгорода, однако сохранение приведенного поминания именно в одном из борисоглебских синодиков не может не обратить на себя внимание. В XIV—XV вв. культ Бориса и Глеба в Новгороде приобретает ярко выраженный военный характер, в чем легко убедиться, рассматривая сочетание борисоглебских алтарей с другими алтарями там, где храмы имели приделы. Рядом с церковью Бориса и Глеба возникает церковь Андрея Стратилата в Околотке, приделы во имя Бориса и Глеба появляются у церквей Дмитрия на Лубянице, Георгия на Лубянке, Дмитрия на Славкове.[47] И Андрей, и Дмитрий, и Георгий, как известно, были святыми воинами.

К евфимьевскому времени относится еще одна группа памятников, выражающих идею заступничества Бориса и Глеба за Новгород в ратных испытаниях. Имеем в виду легенду о знамении от иконы Богородицы и иллюстрирующие эту легенду иконы «Битва суздальцев с новгородцами». В нижнем ярусе икоры изображаются во главе новгородского войска святые Георгий, Дмитрий, Борис и Глеб.[48]

Итак, во второй половине XIII в. в Новгороде наблюдается очевидное укрепление борисоглебского культа; одним из проявлений этого процесса оказывается приобретение церковью Бориса и Глеба в Околотке особого статуса общегосударственного административного и религиозного центра. Заинтересованной стороной представляется прусское боярство, консолидирующее политические силы Людина и Загородского концов.

Представляется возможным назвать исходный этап работы по укреплению борисоглебского культа. Нам кажется, что им было создание легенды о видении Пелгусия. Напомним эту широко известную легенду. В канун Невской битвы 1240 г. один из ижорских старейшин Пелгусий, в крещении Филипп, находясь в дозоре на морском берегу, услышал шум и увидел насад, в котором стояли в червленых одеждах Борис и Глеб, держа руки друг у друга на плечах, гребцы же были одеты мглою. Пелгусий услышал, как Борис сказал Глебу: «Брате Глебе, вели грести борзо, да поможеви сроднику своему Александру». Оправившись от трепета, Пелгусий сообщил об этом Александру наедине, и тот приказал ему молчать об увиденном.

Признавая создание этой легенды основополагающим шагом в возрождении борисоглебского культа в Новгороде, мы тем самым и самую легенду признаем новгородской. Такой вывод расходится с популярной ныне оценкой «Жития Александра Невского», в котором и содержится рассказ о Пелгусии. Принято считать, что житие сложилось в конце XIII в. вне Новгорода, в стенах Владимирского Рождественского монастыря, где был похоронен Александр Ярославич, а в Новгород проникло значительно позднее, во времена Евфимия II.[49]

Основанием такой гипотезы служит, во-первых, отсутствие жития в Синодальном списке Новгородской первой летописи, окончательно оформившемся в первой половине XIV в., и очевидное его первоначальное использование только в Новгородской летописи типа Комиссионного списка, т. е. в середине XV в.; во-вторых, некоторое расхождение житийных и летописных сведений о деятельности Александра Ярославича, свидетельствующее о том, что местами невыгодный для Александра рассказ новгородской летописи не был вовсе использован агиографом.

В самом деле, житие не опирается на летописную традицию и воссоединяется с Новгородской летописью не раньше XV в. Однако существующее в науке построение отнюдь не исключает возможности внелетописного возникновения и бытования в Новгороде второй половины XIII в. одной из первоначальных версий жития Александра. Агиография пристрастно и тенденциозно подбирает свой строительный материал, избегая в первую очередь таких эпизодов, которые противоречат панегирическому тону ее повествования. В общей оценке деятельности Александра между агиографом и новгородским летописцем XIII в. нет противоречий, что очевидно проявляется в реплике Синодального списка: «Дан, господи милостивыи, видети лице твое в будущии век, иже потрудися за Новъгород и за всю Русьскую землю».[50]

---

[46] И. А. Шляпкин. Синодик 1552—1560 гг. новгородской Борисоглебской церкви. Сб. Новгор. общ. любит. древности, вып. 5, Новгород, 1911, с. 6—7.

[47] А. Никольский. Описание..., с. 80.

[48] В. Н. Лазарев. Новгородская иконопись. М., 1969, табл. 51, 60.

[49] Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1945, с. 205; Ю. К. Бегунов. Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-ой и Софийской 1-ой летописей. В кн.: Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород, 1959; Изборник (Сборник произведений литературы древней Руси). М., 1969, с. 739 (комментарий Ю. К. Бегунова).

[50] НПЛ, с. 84, 313.

Предположив, что первоначальная версия жития была создана в Новгороде по инициативе прусского боярства для возвеличения кончанского Борисоглебского храма, мы можем обнаружить в житии и другие следы этой инициативы. Одним из наиболее популярных мест жития является героический рассказ о шести мужах, особо отличившихся в Невской битве. Это Гаврило Олексич, Збыслав Якунович, Ияков, Миша, Сава и Ратмир. По крайней мере двое из этих героев принадлежат к княжескому двору: Ияков полочанин был ловчим у князя, Ратмир — «от слуг его». Их подвиги неконкретны: Яков «наехав на полк с мечем и мужьствовал, и похвали его князь»; Ратмир «бися пеш, и обступиша его мнози; он же от многих ран пад, скончася».[51] Принадлежность Савы не ясна: «от молодых людей».[52] Трудно сказать, подразумевается ли под этим принадлежность к княжеской дружине или к сословию молодших новгородцев. Подвиг Савы состоял в посечении златоверхого шатра короля.

Остальные трое — новгородцы, и именно они совершают чудеса храбрости, подробно описанные в житии. Гаврило Олексич, не слезая с коня, нападал на корабль королевича, сброшенный в воду, поднимался и бился с самим воеводою. Збыслав Якунович участвовал во многих схватках и везде побеждал, будучи вооружен одним топором. Миша напал с дружиною на корабли и потопил три корабля противника. Кто эти люди, прославленные агиографом на века?

О Мише сообщается в родословце Морозовых: «Князь великий Александр Невский побил Немец, и на том бою у него было 6 мужей храбрых, и от тех ото шти мужей храбрых один был именем Михайло, а прозвище Миша, из Прусския земли, а лежит в Новегороде у Михаила Святого, на Прусской улице...».[53] Более точное указание на место погребения Миши содержится в синодике Воскресенской церкви на Прусской улице: «Создатели святыя церкви суть вси: Михаил, Терентий, Михаил, Симеон, Иоанн иже прозванием Морозовых... иже преставившася койждо в свое время, и погребены быша при той созданной церкви на южной и северной стенах в настенных гробех. И образы подобие их и одежды, яковы носяху, написаны суть и внутрь на церковной стране по старане южных церковных дверей, в написании том 17 лиц».[54]

Збыслав Якунович в 1243 г. был избран на посадничество, но летописцу известен задолго до этого события. В 1215 г., когда «прусе» убили Острата и его сына Луготу, они были взяты под защиту князем Ярославом Всеволодовичем. Среди обласканных князем прушан были, в частности, Твердислав Михалкович, Збыслав и Олекса.[55] В последнем, за неимением других данных, можно предполагать отца Гаврилы Олексича.

Следовательно, герои-новгородцы, прославленные «Житием Александра Невского», были столпами боярства Прусской улицы, и их возвеличение оказывается частью того замысла, в основу которого положены политические цели прусского боярства.

Читая в житии реплики агиографа «понеже бо слышахом от отец своих и самовидець есмь възраста его»,[56] «си же вся слышах от господина своего Александра и от иных, иже в то время обретошася в тои сечи»,[57] мы видим за ними новгородца, информаторами которого и заказчиками повести были его владетельные соседи, ревностно и целеустремленно укреплявшие авторитет своего конца и своей кончанской церкви.

---

[51] Там же, с. 293.
[52] Там же.
[53] Временник ОИДР, кн. 10, М., 1851, с. 180.

[54] Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I. М., 1860, с. 187. — Детальный разбор этих памятников содержится в нашей статье «К вопросу о родословии Морозовых» («Сборник памяти С. Б. Веселовского», в печати).
[55] НПЛ, с. 54, 253; об избрании Збыслава Якуновича на посадничество (там же, с. 164, 472); В. Л. Янин. Новгородские посадники, с. 142.
[56] Там же, с. 290.
[57] Там же, с. 293.

АРХИТЕКТУРА, ЖИВОПИСЬ И ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

С. Л. Агафонов

ИССЛЕДОВАНИЕ БОРИСОГЛЕБСКОЙ БАШНИ НИЖЕГОРОДСКОГО КРЕМЛЯ

Каменный кремль Нижнего Новгорода, построенный в первые годы XVI в.,[1] имел первоначально 13 башен. Стены его ограждали верх холма и с двух сторон спускались по береговым склонам к Волге. Сооружения кремля почти не имеют деформаций. Но на северном, подверженном оползням склоне волжского берега две башни и стена на протяжении 250 м оказались разрушенными. В наши дни ничто не напоминает о бывших тут прежде Борисоглебской и Зачатской башнях.[2]

Кремль, находящийся в центральной части г. Горького, играет выдающуюся роль в его ансамбле, и целостность монументальной каменной ограды имеет большое значение. Поэтому после окончания основных работ по реставрации сохранившихся стен была поставлена задача найти места, где стояли древние башни, и исследовать их остатки.

Эти башни и прилегающие к ним стены были возведены на террасе, расположенной в нижней части весьма неустойчивого обводненного склона. Массивы мергелей — плотно слежавшихся оползневых накоплений — нарушаются более рыхлыми породами и гуммированным грунтом, заполнившими бывшие здесь когда-то овраги и промоины. Русло основного оврага выходило в районе Зачатской башни, где толщина насыпного грунта доходит местами до 11—13 м. Воронкообразный рельеф склона способствовал тому, что поверхностные воды, как и грунтовые, стекали направленным потоком в основном в сторону Зачатской башни. Кремлевская стена со своими фундаментами становилась серьезным препятствием на их пути.[3]

Борисоглебская башня (как и Зачатская) впервые упоминается в писцовой книге 1622 г.: «Башня Борисоглебская против церкви Бориса и Глеба, что за городом поделывана ново; с трех сторон отводные быки, а в ней три бои верхней, середней, подошевной. В подошевном бою из отводных быков вдоль по стене для очищенья по три окошка боевых, да в подошевном бою выход в город: двери; в середнем бою три окошка боевых, с верхнего бою одинадцать окон боевых. Да подле тое башни в стене каменная полатка для зелейных запасов».[4]

Из текста следует, что для поддержания башни, получившей тогда серьезные повреждения, ограничились сооружением контрфорсов (отводных быков), настолько значительных, что в них разместились казематы с бойницами. Работы производились, очевидно, в 1618—1620 гг. при восстановлении всей системы обороны города.[5]

---

[1] Сведения о постройке кремля содержатся в летописях 1500 (Соликамский летописец), 1509 (ПРСЛ, т. I, М., 1962; т. VIII, СПб., 1859; т. XIII, М., 1965 и др.), 1512 гг. (Устюжский летописный свод, М.—Л., 1950).

[2] Башни Зачатская (Зачатьевская) — квадратная с воротами — и Борисоглебская — круглая — известны по описям XVII—XVIII вв. Положение их фиксируется не очень точными планами XVIII в., снятыми до 1785—1790 гг. О реконструкции фасада подгорного участка кремля см.: С. Агафонов. Нижегородский кремль. Архитектура СССР, 1971, № 1, с. 58—59.

[3] С первой половины XIX в. и до наших дней на этом склоне было зарегистрировано значительное количество оползней, затрагивавших преимущественно поверхностные и неглубоко лежащие слои грунта.

[4] Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду, изд. Археографической комиссией. СПб., 1896, с. 10.

[5] В эти годы, кроме работ в кремле, воевода Б. М. Лыков из двух линий дерево-земляных укреплений верхнего посада восстановил наиболее важную, внутреннюю, получившую название «новый острог», что «поставлен ново по старинной осыпи» (Писцовая книга, с. 78).

Для составления смет и технического руководства работами по устройству кремля был прислан из Москвы «городового дела подмастерье Первуша Данилов», который прожил здесь с января по сентябрь 1620 г.[6] Для работ было заказано в Балахне 136 000 штук кирпича, пошло в дело 349 бочек извести, заготавливались дубовые сваи, лес для стропил и тес для «городовой кровли». На это было израсходовано «1248 руб. 10 алт. 2 ден.».[7]

Рисунок в книге А. Олеария, бывшего в Нижнем Новгороде в 1636 и 1639 гг., помогает определить характер Даниловского ремонта. На гравюре видны «быки» Борисоглебской башни, а также целая система контрфорсов по всему деформированному прясле, поднимающемуся к Георгиевской башне.[8] Однако эти укрепительные мероприятия оказались недостаточными. Уже челобитная 1646 г. Д. Лодыгина и Г. Патрикеева говорит о разрушении стены в районе Борисоглебской и Зачатской башен, о том, что «изнутри города загород из-за города скроз стену в город переходят люди...».[9]

В 1651 г. один из крупнейших нижегородских купцов-предпринимателей и подрядчиков строительного дела Семен Задорин «городовую каменную рухлую стену смечал и сметную роспись за своею рукою принес к нам...». В этой «росписи» отмечалось, что «по мере тое стены рухлые стало: промеж башнями Белою и Зачатцкою и Борисоглебскою восмьдесят четыре сажени с аршином» и «тое стены от Зачатцкие башни сажень с пятьдесят пошатилося в город и навесло сажень с аршином. И поделка той стены была из города, подложены были быки, и теми быками помочи стене ничего не зделано».[10] Причину таких больших разрушений кремля на этом участке С. Задорин видит в засорении и недостаточной площади сечения водоотводных труб, проложенных через толщу стены. Он предлагает увеличить их размеры настолько, чтобы человек мог пройти для вычистки. Работы были выполнены в 1652 г. и обошлись «в тысячю во сто рублев».[11]

Неизвестно, предусматривались ли какие-либо работы у Борисоглебской башни по смете на починку кремля, составленной И. Гурьевым в 1661 г.,[12] но, по-видимому, в эти годы московское правительство не давало разрешения на производство больших работ: «...и в прошлых государи, годех ... о тех городовых всяких худых местах прежние воеводы писали многажды. А в прошлом, государи, во 200-м и в нынешнем 201-м годех мы, холопи ваши, писали дважды».[13] Повторяемость дефектов, упоминавшихся в сметах и прошениях, говорит о том, что надлежащая починка не выполнялась иной раз в течение десятков лет. В ряде мест отмеченные еще в давнее время разрушения оставались неисправленными вплоть до ремонта 1785—1790 гг. При этих больших работах, имевших целью привести сильно запущенный к тому времени кремль в состояние, достойное благоустроенного губернского города, участок стены с Зачатской и Борисоглебской башнями, стоявший в руинах,[14] был полностью разобран. Его заменили сравнительно невысокими стенами, однако строители придерживались прежней, тщательно выполненной техники кладки из блоков известкового туфа правильной формы.

Но новая стена, будучи заложена неглубоко на неслежавшиеся слои перемещенного грунта, включавшего в себя отдельные деформированные фрагменты древней кладки, оказалась недолговечной. В 1833—1834 гг. составляется проект перекладки ее на всем подгорном участке. Новая кирпичная ограда толщиной 1.10—1.20 м и высотой 4—6 м была поставлена несколько севернее прежней на нетронутом грунте. По верху ее, как и прежде, был устроен проход, поддерживавшийся арками, но в противоположность древней стене, которая стояла на сплошном массиве, новые пилоны опирались на выступы в фундаменте самой стены. На местах башен были устроены ворота с караульными помещениями по бокам. Ворота, заменившие Зачатскую башню, получили название «Схода к Живоносному источнику», а Борисоглебскую — «Духовного пролаза».

Совершенно опревшие и покосившиеся стены Духовного пролаза были найдены при ра-

---

[6] ДНГУАК, т. VII. Н. Новгород, 1908, с. 505.

[7] Там же, с. 506.

[8] А. Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, рис. на с. 550.

[9] И. И. Матюнин. К истории Нижегородского кремля. ДНГУАК, т. XVII, вып. III, отд. III, Н. Новгород, 1914, с. 1—2.

[10] Нижний Новгород в XVII веке. Сборник документов. Сост. Н. И. Привалова. Горький, 1961, с. 110, № 73.

[11] Там же, с. 118, № 80. — В возмещение этих расходов был определен специальный сбор, причем с вотчин Печерского монастыря было взято «тридцать три рубли шестнадцать алтын три деньги» (там же, с. 118). Выделенное из контекста упоминание о 33 рублях, затраченных на ремонт кремля, встречается во многих работах по истории города как свидетельство якобы недостаточного внимания к поддержанию кремля в середине XVII в.

[12] Там же, с. 152—153, № 100.

[13] Там же, с. 266, № 184 (отписка воеводы П. Леонтьева, 1693 г.).

[14] По описи 1765 г.: «Башня Борисоглебская... в ней два свода упали и она как из города так и загорода вся развалилась и с половины башни зубцы свалились» (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 10-б, № 10-а, л. 4).

ботах 1966 г.,[15] но остатки Борисоглебской башни оказались не под ними, а ниже по склону,[16] скрытые под землей и кладкой XVIII—XIX вв., для которой они местами служили фундаментом.

При расчистке выявилось, что внутренняя, обращенная к горе, часть башни сохранилась на высоту 1.5—2.5 м от древнего уровня пола нижнего боя (рис. 1). Обычная для кремля забутовка, облицованная белокаменной и кирпичной кладкой, была разорвана сквозными трещинами шириной от 20 до 50 см на отдельные массивы. Вся наружная сторона башни

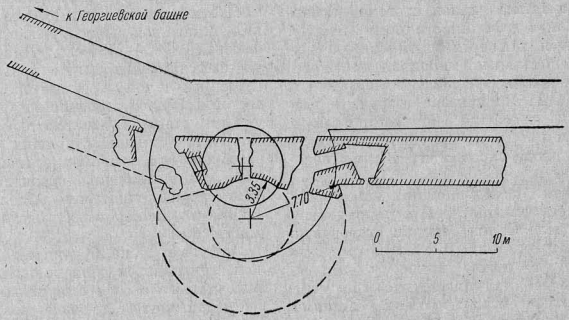


Рис. 1. План сохранившихся фрагментов Борисоглебской башни с восстановлением ее первоначальных размеров и положения. Схема автора.

не сохранилась и просматривалась только по следам раствора и опревшей бутовой кладке древнего фундамента.

Остатки башни и прилегающей к ней части прясла были смещены с первоначального места (определяемого створом внутренней стороны стены, идущей от Георгиевской башни) вниз по склону горы на расстояние около 4.5 м. Поворот фрагментов башни и сохранившейся части прясла составляет примерно 5—6° относительно центра, находящегося на линии, соединявшей Борисоглебскую и Зачатскую башни.

Восточная часть фундамента башни и примыкающей к ней стены, кладка которой была разобрана в процессе восстановительных работ, оказалась основанной на сваях. Это были хорошо заостренные дубовые колья диаметром 12—15 см и длиной несколько более 1.5 м, поставленные в шахматном порядке на расстоянии 20—30 см один от другого. Размеры свай вполне отвечают указанным в смете С. Задорина, где говорится о сваях «длиною по сажени, толщина в обрубе всякая свая по три вершка аршинных».

Прилегающая к башне часть прясла Борисоглебская — Зачатская сохранила целостность массива, хотя он и оказался сильно наклоненным под углом от горы. Здесь в стене прясла была расчищена боевая печура, входившая в систему помещений Борисоглебской башни.

С восточной стороны башни повреждения кладки оказались более значительными. Местами сохранились только отдельные фрагменты лицевых плоскостей кирпичной кладки, по которым можно судить, что и с этой стороны находилась боевая печура.

От самой башни осталась южная ее часть, обращенная к горе лицевой белокаменной кладкой, хотя прежде она находилась под землей.[17]

Обращенная к реке центральная часть сохранившегося фрагмента башни имеет закругленную поверхность. По остаткам наружного угла между башней и стеной прясла можно найти общий диаметр башни на уровне земли. Башня оказалась наибольшей среди остальных круглых башен кремля. Ее наружный диаметр был равен 15.0 м, а внутреннего помещения —

[15] Их можно отнести к концу XVII в., поскольку на обмере 1827 г. эти участки стены показаны как усиленные контрфорсами.

[16] На расстоянии 160 м от Георгиевской башни. Это соответствует описям 1622 и 1765 гг. — 75 саженей (159.75 м).

[17] В стене отсутствуют проемы для входа в башню, а от пола первого яруса идут вверх белокаменные ступени размером 28×34 см. Положение их показывает, что горизонт земли внутри кремля был выше его наружной отметки на 2.5—2.8 м.

6.70 м.[18] По планировке первого яруса и размерам наиболее близко подходят к ней башни нагорного участка Нижегородского кремля — Кладовая и Пороховая (рис. 2). Близка она к ним по толщине стен, по наличию и направлению сохранившихся лицевых поверхностей боевых печур и по расположению двух боевых печур в стенах прясел. Отличие же можно видеть в том, что Кладовая и Пороховая башни, находящиеся на прямых участках укрепленной линии между соседними квадратными башнями, не имеют перед собой мертвого пространства и поэтому лишены центральной печуры нижнего боя. Положение Борисоглебской башни на переломе направления стены и отсутствие перед ней рва говорит о необходимости здесь третьей боевой печуры.

По расположению на местности и высоте стен примыкающих прясел нет оснований выделить Борисоглебскую башню среди других башен кремля, которые все имеют по четыре яруса боевых площадок.[19] Планировка верхних ярусов определяется расположением печур, проходов и лестниц первого яруса. Выше боевого хода стены цилиндрический объем башни был срезан вертикальной плоскостью по линии стенки зубцов. Если первые два яруса были перекрыты купольными сводами,[20] то два верхних имели плоские перекрытия и этим тоже не отличались от остальных башен. По расчету ширины зубцов в верхнем бое размещаются восемь больших боевых окон на стороне, обращенной в поле, и три окна, смотрящие внутрь кремля. Это соответствует числу, указанному в описи 1622 г.

Реконструкция внутренней планировки башни и расчет ее высотных размеров показывают, что Борисоглебская башня была выстроена по полному подобию остальных круглых башен Нижегородского кремля. Но сохранившиеся фрагменты не могут быть отнесены к первоначальному кремлю XVI в., поскольку не было обнаружено никаких следов контрфорсов с казематами в их толще, упомянутых в описи 1622 г., и присутствие которых неизбежно должно было бы сказаться в северо-западном углу башни. Поэтому остается предположить, что раскрытые части башни относятся к работам 1652 г. и что в это время была произведена полная перестройка башни, однако с сохранением всех конструктивных и оборонных особенностей первоначального сооружения.

На основании проведенного исследования последней оставшейся неизученной круглой башни Нижегородского кремля можно считать решенным вопрос об однотипности башен

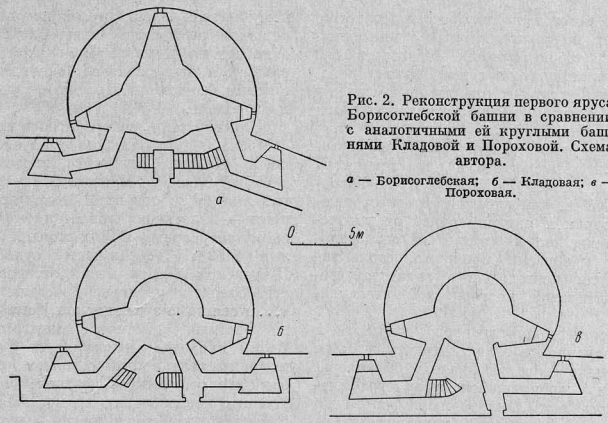


Рис. 2. Реконструкция первого яруса Борисоглебской башни в сравнении с аналогичными ей круглыми башнями Кладовой и Пороховой. Схема автора.

а — Борисоглебская; *б* — Кладовая; *в* — Пороховая.

[18] Кладовая башня имела наружный диаметр 14.5, внутреннего помещения — 6.6 м и Пороховая соответственно 14.3 и 6.3 м.

[19] Во всех нижегородских описях два промежуточных яруса казематов, лежащие между нижним боем и верхним «с зубцов», занесены как единый «средний бой». От этого происходит кажущееся расхождение между письменными документами и натурой.

[20] О которых говорится в описи 1765 г.

по всему кремлю. Весьма примечательно, что в середине XVII в. был полностью повторен первоначальный план башни, хотя за истекшие 150 лет появились различные новые приемы устройства оборонительных сооружений. Очевидно, военные специалисты XVII в. сочли целесообразным не изменять старое устройство башни, поскольку оборона крепостей в это время продолжала основываться на принципе фланкирования.

С. Н. Азбелев

О СХОДНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В АРХИТЕКТУРЕ НОВГОРОДА И УСТНОМ ЭПОСЕ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ XV В.

Говоря об истории новгородского зодчества, М. К. Каргер подчеркивал, что «с последней четверти XIV в. на судьбах Новгорода все с большей силой начинают сказываться перемены в жизни Русской земли, которые связаны с разгромом русскими войсками татарских орд Мамая на Куликовом поле, бесповоротно предопределившим последующее быстро возрастающее усиление Москвы».[1] Для ряда процессов в культурной жизни Новгорода и Новгородской земли XV в. наиболее заметным отражением этих перемен явился «отказ от творческой разработки новых задач и сознательный возврат к образам прошлого, столь характерный для новгородского зодчества последних десятилетий новгородской независимости».[2]

Исторические причины этого процесса и сами его проявления в области культуры были не лишены некоторых внутренних противоречий. Вопреки укоренившейся историографической традиции есть достаточные основания полагать, что в Куликовской битве под знаменами московского великого князя сражалась и часть новгородского войска.[3] В связи с этим представляет особый интерес новгородская церковь Дмитрия Солунского на Славкове улице.[4] Ее начали строить на следующий год после победы на Куликовом поле и завершили в 1383 г.[5] Не лишены правдоподобия указания некоторых из младших летописей Новгорода о причастности самого Дмитрия Донского к возведению храма, посвященного его небесному патрону.[6] По другой летописной версии церковь выстроили новгородцы «по завету о победе на Мамая».[7] Во всяком случае постройка эта была связана, очевидно, не только с самим фактом победы, но и с участием в ней новгородцев.

Как известно, вскоре отношения Новгорода с Москвой ухудшились, а спустя шесть лет после 1380 г. Дмитрий Донской совершает военный поход на Новгород. Началась длительная полоса то открытой, то скрытой враждебности — вплоть до присоединения к Московскому государству в 70-х годах XV в. За девять лет (1462 г.) до решившей судьбу Новгорода Шелонской битвы была отстроена «на старой основе» церковь Дмитрия Солунского: «...и свяща ю архиепископ Иона октября в 26», на честный праздник святаго Димитрия».[8] Своим идейным смыслом этот факт, по-видимому, несколько отличается от проводившейся особенно ревностно Евфимием II реставрации древних новгородских храмов XII в. и от тех литературных предприятий, которые также усиленно напоминали именно об эпохе расцвета и полной самостоятельности Новгородской республики. В данном случае это было, очевидно, напоминание о добровольном участии Новгорода в общерусском патриотическом подвиге, организация которого принадлежала одному из ближайших предков только что вступившего на престол Ивана III.

Двойственность и противоречивость политических позиций по отношению к Москве проявлялась в ту пору не только среди правящей группировки бояр, но и среди самих широких масс Новгорода и Новгородской земли. Этим объясняется, например, что политиче-

---

[1] М. К. Каргер. Новгородское зодчество. В кн.: История русского искусства. Т. II. М., 1954, с. 63.
[2] Там же, с. 71.
[3] Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, с. 241; Русские повести XV—XVI веков. Сост. М. О. Скрипиль. М.—Л., 1958, с. 363; И. А. Шляпкин. Синодик 1552—1560 гг. новгородской Борисоглебской церкви. Сб. Новгор. общ. любит. древности, вып. 5, Новгород, 1911, с. 7; С. Н. Азбелев. Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому. В кн.: Русский фольклор. Т. XIII. Л., 1972, с. 77—102.
[4] М. К. Каргер. Новгород. Л., 1970, с. 159—160.
[5] НПЛ, М.—Л., 1950, с. 377—379.
[6] Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I. М., 1860, с. 311—313; С. Н. Азбелев. 1) Новгородские местные летописцы. ТОДРЛ, т. XV, 1958, с. 367—368; 2) Младшие летописи Новгорода о Куликовской битве. В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л., 1971, с. 116.
[7] С. Н. Азбелев. Младшие летописи Новгорода..., с. 115.
[8] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, Л., 1925, с. 446.

ским противникам Ивана III удалось в 1471 г. поднять сорокатысячное ополчение для отражения его похода на Новгород.[9]

Интересные параллели дает изучение устного героического эпоса. Один из крупнейших его исследователей академик В. Ф. Миллер писал о неосновательности традиционного признания новгородскими по происхождению только те немногие былины, где само действие происходит в Новгороде. «Давно уже уяснено, — напоминал он, — что присутствие имени Владимира и прикрепление места действия былины к Киеву не говорит ничего в пользу давности ее сложения, так как Киев и князь Владимир вставлялись по готовому шаблону и былина с этими именами могла быть слагаема и в XV, и в XVI, и даже в XVII столетиях сказителями, не видевшими Киева, а проживавшими где-нибудь в северных городах...». «Ничто не препятствует нам допустить, — заключал автор, — что в Новгородской области или в новгородском культурном районе могли быть слагаемы былины, не прикрепленные содержанием к Новгороду или прикрепленные к Киеву и его эпическому князю».[10] На основе своих наблюдений над географическим распределением сравнительно еще немногочисленных тогда записей былин В. Ф. Миллер делал предположение, что «уже в XV, XVI столетиях не все области, населенные великорусским племенем, были равно богаты былевыми песнями» и что «главным очагом былинного творчества» являлись в то время лишь «места, наиболее подчиненные древненовгородскому культурному влиянию».[11]

Гипотеза эта была подкреплена и уточнена на основе произведенного недавно сплошного учета и картографирования всех записей русского героического эпоса, произведенных до начала XX в. в процессе обследования гораздо более обширной территории, чем это было сделано к тому времени, когда писал В. Ф. Миллер. Как выяснилось путем сопоставления результатов этой работы с историческими и лингвистическими данными, былинные очаги оказались «сосредоточены главным образом в районах европейского Севера, причем только в местах новгородской колонизации. В областях же, где преобладала низовская колонизация, былин нет. Это в свою очередь дает основание утверждать, что к XIV—XV вв., времени усиленной колонизации из Ростово-Суздальской земли, былин там не было». Привлечение фольклористических данных приводит к предположению, что «в XIV—XV вв. былины отсутствовали в центральных и южных областях России, а также на Украине и в Белоруссии». Общий итог проведенной работы сводится к заключению, что «известная нам былинная традиция является новгородской интерпретацией общерусского эпоса».[12]

Наблюдения эти не колеблют ни широко известных выводов о том, что основная часть сюжетов общерусского эпоса относится к эпохе Киевской Руси, ни допущений о повсеместной распространенности его в XI—XIII вв. Новгород и Новгородская земля не были разгромлены и опустошены нашествием Батыя и ужасы татарского ига гораздо слабее давали себя знать в пределах Новгородской республики, чем в других областях Руси. Эти обстоятельства необходимо учитывать при объяснении фактов, на которых построена упомянутая гипотеза.

Для нас она представляет сейчас интерес в связи с конкретными результатами изучения цикла былин, посвященных успешному отражению татарского нашествия. Былины эти представлены приблизительно двумя сотнями записей, группирующихся в несколько сюжетов. Создание их следует, очевидно, относить главным образом к XV столетию. Исторической основой послужили Куликовская битва и другие факты борьбы против иноземных поработителей в конце XIV в. — факты, влиявшие на создание былин через устные сказания, предания, легенды и слухи, непосредственно откликавшиеся на реальные события. Но само сложение былин, отразивших эти события, представляло собой не новотворчество. Это было как бы воссоздание «на старой основе», но с применением новых «строительных материалов» древних былин Киевской Руси, откликавшихся на тогдашнюю борьбу против степных кочевников.[13]

Обратим внимание на следующие особенности этих новых былин. Предводитель разгромленного татарского войска нередко назван Мамаем, а сама битва еще чаще — Мамаевым побоищем. Название Куликова поля тоже прочно вошло в былинный эпос. Однако богатыри всегда избавляют в нем от нашествия полчищ Мамая

[9] Л. В. Черепнин. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, с. 855—874; В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.—Л., 1961, с. 264—290.

[10] В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности. Т. I. М., 1897, с. 88—89.

[11] Там же, с. 93—94.

[12] С. И. Дмитриева. Географическое распространение русских былин. СЭ, 1969, № 4, с. 38—39.

[13] С. Н. Азбелев. 1) Былины об отражении татарского нашествия. В кн.: Русский фольклор. Т. XII. Л., 1971, с. 162—180; 2) Мотивы убиения вражеского царя в былинах и в косовских песнях. В кн.: Славянский и балканский фольклор. М., 1971, с. 55—78.

не Москву, а Киев.[14] Русский князь везде сохраняет имя Владимира. В былинах, посвященных разгрому татар, не отмечено ни одного имени, которое, хотя бы отдаленно напоминало кого-либо из московских великих князей или их воевод. Возглавляет русское войско почти всегда Илья Муромец, причем часто подробно описывается собирание им богатырей. Приведем один из наиболее характерных примеров.

Писал ярлыки скорописчатые
Ко своим ко братьицам ко названным:
Во первых-то к Самсону Колувану,
Во вторых-то к Дунаю Ивановичу,
В третьих-то к Василию Касимерову,
Во четвертых-то к Михайлушке Игнатьеву
с племянником,
Во пятых-то к Потоку Ивановичу,
Во шестых-то ко Добрынюшке Никитичу,
Во семых-то к Алеше Поповичу,
В восьмых-то к двум братьям Иванам,
Да еще к двум братьям, двум суздальцам.[15]

Кроме имен, в эпосе широко распространенных и возводимых еще к домонгольской Руси (Добрыня, Алеша, Дунай, Поток, Михаил Игнатьевич), а также несколько более или менее редких и случайных, присутствуют почти непременно персонажи «новгородского происхождения». Это прежде всего Самсон, историческим прототипом которого не без оснований принято считать новгородского воеводу Самсона Колывановича (но который, однако, с Мамаем не воевал и погиб до Куликовской битвы).[16] Богатырь Самсон Колыванович обычно возглавляет дружину, выручающую Илью Муромца, и решает этим исход битвы с татарами. Былинный эпизод имеет близкие параллели с героическим сказанием, конкретно отразившим участие в Куликовской битве новгородцев (но не содержавшим имени Самсона).[17] Иногда в таком перечне оказывается и Василий Буслаев, попавший сюда явно не из истории, а из былин о нем.[18] Василий Казимирович (в данном перечне тоже фигура случайная) — герой особой новгородской былины, посвященной свержению татарского ига и известной более чем в двадцати записях. Исторический прототип его — новгородский воевода Василий Казимир, упоминаемый в летописях. Он был современником «стояния на Угре», приведшего к уничтожению зависимости Руси от Орды, но исторических данных об участии его в этих событиях нет, и несомненно, что сколько-нибудь решающей роли в них он играть не мог.[19] Эпическая основа этой былины, по-видимому, также восходит к временам Киевской Руси.[20]

В героических былинах XV столетия, посвященных успешной борьбе русских богатырей с татарским войском, налицо следующие тенденции: 1) возрождение старинных эпических сюжетов и мотивов применительно к новой исторической обстановке; 2) стихийный «отбор» вносимых новых исторических реалий — отбор, как бы затушевывающий роль Москвы и ее деятелей; 3) выдвижение новгородских персонажей.

Нельзя не заметить сходства этих тенденций с теми, которые проявились в зодчестве и других областях культуры. В былинах отразилось то же противоречие: с одной стороны, население Новгородской земли явно симпатизировало борьбе Москвы против татаро-монгольских поработителей — борьбе, к которой оно, очевидно, и само было причастно в 1380 г. С другой стороны, по-видимому, весьма распространена неприязнь к настойчивому стремлению тогдашних московских князей упразднить новгородскую «вольность». Это определяло некоторые особенности не только культуры самого Новгорода, но и эпического творчества Новгородской земли.

[14] Единичные упоминания в этих былинах Москвы составляют редчайшие исключения некоторых поздних записей.

[15] Русские былины старой и новой записи. Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894, отдел второй, с. 25.

[16] Н. Д. Кушнин-Самарин. О былинах, содержащихся в сборнике П. С. Ефименка. Изв. ОЛЕДЭ, т. 30, вып. 2. М., 1878, с. 8; А. В. Марков. Беломорская былина о походе новгородцев на Югру в 1357 г. В кн.: Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера. М., 1900, с. 150—162.

[17] Подробно см.: С. Н. Азбелев. Былины об отражении татарского нашествия, с. 177.

[18] С. Н. Азбелев. Новгородские былины и летопись. В кн.: Русский фольклор. Т. VII. М.—Л., 1962, с. 44—46.

[19] А. В. Марков. Бытовые черты русских былин. Этнографическое обозрение, кн. 58, 1903, № 3, с. 46; В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности. Т. II. М., 1910, с. 207—210; В. Г. Смолицкий. Из истории русского героического эпоса (Историческая основа былины о Василии Казимировиче). СЭ, 1963, № 5, с. 18.

[20] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 67; Ф. М. Селиванов. Традиционные формулы русского эпоса. Автореф. канд. дисс. М., 1964, с. 15—16.

К. Н. Афанасьев

О ГЛАВАХ ГЕОРГИЕВСКОГО СОБОРА ЮРЬЕВА МОНАСТЫРЯ В НОВГОРОДЕ

Георгиевский собор Юрьева монастыря в Новгороде, сооруженный в 1119 г., является крупнейшей постройкой XII в., сохранившейся в своих конструктивных элементах без существенных изменений до наших дней. Однако его архитектурный облик со временем очень изменился: главы получили луковичную форму, позакомарная кровля была заменена четырехскатной, стены оштукатурены и побелены. В силу этого всякое новое наблюдение, дающее нам те или иные данные для суждения о первоначальном виде этого замечательного здания, может оказаться существенно важным.

Вполне достоверный эскиз реконструкции главы собора, которая венчает его лестничную башню, в послевоенное время удалось сделать без всяких зондажей и исследований. Для этого было достаточно внимательного осмотра строения в натуре. Благодаря осыпавшейся штукатурке открылись все детали главы в ее первозданном виде. Публикуемая фотография (рис. 1) главы собора в том состоянии, в котором она была после освобождения Новгорода от фашистских захватчиков, является исчерпывающим обоснованием предлагаемого эскиза ее реконструкции (рис. 2).

Горизонтальный карниз, венчающий барабан, выложен целиком из позднего кирпича на известковом белом растворе. Ни плинфы, ни розовой цемянки, характерных для строительства в Новгороде в XI—XII вв., в его кладке обнаружено не было. Этот карниз, равно как и

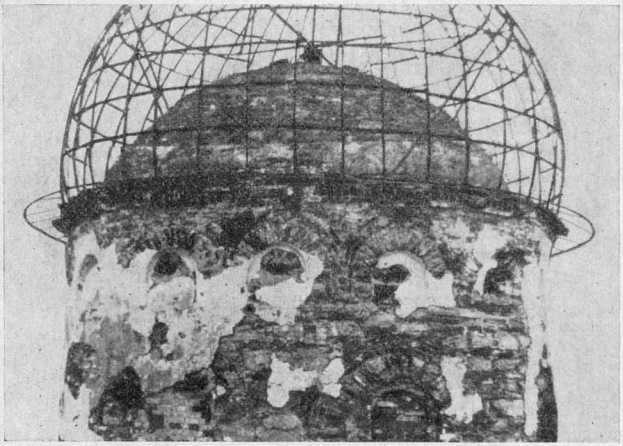


Рис. 1. Глава Георгиевского собора. Фот. архитектора В. В. Косточкина.

закладка пазух арочек, совершенно очевидно позднего происхождения и не относятся к первоначальным формам собора.

Барабан главы был увенчан двенадцатью арочками, которые впоследствии в связи с устройством луковичных покрытий глав превратились в аркатурный фриз, происхождение которого многими исследователями упорно ставилось в зависимость от формы романской архитектуры. Свинцовая кровля была уложена прямо по цемяночной поверхности купола, на самом верху которого и сейчас сохранился камень с квадратным гнездом для укрепления креста.

Поздняя архитектура Новгорода целиком заслонила собою ее древнейшие формы. Известные нам суровые в своей простоте, оштука-

туренные и забеленные объемы новгородских храмов вовсе не похожи на новгородскую архитектуру XI—XII веков. Многоцветная, живописная структура стен из темной плинфы и плитника — белого, желтоватого, иногда почти красного цвета на розовом растворе; притворов и папертей. Следует заметить, что непосредственно после окончания Великой Отечественной войны собор, потерявший штукатурку, представлял собой удивительное зрелище одновременно разоренного и возрожденного в его первоначальном виде храма. К вели-

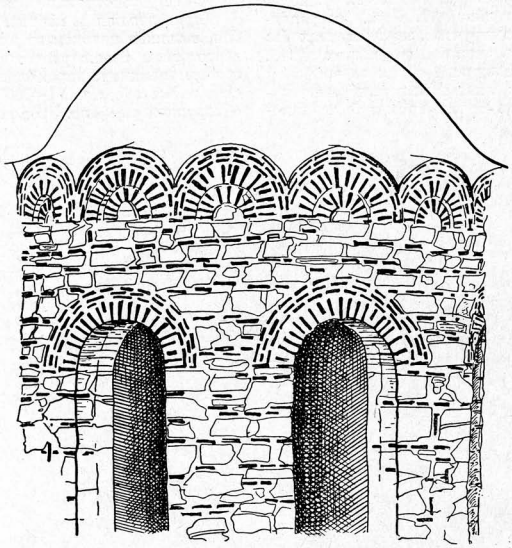


Рис. 2. Глава Георгиевского собора. Реконструкция.

циркульные из плинфы арочки — перемычки над порталами, нишами и окнами, относительно большие окна — все это создавало совсем иной, полихромный облик ранних сооружений Новгорода.

Эскиз реконструкции всего собора Юрьева монастыря нами сделан для экспозиции Исторического музея в Москве, однако он не был полностью обоснован в части устройства

чайшему сожалению, неумение консервировать обнаженную старую кладку привело к необходимости вновь оштукатурить и побелить собор и придать храму тот вид, который он имел до войны.

Реконструировать Георгиевский собор — это значит воссоздать одну из первых еще не прочитанных страниц истории русской архитектуры.

В. Д. Белецкий

ЦЕРКОВЬ КИРИЛЛА 1374 г. В ПСКОВЕ

(По материалам археологических раскопок)

В 1959—1961 гг. археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством Г. П. Гроздилова, продолжая исследования Довмонтова города в Пскове, раскрыла остатки трех каменных храмов. Руины двух построек (№ 1 и 3) были расположены на берегу древнего рва — гребли, отделявшей эту часть города от кремля (рис. 1).

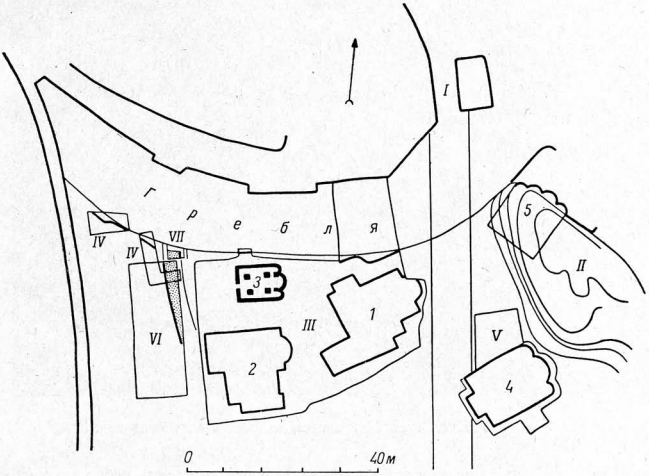


Рис. 1. Расположение храма № 3 в северной части Довмонтова города.

I — Темные ворота; *II* — Петровский бастион; *III* — раскоп 1959—1961 гг.; *IV* — шурфы 1962 г.; *V* — раскоп 1965—1966 гг.; *VI* — раскоп 1966 г.; *VII* — раскоп 1969 г. *1—3* — храмы № 1, 2, 3; *4* — церковь Дмитрия Солунского; *5* — церковь, засыпанная бастионом в 1701 г.

Храм № 1 уже не раз обращал на себя внимание исследователей. Изображенный на плане Пскова 1740 г., как и все церкви, учтенные этим планом, без наименования, он определялся в литературе древнейшим каменным зданием города — церковью Дмитрия Солунского (XII в.).[1] Анализируя собранные раскопками материалы, Г. П. Гроздилов не счел возможным поддержать существовавшую точку зрения по поводу атрибуции этого храма. Он ограничился указанием на наиболее близкую аналогию ему, которую усматривал в церкви Михаила Архангела, сооруженную псковичами в 1339 г.[2] Второй храм, помеченный в экспедиционных документах № 3 (рис. 2), открыт впервые. Это была небольшая четырехстолпная постройка с тремя неглубокими полуциркульными апсидами, с фасадами, расчлененными на три части неширокими лопатками. Размеры церкви — 12.0 × 9.7 м, толщина стен — 0.9—1.2 м, ширина лопаток — 0.7—1.0 м, они выступали из плоскости стен на 0.2—0.25 м. Церковь имела два входа — западный и южный. Ширина западного входа — 1.0 м; следов входа в южной стене проследить не удалось, но на его существование указывали остатки

[1] Н. Ф. Окулич-Казарин. Новые данные по топографии и истории Пскова. Тр. Псков. археол. общ., вып. II, 1902, № 86; Ф. Ушаков. План города Пскова и описание к нему. СПб., 1901, № 8; С. А. Тараканова. Раскопки в Пскове, КСИИМК, XVII, 1947, с. 136—138. — Подлинный храм Дмитрия Солунского был раскрыт нами в 1965—1966 гг. (СА, 1971, № 2, с. 272—278).

[2] Г. П. Гроздилов. К вопросу о топографии древнего Пскова. Археол. сборник Гос. Эрмитажа, № 6, 1964, с. 149.

крыльца, раскрытые у средней части стены. Подкупольные столбы в храме, по-видимому, были квадратные (1.4 × 1.4 м). Обычного для псковских построек фундамента из валунов церковь не имела. Ее стены из тесаных плит известняка были сложены непосредственно на материковой скале. У юго-западного столба в храме находилась высеченная в скале могильная яма с мужским захоронением.

ний о том, где, в каком месте размещались упоминаемые ими здания, источники, как правило, не дают. Исключение составляют несколько построек; среди них два храма, местоположение которых летописи связывают с берегом древнего рва. Упоминание об одном из них помещено в Псковской второй летописи под 1417 г., где летописец рассказывает: «Того же лъта попови новкупнии собравшеся биша чолом Пскову

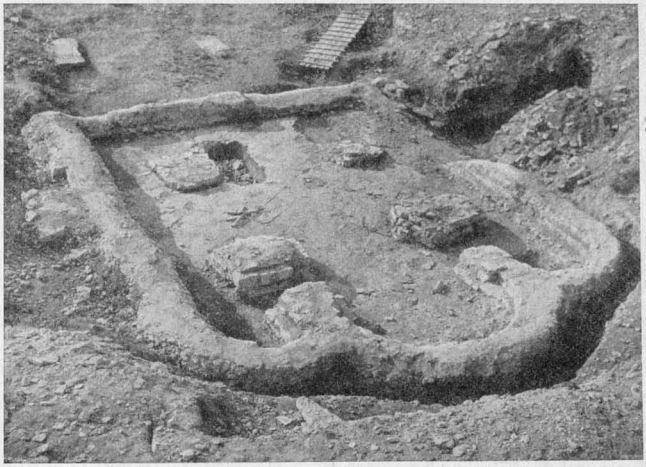


Рис. 2. Храм № 3 в процессе раскопок. Общий вид.

Постройка, краткое описание остатков которой мы привели, на плане 1740 г. не обозначена. Автор раскопок датировал ее XIV столетием[3] и так же, как и храм № 1, оставил безымянной. Он считал преждевременным атрибутировать раскопанные памятники, оставляя эту работу до полного обследования южного берега гребли. К тому же Г. П. Гроздиловым было отмечено несоответствие известного по письменным источникам количества церквей, стоящих над греблей, с их числом, открывшимся в результате раскопок.

Как известно, Псковские летописи и другие письменные свидетельства содержат многочисленные сообщения о сооружении и существовании каменных и деревянных построек на территории Довмонтова города. Однако сведе-

и оуостроиша третий собор оу святого Николы над Греблею».[4]

О топографии другого храма наиболее полные сведения содержатся в Псковской третьей летописи в рассказе, помещенном под 1373 г.: «На другое лъто [в 1374 г., — *В. Б.*] сам Мастер Кирилъ поставил церковь въ свое имя святый Кюрил у Смердиа моста над Греблею».[5]

Публикуя раскопанные постройки, Г. П. Гроздилов писал в 1961 г.: «К настоящему времени стало известным положение трех храмов, стоявших на Гребле, из которых два (основания храмов № 1 и № 3) обнаружены раскопками, а руины третьего храма находятся на берегу Гребли под засыпью петровского бастиона у Темных ворот. Храм же Кирилла, что у Смердьего моста, является по

[3] Г. П. Гроздилов. К вопросу о топографии.., с. 150.

[4] ПЛ, т. II, М., 1955, с. 36.

[5] Там же, с. 105.

счету четвертым, сооруженным на краю Гребли, но еще не раскопан».[6] Автор раскопок считал, что на берегу древнего рва были возведены не две, известные по летописям постройки, а четыре, одну из которых — церковь Кирилла еще предстоит найти. Он предполагал, что храм этот, не обнаруженный раскопками, находится

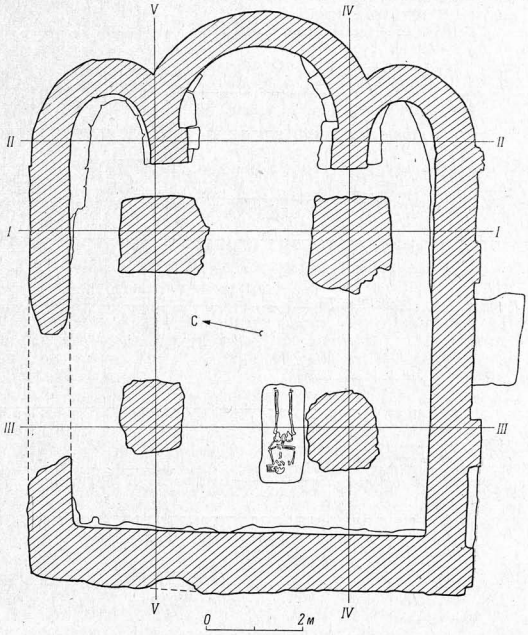


Рис. 3. План храма № 3.

к Западу от раскрытых памятников и его остатки еще прикрыты позднейшими отложениями. Такой же точки зрения в свое время придерживалась и С. А. Тараканова, обнаружившая в 1945 г. в заполнении гребли, у Смердьей башни, сброшенные туда куски фресок и обломки голосников.[7]

В последующие годы исследованиями на территории Довмонтова города выявлены новые материалы, позволяющие вернуться к раскопанным постройкам. Мы остановимся на храме № 3 (рис. 3, 4), некоторые материалы для атрибуции которого мы как будто бы имеем.

В 1962 г. экспедиция заложила два поисковых шурфа общей площадью около 50 м² к западу от раскопанных остатков церквей (см. рис. 1). На вскрытых участках был прослежен южный берег гребли. Следов древнего храма шурфами обнаружить не удалось. В 1966, а затем в 1969 г. в этой части Довмонтова города были предприняты раскопки на площади немногим более 200 м². Однако на раскрытой территории также никаких остатков каменной или какой другой постройки не встречено. В восточной части раскопа были лишь обнаружены остатки древней дороги, ведущей к Смердьему мосту, а также развалы бутовой кладки южной опоры самого моста. Дорога к мосту спускалась, образуя так называемый взвоз. Она была замощена мелкими обломками известняковой плиты. Предмостная часть до-

[6] Г. П. Гроздилов. К вопросу о топографии..., с. 150—151.

[7] С. А. Тараканова. Раскопки в Пскове, с. 137—138.

роги, по-видимому, была покрыта деревом, от которого сохранились слой угля и золы, покрывавший полотно дороги, да ограничивавшее дорогу, отесанное на четыре грани бревно, обугленное со стороны проезжей части.[8]

Если теперь сопоставить площадь любого из раскрытых в Довмонтове городе храмов с еще не раскопанной территорией, прилегающей к «гребле у Смердьего моста», то станет очевидной невозможность разместить на ней даже самую маленькую из построек. Все изложенное позволяет утверждать, что остатки одной из церквей, раскрытых Г. П. Гроздиловым в 1959—1961 гг., а именно храм № 3, оказавшийся ближайшим к Смердьему мосту на берегу гребли, отвечают летописному известию о местоположении той самой церкви, которую спроектировал и создал крупнейший архитектор Пскова XIV в. «мастер церковный Кирилъ».[9] Именно ему исследователи приписывают строительство Троицкого собора в Псковском кремле взамен пришедшего в ветхость одноименного храма XII столетия.[10]

Ю. П. Спегальский, занимаясь историей псковского зодчества, рассматривал церковь Кирилла как «корпоративную постройку псковских каменщиков, предоставивших своему лучшему мастеру поставить храм „в свое имя“ в ознаменование его заслуг».[11] С обнаружением остатков подлинного храма приписываемое ему значение, как нам представляется, пропадает полностью. Маленькая по размерам, лишенная притворов, просуществовавшая короткое время,[12] эта церковь не могла отвечать требова-

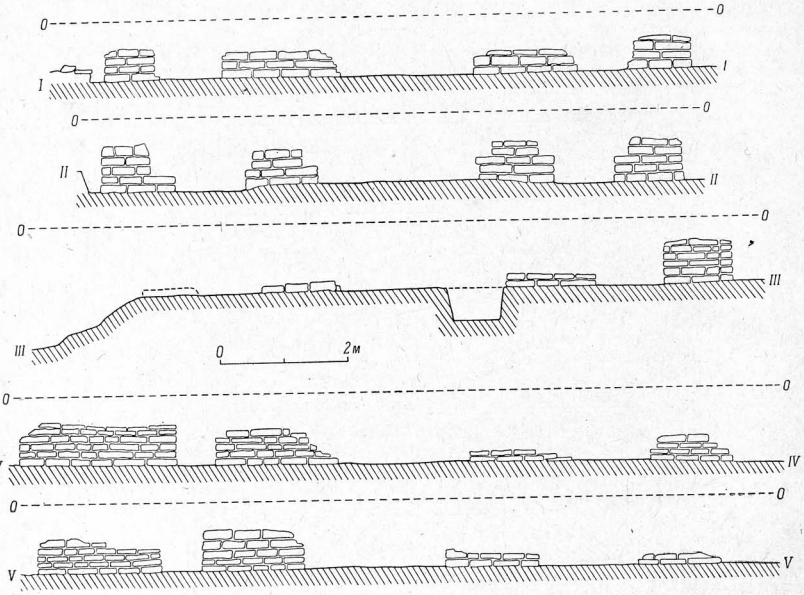


Рис. 4. Разрезы храма № 3.

[8] В. Д. Белецкий. Отчет о раскопках Псковской археологической экспедиции за 1969 год. Отчет хранится в Архиве ИА АН СССР.

[9] ПЛ, с. 28.

[10] Н. Н. Воронин. Зодчество Пскова. В кн.: История русского искусства. Т. II. М., 1954, с. 318.

[11] Ю. П. Спегальский. Псков. Л.—М., 1963, с. 32.

[12] Рассматриваемая церковь не изображена на иконе XVII в. из часовни Владычного креста (икона хранится в собрании Псковского историко-художе-

ниям корпоративной постройки. Подтверждением этому может служить и отсутствие вокруг храма относящихся к нему захоронений, наличие большого количества которых говорило бы о связи церкви со значительным коллективом людей. Исходя из сказанного, атрибутированная постройка должна рассматриваться, по-видимому, только как остатки маленькой личной церкви, созданной известным псковским мастером XIV в. В обнаруженном в храме мужском погребении, датируемом сопровождавшей его бронзовой застежкой XIV в., мы полагаем, следует признать последний приют знаменитого зодчего.

ственного и архитектурного музея-заповедника), ее не учитывает отписка 1663 г. псковского воеводы Петра Апраксина (Сборник Московского архива Министерства юстиции, т. VI, М., 1914, с. 222). Таким образом, в XVII в. церковь уже не существовала.

М. Н. Бочкарева

НОВГОРОДСКИЕ КАМЕННЫЕ КРЕСТЫ ИЗ СОБРАНИЯ РОСТОВСКОГО МУЗЕЯ

В 1910 г. хранитель Ростовского музея церковных древностей И. А. Шляков приобрел у торговца старинными вещами в Новгороде В. А. Квашенкина четыре белокаменных креста. Примерно в те же годы в музейное хранилище поступило еще два креста. Так образовалась небольшая коллекция, вскоре кратко описанная И. Н. Богословским.[1]

Нельзя сказать, что новгородские каменные кресты совершенно обойдены молчанием в литературе, но их изучение носило скорее эпизодический характер. В 1859 г. им посвятил специальную заметку известный знаток новгородских древностей архимандрит Макарий.[2] Эта публикация чисто описательного характера длительное время оставалась единственной работой о каменных крестах в Новгороде, если не считать упоминаний в его же книге о церковных древностях в Новгороде[3] и заметки И. И. Срезневского о кресте церкви Благовещения в Аркажах.[4] Лишь в 1903 г. А. А. Спицын предпринял первую попытку систематизировать памятники.[5] Через три года И. А. Шляпкин расширил и значительно усовершенствовал разработанную А. А. Спицыным хронологию формы каменных крестов, включив новые типы (намогильные и закладные).[6] Затем интерес к каменным крестам Новгорода надолго угас. Появившаяся в печати статья Н. Г. Порфиридова[7] послужила началом нового этапа в изучении памятников, характеризующегося стремлением исследователей ввести в научный оборот или по-новому осмыслить уже известные в литературе образцы.[8] Наша статья преследует те же цели.

Следует заметить, что внимание специалистов чаще всего привлекали каменные кресты с рельефными изображениями, в то время как составляющие основную массу гладкие белокаменные обычно не рассматривались. Однако для изучения художественной культуры Новгорода эти памятники также имеют значение, и, на наш взгляд, необходимо продолжить их поиски.

Кресты из собрания Государственного Ярославо-Ростовского музея-заповедника соответственно их форме можно разделить на три группы.

Наиболее простыми среди них являются четырехконечные, с короткими концами и расширенной нижней частью. Один такой крест (рис. 1, *1*)[9] высечен из крупнозернистого песчаника. Нижняя часть имеет небольшой выступ для крепления основания. Поверхность довольно шероховатая. На лицевой стороне углубленной линией прочерчен большой восьми-

[1] И. Н. Богословский. Путеводитель по Ростовскому музею церковных древностей. М., 1911, с. 55.

[2] Макарий, архимандр. Древние кресты в Новгороде, поставленные на поклонение. Изв. имп. Археол. общ., т. II, 1859, с. 84—102.

[3] Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I—II. М., 1860.

[4] И. И. Срезневский. Каменный крест у ц. Благовещения, что близ Аркажа монастыря в Новгороде. Христианские древности и археология, кн. 5, СПб., 1862, с. 1.

[5] А. А. Спицын. Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских. ЗОРСА, т. V, вып. 1, 1903, с. 218—224.

[6] И. А. Шляпкин. Древнерусские кресты. Ч. I. СПб., 1906; А. К. Жизневский. Описание Тверского музея. М., 1888, с. 35 и сл.

[7] Н. Г. Порфиридов. Малоизвестный памятник древнерусской скульптуры. В кн.: Древнерусское искусство XV—начала XVI в. М., 1963, с. 184—195.

[8] В. В. Седов. Войносоловский крест. СА, 1962, № 3, с. 311—314; Г. И. Матюшкина. Крест мастера Серапиона. СА, 1970, № 3, с. 250—253.

[9] Инв. № 11157. Размер 50×33.5×12 см.

конечный с очень длинной косой перекладиной крест на П-образном подножии. А. А. Спицын каменные кресты такого типа относил к числу жальничных.[10] Отсутствие надписей значительно затрудняет датировку этого образца. Судя по форме, он может быть определен как намогильный и отнесен к XIV—XV вв.[11]

Второй крест (рис. 1, *2*) [12] изготовлен из белого известняка. На лицевой стороне в средокрестьи имеется рельефное изображение восьмиконечного креста на подножии, вокруг него

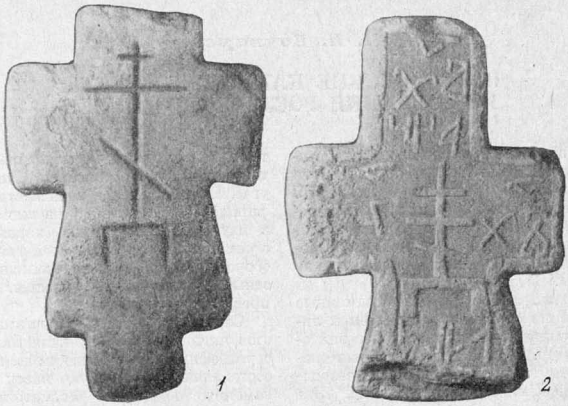


Рис. 1. Каменные кресты (*1*, *2*).

выпуклые надписи довольно крупного размера (сохранились частично). На поперечной перекладине можно прочесть [І]Ѣ $\overline{\text{ХѢ}}$ наверху — $\overline{\text{ХѢ}}$ Ч(Р?) Я, в нижней части — НИ. Надпись с именем Христа является обычной для крестов, но остается непонятным, почему $\overline{\text{ХѢ}}$ мастер начертал вторично наверху. Две крупные буквы в нижней части являются началом слова НИКѢ (победа), нередко сопровождающего изображения креста. Вызывает удивление нижняя строка верхней надписи. Вторая буква в ней плохо сохранилась, и ее фрагменты дают повод к двум толкованиям. Если учесть, что она стоит в строке после Ц и графически напоминает Р, можно предположить стремление мастера написать слово $\overline{\text{ЦРЬ}}$, поскольку надпись «царь славы», являющаяся эпитетом Христа, обычна для изображений креста. Но тогда остается непонятным, почему за Р следует Я. Предположив в средней букве К (хотя не можем проследить остатков ее нижней черты), получим в КѢ окончание слова, начало которого находится на нижнем конце креста.

Со стороны эпиграфических особенностей следует отметить начертание Ѣ в верхней части креста. Поскольку знак изображен несколько косо, он очень походит на Я, снабженное крышкой с крючком. Кузов в виде треугольника — особенность памятников XII—XIII вв. Однако в другом случае (на поперечной перекладине) Ѣ имеет графическую форму, характерную для XIV в., с большим наклоном мачты и ломаной линией кузова. Аналогичное начертание Я (вторая строка вверху) с почти вертикальной мачтой и небольшой с острым изгибом петлей может быть указано в надписи на омофоре новгородского архиепископа Моисея (до 1359 г.) [13] и в надписи на каменном кресте церкви Благовещения в Аркажах (до 1400 г.).[14] Почти квадратные широко расставленные буквы довольно характерны для надписей XIV в. Учитывая типологические особенности креста и эпиграфические данные надписей, этот памятник можно отнести к XIV в., скорее всего ко второй половине его.

[10] А. А. Спицын. Заметка о каменных крестах..., с. 220.

[11] И. А. Шляпкин. Древнерусские кресты, № 332—334.

[12] Инв. № 11158. Размер 44.5×31.5×8 см.

[13] Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV веков. М., 1964, табл. XIII.

[14] И. И. Срезневский. Каменный крест..., с. 1, табл. I.

Другой тип дает крест из зернистого песчаника (рис. 2, *1*),[15] концы которого утолщаются к краям. Края трех верхних рукавов закруглены, нижний — плоский, с выступом для укрепления на основании. Верхняя часть креста отбита. Поверхность шероховатая и имеет повреждения. На лицевой стороне в средокрестьи довольно небрежно изображен почти равноконечный крест. По мнению И. А. Шляпкина, который относил данную разновидность к седьмому типу по своей классификации, на сложение такой формы намогильного креста повлияла форма закладного креста, вписанного в круг.[16] В таком случае данный крест условно можно отнести к XIV в. Датировать его более точно не представляется возможным.

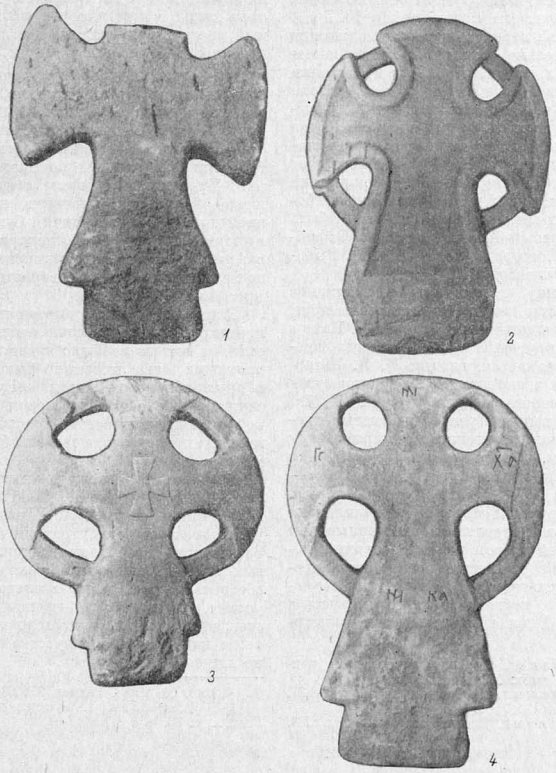


Рис. 2. Каменные кресты (*1—4*).

Крест из красноватого песчаника (рис. 2, *2*) [17] имеет ту особенность, что его концы в отличие от концов предыдущего соединены дугообразными шейками. Последние имеют более низкий рельеф. Лицевая сторона гладкая, только по краю проходит широкая рельефная кайма, характерная для новгородских каменных кре-

[15] Размер 52×43×8 см.

[16] И. А. Шляпкин. Древнерусские кресты, с. 34.

[17] Инв. № 11156. Размер 87×63×10.5 см.

стов XIV в. Кресты подобной формы видны на южной стене церкви Спаса на Ильине (1374 г.), на северной стене церкви Рождества Богородицы на Михалице (1379 г., перестроена в XVII в.), на северной стене церкви Бориса и Глеба в Плотниках (на месте церкви 1377 г.). Наличие аналогий, перечень которых можно при желании значительно увеличить, весьма определенно свидетельствует, что крест в собрании Ростовского музея следует датировать второй половиной XIV в. и отнести к типу так называемых «храмозданных». Тщательная обработка лицевой стороны, в то время как тыльная сторона отесана довольно грубо, подтверждает предположение, что он прежде был вмонтирован в стену. Типологически к этой же разновидности новгородских каменных крестов может быть отнесен и известный Алексеевский из Софийского собора в Новгороде, который Б. А. Рыбаков склонен датировать 1376 г.[19]

Третью группу публикуемых памятников составляют кресты как бы вписанные в круг, с небольшими подножиями у основания. Концы их сливаются с кругом. Это тип закладных крестов — восьмой по классификации И. А. Шляпкина.[20] Один из экспонатов Ростовского музея изготовлен из серого песчаника (рис. 2, *3*).[21] В средокрестии вырезан рельефный четырехконечный крест, концы которого расширяются от центра к краям. Кресты такой формы (без надписей) можно видеть в стенах многих новгородских храмов XIV—XV вв., а также церкви Сретения (с наружной стороны) Антониева монастыря (XVII в.), вероятно, перенесенные туда из стен стоявшей на том же месте церкви, построенной в XIV в. Возникновение типа крестов, вписанных в круг, И. А. Шляпкин объяснил влиянием южнославянского искусства XIV—XV вв.[22] Вполне возможно, что описанный образец и был изготовлен, если не во второй половине XIV, то в самом начале XV в. Другой крест, тоже из серого песчаника (рис. 2, *4*),[23] сходной формы, но с удлиненным нижним концом. На левой стороне в средокрестии также имеется рельефный четырехконечный крест с расширяющимися концами. На поперечной перекладине процарапаны монограммы Христа — **ІС ХС**, внизу — **НИКА**, по обычаю русских памятников, разделенные на два слога, причем **Н** в **И** и представляют лигатуру. Такую же лигатуру, но менее четкую, мастер оставил и в верхней части креста. Кроме того, лицевая сторона по краю обведена каймой. При сходстве формы с формой предыдущего образца здесь можно еще указать на идентичность начертаний букв, имеющихся в надписях на кресте церкви Благовещения в Аркажах и на Людогощинском 1359 г.,[24] что косвенно подтверждает вероятность отнесения креста к XIV в.

Новгородские особенности публикуемых каменных крестов настолько очевидны, что даже, если бы ничего не было известно об их происхождении, едва ли можно было бы связать их с другим центром древней Руси. Это может служить еще одним примером того, какой яркой индивидуальностью обладали изделия новгородских мастеров, казалось бы самые неприметательные.

Издание свода новгородских каменных крестов — дело будущего. Обобщающие работы А. А. Спицына и И. А. Шляпкина несколько устарели, хотя и не утратили своего значения. За истекшие десятилетия накопилось много новых данных, новых материалов, которые могут обеспечить проведение исследования на ином уровне. И, может быть, кресты из собрания Ростовского музея для исследователей новгородского камнерезного искусства также окажутся не лишенными интереса.

[19] Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи..., с. 44—46, табл. XVI, *3*, рис. на с. 45.
[20] И. А. Шляпкин. Древнерусские кресты, с. 27.
[21] Размер 49.5×43×7 см.
[22] И. А. Шляпкин. Древнерусские кресты, с. 34.
[23] Инв. № 11155. Размер 95×63×10 см.
[24] Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи..., с. 43.

Д. Бошкович

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КРЕПОСТЕЙ НА РУСИ[1]

Крепости, поселения и укрепленные средневековые города на Руси изучались многократно. Благодаря этим изысканиям мы уже в состоянии рассматривать с достаточной точностью как их исторические корни, так и генезис. Будущие археологические исследования смогут лишь обогатить наши знания сведениями об их индивидуальных особенностях.

[1] Перевод с французского.

Однако до сих пор не была проанализирована более пристально общая система укреплений, т. е. их взаимоотношения и отношение к сложению и развитию Русского феодального государства.

Несомненно, что первые укрепленные поселения создавались для защиты более обширных территорий, экономически эксплуатируемых их обитателями, и для обеспечения безопасности самих поселений в случае возможного нападения врагов. Очевидно также, что изначально они размещались совершенно независимо друг от друга.

Следующая фаза существования укрепленных поселений представлена их взаимосвязью и возникла при появлении необходимости более оживленного обмена различной продукцией. Взаимосвязь дала возможности, в первую очередь экономические, для сложения государства. В эту же эпоху начала формироваться более или менее постоянная сеть путей сообщений.

Так как укрепленные поселения были рассеяны часто на довольно большом расстоянии одно от другого, на путях, которые их соединяли, родились новые малые укрепленные поселения или, позднее, укрепленные монастыри, отстоящие друг от друга на расстоянии одного дня пути. Со временем эти укрепленные поселения увеличивались, процветали или с изменением направления путей исчезали полностью.

Поскольку наши современные коммуникации лишь частично следуют направлению древних путей, мы имеем искаженное представление об их первоначальной сети. Однако она археологически может быть восстановлена. Необходимо лишь искать те звенья в цепи, которых не хватает. Следует связать древние города друг с другом путями, топографически наиболее логичными, чтобы восстановить на них на расстоянии приблизительно дневного перехода опорные пункты, представляющие маленькие крепости, — укрепленные поселения или монастыри. Там, где они отсутствуют, они будут найдены — в этом можно быть уверенным — археологическими раскопками. Изучение остатков материальной культуры, принадлежащей этим укрепленным поселениям, позволит определить эпоху, когда сложилась сеть коммуникаций и происходило последующее ее развитие. Мы можем проследить, таким образом, непосредственно и формирование, и развитие государства. Завершает этот процесс возведение крепостей, которые защищают границы. Это — бесспорное указание на то, что территориально государство уже сформировалось.

Археологические методы в сочетании с изучением письменных источников позволяют рассматривать систему взаимосвязи средневековых крепостей, как поселений, так и укрепленных монастырей. Связанные друг с другом соответствующей сетью путей сообщений, они представляли костяк средневекового государства. В отношении истории средневековой Сербии этот метод дал уже положительные результаты. Таким образом археология открывает нам новое поле исследований.

В. Г. Брюсова

О ВРЕМЕНИ ОСВЯЩЕНИЯ НОВГОРОДСКОЙ СОФИИ

Софийский собор Новгорода — памятник зодчества, имеющий сложную историю. Важным вкладом в архитектурно-археологическое изучение его являются работы М. К. Каргера 1955 г. Раскопки в Мартирьевской паперти и в южном нефе главного помещения храма дают ценные материалы для восстановления первоначальных форм собора, для уточнения этапов перестроек первого столетия его существования.

Летописи единодушны в указании года закладки собора (1045 г.), но называют две даты освящения: 1050 и 1052 гг. Ранее авторами обычно принималась последняя дата, зафиксированная Новгородской третьей летописью, где под 1052 г. записано: «Освящена бысть церковь святыя Софии Премудрости Божия месяца септемврия в 14 день, на Воздвижение честнаго креста господня, в лето 6560. Того же лета 6560 преставися великий князь Владимир Ярославичь, внук великаго князя Владимира Святославича, крестившаго Рускую землю, в Новеграде, месяца октоврия в 4 день, в неделю, и положен бысть во святей Софии, юже сам создал».[1] В литературе последних лет более осторожно отмечается лишь время окончания строительства Софии — 1050 г., согласно свидетельству Новгородской первой летописи младшего извода: «В лето 6558. Свершена бысть святая Софеа в Новгороде, повелениемь князя Ярослава и сына его Володимера и архиепископа Лукы».[2] Софийская первая летопись и

[1] НЛ, СПб., 1879, с. 184. Ср.: Макарий. История русской церкви. Т. I. СПб., 1889, с. 60—62, 66; П. Соловьев. Описание Новгородского Софийского собора. СПб., 1858, с. 2.

[2] НПЛ, М., 1950, с. 181. Ср.: М. К. Каргер. Нов-

восходящие к ней, а также Новгородская четвертая отмечают дату 1050 г. как год освящения собора: «В лето 6558. Священа бысть святая Софеа в Новегороди на Въздвижения честнаго креста повелением князя Ярослава и сына его Володимера и архиепископа Луки».[3]

1052 г. как дату освящения Софии указывает, кроме Новгородской третьей летописи, также Летописный сборник Авраамки: «В лето 6560. Священа бысть святаа Софея на Въздвижение честнаго креста, при архиепископе Луке. И того же лета преставися князь Володимеръ и положиша его в святей Софеи, юже бе сам создал».[4]

Означает ли разночтение в летописях, что церковь освящалась дважды, и притом в один и тот же день, на праздник Воздвижения, или одна из дат ошибочна?

Указание, что освящение Софии происходило в праздник Воздвижения креста, сохранившееся в различных летописных сводах, по-видимому, следует признать достоверным. Такое событие должно было быть зафиксировано клировыми записями, откуда оно и попало в летописи. День Воздвижения в 1050 г. приходится на пятницу, а в 1052 г. — на понедельник.[5] Освящение храмов на Руси приурочивалось, как правило, к воскресному дню или к храмовому празднику, или же к одному из ближайших больших церковных праздников, приходившихся на данный отрезок времени.[6] Большей частью чин освящения храма совершался не на самый праздник; это было удобнее делать накануне, так как праздничная служба обычно длительная и не оставляет места для церемонии освящения. Кроме того, у всех больших праздников есть чаще всего и предпразднование, которое в богослужебном отношении является обязательным. Особенно это следует иметь в виду при освящении на день Воздвижения; предпразднование ему совпадает с другим праздником — Обновлением храма, приходящимся на 13 сентября. Служба на Обновление храма и предпразднование Воздвижению тесно связаны между собой по теме: Обновление храма празднуется в память о построении византийским императором Константином и матерью его Еленой храма Воскресения над гробом господним в Иерусалиме; Воздвижение креста отмечает день обретения креста господня Константином и Еленой и возвышение («воздвижение») креста патриархом для поклонения народу. Если храм освящался на самый день Воздвижения, тогда отпадает та часть богослужения, которая составляет предпразднование Воздвижению и служба на Обновление. Главная мысль службы на Обновление — восхваление «новопознавших истинного бога», «новых людей» — напоминает «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона. В Новгороде, как и во всей Руси, где лишь недавно на месте языческих капищ стали воздвигать церкви, тема звучала как утверждение новой христианской веры. В эпоху мышления символическими категориями служба на Обновление и Воздвижение представляла собой историческую параллель между сооружением храма Воскресения, построенного в период утверждения христианства как государственной церкви, и построением христианских храмов на Руси, в частности Софии Новгородской, как свидетельство торжества христианства. С праздником Воздвижения связана одна из древнейших фресок Новгородской Софии — «Константин и Елена», написанная, как можно полагать, к освящению собора. Служба и чтения на Обновление храма и Воздвижение занимают одно из центральных мест в новгородских богослужебных уставах, минеях и т. д. К празднику Воздвижения приурочиваются наиболее значительные события в жизни архиерейской кафедры.[7] Мы, по-видимому, не ошибемся, если примем за день освящения Софии не 14, а 13 сентября; 14 сентября является скорее символической датой, и как таковая была, по всей вероятности, и внесена в письменные источники «по соображению». 13 сентября 1052 г. приходится на воскресение — наиболее подходящий день для освящения церкви. Это условие не всегда соблюдалось,[8] но в пользу 1052 г. говорят и некоторые другие соображения.

Следует учесть, что после окончания строительства на отделочные работы в храме понадобился еще по крайней мере один летний сезон

город Великий. Л.—М., 1966, с. 14, 101; В. Н. Лазарев. О росписи Софии Новгородской. В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М., 1968, с. 7; А. В. Поппе. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI ст. ВВ, т. XXVIII, М., 1968, с. 93, прим. 38.

[3] ПСРЛ, т. V, СПб., 1853, с. 130.

[4] Там же, т. XVI, СПб., 1899, с. 41.

[5] Расчет по мартовскому летосчислению, в котором записаны современные построению Софии новгородские события: смерть Владимира Ярославича в 1052 г. «месяца октября в 4 день в неделю» и запись в Книге 16 пророков толковых «в лето 6555 месяца мая 12». О мартовском летосчислении в Новгородской первой летописи см.: Н. Г. Бережков. О хронологии русских летописей по XIV в. включительно. Исторические записки, т. 23, 1947, с. 336—337.

[6] В Новгородской первой летописи по Синодальному списку отмечено под 6703 г. об освящении архиепископом Мартирием церкви Положения ризы и пояса богородицы «на праздник» 31 августа, в четверг; там же под 6701 г. — владыка Митрофан святил церковь Ильи Пророка на Холме «на праздник», т. е. 20 июля, в субботу.

[7] Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I. М., 1860, с. 96, 99.

[8] А. В. Поппе. Русские митрополии. . ., с. 93.

и, если храм освящался в 1050 г., тогда следует признать, что София выстроена за четыре года. Если принять во внимание грандиозные размеры храма со сложной системой фундаментов, галереями, выкладкой сводов и куполов, трудно представить, что все эти крупные по тому времени работы могли быть проделаны за четыре года. Известно, что на строительство Десятинной церкви в Киеве, меньшей по размеру, потребовалось 7 лет; для создания Софии Новгородской, — по-видимому, не менее пяти лет. Тем самым представляется более вероятным, что 1050 год имеет отношение только к окончанию строительства храма.

В пользу 1052 г. как даты освящения храма свидетельствует и запись в «Сказании о святой Софии Новгородской», сохранившемся в списках XVI—XVII вв., но восходящем, как показывает исследование, к древности: «... а делали ю 7 лет, и устроиша вельми прекрасну и превелику; а в то время служили во храме святых праведных богоотец Иоакима и Анны».[9] Откуда бы знать составителю позднейших летописных сводов эти подробности? — они несомненно имеют вид «реалий», отражающих древние письменные записи о Софии. Кроме того, «Сказание» имеет собственную историю текста, независимую от истории летописания, хотя в формировании отдельных редакций тесно с нею связанную.

Таким образом, есть основание полагать, что освящение Новгородского Софийского собора совершено в 1052 г. 13 сентября на праздник Обновления храма, а 14 сентября в нем было совершено торжественное богослужение празднику Воздвижения креста, за три недели до смерти строителя собора князя Владимира Ярославича, скончавшегося 4 октября.

Как объяснить в таком случае появление даты 1050.г.? Отмечают ли летописи этой датой лишь окончание архитектурно-строительных работ, «свершение» Софии, исправленное позднейшими переписчиками на «освящение»? На такой вопрос отчасти проливает свет запись в святцах рукописного сборника XVII в., где читаем: «Августа в 5 день празднуем торжество Великия церкви Софеи Премудрости божия в Великом Новеграде, а создана и освящена бысть в лето 6558».[10]

5 августа 1050 г. приходится на воскресенье, в предпразднование Преображения Спаса. Запись является единственной в этом роде, но следует указать, что святцы вообще источник малоизученный, тогда как уже давно замечена древность ряда включенных в них свидетельств.

Письменные источники дают примеры двукратного освящения храма: после его построения и через несколько лет, после завершения работ по украшению интерьера иконами или фресками.[11] Святцы указывают на два дня освящения Софии Киевской: 11 мая и 4 ноября.[12] «Сказание о святой Софии Новгородской» рассказывает о том, что князь Владимир Ярославич, «устроив церковь вельми прекрасну и превелику», «привѣдоша иконных писцов из Цареграда, и начаша подписывати во главе».[13] В настоящее время не ставится под сомнение частичная роспись храма после его построения. Представляется вполне вероятным, что первое освящение храма было совершено после построения здания, а второе — после окончания первого этапа украшения настенными росписями. В таком случае различные варианты летописных записей не стоят в непримиримом противоречии друг к другу, они отражают сведения о двух церемониях освящения Софии: первой — 5 августа 1050 г. и второй — 13 сентября 1052 г. Ошибочным, по-видимому, является лишь вариант записи в Софийской первой и Новгородской четвертой летописях, который называет днем освящения Софии праздник Воздвижения, 14 сентября 1050 г., объединивший две даты освящения собора в одну.

[9] НЛ, с. 181.

[10] Собрание рукописей ГБЛ, ф. 173 (МДА), № 201. Сборник исторического содержания, л. 326 об.

[11] См., например: Повесть о начале зачатия и поставления первые деревянные церкви св. Николая Чудотворца, что на Пенье. Ярославль, 1873, с. 19, 38.

[12] Е. Голубинский. История русской церкви. Т. I. М., 1880, с. 408.

[13] НЛ, с. 181.

В. А. Булкин

О ЦЕРКВИ ВОЗНЕСЕНИЯ В КОЛОМЕНСКОМ

Церковь Вознесения в Коломенском, являясь одним из ключевых памятников древнерусского зодчества, привлекала и привлекает неизменное внимание исследователей. Несмотря на это, памятник хранит много загадок. Недостаточно хорошо изучена его история, продолжает оставаться дискуссионным происхождение отдельных композиционных и конструктивных особенностей храма, невозможно пока представить некоторые детали первоначального об-

лика, спорной является личность строителя храма и т. д.

До сих пор среди советских исследователей не сложилось единого мнения о том, кто строил церковь Вознесения. Полярные точки зрения принадлежат В. Н. Подключникову, склонному видеть в строителе храма русского зодчего, возможно псковича,[1] и Н. Н. Воронину, высказавшему мысль, что церковь была построена итальянцем.[2]

Чтобы приблизиться к правильной постановке этого вопроса и определить, в чем именно состоят особенности творческого почерка строителя храма, целесообразно принять во внимание следующее соображение: своеобразие древнерусской архитектуры во многом определялось строительством по образцу. В выборе образца ведущую роль играл заказчик. Зодчий мог довольно свободно обращаться с формами, пропорциями, декоративным убранством протооригинала, не выходя, однако, за пределы указанного типа здания. Поэтому правомерно утверждать, что общий вид постройки, тип здания зависели преимущественно от воли заказчика.

Индивидуальность зодчего проявлялась более всего в пропорциональном строе здания, декоративном оформлении стены, трактовке деталей. Поэтому типологическую оригинальность церкви Вознесения можно отнести в основном на счет художественного вкуса заказчика, т. е. великого князя Василия III, а не зодчего, выполнявшего его волю.

В этом отношении церковь Вознесения можно сопоставить с Успенским собором Аристотеля Фиораванти. Творческий почерк Фиораванти, его индивидуальность сказались не в изобретении нового типа храма, а в творческой интерпретации традиционных форм. Итальянский зодчий проявил себя главным образом в коррекции тех или иных частей объемно-пространственной композиции (разбивка плана, решение восточной части здания, центральная глава), трактовке деталей (геометрическая правильность, пропорциональный строй). Традиционная иконография основных композиционных узлов и позволила Успенскому собору сохранить вполне приемлемый для ревнителей старины древнерусский характер. Можно быть уверенным, если бы не сохранилось летописных свидетельств, называющих имя строителя, то гипотеза о местном происхождении зодчего Успенского собора имела бы своих сторонников, причем архитектурные особенности храма дали бы для ее обоснования вполне достаточный материал.

Хотя Алевиз Новый в Архангельском соборе пошел дальше Фиораванти в привнесении нетрадиционных деталей, но и он проявил свой архитектурный почерк главным образом в декоративном оформлении фасадов, а не в разработке объемно-пространственной композиции.

Применительно к церкви Вознесения все сказанное позволяет искать проявления творческой индивидуальности зодчего в особенностях архитектурных деталей, их иконографии, моделировке и т. п. В настоящее время о характере первоначальных деталей Коломенского храма составить представление нелегко. Многие из них искажены или скрыты под многочисленными позднейшими напластованиями. Как показывают натурные исследования, не только галереи, но и основной массив здания носят следы переделок, главным образом XVIII—начала XX в.[3]

В ходе архитектурно-археологических исследований были выявлены бесспорно первоначальные формы. Так, В. Н. Подключников в 1939—1940 гг. обнаружил в стенах центральной части подклета остатки тонко профилированных белокаменных баз. «Их выразительные линии, — пишет исследователь, — прорисованы рукой мастера, понимавшего значение детали и умевшего ценить красоту».[4] По качеству исполнения, сочности моделировки эти профили резко отличаются от суховатых деталей более позднего времени и вызывают в памяти архитектурные обломы самой «итальянской» постройки Москвы начала XVI в. — Архангельского собора.

Несколько раньше в ходе реставрационных работ были раскрыты профилированные детали белокаменного северного портала. Тогда же при раскопках у северной стены церкви обнаружены фрагменты каннелированной колонны, капители от этого портала и большой капители от внешней угловой пилястры четверика церкви, значительно превосходящие по мастерству исполнения, изяществу рисунка и пластической трактовке капители на здании.[5]

Столь резкое отличие обнаруженных деталей первоначального здания от ныне существующих делает допустимым предположение о замене (по крайней мере частичной) внешнего декора церкви Вознесения.

---

[1] Сообщения Кабинета теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР, вып. 3, 1943, с. 36.

[2] Н. Н. Воронин. Владимиро-Суздальское наследие в русском зодчестве. Архитектура СССР, 1940, № 2.

[3] В. Н. Подключников. Некоторые элементы архитектурной композиции Коломенского храма. Диссертация. М., 1941, с. 17—22. ЦГАНХ, ф. 293, оп. 3, д. 257.

[4] Там же, с. 36.

[5] И. В. Маковецкий. Коломенское. Исследование исторического развития планировки архитектурного ансамбля. Диссертация. ГБЛ, М., 1951, с. 198.

О подобных работах в XVI—XVII вв. судить затруднительно из-за отсутствия сведений. Ремонт конца XVIII в. затронул лишь галерею.[6] Не исключено, что первые искажения в убранстве фасадов церкви относятся к реставрации 1832—1836 гг. под руководством архитектора Тюрина.[7] Более точными сведениями мы располагаем о ремонте церкви Вознесения в 1866—1867 гг., которым руководил архитектор Шохин. В эти годы церковь была «реставрирована согласно всем древним деталям и орнаментам».[8] Из сметной ведомости следует, что ремонт коснулся только наружных стен. На «поддерживание от дальнейшего разрушения наружных стен» церкви Вознесения было ассигновано 3000 руб.,[9] значительную часть которых израсходовали в 1866 г. Поновления затронули главным образом верхние части церкви — восьмерик, шатер, главку. При производстве каменных работ использовался кирпич, добытый из разобранных стен каменной ограды (6000 шт.), белый камень, доставленный из Мячкова (64 белокаменные плиты для карнизов), а также кирпич, изготовленный на калужских и введенских заводах (3360 шт.).[10] В ходе работ 1866 г. был разобран свод под главкой, выбраны обветшавшие камни из карнизов, удалена пришедшая в негодность кирпичная облицовка стен общей площадью 6.22 кв. сажени.[11] Карнизы были сложены заново, причем после обтески использовались и старые плиты. Всего в 1866 г. новым и старым камнем были заменены карнизы протяжением 49.64 погонной сажени.[12] Кроме того, ремонтные работы затронули белокаменную сетку шатра, заново были сделаны восемь белокаменных капителей (в смете предусмотрена расходная статья «за высечку в капителях орнаментов и дорожек»), были исправлены малые карнизы (?), отремонтированы кирпичные парапеты галерей, восстановлены глава и крест, а затем церковь была покрыта листовым железом и побелена.[13] Помимо указанных работ, по смете предусматривались и другие — столярные, слесарные, кузнечные и т. п.

В 1914—1916 гг. наружные детали церкви вновь претерпели изменения. В процессе реставрационных работ под руководством Б. Н. Засыпкина были восстановлены «утраченные части кладки стен, шатра, профилированных белокаменных деталей».[14]

Таковы лишь некоторые «исправления» фасадов Коломенского храма. В какой мере вновь сделанные детали следовали древним оригиналам, сказать нетрудно. Вероятно, реставрация «согласно всем древним формам и орнаментам» предполагала воспроизведение рисунка первоначальных капителей и профилировки карнизов.

Замена обветшавших деталей — дело обычное в практике реставрационных работ. Подобные поновления не приводят к принципиальным искажениям архитектурного произведения. Вместе с тем их нельзя не учитывать, ибо с утратой первоначальных деталей происходит, на первый взгляд незаметная и малосущественная, утрата стилистических особенностей памятника, стирается авторский почерк зодчего, запечатленный в пластическом исполнении детали. Поэтому так поражают своей непохожестью на привычные формы позднего происхождения вновь раскрываемые детали первоначального облика храма, как это имеет место в случае с церковью Вознесения.

Четкое разграничение первоначальных форм от более поздних, выяснение характера и степени привнесенных искажений принципиально важно, особенно для памятников такой значимости в истории древнерусского зодчества, как церковь села Коломенского. Скромный письменный материал о церкви Вознесения заставляет с особым вниманием относиться к бесспорно первоначальным частям храма, представляющим важнейший материал для изучения стилистических особенностей памятника, иконографии отдельных деталей и тем самым — творческого почерка зодчего.

До настоящего времени не получили убедительного объяснения некоторые особенности наружного и внутреннего облика церкви Вознесения, например декоративные тяги из белых камней алмазной гранки на шатре. Ближайшую аналогию этому приему находим в отделке фасадов Грановитой палаты, построенной в 1487—1491 гг. итальянскими зодчими Марко Фрязиным и Пьетро Солари. Как сплошная рустовка фасадов Грановитой палаты, так и белокаменные тяги Коломенской церкви ведут свое происхождение из Италии, причем время распространения этого приема в итальянской архитектуре, по наблюдениям К. К. Романова, ограничено концом XV—самым началом XVI в.[15] Алмазная рустовка в церкви Вознесения, таким образом, запаздывает по сравнению с итальянскими постройками почти на тридцать лет. Примерно столько же лет отде-

[6] В. Н. Подключников. Некоторые элементы..., с. 38.
[7] Там же, с. 20.
[8] ГИМ ОПИ, ф. 1, д. 94, л. 16.
[9] ЦГИА СССР, ф. 480, оп. 1, д. 1429, л. 3.
[10] Там же, л. 1—2.
[11] Там же, л. 1.
[12] Там же, л. 2.
[13] Там же, л. 6.
[14] И. В. Маковецкий. Коломенское, с. 198.

[15] К. К. Романов. К вопросу о взаимоотношениях между Россией и Италией в строительстве конца XV—начала XVI столетия. Архив ЛОИА, ф. 29, д. 646, л. 12.

ляет время сооружения церкви Вознесения от времени появления последней группы итальянских мастеров в Москве (1499—1504 гг.).

Известно, как неохотно расставался Иван III с полюбившимися ему искусными мастерами из Италии. Достаточно вспомнить Фиораванти, безуспешно пытавшегося бежать из Москвы, или другого итальянца, которого летопись называет «Фрянцоск Фрязин». На просьбу короля Венгрии отпустить этого мастера Иван III ответил, что его «отпустить не пригоже, живет здесь у брата своего Фрязина в нашем деле».[16] Судьбы других складывались более счастливо. Летопись сообщает об Иване Фрязине, художнике, принявшем православие, за что великий князь пожаловал его селом.[17] Вполне вероятно, что значительная часть мастеров, покинувших Италию в конце XV в., осела в Москве, продолжая работать «в деле» великого князя. Из числа итальянских зодчих, активно строивших на Руси в первой половине XVI в., известны Петр Фрязин, Алевиз Новый, Петрок Малый.

В связи с этим появление алмазной рустовки на шатре церкви Вознесения можно истолковать как проявление архитектурного вкуса одного из оставшихся в Москве итальянских зодчих, чей профессиональный арсенал составился еще на родине в конце XV в. Если это так, то вполне допустимо искать в том же направлении объяснения и другим итальянизмам храма. Особый интерес в этом отношении представляют капители окон восьмерика, необычные для древнерусского зодчества размеры, форма и профилировка деталей главки, а также отсутствие апсид. Последняя особенность находит ближайшую аналогию в церкви с. Чашникова, которую П. Н. Максимов и С. А. Торопов датируют концом XV—началом XVI в. и приписывают одному из итальянских зодчих.[18] Наконец, не сказано последнего слова о времени появления ордерной отделки интерьера церкви Вознесения — особенности столь же уникальной в истории древнерусского зодчества XVI в., как и декорация фасадов Архангельского собора. Если изначальность внутреннего оформления храма подтвердится, то итальянское происхождение строителя получит еще один весьма солидный аргумент. Однако уже сейчас (особенно, если принять к сведению ренессансные формы соседней церкви Георгия) [19] не приходится сомневаться, что в 30-е годы XVI в. в с. Коломенском работал итальянский зодчий. Возможно, тщательное изучение архитектурных деталей и сопоставление их с особенностями «итальянизмов» других построек конца XV—первой половины XVI в. позволит в будущем установить его личность. А пока ограничимся осторожными предположениями.

Между 1508 и 1532 гг., т. е. в период между возведением Архангельского собора и церкви Вознесения, известен ряд построек, автором которых летопись и предание называют Алевиза Нового (Алевиз Ламберти да Монтаньяна?).[20] Это посадские храмы в Москве,[21] с. Вознесенского монастыря,[22] быть может церковь в Острове,[23] и Коломенский кремль.[24] Алевиз, таким образом, и после 1508 г. продолжал много и плодотворно работать в Москве и ее окрестностях. Среди построек, приписываемых Алевизу, особое место принадлежит Преображенской церкви в Острове как связующему звену между русским каменным зодчеством конца XV—начала XVI в. и церковью Вознесения в Коломенском.[25] Участие Алевиза в строительстве обоих храмов принципиально допустимо, ибо последнее, правда косвенное, упоминание о зодчем относится к 1531 г.[26] Это, разумеется, лишь одна из гипотез, требующая основательной проверки и не исключающая иного подхода к решению проблемы. Среди других фактов, способных прояснить вопрос о личности строителя коломенского храма, быть может, следует обратить внимание на то, что Петрок Малый в год завершения строительства церкви Вознесения приступил к возведению звонницы в Московском Кремле. Возможно, что подобная последовательность работ не относится к числу случайных совпадений.

---

[16] Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. СПб., 1853, с. 164.

[17] ПСРЛ, т. VIII, СПб., 1859, с. 224.

[18] П. Н. Максимов, С. А. Торопов. Церковь села Чашникова Нарышкиных. Архитектурное наследство, т. 18, 1969, с. 24.

[19] А. И. Некрасов. Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII веков. М., 1936, с. 252; М. Гра. Коломенское. М., 1963, с. 35.

[20] М. А. Гуковский. Сообщение о России московского посла в Милан. Вопросы историографии и источниковедения истории СССР, вып. 5. М., 1963.

[21] ПСРЛ, т. XVIII, СПб., 1913, с. 200; т. VI, СПб., 1853, с. 254.

[22] Н. Я. Тихомиров, В. Н. Иванов. Московский Кремль. М., 1967, с. 101.

[23] Н. Иванчин-Писарев. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М., 1843, с. 9.

[24] К. Линдеман. Маринкина башня в Коломенском кремле и вопрос о смерти Марины Мнишек. М., 1910, с. 10.

[25] Ю. П. Спегальский. О взаимовлиянии деревянного и каменного зодчества в древней Руси. Архитектурное наследство, т. 19, 1972, с. 75.

[26] ПСРЛ, т. XIII, М., 1965, с. 58.

Г. К. Вагнер

О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ СТАРОГО И НОВОГО В МОСКОВСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ ЭПОХИ АНДРЕЯ РУБЛЕВА

Московское зодчество эпохи Андрея Рублева давно привлекает внимание исследователей как очень значительный этап в развитии древнерусской монументальной архитектуры. Его уже нельзя называть собственно раннемосковским, так как изысканиями Н. С. Шеляпиной и В. И. Федорова установлено, что под современными соборами Московского Кремля лежат остатки белокаменных соборов не только XIV, но и конца XIII в.[1] Таким образом, строительство Ивана Калиты было не начальным, а продолжением строительства его предшественников.

К сожалению, о московской архитектуре конца XIII—начала XIV в. мы не можем пока говорить подробно, поскольку материалы Н. С. Шеляпиной и В. И. Федорова еще не опубликованы, а некоторые существенные детали статьи К. К. Романова об Успенском соборе Ивана Калиты[2] уже устарели.

Об архитектуре Москвы конца XIV—начала XV в. писалось много, и в труде Н. Н. Воронина вопросы традиций и новаторства этой архитектуры получили исчерпывающее диалектическое решение.[3] Несколько сложнее обстоит дело с интерпретацией системы ее фасадного декора. Здесь почему-то оказались очень живучими идеи компаративизма, в результате чего архитектурный декор соборов в Звенигороде и Троице-Сергиевой лавре объявляется либо балканским, либо готическим, но только не русским.

Конечно, и балканские, и западноевропейские элементы в интересующем нас архитектурном декоре есть. Но сводится ли к ним вся система? Трудно допустить, чтобы к сооружению национального типа приспосабливался чужеродный архитектурный декор, это было бы ничем иным, как искусственным соединением двух разных систем.

Как известно, архитектурный декор памятников московского зодчества конца XIV—начала XV в. состоит в основном из междуярусного пояса в виде трех плоских, покрытых весьма своеобразной резьбой лент. Конечно, к архитектурному декору следует относить и оформление порталов, фасадных лопаток, профилировку цоколя и закомар, но все это не столь самодовлеюще декоративные детали. Междуярусный пояс среди них — это целая художественная концепция. Он приводил масштаб монументального здания к человеческому масштабу, как бы намечал линию мысленного «потолка», выше которого считалось уже «небо». Высотой междуярусного пояса определялись пропорции портала, что в свою очередь либо монументализировало (героизировало) человеческую фигуру, либо, наоборот, «заземляло» ее. Словом, антропоморфические функции междуярусного пояса весьма существенны, и, вероятно, именно поэтому он играл важную роль в архитектуре этой эпохи. Но как он появился?

Показательно, что сторонники нерусского происхождения резного орнамента интересующих нас поясов никогда не приводят примеров из функционально аналогичных или хотя бы родственных частей иноземной архитектуры. Таких междуярусных поясов не знает балканская архитектура, романо-готической они тоже не свойственны.

Н. Н. Воронин правильно отметил, что прежде чем появиться в московском зодчестве конца XIV—начала XV в. междуярусный пояс был включен в качестве составного элемента в сложный аркатурно-колончатый междуярусный же фриз владимиро-суздальского типа. Для нас особый интерес представляет фриз суздальского собора 1222—1225 гг. В отличие от фризов владимиро-боголюбовских зданий XII в. он завершается плоской лентой, покрытой растительно-зооморфной резьбой невысокого рельефа. Растительные элементы заметно преобладают над зооморфными, что характерно для всей фасадной резьбы суздальского собора. Здесь намечается поворот к той «растительной стихии», которая заполнит собой все стены Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Другой существенной чертой суздальского фриза является то, что рассмотренная нами верхняя резная лента раскрепована на фасадных лопатках. Это уже совсем не в духе классических владимирских традиций и свидетельствует о формировании новых вкусов.

Переосмысление владимиро-боголюбовских традиций можно видеть и в превращении нижележащей полосы суздальского фриза из поребрика в набор закругленных камней с елочной нарезкой. В итоге над аркатурой образовались уже две живописные ленты. Так как

[1] Н. С. Шеляпина. Из истории археологического изучения Успенского собора Московского Кремля. СА, 1972, № 1.

[2] К. К. Романов. О формах Московского Успенского собора 1326 и 1472 гг. МИА, № 44, 1955, с. 7—19.

[3] Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. Т. II. М., 1962, гл. XXV.

между колонками фриза не было фигур, то эти две живописные полосы-ленты играли весьма активную роль. Есть все основания считать, что трехленточные междуярусные пояса московских (звенигородских и Троицкого) соборов являются дальнейшим развитием суздальского мотива, т. е. налицо определенная традиция.

Естественно, возникает вопрос: почему же не был унаследован и сам колончатый фриз? Вероятно, и он был унаследован, но в более ранних зданиях. Н. С. Шеляпиной найдено в Московском Кремле несколько белокаменных резных консолей зооморфного, т. е. владимиро-боголюбовского, типа. Первые белокаменные московские соборы конца XIII—начала XIV в., видно, имели традиционные владимиро-суздальские аркатурно-колончатые фризы. С развитием новых национальных вкусов интерес к романизирующим элементам уменьшался. В частности, уменьшался интерес к висячей аркатуре, к зооморфным деталям, на первый план выходила резьба ленточно-растительного характера, т. е. та самая резьба, к которой постепенно к началу XIII в. пришло и владимиро-суздальское искусство. Фасадный декор кремлевской церкви Спаса на Бору (1329—1330 гг.) состоял из бордюра в виде криновидных пальметт, соединенных стеблями в два пересекающих друг друга ряда.[4] Мотив подобных пальметт идет от декора Рождественского и Дмитриевского соборов во Владимире, но там он проще (стебли пальметт не пересекаются).[5]

Не исключено, что и церковь Спаса на Бору имела аркатурно-колончатый фриз, но доказательств этому нет. Во всяком случае колонки фриза отмирали не сразу, а постепенно, о чем можно судить по фризу можайского собора конца XIV в., известного, правда, лишь по старому рисунку.[6] Под верхней резной лентой пояса здесь показана очень «худосочная» аркатурка. Конечно, таким вольным приемом мог быть изображен традиционный поребрик, который и воспроизведен в междуярусном поясе более позднего собора.[7] Но все же аркатурка просматривается явственно и не считаться с этим нельзя. Не исключено, что и в междуярусных поясах не дошедших до нас построек того же времени, например Успенского собора Коломны (1380 г.), были рудиментарные аркатурки. Но здесь мы вступаем в область гаданий.

Возвращаясь к строгим фактам, рассмотрим процесс развития самих орнаментальных мотивов в резьбе занимающих нас памятников московской архитектуры. Было отмечено, что основной мотив резного бордюра церкви Спаса на Бору восходит к владимирской традиции. Характер резьбы междуярусных поясов построек Дмитрия Донского нам неизвестен. В звенигородских соборах мотив перекрещивающихся пальметт отсутствует, но появляется в междуярусном поясе Троицкого собора, хотя и в перевернутом виде.[8] Следовательно, он продолжал находиться в поле зрения мастеров начала XV в. И они его значительно усовершенствовали, придав пальметтам очень изысканные формы.

Орнамент нижних лент поясов всех трех соборов (звенигородского, саввино-сторожевского и Троицкого) иконографически одинаков, это — переходящие друг в друга лировидные фигуры, изящные в звенигородском и Троицком соборах и довольно примитивные в саввино-сторожевском. Лировидные фигуры тоже идут из владимиро-суздальского «арсенала», особенно многочисленны они в резьбе Георгиевского собора.[9] Отличие от прототипа в данном случае состоит в том, что лировидные фигуры московских поясов образуют горизонтальные, а не вертикальные ряды. Кроме того, они не столь «классические» по рисунку, симметричные пальметтовидные окончания их преобразованы в несимметричные, «хрящевидные». Но показательно, что в местах соприкасания побегов сохранена такая владимиро-суздальская деталь, как обхватывающее их колечко. Правда, она сохранена только в поясе звенигородского собора. Зато в поясе Троицкого собора одна из трех лент заполнена рядом соприкасающихся друг с другом кружков с крестом внутри, представляющих развитие традиционного древнерусского символа — крина.[10]

Труднее проследить генезис сердцевидной плетенки, заполняющей одну из трех лент пояса звенигородского и саввино-сторожевского соборов. Скорее всего, здесь не обошлось без заимствований из области книжной орнаментики, например типа «Онежской» псалтыри 1395 г.[11]

Наиболее «новаторским» представляется замысловатый ленточно-растительный мотив, включенный в среднюю ленту пояса звенигородского собора. Возможно, что он имеет западное происхождение.

[4] Там же, с. 161, рис. 84.

[5] Г. К. Вагнер. Скульптура древней Руси. Владимир. Боголюбово. М., 1969, рис. 136, *б*, 138.

[6] Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси. .., т. II, рис. 128.

[7] Там же, рис. 127.

[8] Там же, рис. 156.

[9] Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польской. М., 1964, с. 31, табл. XXIX, XXXI.

[10] Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. В кн.: История культуры древней Руси. Т. II. М.—Л., 1951, рис. 187, 205.

[11] Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси. .., с. 350, рис. 175.— Показательно, что сердцевидная плетенка в резьбе поясов положена горизонтально, хотя представляет явную осевую композицию.

Таким образом, и в области орнаментальных мотивов московской резьбы конца XIV—начала XV в. мы видим весьма плодотворное сочетание старого и нового, т. е. творческое развитие традиций, невозможное без новаторства.

Перед нами раскрылась маленькая страничка русского искусства эпохи великого Андрея Рублева. Но и она дает ценнейший материал для важных заключений, имеющих теоретическое значение.

Во-первых, мы имеем все основания говорить, что в XIV—начале XV в. в московской архитектуре сложилась новая система фасадного декора. Старая владимиро-суздальская система при этом не была целиком отвергнута, она была творчески переосмыслена. Сначала подвергся переоценке аркатурно-колончатый фриз. Введенный в первых белокаменных зданиях Московского Кремля, он вскоре был отброшен, и весь художественный акцент сосредоточен на плоских резных лентах пояса. Первоначально их было тоже две, как и в суздальском соборе, но затем к ним прибавилась третья. Очень показательно, что в соответствии с суздальской традицией ленточный пояс савино-сторожевского собора раскрепован на лопатках. В звенигородском и Троицком соборах от этого отказались, вернувшись к владимирской традиции.

Владимирской, а не суздальской традицией следует считать сохранение на лопатках звенигородского собора полуколонок, которые воспроизведены и на апсидах. Суздальской же, а не владимирской, традицией являются килевидные архивольты порталов всех московских соборов, а также «дыньки» на боковых колонках порталов. Но ни колонки, ни архивольты порталов уже не несут резьбы.

Во-вторых, новая система декора получила новую художественную «образность». Если междуярусные пояса владимиро-суздальских соборов содержали в себе богатейший мир тератологии, как бы символизировавшей все темные силы, которым нет доступа в верхние части здания,[12] то в резьбе московских поясов безраздельно господствуют ленточно-растительные мотивы, частично унаследованные из владимиро-суздальского искусства, частично заимствованные из искусства соседних стран, причем и то и другое было творчески переработано в духе слагающихся новых вкусов.

Конечно, не исключено, что в разработке нового архитектурного декора приняли участие и приезжие мастера, например балканские, а также западноевропейские. Известное число новшеств можно отнести за их счет. Это нисколько не умаляет национального характера и значения новой системы архитектурного декора, в которой традиции и новаторство выступают в нерасчленимом виде.

В свое время Ф. И. Буслаев писал, что появление в XV в. на смену тератологическому орнаменту нового стиля было ничем иным, как «возрождением византийского стиля».[13] Даже самый беглый анализ московского архитектурного декора начала XV в. не подтверждает мнения Ф. И. Буслаева. Процесс был сложнее, в нем участвовало большое древнерусское наследие, а также новые творческие устремления. Реставраторские тенденции не смогли бы создать русского национального искусства эпохи Андрея Рублева, а что искусство этой эпохи знаменовало собой художественное становление нации — это бесспорно.

В заключение следует отметить, что проблему традиций нельзя смешивать с ретроспективизмом. Проблема традиций тем и интересна, что она предполагает поиски и находки нового, она неотделима от проблемы новаторства. Только в таком свете и можно понять архитектуру эпохи Андрея Рублева.

[12] R. Feuchtmüller. Die steinerne Bibel. Die romanische Kirche von Schöngrabern. Wien—Linz—München, 1962, S. 64.

[13] Ф. И. Буслаев. Исторические очерки по русскому орнаменту в рукописях. Пгр., 1917, с. 190.

А. В. Воробьев

К ДАТИРОВКЕ ЧАСОЗВОНИ НОВГОРОДСКОГО КРЕМЛЯ

Исследования и реставрация Новгородского кремля, развернувшиеся в последние двадцать лет и в настоящее время подходящие к своему завершению, принесли много открытий, сразу же прочно вошедших в основной фундамент наших знаний о древнем Новгороде. Были раскопаны и выявлены оборонительные сооружения XI—XII вв., изучена топография кремля того времени, история преобразования деревянного кремля в каменный с 1302 по 1430-е годы, раскопаны и исследованы постройки Владычного двора 30—40-х годов XV в., обнаружены строительные описи XVII в., выяснена история создания Воеводского двора и перестройки кремлевских сооружений в конце XVII в. и др. Одни из этих открытий уже

опубликованы,[1] другие еще ждут своей очереди. К изысканиям последних лет относится и передатировка знаменитой высотной кремлевской постройки — Часозвони, которую обычно называют Евфимиевской часозвоней, приурочивая ее постройку ко времени архиепископа Евфимия II, строителя Владычного двора.

Здание Часозвони действительно прекрасно вписывается в композицию сооружений Владычного двора, построенных при Евфимии или несколько позже, но в том же XV в. Однако в ней есть и такие элементы, которые никак не связываются с нашими представлениями об архитектуре этого времени, например килевидное обрамление арок или восьмигранник на четверике, получившие распространение в более поздней и главным образом в московской архитектуре. Эти противоречия заставили нас внимательно просмотреть все возможные источники с целью проверки датировки Часозвони. И мы неожиданно обнаружили прямое указание на время строительства здания в источнике, опубликованном М. Н. Тихомировым, но не привлекшем к себе внимания историков Новгорода.[2]

Приведем этот текст из хронографа XVII в. полностью: «В 1671 г. в Великом Новеграде в майи месяцы в третьем часу дни паде каменный столп строения Евфимия архиепископа Новгородского, что на Вяжищах опочивает, каменного города сажень пятнадесять нутреиные стены, а на лицы остася цела и часы спали и разломилися и благовестник боевой колокол тако же спаде, а не разбися».[3] Из этого совершенно ясно, что Евфимьевская часозвоня (сторожня) XV в. до наших дней не дошла и что она находилась не там, где стоит нынешняя, возле кремлевских стен, которые при падении сторожни были разрушены с внутренней стороны на протяжении пятнадцати саженей. Это подтверждается и рисунком Мейерберга, изобразившим Новгород в 1661 г., когда Евфимиевская часозвоня еще не была разрушена.[4] На этом рисунке Часозвоня помещена правее (т. е. севернее того места, где она стоит сейчас), между Митрополичьей и Федоровской башнями, примерно там, где при раскопках М. Х. Алешковского были найдены остатки постройки со стенами трехметровой толщины, сложенными в характерной для первой половины XV в. технике из крупных квадров серого ильменского плитняка. По-видимому, это и есть остатки разрушившейся в конце XVII в. Евфимиевской сторожни, тем более что остатки постройки действительно, как и указано в хронографе, составляют единое целое с выходящей в кремль «нутренней» стеной.[5]

Когда же была построена нынешняя Часозвоня? И на этот вопрос хронограф дает однозначный ответ. В 1673 г. «Повелением преосвященного Иоакима митрополита Новгородского в Великом Новеграде поставлены быша часы на владычне дворе возле ворот и притвора церкви святого Сергия, и учиниша столп высок добре и часы боевые устроиша и указное колесо».[6]

После того как было обнаружено это летописное сообщение, точно датирующее постройку, естественно, что внимание архитекторов-реставраторов было обращено на поиски бесспорных натурных подтверждений этого факта. И, действительно, Г. М. Штендер нашел и впоследствии опубликовал факты, которые свидетельствуют о сооружении Часозвони после строительства малой палаты примыкающего к ней дворца.[7] Фронтон палаты отпечатался на западной стене нижней части Часозвони, а это могло произойти только в том случае, если кладка Часозвони производилась, когда палата была уже построена. Строительство палаты относится к 1669 г.

Новая датировка позволила осуществить реставрацию Часозвони, которая в основном свелась к восстановлению завершения, поскольку все остальные части здания сохранились в первоначальном виде и требовали проведения лишь ремонтных работ. Однако решение вопроса, как восстанавливать верхнюю часть, натолкнулось на значительные трудности и вызвало много споров. Дело в том, что перво-

[1] А. В. Воробьев. Реставрация Новгородского кремля. Архитектура СССР, 1958, № 1, с. 49—53; С. Н. Орлов, А. В. Воробьев. Оборонительные укрепления древнего Новгорода. Новгород, 1959; А. В. Воробьев, М. Х. Алешковский. Воеводский двор Кремля. В кн.: Памятники архитектуры Новгорода. Новгород, 1959; А. В. Воробьев. Воеводский двор в Новгороде. Архитектурное наследство, т. 12, 1960, с. 95—106.

[2] М. Н. Тихомиров. Новгородский хронограф XVII века. В кн.: Новгородский исторический сборник, вып. 7. Новгород, 1940.

[3] Там же, с. 107.

[4] Альбом Мейерберга. СПб., 1903, рис. 18.

[5] Однако вопрос, где была Евфимиевская часозвоня, нельзя считать окончательно решенным в связи с тем, что некоторые планы и описи XVII в. и летописные сведения дают возможность предположить, что Евфимиевская часозвоня в XV в. была сооружена где-то недалеко от Федоровской башни, у прясла стены между Федоровской и Владимирской башнями. См. план XVII в. в кн.: Вопросы географии за 1950 г. и Журн. мин. внутр. дел, ч. XII, СПб., 1884. «Состояние Великого Новгорода и Порхова в 699 г.». В Новгородской третьей летописи под 6944 (1436 г.) сказано, что «владыка Еуфимий часы устроил каменные, в саду близ стены градной».

[6] М. Н. Тихомиров. Новгородский хронограф..., с. 110.

[7] Г. М. Штендер. Новгородское зодчество. Работы Новгородской реставрационной мастерской за 20 лет. В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М., 1968, с. 356.

начальное завершение не сохранилось и не было известно, как оно выглядело. Не сохранилась и поздняя кровля со шпилем XIX в., завершавшая здание до войны. Никаких натурных остатков и следов как первоначальной, так и поздних кровель при обследовании верхней части каменной кладки Часозвони не обнаружили.

Письменных источников, указывающих на форму и материал кровли, также найти не удалось. Поэтому единственной основой для решения вопроса о первоначальной форме и материале завершения стали изображения Новгородского кремля на иконах. Но дело осложнилось тем, что на всех иконах Часозвоня изображена с шатровым завершением и только на иконе начала XVIII в. из Михайловской церкви (рис. 1) она показана с кровлей, состоящей из кокошников, барабана и главы.

Выбор варианта реставрации, казалось бы, зависел от того, какое изображение более раннее и близкое ко времени строительства. Однако большинство икон посвящено чуду со знаменской иконой, относимому к 1169 г., поэтому все позднейшие иконы, будучи скопированными с более ранних оригиналов, воспроизводят форму покрытия не Часозвони конца XVII в., а форму покрытия Евфимиевской часозвони.[8]

Кроме того, на этих иконах Часозвоня и другие здания в кремле изображены в схематической иконописной манере. На иконе же из Михайловской церкви реалистично нарисованы несколько конкретных построек, возведенных в кремле в конце XVII в. Это принципиальное отличие Михайловской иконы и дает возможность признать, что покрытие Часозвони с кокошниками, барабаном и главкой, изображенное на ней, является первоначальным[9] (рис. 2).

То, что на некоторых более поздних иконах, также воссоздающих в кремле постройки конца XVII в., на Часозвоне изображен шатер, объясняется действительной заменой со временем шатром кровли с кокошниками из-за ее непрактичности. Возможно, что шатровая кровля на Часозвоне появилась по приказу Петра I, когда Новгород готовился к войне со шведами и Часозвоня должна была выполнять роль одной из высотных наблюдательных точек города. Во всяком случае завершение с кокошниками,

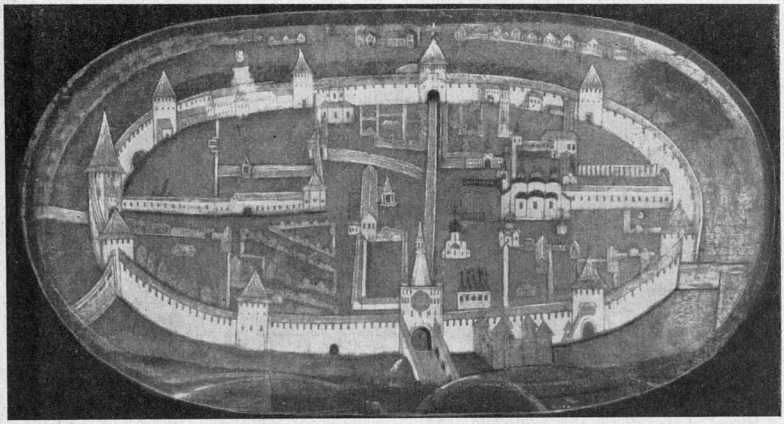


Рис. 1. Изображение Новгородского кремля на иконе из Михайловской церкви. Начало XVIII в.

[8] Икона «Знамение» с клеймами «Битва новгородцев с суздальцами» (начала XVIII в.) из с. Любыни Шимского района Новгородской области. В левом верхнем углу клейма — Софийский собор и Часозвоня (Фонд НИАМЗ, инв. № 14500 и др.).

[9] На иконе Михайловской церкви изображены Воеводский двор 1692—1696 гг. и Пречистенская башня с шатрами, построенными по проекту Семена Ефимова в 1700 г. Это дает право утверждать, что завершение Часозвони кокошниками существовало во всяком случае до этого года. О строительстве Воеводского двора и шатров см.: ЦГАДА, ф. 141. Приказные дела старых лет, 1686 г., д. 65; Городовые книги по Новгороду, 1698 г., кн. 148, д. 137.

барабаном и главкой на Часозвоне просуществовало более 27 лет.

Возникал и другой вопрос: почему на Часозвоне изображена глава с крестом, тогда как

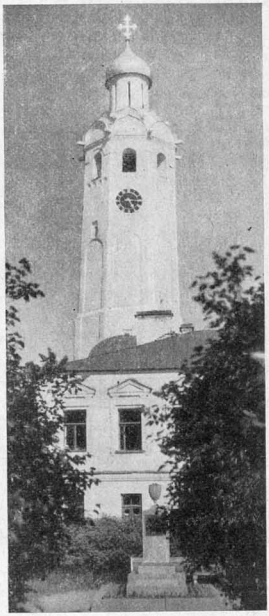


Рис. 2. Часозвоня. Вид после реставрации 1970 г.

такие главы делались обычно только на церквах или на колокольнях при церквах. Ответ на этот вопрос заключен в самом вопросе. Ведь Часозвоня в отличие от Евфимиевской сторожни построена над проездными воротами, примыкает к церкви Сергия Радонежского и является ее колокольней, где роль колоколов выполняют часы со звоном. Именно поэтому она и называется Часозвоней. А наличие главы говорит о ее центральном положении на территории резиденции новгородского владыки церкви и подчеркивает церковную принадлежность всего сооружения.

На Михайловской иконе не все здания кремля представлены точно. Это объясняется условной манерой изображения, принятой иконописцем. Так, Софийский собор изображен в ортогонали и поэтому показаны только три его видимые художнику главы, а не все пять. Точно так же по росписи XVII в. мы знаем, что Покровская церковь в то время была одноглавой, но художник изобразил ее трехглавой, очевидно, потому, что она имела два придела — Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца.[10]

Несколько слов о материале, из которого было выполнено завершение Часозвони. То, что оно было деревянным, а не каменным, доказывалось только окраской его на иконе «деревянной» — коричневой — краской, как шатры и кровли на башне и стенах кремля, история возведения которых стала хорошо известна из строительных росписей XVII в.[11] Однако первоначальное завершение Часозвони могло быть и каменным, как на аналогичных постройках, созданных из камня: колокольня XVI в. Болдинского монастыря, колокольня Троицкого собора в Соликамске, колокольня Воздвиженской церкви Ивановского монастыря в Казани и др. Кроме того, за каменный вариант завершения Часозвони свидетельствует наличие на нем стесанного карниза, что вряд ли имело бы место при деревянном завершении.

Решение о восстановлении завершения Часозвони в камне связано также с нерентабельностью восстановления деревянного верха и с градостроительным значением Часозвони в современном городе.

[10] ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, 1686 г., д. 65, л. 331.

[11] ЦГАДА, ф. 137, Городовые книги по Новгороду, 1667 г., кн. 75; Новгородская расходная книга, сколько взыскано на починку и построение вновь каменного городового строения и башен, л. 1—29.

С. А. Высоцкий

АВТОГРАФ ХУДОЖНИКА ИЗ СОФИЙСКОГО СОБОРА В КИЕВЕ

Вопрос о мастерах, построивших Софийский собор в Киеве и выполнивших его мозаики и фресковые росписи, является одним из важнейших для изучения этого выдающегося памятника древнерусского искусства. Письменные источники уделяют очень мало вни-

мания художественной жизни древней Руси. В летописях есть всего несколько отрывочных известий о мастерах. Среди них запись о мастерах «от грек», построивших Десятинную церковь в Киеве. О приезде зодчих для постройки Успенского собора Печерского монастыря подробно рассказывается в Киево-Печерском патерике. Подобных известий нет о Софии, поэтому о мастерах, строивших и украшавших собор, до сих пор можно было судить только на основании искусствоведческого анализа его архитектурных форм и живописи. Однако эпиграфические находки в некоторых случаях могут существенно дополнить наши знания и помочь разрешению этой сложной проблемы.

Во время реставрации фресковой живописи в соборе в 1962 г. были расчищены остатки масляной краски в апсиде Михайловского придела. Изучая граффити в этой части собора, мы обратили внимание на то, что под лучами так называемого честного креста XI в., расположенного на северной стене апсиды, имеется греческая надпись (рис. 1—3):

κε κε βοήθι τὸν σὸν δοῦλον Γεόργη

κε ἐλέη[σον]

Она переводится так: «Господи, господи, помоги твоему рабу Георгию».[1] Запись состоит из четырех строк, нанесенных с помощью не очень острого предмета по сырой фресковой штукатурке. Справа от нее, под другим лучом креста, тою же рукою сделана приписка: «Господи, помилуй». Обе надписи сделаны всего на 40 см выше уровня древнего пола XI в. Почерк крупный, высота букв колеблется от 3 до 8 см. При ближайшем рассмотрении надписи и тщательном ее изучении выяснились интересные подробности. Фресковая краска темно-синего цвета, которой когда-то был покрыт фон вокруг креста, хорошо сохранилась в рельефе букв надписи. Фон фрески в настоящее время почти что совершенно утрачен, за исключением небольших темно-синих фрагментов пигмента, аналогичных сохранившимся в рельефе надписи.[2] Благодаря этой особенности и тому, что запись сделана по сырой штукатурке, а также ее местоположению трудно сомневаться в принадлежности ее мастеру-фрескисту, расписывавшему Михайловский придел при строительстве Софийского собора. Картину возникновения надписи можно представить себе примерно так. Во время выполнения фресковых росписей в апсиде придела, когда на северную стену уже была нанесена штукатурка, мастер-фрескист сделал по ней, как обычно, разметку

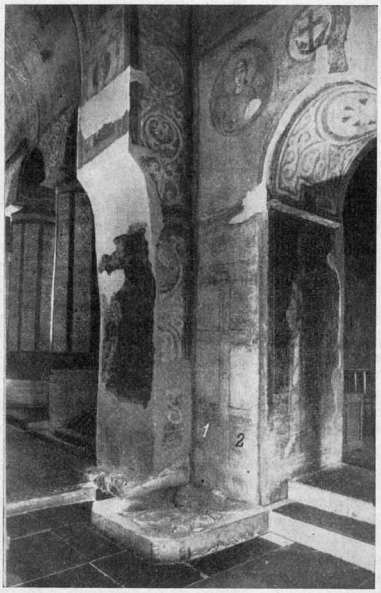


Рис. 1. Апсида Михайловского придела.
1 — надпись художника Георгия; *2* — надпись «Господи, помилуй».

будущих изображений. Остатки подобных разметок (графьи) известны на многих других фресках собора. В северо-восточном углу апсиды мастер начертил «честной крест», под лучами которого обратной стороной кисти или каким-то инструментом написал каноническую надпись со своим именем — Георгий. Рядом с нею он написал начало примерно такой же формулы, предназначавшейся, вероятно, для подписей его помощников. После окончания росписи апсиды, что, учитывая особенности фресковой техники, должно было произойти

[1] Пользуюсь случаем выразить благодарность А. А. Белецкому за помощь, оказанную мне во время работы над рассматриваемой надписью.

[2] Наличие фресковой краски в рельефе надписи, аналогичной фрагментам сохранившегося фона изображения, было установлено художником-реставратором реставрационных мастерских Госстроя УССР А. Ф. Ерко.

в тот же день, обе надписи оказались закрашенными фресковым фоном изображения, краски которого заполнили их рельеф. Многие века они находились под фресковой росписью, а позже во время «поновлений» собора были закрашены еще несколькими слоями масляных красок в XVIII—XIX вв.

Автора рассматриваемой надписи — художника-фресчиста Георгия, вероятно, очень мало беспокоило, что его надпись оказалась закрытой слоем красок, поскольку она предназначалась не для всеобщего обозрения или удостоверения личности автора росписей, а фиксировала его взаимоотношения с богом. В этом смысле аналогиями к надписи могут служить граффити на плинфах древнерусских зданий, например Десятинной церкви, где также фигурирует формула «Господи, помози рабу своему».[3] Эта каноническая формула получила распространение в Византии с VII в. Впервые она встречается на монетах императоров Ираклия и Феофила.[4] Широкое распространение на Руси она приобрела в XI—XIV вв. как в памятниках книжного письма, так и на предметах прикладного искусства, граффити, печатях и т. д. Вполне вероятно, по мнению некоторых исследователей, что эта формула вместе с именем автора имела в древности значение подписи. Переписчики книг, окончив свой труд, часто делали подобные приписки. Например, в Минее 1096 г. читаем: «Господи, помози рабу своему Георгию, аминь»; в Савиной книге (XI в.): «Помози, господи, рабу своему Савью».[5] Еще более наглядно о том же свидетельствуют подписи мастеров на донышках кратеров XII в. из Софии Новгородской: «Господи, помози рабу своему Фролови, Братило делал» и «Господи, помози рабу своему Константину, Коста делал».[6]

Надпись на стене Софийского собора в Киеве сделана на греческом языке, может быть родном языке автора. Но в имени Георгия употреблено о (омикрон), а не ω (омега), как это мы видим в написании имени Георгия на монетах Ярослава Мудрого. На печатях, правда несколько более позднего времени (XII в.), имя Георгия пишется через о, но в более ранних встречается и ω.[7]

Надпись, обнаруженная в Софийском соборе Киева, является первой, из которой становится известно имя одного из мастеров-исполнителей внутреннего убранства собора. Она имеет важное значение для истории древнерусского искусства, так как подтверждает выводы относительно происхождения части художников, расписывавших Софийский собор.

Интересная находка, имеющая, как кажется, прямое отношение к рассматриваемой надписи, была сделана в Софии Новгородской. В конце XIX в. во время ремонтно-реставрационных работ под руководством В. В. Суслова в северо-западном куполе собора на северо-восточном парусе была обнаружена надпись, выполненная во фресковой технике и сохранившаяся до нашего времени в прориси среди архивных материалов.[8] Надпись читается: «Георгий писал». Рядом был нарисован художественно выполненный процветший крест и фрагмент нечитающейся надписи, которая напоминает тексты при мозаичных и фресковых изображениях.

Местоположение надписи (в куполе) и фресковая техника исполнения позволяют видеть в ее авторе художника-фресчиста.[9] Возникает вопрос, не является ли Георгий из Софии Киевской и Софии Новгородской одним и тем же лицом? В пользу этого говорит не только совпадение имен и профессий авторов, но и написание имени Георгия в обоих случаях через о, а не ω. Надпись Георгия из Софии Новгородской, хотя и написана по-древнерусски, но ее графика имеет явно греческий облик. В ней употреблено заглавное Г и I десятеричное, которое в XI в. писалось главным образом в монограмме Христа ($\overline{\text{IC}}$ $\overline{\text{XC}}$). Если мастер Георгий действительно в обоих случаях был одним и тем же лицом, то он мог принимать участие сначала в росписях Софии Киевской, а затем в росписях той части Софии Новгородской, которые были выполнены в XI в.

Греческая надпись художника-фресчиста ни в коей мере не противоречит выводам, что в сооружении и росписях Софийского собора в Киеве принимали участие местные киевские мастера и художники. За время от строительства Десятинной церкви до сооружения Софии Киевской, надо полагать, уже появились опытные местные мастера, без помощи которых трудно представить возведение и украшение

---

[3] М. К. Каргер. Древний Киев. Т. I. М.—Л., 1958, табл. 84.

[4] Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I. Тр. Музея палеографии, Л., 1928, с. 104.

[5] Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, с. 238.

[6] В обоих случаях ремесленники указали свои христианские (Флор, Константин) и «мирские» имена (Братило, Коста). Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв. САИ, М., 1964, с. 23—25.

[7] В. Л. Янин. Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т. I. М., 1970, с. 170, 174.

[8] А. А. Медынцева. Новгородские надписи — граффити XI—XIV вв. Автореф. канд. дисс. М., 1971, с. 13, 14.

[9] Там же, с. 14.

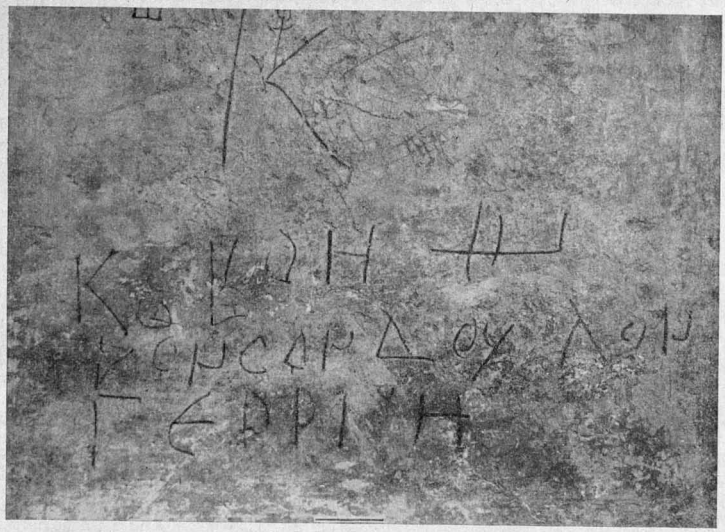


Рис. 2. Надпись художника Георгия. Фотография.

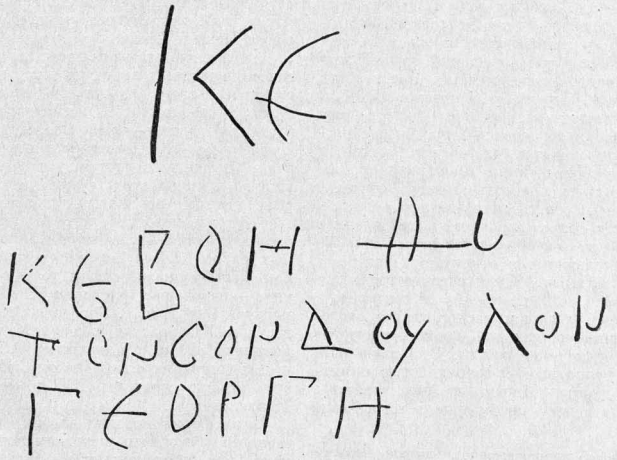


Рис. 3. Надпись художника Георгия. Прорись.

подобного грандиозного здания. И действительно, о местных мастерах и художниках, правда, несколько более позднего времени, есть прямые указания в письменных источниках. Достаточно вспомнить монаха Киево-Печерского монастыря художника-мозаичиста Алимпия, помогавшего украшать алтарь Успенского собора того же монастыря.

Обнаруженная в Софийском соборе в Киеве надпись художника Георгия имеет важное значение как первое письменное свидетельство об исполнителях внутреннего убранства здания. К сожалению, тщательное обследование других помещений собора не дало положительных результатов. Это во многом объясняется очень плохой сохранностью или вообще утратой фресковой штукатурки в тех местах, где можно было ожидать подобные автографы.

Б. В. Гнедовский

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПЕРЕКРЫТИЯ «НЕБОМ» В ДРЕВНЕРУССКОМ ДЕРЕВЯННОМ ЗОДЧЕСТВЕ

Настоящая статья является попыткой обобщения предварительных, далеко не полных данных о происхождении и развитии одной из форм перекрытий интерьеров древнерусских деревянных культовых памятников. Актуальность проблемы определяется отсутствием в настоящее время единой методики классификации русских деревянных храмов; классификация основывается, как правило, на материалах их внешнего облика, и лишь в отдельных случаях учитываются композиционные решения внутренних пространств. Недооценка художественных особенностей интерьеров обычно приводит к потере органически целостного восприятия облика культового сооружения.

Среди многообразных форм перекрытий молельных залов деревянных церквей наиболее эффектен и сложен потолок «небом». Это высшая точка поисков предельной торжественности и парадности внутренних пространств древнерусского деревянного храма. «Небо», видимо, идентичное «вислым подволокам» древних описей,[1] образовано веерообразно расположенными балками, слегка приподнятыми в центре и образующими вместе с широким кольцом сложную пространственную систему. Расписанные цветистым «травным» орнаментом плоскости балок, входящие во внутреннее пространство храма, обрамляют иконы с изображением Вседержителя в центре и фигурами ангелов в секторах. Чаще всего встречается деление «неба» на 8, реже — на 16 секторов.

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения о наличии сооружений с такой системой перекрытия далеко не полны. В первую очередь это вызвано плохой сохранностью памятников из дерева. Многие из них известны только по старым описям или фотографиям, которые обычно не содержат характеристики состояния интерьеров. Но даже примерный перечень таких объектов, приведенный в приложении, помогает понять истинный масштаб распространения этого интересного и пока еще во многом загадочного художественного приема и позволяет уже сейчас сделать некоторые обобщения.

Большинство сооружений с перекрытием «небом» находятся на территории Ленинградской и Архангельской областей, Карельской АССР и тяготеющих к ним районов Костромской и Вологодской областей. Их расположение на карте примерно совпадает с путем проникновения новгородских ушкуйников в земли Заволочья и к берегам Белого моря, по Ладожскому и Онежскому озерам на Каргополь, по рекам Онеге и Двине.

Значительно труднее определить хронологические рамки, в пределах которых произошло развитие этого художественного приема. Можно сравнительно легко проследить их верхнюю границу — примерно середина XIX в., когда «небо» прослеживается лишь при возведении небольших клетских часовен, сохранившихся лучше всего в селах Заонежья. Но гораздо сложнее отыскать истоки возникновения этой формы потолков из-за отсутствия сведений о древних деревянных храмах, построенных ранее XVI в. За этой невидимой чертой нам достоверно известны только два памятника — небольшая клетская Ризоположенская церковь 1481 г. из с. Бородава Вологодской области и Лазаревская часовня Муромского монастыря 1391 г. в Карельской АССР, никогда не имевшие покрытия «небом». Но значит ли это, что до середины XVI в. оно не существовало?

Сама форма потолка «небом» в виде уплощенного усеченного шатра выдает свое первоначальное происхождение. Нельзя объяснить случайностью, что из 28 объектов приведен-

[1] Впервые это предположение высказано в статье С. Я. Забелло «Каргопольская экспедиция» (Архитектурное наследство, т. 5, 1955, с. 18).

ного ниже списка 22 приходятся на шатровые и многоглавые храмы с восьмигранным завершением сруба. Именно здесь «небо» располагается совершенно естественно и органично. Возможно, что эта система перекрытия является трансформированным отголоском первоначальной убранства так называемых «открытых внутрь» шатров — единственным ныне материальным свидетельством их былого существования. Попытки отыскать их следы на некоторых сохранившихся памятниках пока не представляются убедительными,[2] и вероятно, и впредь не принесут желаемых результатов. Ибо, если представить себе интерьер «открытого внутрь» шатра, то станет ясно, что все 8 балок перекрытия «небом», плотно прилегающих к внутренним углам шатра, не оставят на его поверхности сколько-нибудь заметных следов.

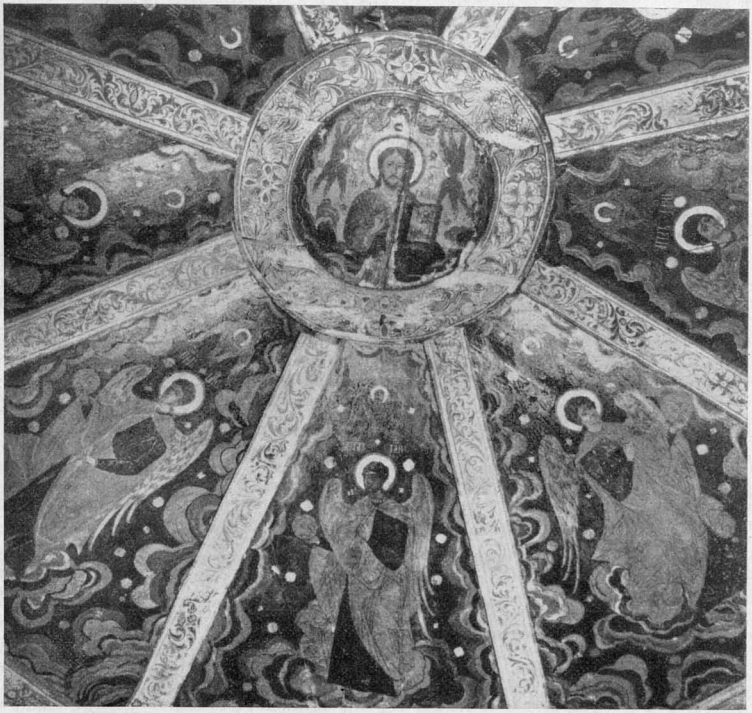


Рис. 1. Потолок «небом» в часовне Умиления Богородицы с. Корба Карельской АССР.

Однако необходимо отметить, что предположение об отсутствии видимых следов существования «неба» может иметь место лишь в наиболее ранних, целиком рубленых памятниках с приземистыми, короткими шатрами, характерным примером которых могла служить разобранная в 1947 г. Рождественская церковь с. Малая Немнюга Архангельской области. Более высокие, чаще всего стойчатые шатры, венчающие большинство дошедших до

[2] С. Л. Агафонов. К вопросу об открытых внутрь шатрах в русском деревянном зодчестве. Архитектурное наследство, т. 2, 1952.

нас памятников, разумеется, не могли быть «открытыми внутрь».

Устойчивость формы внутреннего вспарушенного перекрытия «небом» объясняется в первую очередь его высокими художественными достоинствами. Оно входит в общую систему так называемых «оптических поправок», широко применявшуюся древними плотниками-зодчими. Стремясь избежать линейной жесткости очертаний, они придавали легкую кривизну силуэтам шатров и кровель, внутренним поверхностям оконных и дверных проемов. Они изобретали простейшие приемы устройства вспарушенных потолков с повышенной центральной частью, которые незаметно для глаз скрадывают сравнительно небольшую высоту помещений не только культовых сооружений, но и простых крестьянских изб.

По сравнению с этими простейшими образцами зрительно облегченных потолков, решающих проблему интерьера преимущественно клетских храмов, система перекрытия «небом» представляет собой вариант более эффективного решения задачи применительно к особенностям шатрового зодчества. В ходе постепенного развития системы вспарушенных перекрытий отчетливо прослеживается тенденция преодоления «избяного» характера оформления молельных залов. Зодчие стремятся всемерно обогатить внутреннее пространство храмов, придать им возможно большую торжественность и парадность. И если в наиболее архаичных памятниках чисто остроганная золотистая поверхность потолков и стен лишь подчеркивала яркое пятно иконостаса, то «небо» становится в интерьере храма вторым по значению композиционным центром. Тем самым внутренние пространства русских деревянных церквей приобретают неожиданное сходство с украшенными мозаиками и фресками каменными купольными храмами далекой Византии и романского средневековья.

Поместим рядом два ортогональных изображения — потолок «небом» русской деревянной часовни начала XIX в. из с. Корба Карельской АССР и южный купол поздневизантийского храма конца XIII—начала XIV в., известного как мечеть Кахриэ Джами[3] (рис. 1, 2).

В обоих случаях в центре перекрытия — круглый медальон. В русском варианте центром композиции служит образ Вседержителя, в византийском — Богоматери. От них лучами расходятся узорчатые светлые ленты — обрамления икон с изображениями летящих ангелов. Тождество неожиданное, но очевидное!

Сопоставление этих территориально и хронологически разобщенных памятников позволяет говорить о значительном композиционном родстве в оформлении элементов их интерьеров. Перекрытие «небом» древнерусских деревянных храмов, таким образом, оказывается явлением необычайно противоречивым и сложным. Казалось бы, здесь прослеживается прямая преемственность от простейших вспарушенных потолков клетских построек, видоизмененных применительно к восьмигранным срубам шатровых сооружений. Вместе с тем несомненна связь с конкретными византийскими прототипами. Лучи балок русского «неба» не просто отвечают граням шатра, а скорее имитируют обработку гуртов каменных сводов. По-иному воспринимается в связи с этим и сама форма «неба», в которой можно видеть смелую попытку трансформации гуртового купола применительно к возможностям деревянного зодчества и, в частности, шатровых храмов.

Полностью объяснить двойственный характер природы формообразования перекрытия «небом» нелегко. Однако некоторые, казалось бы неясные, вопросы получают логическое истолкование при предположении о новгородском происхождении «неба». Хотя в списке известных памятников с перекрытием «небом» отсутствуют новгородские образцы, — что можно отнести лишь за счет плохой сохранности и неполноты наших сведений о новгородской деревянной архитектуре, — гипотеза о новгородском происхождении этой формы основана не только на расположении известных нам памятников вдоль торговых путей Новгорода Великого.

В конце XIII—начале XIV в. византийская культура переживает период так называемого проторенессанса, развивающегося под влиянием раннего итальянского Возрождения и готического искусства Западной Европы. Мечеть Кахриэ Джами — ярчайший пример искусства Византии этого периода.[4] Некоторые ее фрески поразительно схожи с росписями гениального представителя монументальной живописи Новгорода Великого — Феофана Грека. И вполне закономерно предположение, что мотивы византийского искусства оказались привитыми к могучему дереву искусства древнерусского именно на новгородской почве. В XIV в. Нов-

[3] Монастырь Хора, позднее мечеть Кахриэ Джами, наиболее полно опубликован в кн.: Paul Underwood. The Kariy Djami. 1960, с. 408—411. — Южный купол, покрытый росписями, имитирующими гурты, — лишь наиболее яркая иллюстрация указанного сходства форм. В той же постройке имеется еще 5 куполов с выступающими гуртами и мозаичным декором, близким росписи южного купола.

[4] Б. Михайловский, Б. Пуришев. Очерки истории древнерусской монументальной живописи. Л., 1941, с. 32.

город с его кипением общественной жизни и широкими международными связями как раз и мог стать местом рождения нового художественного приема, безмерно обогатившего внутренние пространства деревянных церквей Се-

начало XV в. Оно пришло на смену каким-то более простым формам перекрытия молельных залов шатровых церквей.

Рассматривая процесс формирования перекрытия «небом» в древнерусском зодчестве как

Рис. 2. Роспись южного купола мечети Кахриэ Джами (монастырь Хора).

веро-Запада Руси. Под этим углом зрения южный купол Кахриэ Джами приобретает значение пока что единственного датирующего фактора, позволяющего предположить, что временем появления первых образцов перекрытия «небом» были вторая половина XIV — результат одного из наиболее ярких проявлений творческой связи Руси с крупнейшими центрами мировой художественной культуры, мы можем констатировать и необычайную устойчивость его традиций, благодаря которой эта форма дожила почти до наших дней.

СПИСОК ИЗВЕСТНЫХ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОГО ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА С ПЕРЕКРЫТИЕМ «НЕБОМ»

1. Шатровая Никольская церковь (1642 г.) с. Пурнема Архангельской области.
2. Шатровая Воскресенская церковь (1642 г.) с. Уфтюга Архангельской области.
3. Шатровая Владимирская церковь (1642 г.) с. Белая Слуда Архангельской области.
4. Шатровая Никольская церковь (середина XVII в.) с. Астафьевского Архангельской области.
5. Шатровая Вознесенская церковь (1651 г.) с. Пияла Архангельской области.
6. Шатровая Богородицкая церковь (1659 г.) с. Гимрек Ленинградской области.
7. Шатровая Иоанно-Златоустовская церковь (1671 г.) с. Саунино Архангельской области.
8. Шатровая Успенская церковь (1671 г.) с. Варзуга Мурманской области.
9. Шатровая Воскресенская церковь (1673 г.) с. Сельцо Архангельской области.
10. Шатровая Варваринская церковь (конец XVII в.) с. Яндомозеро Карельской АССР.
11. Шатровая Никольская церковь (XVII в.) на р. Свидь Карельской АССР.
12. Шатровая Никольская церковь (конец XVIII в.) с. Вьегорукса Карельской АССР.
13. Шатровая Петропавловская церковь (конец XVII в.) с. Лычный Остров Карельской АССР.
14. Шатровая Успенская церковь (1771 г.) г. Кондопога Карельской АССР.
15. Шатровая Вознесенская церковь (1781 г.) с. Типиницы Карельской АССР.
16. Шатровая Благовещенская церковь (1795 г.) с. Турчасово Архангельской области.
17. Многоглавая Богородицкая церковь (1552 г.) с. Холм Костромской области.
18. Многоглавая Вознесенская церковь (1762 г.) с. Бережная Дубрава Архангельской области.
19. Многоглавая Никольская церковь (1698 г.) с. Неласское-Борисоглебское Вологодской области.
20. Многоглавая Никольская церковь (конец XVII в.) с. Березовец Вологодской области.
21. Многоглавая Покровская церковь (1708 г.) г. Вытегра Вологодской области.
22. Многоглавая Спасо-Преображенская церковь в Кижах (1714 г.) Карельской АССР.
23. Клетская Петропавловская часовня (конец XVII—начало XVIII в.) с. Волкостров Карельской АССР.
24. Клетская Георгиевская часовня (конец XVIII—начало XIX в.) с. Усть-Ядома Карельской АССР.
25. Клетская Петропавловская часовня (начало XIX в.) с. Васильевское на Кижском острове Карельской АССР.
26. Клетская Умиления Богородицы часовня (начало XIX в.) с. Корба Карельской АССР.
27. Клетская Спасская часовня (XIX в.) с. Овчин Конец Архангельской области.
28. Клетская часовня (XVIII—XIX вв.) с. Вигова Карельской АССР.

Э. Д. Доброволъская

У ИСТОКОВ КАМЕННОГО ПОСАДСКОГО ЗОДЧЕСТВА ЯРОСЛАВЛЯ

(Церковь Рождества Христова на Волге)

Вплоть до начала XVII в. Успенский собор в кремле и сооружения Спасского монастыря оставались отдельными каменными островками в море деревянной застройки многолюдного торгового Ярославля, широко раскинувшегося по берегам Волги и Которосли. В течение нескольких веков этот город, как и многие другие северные центры Руси, не имел собственной практики каменного строительства.

В 1620—1622 гг. на ярославском посаде была выстроена первая каменная церковь Николы Надеина. Она подобно зданию Спасского монастыря тех лет создавалась под руководством опытных приезжих мастеров, перенесших на ярославскую почву лучшие достижения русского каменного зодчества предшествующего столетия.[1] Признавая за церковью Николы Надеина огромную роль в определении пути, по которому пошло в дальнейшем развитие ярославской архитектуры XVII в., ее все же нельзя считать полностью памятником местного творчества. Между временем ее строительства и началом широкого разворота каменных работ на ярославском посаде прошло не менее четверти века. И хотя история ярославского зодчества этого периода с трудом восстанавливается по отрывочным сведениям,[2] ясно, что памятником, наиболее ярко и полно

[1] Э. Д. Доброволъская. Церковь Николы Надеина (опыт реконструкции). В кн.: Культура и искусство древней Руси. Л., 1967, с. 153—163.

[2] Известно, что большинство местных каменщиков в 20—40-е годы XVII в. было занято на работах в Спасском монастыре, что в 1635 г. была выстроена каменная церковь Леонтьевского прихода, вслед за ней — церковь Никиты Мученика, открывшие собой серию скромных бесстолпных каменных храмов с протяженными трапезными, в 1649 г. начались каменные работы в Казанском монастыре (В. И. Лествицын. Краткий путеводитель по церквам города Ярославля. Ярославль, 1877). Но все эти постройки не определяли основного направления развития местного зодчества.

отразившим широту и размах художественных поисков и творческих устремлений ярославских посадских людей в 30—40-х годах XVII в., явилась церковь Рождества Христова на Волге (рис. 1). Именно она должна быть признана первым памятником собственно ярославского зодчества XVII в.

История создания церкви Рождества запечатлена на ее фасадах в надписи (рис. 2), цветной лентой опоясывающей четверик основного храма: «Лета 7152 (1644) ... поставлена

Рис. 1. Церковь Рождества Христова в Ярославле. Вид с северо-запада после проведения фрагментарной реставрации. Фот. А. Н. Кувыркина.

сия церковь во имя Рождества... а воздвигли сию церковь Анкиндин, а по прозванию Дружина да Гурей Назарьевы дети... а совершили церковь сию после отца своего Гурия Назарьевы дети его Михайло да Андрей да Иван ... а совершена сия церковь и освящена осьмыя тысячи 152 году месяца августа в 28 день».[3]

Имя Назарьевых было хорошо известно в Ярославле. В 1608 г., когда над городом нависла угроза разорения его отрядами приверженцев тушинского лагеря, посадский человек Анкиндин Назарьев «стоял против них крепко и непоколебимо в твердости ума своего безо всякого сомнения и ни к каким воровским советам не приставал и Московскому государству во всем помогал и малодушных людей от всякого дурна отговаривал».[4] И хотя в период народных ополчений 1612—1613 гг. Назарьевы не сумели выдвинуться так, как, скажем, Светошников или Никитников, ставившие в грамотах свои подписи рядом с самим Козьмой Мининым и «людьми Строгановых», все же и они вскоре получили царскую жалованную грамоту «против гостей».

Церковь Рождества, заказанная Назарьевыми взамен старого деревянного приходского храма, стоявшего рядом с их ярославской усадьбой недалеко от церкви Николы Надеина, была задумана ими значительно скромнее ныне существующего памятника. Четко читается ее первоначальная композиция, очень близкая построению церкви Николы Надеина: это тот же четырехстолпный пятиглавый храм на подклете, с юга и запада окруженный открытой двухъярусной аркой галереи, а с севера — закрытой папертью с приделом. В первоначальный период строительства эта близость проявлялась более четко. Можно предполагать, что и здесь, как в церкви Николы, храм начали строить только с одним приделом: на восточ-

[3] Текст надписи дан в современной транскрипции. В 1959—1961 гг. автором был разработан эскизный проект реставрации, опубликованный в кн.: Э. Д. Добровольская, Б. В. Гнедовский. Ярославль. М., 1971, с. 54. — Тогда же была проведена фрагментарная реставрация памятника.

[4] С. В. Бахрушин. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII в. Научные труды, т. II, М., 1954, с. 250.

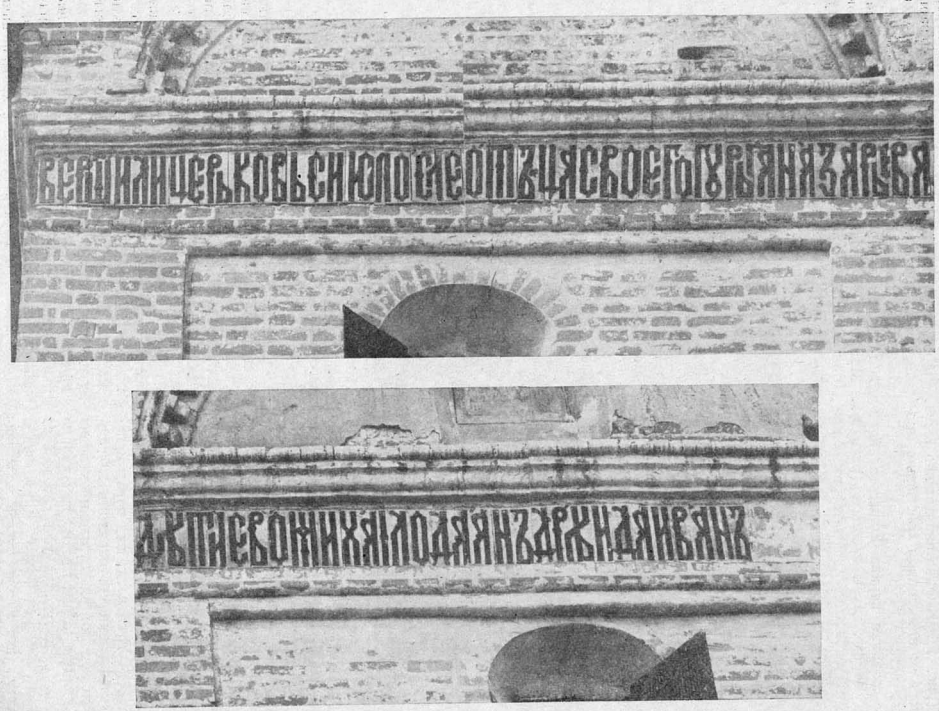


Рис. 2. Фрагмент храмозданной надписи на фасадах церкви Рождества Христова. Южный фасад. Фот. А. Н. Кувыркина.

ной стороне ясно видно, как выведенные от фундаментов четыре полукружия апсид только на уровне второго яруса расчленены на пять, т. е. с расчетом на два боковых придела. Следов подобных «неувязок» и изменений в ходе строительства много и в западной, особенно в северо-западной, части здания, где, возможно, вначале, также по примеру церкви Николы, хотели поставить колокольню.

Переход заказа на строительство памятника после смерти братьев Назарьевых в руки сыновей Гурия привел к существенному изменению всей его архитектуры. Прежде всего были значительно увеличены размеры сооружения. На юго-западном углу «вырос» Казанский придел, западная галерея была удвоена, колокольня (рис. 3) отнесена в отдельное здание, соединенное с храмом двухъярусным переходом. Церковный ансамбль, утратив четкость композиции, стал очень сложным. Однако именно в этот период церковь Рождества обогатилась прекрасными фрагментами архитектурного декора: великолепными мощными опорами аркад основной галереи в виде многогранных сложнопрофилированных столбов и скругленных «бочек», изящными опорами миниатюрной, словно игрушечной аркады галереи Казанского придела, насыщенными кирпичной «резьбой» деталями завершения основного храма и его приделов. Весь этот разнообразный, очень пластичный, иногда даже пышный кирпичный декор сближает церковь Рождества с последующими памятниками Ярославля. В процессе возведения церкви Рождества молодое ярославское зодчество прошло путь от обычного в тех условиях строительства «по образцу» — в данном случае по образцу церкви Николы Надеина с ее четким построением объемов и немногословным скупым декором — к свободной живописной «лепке» образа и настойчивому поиску новых декоративных форм.[5]

Живописный облик памятника был подчеркнут сравнительно широким применением цветной керамики. Как и многие русские храмы этого времени, церковь Рождества украшена «муравленными» — зелеными — изразцами. Характерные для той поры изразцы «малой руки» (16 × 16 см) включены в декор фасадов. Изразец с изображением льва выполнен наиболее артистично и близок по характеру рисунка деревянной резьбе, а рельеф семилепестковой розетки более мягок и сглажен и напоминает формой современную ему

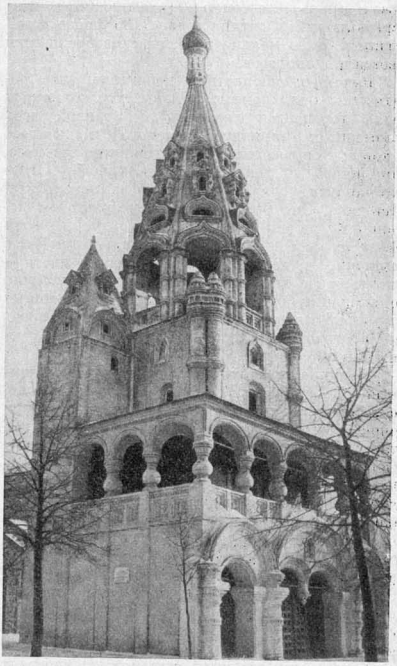


Рис. 3. Надвратный комплекс с церковью Гурия, Самона и Авива, колокольней и башней для часов при церкви Рождества Христова. После проведения реставрационных работ. Фот. А. Н. Кувыркина.

белокаменную резьбу вставок других ярославских памятников середины XVII в.[6] В интерьере северного придела, завершенного, если верить преданиям, раньше основного храма,

[5] В краеведческой литературе недавно высказана мысль, что «созданная после церкви Николы Надеина церковь Рождества Христова мало чем отличается от нее по своему декоративному убранству фасадов» (Ярославль. Путеводитель. Ярославль, 1971, с. 154—155). Это верно только в отношении первоначальных фрагментов архитектуры церкви Рождества времени Назарьевых (прямоугольные филенки на столбах подклета). В окончательном виде памятник имеет декоративное оформление, принципиально отличное от своего предшественника.

[6] Полностью идентичные образцы не обнаружены, но по размеру, ящичной форме румпы, приему установки в плоскости стены, рамке, наконец, самому рисунку розетки эти изразцы близки имеющимся на других памятниках 20—40-х годов XVII в., например церкви Покрова в Медведкове, Богородицкой церкви во Владимире и др.

стояла огромная печь, облицованная великолепными темно-зелеными рельефными изразцами. Из набора сюжетных изразцов «большой руки» (21×21 см), воспроизводящих распространенные символические образы, сохранились три. По верху на них имеются рельефные надписи: «царь Александр М[акедонский]», «лев зверь лютый»,[7] «птица гриф».[8] Во фризе помещались более мелкие изразцы с изображением львов и единорогов.

Рядом с одноцветной керамикой уже рождалась полихромная. Главы храма покрывала городчатая черепица с поливой всех возможных вариантов зеленого и желтого цветов: бирюзового и травянисто-зеленого, лимонного и теплого светло-охристого, глухого почти коричневого и многих переходных оттенков. Они были, конечно, результатом неравных условий обжига в огневой печи, но сам факт их свободного использования, а тем более введение в палитру поливы второго цвета — желтого (в отличие от более распространенного применения одноцветной зеленой черепицы) свидетельствует, что многоцветность отнюдь не противоречила эстетическим идеалам строителей памятника.

Покупка декоративных изразцов и черепицы в начале 40-х годов XVII в., когда их производство уже было налажено не только в Гончарной слободе в Москве, но и других центрах Руси, в частности во Владимире, Пскове,[9] не представляла для Гурьевых больших трудностей. Гораздо сложнее было получить комплект изразцов с храмозданной надписью, требовавший индивидуального заказа с заранее определенным размером общей длины, разбивкой текста на отдельные изразцы и т. п. Неровная бледно-зеленая, а местами зеленовато-серая полива букв, мало выделявшаяся на белом фоне,[10] свидетельствует об отсутствии у изготовителей надписи соответствующего опыта. Действительно, выполнение храмозданной надписи в изразцах для первой половины XVII в. представляется уникальным, хотя, по-видимому, подобные примеры уже к тому времени имелись.[11]

Удивительным кажется сам текст надписи. Повторяя сравнительно распространенный прием установки храмозданной надписи на фасадах памятника, известный тогда не только по таким выдающимся сооружениям, как столп Ивана Великого в Московском Кремле, но, очевидно, и по деревянным церквам, где их изготовление в виде росписи или резьбы по дереву было не трудоемким, Гурьевы значительно нарушили их традиционный текст. Кроме обычного в таких случаях упоминания даты и имен светских и духовных правителей, они не побоялись вписать в убранство фасадов церковного сооружения и свои «мирские» имена. Поражает в условиях XVII в. этот «дерзновенный» поступок посадских людей Гурьевых, хотя и преуспевших в торговых и финансовых делах, но все же оставшихся на одной из низших ступений сословной лестницы русского общества того времени.

В период завершения строительства церкви Рождества ярославские посадские люди Гурьевы находились на вершине своих успехов.[12] Выполняя финансовые поручения московского правительства, братья Гурьевы бывали не только в центральных городах России, но и «у таможенных сборов» в Архангельске, «у икряных промыслов и хлебной закупки» в Астрахани, в Сибири. Бывали они «со своими товары» и «в индийских землях богатых, и в Бухаре», составляя для посольского приказа в Москве карты своих путешествий. Трудно сказать, когда и где впервые зародилось у них желание украсить Рождественскую церковь в Ярославле цветной керамикой не отдельными вставками, а целыми зелеными лентами, опоясавшими «шеи» центрального пятиглавия, полукружия алтарей, стены основного четверика наподобие поясов арабских орнаментов и текстов на фасадах медресе и мечетей. Успешное развитие изразцового дела на Руси позволило осуществить им такой замысел.

Архитектура ансамбля церкви Рождества слагалась под несомненным влиянием широкого кругозора не только ее заказчиков, но и непосредственных исполнителей. Уже с начала 40-х годов XVII в. ярославские каменщики выходили на путь постоянного общения с главными центрами русского строительного искусства. Известно, например, что в 1643—1644 гг.

[7] Этот изразец — угловой, с повторением половины рисунка на боковой грани, опровергает мнение, что угловые изразцы появились в России только во второй половине XVII в. (А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы. М., 1938, с. 38).

[8] Интересно использование того же мотива борьбы грифона со змием в качестве символа защиты родины от врага на знамени стрелецкого полка в собрании знамен Гос. Эрмитажа. Любезно сообщено К. К. Мамаевым в 1960 г.

[9] А. И. Иванов. Забытое производство. Очерк изразцовой промышленности Владимирского края. Владимир, 1930; С. А. Цвылев. Зелейные палаты в кремле. Рукопись в архиве Псковской реставрационной мастерской.

[10] ГИМ ОПИ, ф. 79 [И. А. Тихомирова], д. 7, л. 120. — Изразцы для лучшей видимости букв впоследствии прописывали масляными красками.

[11] П. П. Покрышкин. Церкви псковского типа XV—XVI столетий по восточному побережью Чудского озера и на реке Нарове. ИАК, вып. 22, 1907, с. 16.

[12] С. В. Бахрушин. Промышленные предприятия. . ., с. 250—254.

ярославский подрядчик каменных дел Тарас Тимофеев работал со своими людьми на Патриаршем дворе в Москве под наблюдением Антипа Константинова.[13] Да и поездки на Восток совершали не только Гурьевы, но и выполнявшие их заказы мастера. Первый раз это было в 1640 г., когда на средства Гурьевых «за морем» на Яике строили «деревянный город», охранявший их рыбные промыслы. Вторично они возили мастеров-зодчих на Яик «из верховых городов» (с верховьев Волги, очевидно, в первую очередь из родного Ярославля) «наймуя их великою дорогою ценою, втрое, вчетверо», в 1661—1662 г. В это время там строилась взамен деревянной, разоренной казаками, мощная каменная крепость.

В этих неоднократных поездках «за море» Гурьевы и волжские мастера не могли не обратить внимания на непривычные их глазу облицованные цветной керамикой стены древних зданий бывшей столицы ногайского хана Золотой Орды, стоявшие тогде еще «во весь рост» неподалеку от новой крепости на Яике.[14] И хотя Восток не оказал непосредственного влияния на творчество ярославских мастеров, какие-то отзвуки его причудливой архитектуры, очевидно, подсказали им пути поисков более живописного образа храма. О знакомстве кого-то из них с восточной архитектурой говорит на первый взгляд малозначительная, но достаточно выразительная деталь в декоре надвратной церкви — колокольни. Это завершение парных полуколонок на западных углах четверика, расположенного в третьем ярусе сооружения, в виде своеобразных «шапок», напоминающих венчания минаретов. Они могли появиться только из-под рук мастера-каменщика, собственными глазами видевшего подобные формы.

Не только строительство самой церкви Рождества, на фасадах которой запечатлены имена трех братьев Гурьевых, но и сложение всего ансамбля связано непосредственно с их заказом. При освящении основного памятника в 1644 г. его юго-восточный придел был посвящен памяти их дяди — старшего из братьев Назарьевых — Анкиндину. Трудно предположить, чтобы при этом заказчики не отметили бы и память своего отца. Поэтому возникновение при церкви Рождества придела, посвященного «покровителям семейного очага» Гурию, Самону и Авиву, среди которых значится и патрон Гурия Назарьева, надо отнести к тому же времени, хотя неизвестно, где первоначально располагался этот придел. Строительство существующего надвратного комплекса при церкви Рождества, включившего в себя придел — церковь Гурия, Самона и Авива, колокольню и башню для часов, было предпринято уже после огромного городского пожара 1658 г., когда развернулись каменные работы по восстановлению сгоревших сооружений Ярославля. Однако верхнюю границу времени его строительства необходимо ограничить первой половиной 60-х годов XVII в., ибо возведение грандиозной каменной крепости на Яике «погубило до конечной скудности» главу семьи и основателя ее богатства Михаила Гурьева и помогавшего ему среднего из братьев Андрея. Взятие же крепости в 1667 г. отрядом Степана Разина привело их к полному финансовому краху. Более ограниченный в средствах младший из братьев Иван мог тогда только завершить начатое другими строительство, но не являться его инициатором.[15]

Если церковь Рождества стоит как бы у истоков местной посадской архитектуры, то надвратный комплекс при ней является памятником периода уже самого активного развития «каменного дела» на ярославском посаде. Вместе с тем оба сооружения — каждый по своему — на долгие годы вперед определили пути творческих поисков и устремлений ярославских зодчих.

Сложная композиция церкви Рождества с двумя симметричными приделами на восточных углах основного четверика, один из которых был предназначен для службы в зимнее время (теплый придел), с введением на юго-западном углу галереи еще одного башенообразного придела, явилась значительным отступлением от простого четкого построения объемов в церкви Николы Надеина. Она послужила прообразом родившейся всего через несколько лет рядом замечательной по своей уравновешенности, доведенной в этом до совершенства композиции церкви Ильи Пророка. Целые архитектурные фрагменты, так же как и многие мотивы декоративной кирпичной «резьбы», впервые увидевшие свет при строительстве церкви Рождества и ее надвратного комплекса, впоследствии были повторены в других яро-

[13] Н. Н. Воронин. Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. М.—Л., 1934, с. 39.

[14] В. П. Семенов-Тян-Шанский. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. XVIII. СПб., 1903, с. 319—322. — Жителям бывшей ханской столицы Гурьевы в первое время даже платили дань за пользование рыбным промыслом на Яике. Крепость, выстроенная Гурьевыми, простояла до 1810 г., когда она была «упразднена, укрепления срыты». Но город и ныне носит имя своего основателя Гурьева.

[15] Впоследствии, в конце жизни, в 1683—1684 гг. Иван Гурьев и его сыновья Михаил и Петр стали заказчиками росписи интерьера церкви Рождества, в которую включены изображения патронов всех членов их семьи, начиная от родоначальника Назария (Ярославль. Путеводитель, с. 157).

славских памятниках. Их мы встречаем на фасадах церквей Иоанна Златоуста в Коровниках, Николы Мокрого, Тихвинской богоматери. Первые варианты местных изразцов, производство которых было налажено, очевидно, в конце 40-х годов XVII в., — и терракотовых, украсивших церковь Иоанна Златоуста, и зеленых, наиболее ранние образцы которых сохранились на фасадах церкви Михаила Архангела, — все они так или иначе исходили из форм тех первых в Ярославле изразцов, которые появились в убранстве церкви Рождества. В сущности, этот памятник впервые раскрыл перед ярославскими зодчими богатство декоративных возможностей, таившееся в полихромной палитре поливы древнерусских изразцов и черепицы, применением которых позже так славился Ярославль. Именно церковь Рождества Христова на Волге в значительной степени определила основное направление дальнейшего развития местных архитектурных форм, став предвестником широкого развития «каменного дела» на ярославском посаде. Она оказалась своеобразным запевом творчества того поколения талантливых местных зодчих, которые во второй половине XVII столетия создали прославленные шедевры ярославской архитектуры.

Т. В. Ильина

О ПСКОВСКОЙ КНИЖНОЙ ГРАФИКЕ XIII—XV ВВ.

С появлением рукописной книги на Руси начинается и история ее художественного оформления, история книжного декора, смена одного орнаментального стиля другим. С XI по первую половину XIII в. господствовал так называемый старовизантийский орнамент, соответствующий строгой архитектонике букв устава. Состоящий из архитектурных и геометрических форм в сочетании с природными, растительными мотивами, этот орнамент получил еще название геометрического, и мы можем его проследить на листах Остромирова евангелия, Изборника Святослава или Мстиславова евангелия.

Но уже Юрьевское евангелие начала XII в. свидетельствует о стремлении к сугубо самостоятельному художественному творчеству, проявляющемуся в большем слиянии мотива чудовищ и птиц с плетением. Профессор Щепкин условно назвал эту художественную манеру «варварской разновидностью византийского стиля». Так зарождался новый этап в книжной (рукописной) орнаментике, получивший впоследствии название тератологии (от греческого слова τέρας — чудовище, чудище). Первые древнерусские рукописные книги тератологического стиля создаются в XII в., почти одновременно с таковыми же у болгар. При всей близости образования тератологии в Болгарии, Сербии и древней Руси орнамент в каждой из этих стран обрел своеобразие. Балканский, в основном болгарский, орнамент оказал на первых порах на русскую тератологию определенное влияние, однако присущая последней плоскостность, позволившая назвать Ф. И. Буслаеву рассматриваемый орнамент «прорезью», «узорочьем», целиком связана с местными традициями древнерусского прикладного искусства и архитектурно-декоративной пластики, сложившимися полностью уже в XII в.

Балканская тератология расцветает в XIII столетии[1] и исчезает в XIV. На Руси в XIII в. полностью сложился орнаментальный стиль. Из Южной и Юго-Западной Руси он проник в Новгород и Псков, где к концу века становится ведущим стилем рукописного орнамента с его определенными колористическими и композиционными решениями, с каноном типов чудовищ и мотива человеческой фигуры. В мрачные годы монгольского нашествия, когда почти порвались культурные связи Руси с Византией и с Западной Европой, народное творчество с особой силой проявилось в рукописном орнаменте, являя собою непресекаемость художественной традиции, выступая мостом между домонгольской и послемонгольской эпохами.

XIV в. — время блестящего расцвета рукописного тератологического орнамента. Архитектоничность графического строя, гармония цвета, изысканность художественного языка делают рукописные книги этого времени блестящими произведениями древнерусского искусства.

Реальный быт Новгорода и Пскова нашел отражение на листах богослужебных книг, в сказочных образах, созданных разнообразными русскими мастерами. Не змеевидные заставки болгарских книг, не натуралистические фигурки сербских инициалов, а рисунки наручей из кладов конца XII — начала XIII в.,

[1] Так называемая «народная болгарская тератология». В ней не развит мотив человеческой фигуры, она не имеет жанрового характера, как североруская, в ней нет той архитектоничности, фантазии и декоративности, как на Руси.

резьба черниговских храмов, весь дух языческих верований и обрядов, живучесть двоеверия явились основой тератологической орнаментики древнерусских книг XII—XIV вв. Традиция, развитая в художественном ремесле XII в., была подхвачена книжными мастерами в XIII столетии, когда в прикладном искусстве она стала затухать, и нашла полное развитие в книгах Новгорода и Пскова XIV в., в период, когда в Болгарии уже господствовал неовизантийский орнамент.

В конце XIV—начале XV в. происходит переход от тератологии к другим новым типам орнамента: балканскому и неовизантийскому, господство которых было более продолжительно, но которые сами по себе были менее оригинальны и самобытны. Подобная смена — одно из проявлений «второго югославянского влияния», затронувшего русскую культуру в результате ряда политических перемен в славянских странах Балканского полуострова и вторичного наплыва произведений южнославянской письменности в русские пределы.[2] С этого времени начинается новый этап в древнерусской книжной графике.

Как уже отмечалось, Север Руси — Новгород и Псков — главные центры рукописной тератологии. В Пскове первые памятники этого типа появляются во второй половине XIII в. Так, на листах Паремейника 1271 г.[3] в узорах его инициалов можно наблюдать, как из пасти, хвостов, лап рисованных животных вырастают ремни плетения. Композиция букв становится все сложнее, рисунок все искуснее (склоненные головы, изогнутые туловища), однако чудища, рожденные фантазией мастера из форм реальных животных, не смотрятся еще цельным сказочным образом, а кажутся нелепым нагромождением лап, туловищ, голов и т. д. Чаще всего голова зверя просто приставлена к штамбу буквы. Понадобится время, чтобы чудище превратилось в орнаментальный мотив.

Но уже XIII в. оставил нам в Пскове рукопись, которую по композиционному и цветовому решению, по общему стилю графики можно было бы отнести к следующему XIV столетию, — Псковскую псалтырь ГПБ Fn. I.1.[4] Чудища большие и маленькие сплошь заполняют ярко-синий фон заставок и инициалов этой книги. Они теряют в ремнях головы, лапы, туловища, однако не кажутся уже нелепым соединением реальных животных элементов, а являются определенным условным, обобщенным типом. Теперь уже трудно говорить о звере. Он слился с плетенкой целиком, превратился в орнаментальный мотив. Рисунок инициалов четкий, дробный. Чем сложнее, запутаннее композиция, тем строже и проще фон буквы, всегда легко читающейся, несмотря на насыщенность деталями. Вкус мастера, его умение заполнять пространство проявляются и в создании букв из одних ремней и завитков, и при компоновке десятков чудищ в самых невероятных позах. Наиболее распространена композиция из нескольких оплетенных лентами чудищ, из которых одно, самое крупное, имеет человеческое лицо. Обычно так изображается инициал Б. Нередко в букву вплетается несколько человеческих лиц. Среди плетенки возникает человеческая маска. Вообще человеческое лицо в композиции буквы встречается очень часто, головной убор переходит в завитки. Наконец, в Псалтыри появляется изображение человеческой фигуры в рост. В инициале В (л. 15) такой человек схватился рукой за ремень. Лицо представлено в фас. Ноги в красных сапогах опутаны ремнями. Возникший в результате долголетнего изображения зверей опыт помогает графику и здесь. Человеческая фигура трактуется условно. Нос нарисован двумя перпендикулярными штрихами, рот — одной кривой линией, но стилизация не мешает реальности впечатления.

На инициале Т (л. 67) изображен гусляр в красных сапогах с гуслями на коленях. Руки, шея, ноги опутаны ремнями. Горизонтальная перекладина буквы образована завитками, вырастающими из шляпы. Фантастичность образа сочетается с жизненной наблюдательностью. Мотив такого гусляра удержится в книгах на всем протяжении существования тератологического орнамента.

Прихотливая фантазия графика вторгается в уже канонизированный тип заставок, располагая их синий фон то в форме прямоугольника, то квадрата, то треугольника. Иногда заставка представляет собой просто квадраты плетенки на лиловом фоне в рамке неправильной формы, растянутой по горизонтали.

[2] См. О. Ф. Коновалова. «Плетение словес» и плетеный орнамент конца XIV в. ТОДРЛ, т. XXII, 1966, с. 101—111.

[3] Паремейник 1271 г., ГПБ, Qn.I.13, Псков, XIII в., п., у., 264 л., 2 стб. (сокращения: п. — пергамент, у. — устав), 22×18 см; начало утрачено, в языке особенности псковского говора. Рукопись писали: поп церкви святого Дмитрия Захарий с сыном Олуферием в Двинскую землю для церкви святого Бориса и Глеба на Матигорье (В. В. Стасов. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1884, табл. LXIV; Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953, с. 23).

[4] Псалтырь ГПБ Fn.I.1, Псков, XIII в., п., у., 343 л., 21×27.5 см; конец утрачен. — В. В. Стасов считал Псалтырь новгородской рукописью XIV в. См.: В. В. Стасов. Славянский и восточный орнамент. . ., табл. XVIII, *20—23*; Е. Э. Гранстрем. Описание. . ., с. 29.

К концу XIII в., таким образом можно говорить не только о новгородской, но и о псковской тератологии как о вполне сложившемся рукописном стиле орнамента, которому предстояло пережить расцвет через несколько десятилетий. На протяжении XIII в. этот стиль проходит эволюцию от рисунка инициалов и заставок одной киноварью до живописного аккорда, построенного на сочетании основных цветов спектра: синего, желтого, красного, иногда дополнительного лилового и чернил. Цвет трактован условно. Для облегчения чтения возникает фон: в Паремейнике 1271 г. — еще как украшение, в Псалтыри Fn. I.1 — уже как необходимость. В рисунке усиливается условность в трактовке формы. К концу века встречается обобщенный тип чудища, которое уже трудно назвать зверем. Он стилизован, превращен в орнаментальный мотив. Наконец, вслед за Новгородом и в псковских рукописных книгах этого стиля, как мы видели, появляется мотив человеческой фигуры.

В XIV в. о псковской тератологии можно говорить уже самостоятельно. Более того, видимо, в XV в. тератологический стиль в Пскове держал свои позиции дольше Новгорода. Почти все псковские книги XIV—XV вв. этого типа орнамента датированы, известны заказчики и мастера, их исполнявшие. В инициалах Апостола 1307 г., написанного «каллиграфом Домидом» для Пантелеймонова монастыря, среди чудищ в плетениях встречается бородатая человеческая голова на киноварном фоне.[5] Видимо, в Пскове тератология утверждалась на протяжении всего XIV столетия и достигла расцвета к концу века, как например в Евангелии Fn. I.9,[6] с его чистыми по стилю графическими украшениями. Фон заглавных букв — зеленый, а не синий или голубой, как у новгородцев; этот же цвет зелени преобладает и в псковской иконописи.[7]

Иногда зеленый цвет неожиданно обрывается и сменяется желтым, используемым шире, не только в контурах, но и в «реснич-ках». Инициалы псковских книг, как правило, крупнее новгородских, соответственно иных размеров и мотивы орнамента. Отличается от новгородских и стиль рисунка: бо́льшая реалистичность изображения сочетается с примитивностью в трактовке формы. Псковичи редко выдерживают стилизацию до конца. Так, среди условных чудищ появляется совершенно реалистически рисованный павлин.[8] Часты растительные мотивы, где наблюдаем аналогичное явление: предельно условные стилизованные цветы перемежаются то подобием лилии, то ромашки. Завитки образуют замысловатый узор. Что касается человеческой фигуры, то чаще это не рисунок остроносого лица в профиль, столь знакомого по новгородским книгам, а изображение в фас, трактованное более реалистически.[9] Даже человеческие маски, введенные в букву, — иконописного характера. Тип лиц, как на новгородско-псковских иконах: длинный узкий нос, близко посаженные глаза, сведенные брови, маленький изогнутый рот.[10]

От XV в. сохранились три датированные псковские книги с убранством тератологического характера. Евангелие 1409 г., написанное дьяконом церкви Святой Троицы Лукой для монастыря Николы в Завеличье и вывезенное из Пскова Иваном Грозным, по стилю графических украшений целиком принадлежит еще XIV в.[11] Однако в заставке (л. 192 об.) ремни образуют геометрически четкую плетенку, напоминающую о новом времени. То же наблюдается в обрамлении миниатюры с изображением Марка (л. 128 об.).

Видимо, этим же мастером этого же монастыря был исполнен Стихирарь 1422 г.,[12] но как в нем, так и в Прологе 1425 г., написанном дьяконом церкви святого Михаила Даниилой,[13] по стилю тератологическими остаются

---

[5] Апостол 1307 г., ГИМ, Синод. 45. — Часто встречается мотив птицы с человеческим лицом, собаки, много масок. Рисунок выполнен почти одной киноварью. Инициалы крупны для текста. Близок по стилю к новгородскому служебнику (ГПБ, Соф. 518).

[6] Евангелие Fn.I.9, XIV в., п., у., 201 л., 2 стб., 32×23.5 см; конец утрачен, переплет XIV в. — доски и кожа. См.: В. В. Стасов. Славянский и восточный орнамент..., табл. LXIII, *1—30*; Е. Э. Гранстрем. Описание..., с. 41.

[7] Зеленый фон в новгородских рукописях встречается как исключение (см.: Октоих, ГПБ, Соф. 123).

[8] Евангелие Fn.I.9 — инициал Р (л. 34 об.), инициал В (л. 43 об.) и т. д.

[9] Там же — инициал Р (л. 30), инициал В (л. 86). С л. 134 об. все реже встречается мотив чудища, чаще — растительные мотивы. Возможно, эту часть рукописи украшал другой мастер. Следует отметить также, что в псковских заставках популярен мотив алтарной преграды с царскими вратами и горящими свечами. См.: А. И. Некрасов. Очерки декоративного искусства древней Руси. М., 1924, с. 43.

[10] См. инициал Р (л. 53) — Евангелия Румянцевского собр., видимо, тоже принадлежащего Пскову — ГБЛ, Рум. 113. Псков (?), XIV в., п., у., 251 л., 2 стб. (новгородизмы в языке — на л. 1 приписка: «Писал Микита рукою грешною»).

[11] Евангелие 1409 г., ГИМ, Синод., 71 (27), п., у., 219 л.; В. В. Стасов. Славянский и восточный орнамент..., табл. LXXV, *28—32*; табл. LXXVI, *1, 2*. См. условных зверей в инициале С (л. 7 об.), инициале Б (л. 3), инициале М (л. 2 об.), заставку (л. 35 об.), орнамент рамки миниатюры (л. 89 об.) и т. д.

[12] Стихирарь на крюках 1422 г., ГПБ, Погод. 45, Псков, п., у., 149 л., 28.5×21.5 см; Е. Э. Гранстрем. Описание..., с. 62—63.

[13] Пролог 1425 г., ГИМ, Синод. 839, п., у., 171 л., 2 стб.; В. В. Стасов. Славянский и восточный орнамент..., табл. LXXVI, *8*.

лишь заставки. Так и на псковской почве тератология постепенно заканчивает свое существование. Ее своеобразие по отношению к новгородской проявляется главным образом в форме (примитивность рисунка самого по себе более крупного, преобладание зеленого цвета в колорите, меньшая условность трактовки формы и т. д.). В целом же псковская тератология проходит те же этапы, что и новгородская, очень незначительно задерживаясь в появлении и исчезновении. Таким образом, переместившись на север из рукописей Западной Руси XII в., тератологический орнамент в следующем, XIII, столетии приобретает свой индивидуальный и очень яркий образ в книгах и Новгорода, и Пскова почти одновременно. Народным творчеством северян, не сдерживаемым никакими строгими византийскими традициями, был создан этот фантастический стиль, уже в XIII в. создавший собственные композиционные и колористические каноны, свой условный изобразительный язык, столь выразительный и своеобразный, как и все искусство Новгорода и Пскова. И в Новгороде, и его старшем брате Пскове расцвет книжной орнаментики наступает в XIV в., когда создаются блестящие образцы этого стиля. Фантастика переплетается здесь с действительностью и сквозь сказочные образы прорывается реальный быт северян. С конца XIV, а в Пскове с XV в. этот фантастический стиль, как уже отмечалось, постепенно сменяется растительными и животными мотивами, трактованными реалистически. Рисунок тератологических заставок и инициалов в этот переходный период перегружается деталями. Мастер как будто утрачивает чувство меры. Плетенка занимает все больше места, чудища чаще всего вообще отсутствуют. Теряется свежесть и полнозвучность цвета. Наступает пора новых поисков в убранстве, но Север Руси — Новгород и Псков — руководящей роли здесь уже не играют.

А. Н. Кирпичников, О. В. Овсянников

ДРЕВНЕРУССКИЙ ХРАМ В КОПОРЬЕ

Первая каменная крепость возникла в Копорье в 1280 г., вторая — в 1297 г., третья, по-видимому, — в начале XVI в.[1] Эта последняя сохранилась практически почти целиком и является выдающимся произведением русской средневековой фортификации, можно сказать сооружением общеевропейского класса. До последнего времени крепость находилась в небрежении, попытки привести ее в порядок привели туда археологов и реставраторов.

При изучении копорского архитектурного комплекса пришлось столкнуться с «источниковедческим зигзагом», впрочем присущим и другим крепостным сооружениям Северо-Запада. До нас дошли летописные факты истории Копорья новгородского периода, но современные этому периоду постройки, казалось, вовсе не сохранились. От времен Московского государства уцелело «третье», каменное, Копорье, о котором почти нет письменных известий. В этих условиях надежды на новые исследовательские находки возлагались на археологию. Действительно, раскопки внутри крепостного двора дали ценные результаты.[2] Однако важнейшее открытие не таилось под землей и потребовало лишь скромного археологического вмешательства. Речь идет об обнаружении в Копорской крепости нового памятника древнерусского зодчества.[3] Это сооружение — церковь Преображения — возвышается в центре крепостного двора. В начале 1960-х годов постройка, использовавшаяся под клуб, сгорела, и в 1970 г. стала объектом архитектурно-археологического исследования, проведенного совместно Копорским и Ореховским отрядами Ленинградской археологической экспедиции.[4]

[1] В. В. Косточкин. К характеристике памятников зодчества Московской Руси конца XV—начала XVI веков. МИА, № 77, 1958, с. 102 и сл. — В более поздней работе В. В. Косточкин примерно на три четверти века удревнил дату существующей Копорской крепости (В. В. Косточкин. Новые данные о крепости Копорье. СА, 1960, № 3, с. 262 и сл.). Вопрос о дате строительства комплекса, однако, остается дискуссионным. Исследования обнаружили разновременность стен крепости. По нашему мнению (и здесь мы согласны с первоначальным заключением В. В. Косточкина, а равно и некоторых других исследователей), большая часть крепостных сооружений возведена в начале XVI в. Аргументацию этого вывода мы оставим для другой работы.

[2] Во время раскопок в 1970—1972 гг. отрядом Ленинградской археологической экспедиции под руководством О. В. Овсянникова в крепости найдены постройки и предметы XIII—XVI вв.

[3] Предварительное сообщение: А. Н. Кирпичников, О. В. Овсянников. Раскопки в Копорье. В кн.: Археологические открытия 1970 г. М., 1971, с. 25—27.

[4] Работы велись при участии Ленинград. обл. отд-ния Общ. охраны памятников истории и культуры и ист. фак. ЛГУ.

Руины церкви Преображения представляют ныне стоящее без крыши одноапсидное помещение с пристроенной с западной стороны двухэтажной колокольней. Стены основного объема здания сохранились на высоту до 5 м. Все деревянные конструкции церкви и пол выгорели. Фасады сооружения членятся лопатками и снабжены просматривающейся из-под отваливающейся гладкой штукатурки XIX в. барочной декорацией предшествующего времени (наличники дверей, окон, рустовка пилястр). Здание объединено несложного профиля карнизом и цоколем, а также одинаковыми по размеру окнами и входами с северной и западной стороны.[5] Ныне лишенный всякой защиты остов постройки постепенно обнажает неизвестную раньше основу.

Визуального наблюдения достаточно для определения, что здание церкви состоит из двух разных частей; это отразилось и в материале, и в технике кладки. Западная часть здания вместе с колокольней, выполненные из кирпича размером 5×14×25 см, пристроены без перевязки к восточной, созданной из плиты. Последняя, включая апсиду, сложена из разновеликих блоков плиты коричневатого и серого цветов на известковом растворе кремоватого оттенка с примесью крупного песка. Толщина блоков в нижних частях сооружения 18—25, а в верхних — 7—10 см. Относительная рядность в укладке камней прослеживается в верхних частях стен. Толщина швов 2—3.5 см, они тщательно затерты вровень с камнем. Похоже поэтому, что стены постройки толщиной 1.3 м изначально не были оштукатурены. Наружные фасады постройки членятся лопатками — на северной и южной сторонах их по четыре.

Предположение о том, что восточная — плитяная — половина церкви значительно древнее западной, укрепилось при осмотре ее алтарной части. Снаружи восточной стены и апсиды виден орнаментальный поясок из прямоугольных и треугольных впадинок, характерный для северорусских средневековых храмов. Лента этих украшений в нашем случае свидетельствует о полной сохранности алтарного выступа. Свои первоначальные формы сохранила восточная стена и изнутри (рис. 1). По сторонам алтарной арки видны ниши дьяконника и жертвенника, при этом последняя сохранила незначительные фрагменты фресковой росписи. Выразительные обломки сбитой фресковой штукатурки, найденные как внутри сооружения, так и за его пределами,[6] показывают, что в древности в какой-то период были расписаны и другие части сооружения. В нише дьяконника полностью раскрыто заложенное щелевидное окно (на просвет 25×70 см).

Оконные и дверные проемы плитяной части церкви в большинстве растесаны и частью облицованы кирпичом. Пробитой для прохода оказалась и ниша в северо-восточном углу церкви. Вообще заметно, что стены этой части церкви местами неоднократно чинились, чужеродным для них является белокаменный цоколь, кирпичный карниз и поновления некоторых мест интерьера.

Натурные наблюдения, связанные с основательной древностью восточной половины здания, были проверены археологически (рис. 2, 3). В раскопе, заложенном в месте «стыковки» кирпичной и плитяной частей здания, на глубине 0.4 м открыта сохранившаяся в нижней части западная стена. Она имела выступы четырех лопаток и по ширине, и технике кладки не отличалась от других таких же стен постройки. Таким образом, определился полный, близкий к квадрату план первоначального одноапсидного храма.

Исследования в пределах обозначившегося объема выявили еще ряд интересных деталей. В северо-западном углу сооружения обнаружена плоскость, затертая тонким слоем розоватой обмазки. Эта плоскость представляет, очевидно, боковую поверхность ниши, помещавшейся в западной стене.[7] Судя по сообщению документа 1756 г., где-то здесь находилась и лестница на хоры.[8] Так как западная стена по ширине не отличается от других прилегающих стен здания, возможно, что эта лестница была не в толще стены, а устроена в северо-западном углу открыто. Линия хор выражена уступом на внутренней поверхности восточной стены над упоминавшимися нишами жертвенника и дьяконника. Кроме того, ниже основания алтарного проема и на внутренней поверхности северной стены открыты сбитые пяты арок, в древности поддерживавшие хоры, и, вероятно, отдельные от них восточные «высотные» помещения над жертвенником и дьяконником. Эти арки были несомненно перекинуты на подкупольные столбы. И основания двух из них, северных, были действительно обнару-

[5] К северо-западному и юго-западному углам здания и колокольни, по-видимому в предреволюционные годы, были пристроены теперь почти разрушенные вспомогательные помещения (ср.: ИАК. вып. 48, 1913, с. 8). На публикуемом плане они не показаны.

[6] Скопление, насчитывающее более 2000 обломков фресковой штукатурки, найдено в 1971 г. в раскопе неподалеку от южной стены.

[7] Ср.: В. К. Мясоедов. Два погибших памятника новгородской старины. ЗОРСА, т. X, 1915, рис. 32.

[8] ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 4, № 776, л. 8 об. — Благодарим М. В. Иогансен за указание источника.

жены в шурфах на глубине 2 м под слоем строительного мусора.[9]

Кладка основания столбов (в плане 2×2 м), уложенная на материковую основу, состояла из двух рядов плит, скрепленных глиной. Шурфы на месте западной стены и у апсиды показали также, что фундамент церкви, заглубленный на 1.7 м от дневной поверхности, в своей большей нижней части (высотой 1—1.3 м) выведен из плитняковых камней, проложенных и взятии крепости шведскими войсками в 1612 г.[11]

Итак, рассматриваемая постройка явно относится к «дошведским» временам; в источниках, к сожалению, отсутствует дата ее создания. Техника кладки, план, описанные выше архитектурные подробности позволяют представить кубическое одноглавое с одной апсидой и четырьмя столбами сооружение. Речь идет о древнерусском храме, сохранившемся, на-

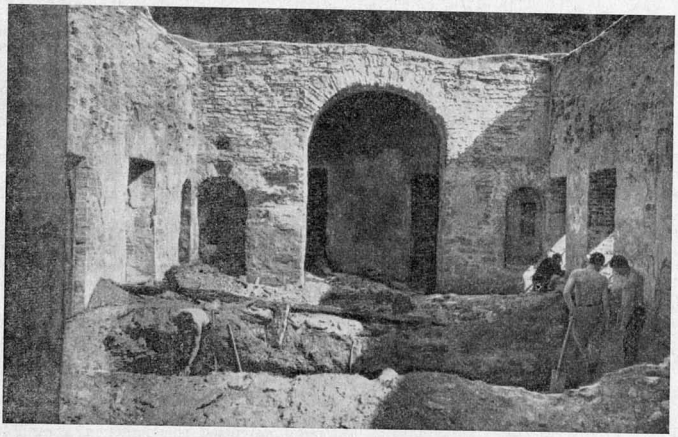


Рис. 1. Церковь Преображения. Восточная часть здания. Вид изнутри.

глиной и землей. Фундамент (его верхние камни лежат на растворе) обозначен небольшим расширением, находящимся на 1.7 м от материка.[10] Пол постройки не сохранился — его остатками явились найденные в засыпи брусчатые кирпичи размером 8—10×15×25 см. Судя по тому, что на месте столбов залегали потревоженные склепы со шведскими монетами середины и второй половины XVII в., храм лишился внутренних опор, а следовательно, барабана и сводов в период шведской оккупации Копорья в XVII в. Возможно, что повреждение верхних частей храма произошло при обстреле

сколько можно судить, более чем на половину своей первоначальной высоты и выстроенном в формах, характерных для некоторых северорусских культовых построек эпохи зрелого средневековья. Памятники этого рода известны наперечет, тем более неожиданно и желанно новое прибавление, по своему местоположению самое северо-западное на территории средневековой Руси.

В поисках образца исследованного памятника прежде всего можно назвать новгородские аналогии. Тип одноглавого, четырехстолпного кубического по объему одноапсидного сооружения, как установлено, окончательно выработался в 60—80-х годах XIV в. именно в Нов-

[9] Бесспорно, что существовала и южная пара таких же столбов.

[10] Фундаменты церкви заложены в культурном сильно нарушенном слое суммарно средневековой поры. Подъем почвы вокруг здания с момента его окончания едва ли превышает 50 см.

[11] Sveriges krigs 1611—1632. Bd. I. Stockholm, 1936, p. 395.

городе и представлен не только такими шедеврами зодчества, как церкви Федора Стратилата и Спаса на Ильине, но и небольшими

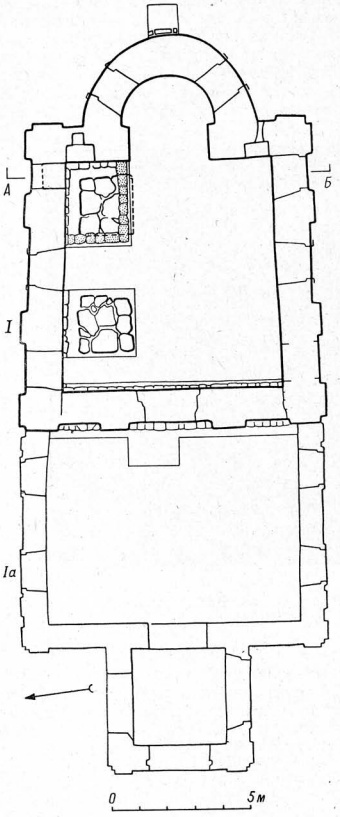


Рис. 2. Церковь Преображения.

I — первоначальное здание; *Iа* — трапезная и колокольня 1757—1760_гг.

скромными (особенно для XV в.) постройками.[12]

Культовым постройкам последнего века новгородской независимости присуща некоторая хронологическая «сбивчивость», заключающаяся в том, что по формам многие из них повторяли своих предшественников. На первый взгляд по пропорциям плана, относительно немалым общим размерам, наличию фресковой росписи, палатей и вероятных угловых помещений над жертвенником и дьяконником, наконец, по формату кирпича копорская церковь сопоставляется больше с новгородскими постройками конца XIV—первой половины XV в., чем с некоторыми миниатюрными сооружениями середины того же века.[13] Однако отнесение новоопознанного памятника только к новгородской школе зодчества упомянутого выше времени оказалось преждевременным.

По мнению архитектора Г. М. Штендера,[14] в копорском храме переплелись черты новгородской и псковской средневековой архитектуры. Особенно напоминает о некоторых памятниках Пскова и его окрестностей, как пишет в своем заключении Г. М. Штендер, апсида церкви Преображения. По сравнению с храмами Новгорода она непомерно широка и приземиста. Толщина ее стен равна толщине стен основного объема. В новгородских сооружениях стены апсид значительно тоньше остальных стен. Столь приземистые, как в Копорье, пропорции апсид в новгородских постройках XV в. не встречаются, но для построек Псковской земли это явление довольно обычное (например, церкви Ильи Пророка в Выбутах и Рождества Богородицы в с. Новой Уситве). Декор венчания апсиды поребрик—бегунец—поребрик в Новгороде — явление довольно редкое (за исключением карнизов гражданских зданий XVII в.), в алтарных полукружиях совершенно не применялся. Сокращенный вариант этого узора поребрик—бегунец встречается на барабанах сооружений XIV—XV вв.

Далее Г. М. Штендер указывает, что строительная бескирпичная техника кладки также не встречается в Новгороде, зато типична для средневековых псковских построек. Наконец, редкой для Новгорода, но обычной для Пскова особенностью церкви Преображения является соотношение большой ширины лопаток с узким пролетом стены между ними (см. восточные трети боковых фасадов). При таком решении фасадов вероятнее всего предположить не трех-

[12] М. К. Каргер. Новгород. Л.—М., 1970, с. 31 и сл.; История русского искусства. Т. II. М., 1954, с. 55 и сл.; С. Н. Орлов, Л. Е. Красноречьев. Археологические исследования на месте Аркажского монастыря под Новгородом. В кн.: Культура и искусство древней Руси. Л., 1967, с. 69 и сл.; Г. М. Штендер. Новгородское зодчество. Работы Новгородской реставрационной мастерской за 20 лет. В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М., 1968, с. 356.

[13] Ср.: Г. М. Штендер. Новгородская церковь Петра и Павла в Кожевниках 1406 г. СА, 1966, № 2, с. 210 и сл.

[14] Сердечно благодарим Г. М. Штендера, давшего авторам статьи подробную консультацию.

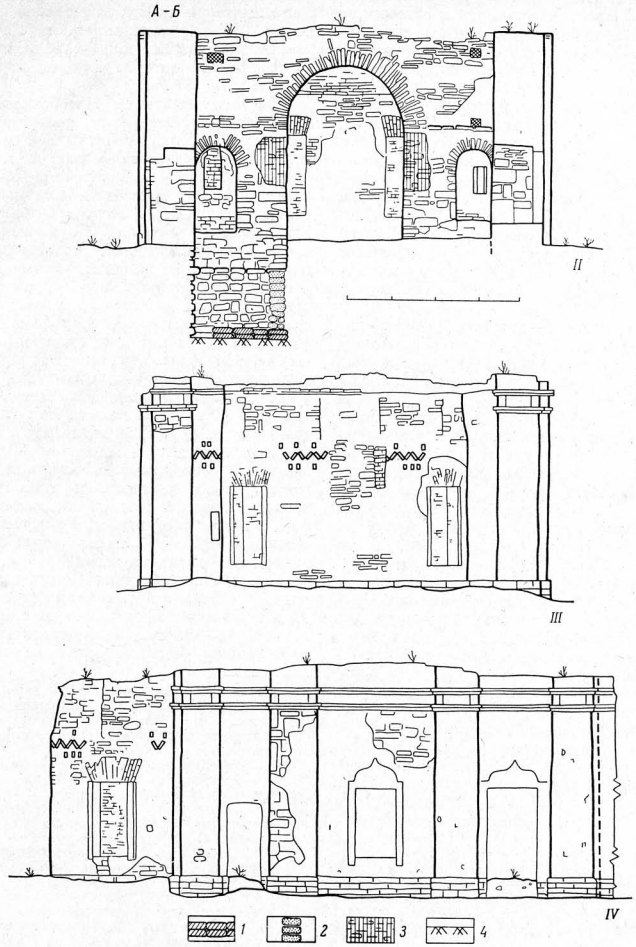


Рис. 3. Церковь Преображения.

II — алтарная часть первоначального здания (разрез по А—Б); *III* — восточный фасад того же здания; *IV* — северный фасад того же здания; *1* — основания столбов; *2* — стенки склепов XVII в.; *3* — места сбитых пят арок; *4* — материк.

лопастное покрытие, как было принято в Новгороде, а восьмискатное щипцовое с прямыми фронтонами, как во Пскове. Все это склоняет датировать церковь в Копорье XVI в., а точнее — ближе к его середине. Предложенная дата памятника, по мнению Г. М. Штендера, подтверждается в рассматриваемом случае и высотой ниш жертвенника и дьяконника (в XIV—XV вв. таких высоких ниш в Новгороде не встречается, они возникают позже), и расположением столбов, приближенных к наружным объемам здания. Если строительная техника, детали, пропорции псковские, — заключает Г. М. Штендер, — то общая композиция плана новгородская, что дает основание видеть в строителях копорской церкви местных мастеров, знавших строительные приемы Новгорода и Пскова, но главным образом Пскова.[15]

С приведенным заключением специалиста, по-видимому, в основном можно согласиться, признав, что копорский храм, вернее всего, был построен одновременно с крепостными сооружениями «московского» Копорья, т. е. в конце XV — первых десятилетиях XVI в. Техника кладки и раствор, применяемый при возведении церкви Преображения и окружающих ее оборонительных сооружений, отличаются друг от друга, что свидетельствует, вероятно, о деятельности разных строительных артелей, состоящих из пришлых и местных (в областном значении этого слова) мастеров. Как бы ни решался вопрос о происхождении и дате копорского храма, он по своей представительности с торжественными хорами и фресковой росписью соответствовал значению крепости как старинной княжеско-боярской резиденции и центра новгородского, а затем великокняжеского землевладения.[16]

Древнейшее упоминание о существовании храма в «городке» Копорье содержится в переписной книге Водской пятины, созданной около 1500 г. В описании города церкви, правда, не отмечены, но при перечислении дворов Каргальского погоста мы узнаем, что в Копорье существовала церковь и три монастыря. Один из них — Спасский, — очевидно, помещался в крепости.[17]

Место церкви обозначено на древнейшем сохранившемся неопубликованном плане Копорья 1645 г., присланном из Королевского военного архива Швеции,[18] а ее маковка видна на рисунке в книге А. Олеария, побывавшего в крепости в 1634 г.[19]

Под наименованием Преображения, почти тождественном Спасскому, копорская церковь была возобновлена, вероятно, вскоре после освобождения города от шведов.[20]

В 1757—1760 гг. церковь в Копорье, как явствует из документов,[21] была основательно перестроена. Именно тогда и были сооружены примыкающие с запада к первоначальному ядру здания кирпичные трапезная и колокольня. При этом трапезная примкнула к старому зданию впритык, ибо «кирпич с плитою перевязать невозможно», а в западной стене новгородской постройки прорублены три арки «для коммуникации с трапезною» и сломана лестница на хоры. Был также понижен на три с половиной аршина алтарь «для излишней оного вышины» и сломана возвышавшаяся над ним деревянная колокольня, так как «регула архитектурного правления не повелевает, чтоб колокола над святым престолом били»;[22] тогда же все здание получило внешний барочный наряд, частью рустованные пилястры, новые кровлю, карниз и деревянный купол над алтарем. В таком виде церковь Преображения простояла до пожара 1854 г.,[23] когда была разобрана вся западная стена первоначального объема и заштукатурена барочная декорация фасадов. Ныне эти детали проступили вновь и, в частности, напоминают о том времени, когда в середине XVIII в. в строительстве здания приняли участие ведущие силы «среднего

[15] К числу церквей псковского круга с одной апсидой и четырьмя столбами, кроме названных Г. М. Штендером, относятся церкви: Михаила Архангела в Городце (XIV в.), Николы в Любятове (XV в.), Никольская в крепости Изборск (XV в.?), Пустое Воскресенье (1496 г.).

[16] В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.—Л., 1961, с. 120—123.

[17] Новгородские писцовые книги. Т. III. СПб., 1868, с. 532, 546, 552—553. — Относительно Спасского монастыря прямо не сказано, что он находился в крепости, однако, судя по контексту, это подразумевалось. Другие монастыри и церковь, как отмечено в переписной книге, были на посаде. По данным переписных книг, храмы Спаса были также в крепостях Кореле и Орешке. Видимо, сооружение церквей, посвященных Спасу, именно в пределах укреплений было распространено в провинциальных новгородских городах.

[18] Kungl. Krigsarkivet. Sverige. Östersjöprovinserna, № 2. — Благодарим администрацию Королевского военного архива за присылку планов Копорья XVII в.

[19] А. Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, рис. на с. 11.

[20] В. В. Косточкин. К характеристике..., рис. 2, 3; ср. рис. 6, 7. — О времени возобновления храма свидетельствуют иконы 1704—1705 гг., находившиеся в церкви в XIX в. (Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. X. СПб., 1885, с. 74—75; А. Викторов. Описание записных книг и бумаг дворцовых приказов. Т. I. М., 1877, с. 185).

[21] ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 4, № 776, л. 7 и сл.

[22] С наружной стороны апсида огранена в верхней части, что, по-видимому, связано с устройством над ней упомянутой деревянной колокольни.

[23] Историко-статистические сведения..., с. 75—76. — Дата пожара обозначена 1864 г., но это опечатка, так как ниже говорится об освящении церкви в 1856 г.

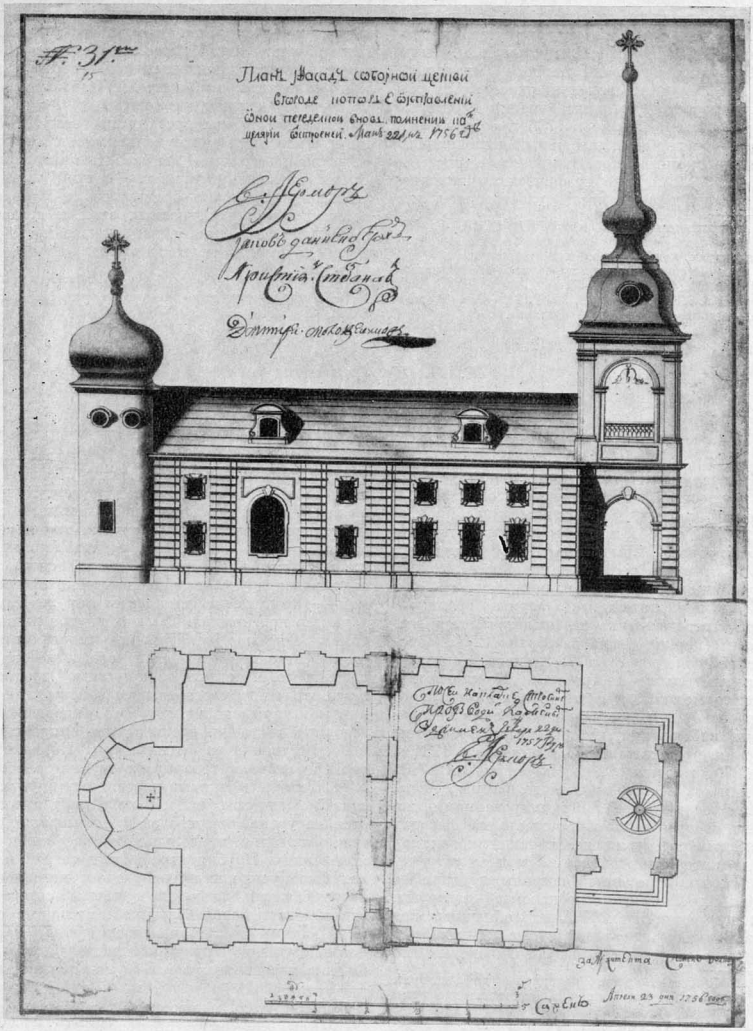


Рис. 4. Фасад и план церкви Преображения. Чертеж С. Волкова. 1756 г.

звена» Канцелярии от строений: архитектурный гезель Н. Ф. Васильев, архитектурные помощники С. Сапожников, С. Густышев, А. Мыльников, живописцы Иван Вишняков (младший), Мина и Иван Колокольниковы.[24] Автором проекта перестройки явился ученик Растрелли Семен Волков.[25] Им же в 1756 г. создан план церкви — древнейший подробный дошедший до нашего времени обмер памятника (рис. 4). Профессиональный по графическому исполнению новонайденный лист[26] удостоверяет, что замысел С. Волкова был почти полностью осуществлен и Копорская церковь в своей значительной части является сегодня единственным сохранившимся произведением способного русского строителя, в 50-е гг. XVIII в. обретшего творческую индивидуальность.

Выясняя работы русских мастеров XVIII в., И. Э. Грабарь писал о волковской постройке: «Выстроен ли храм — мы сказать не можем».[27] Время, как видим, принесло четкий ответ на этот вопрос. Здание создавалось в основном архитекторами двух разных эпох и достойно скорейшей реставрации, как лучшее место для проектируемого в крепости музея.

[24] В архивном деле (см.: ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 4, № 776, л. 7 и сл.) имеются рапорты или упоминания этих архитекторов и живописцев.

[25] Ср.: Русская архитектура первой половины XVIII века. М., 1954, с. 350—352.

[26] ЦГИА СССР, ф. 485, оп. 3, № 114. — Мы не даем полного анализа постройки С. Волкова.

[27] История русского искусства, т. III (1912), с. 251.

Е. В. Кудряшов

К ВОПРОСУ О ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ ФОРМАХ УСПЕНСКОГО СОБОРА В КОСТРОМЕ

К началу XVII в. в Костромском детинце уже существовали каменные Успенский и Троицкий соборы. Выстроенные, несомненно, еще в XVI в., оба храма могли сыграть роль архитектурного прототипа при возведении в XVII столетии первых каменных культовых сооружений на костромском посаде.

Если первоначальные формы Троицкого собора воссоздать уже не представляется возможным (церковь была разобрана С. А. Воротиловым после пожара 1773 г. вместе с обгоревшими каменными постройками Крестовоздвиженского монастыря),[1] то облик Успенского собора реконструируется на основании тех натурных наблюдений, которые были проведены во время его архитектурных обмеров в 1934 г. Л. К. Любимовым, С. С. Чижовым и Н. Чудаковым (за несколько дней до взрыва собора, а также после взрыва).[2] В руинированном после взрыва соборе были обнаружены на фасадах фрагменты разновеликих килевидных закомар XVI в., интересные по форме «косые» уступчатые лопатки переменной ширины и большого выноса и древние оконные проемы — раструбы, заложенные кирпичом XVII в. В обнажившейся бутовой кладке восточной стены здания (над апсидами) открылись два неодинаковых по конструкции канала, следующих с севера на юг и расположенных друг над другом. Нижний из каналов был достаточно широким, имел прямоугольное сечение и завершался тремя нависающими один над другим рядами кирпичной кладки (так называемый ложный свод). Он открывался внутрь помещения тремя отверстиями — «продухами», имевшими тот же самый характер перекрытия. Так как внутри нижнего канала не было обнаружено следов заливки его известковым раствором и вследствие особенностей его перекрытия, допустимо предположить, что он был своеобразным конструктивным приемом, применение которого оправдано положением восточной стены здания, опиравшейся непосредственно на своды апсид.[3] Наличие же верхнего канала говорит за то, что в соборе XVI в. имелась система деревянных брусчатых связей кольцевого типа, заложенных в толщу стен на уровне пят сводов и связывавших все стены здания в продольном и поперечном направлениях. Врубки деревянных связей в углах были усилены их абордажем металлическими связями типа скоб, также скрытыми в кладке при большой толще самих углов здания. Таким образом, на первом этапе натурного изучения руинированного памятника были выявлены некоторые формы первоначаль-

[1] Г. Холмогоров. Материалы для истории Костромской епархии, Вып. 4. Костромская десятина. Кострома, 1908, с. 53.

[2] Л. К. Любимов. Дневник хода работ по научной фиксации собора XVI—XVII вв. в г. Костроме Ивановской области. Машинопись, л. 1—13. Июль—август 1934 г. Гос. научн.-исслед. музей архитектуры им. А. В. Щусева, инв. № арх. 280/1—13.

[3] Выход этого канала внутрь помещения в виде «продухов» дает возможность высказать и другое предположение: отверстия являются здесь одним из видов древней системы акустики храмового помещения. В таком случае эти «продухи» могут считаться своего рода голосниками.

ного архитектурного убранства его фасадов и отдельные конструктивные особенности. Было установлено также, что костромской Успенский собор XVI в. перестраивался дважды — во второй половине XVII в. и после пожара 1773 г.

Второй этап изучения памятника — выяснение первоначального конструктивно-планировочного типа здания и характера его перекрытия. Оказалось, что во второй половине XVII в. западных столпов. В-третьих, при осмотре подклета обнаружилось, что он, оказывается, был двухстолпным и имелся только под частью здания — простирался от апсид до западной пары подкупольных столпов: «... на запад в стене обнаружено окно XVI в. с сохранившейся железной решеткой...».[4] Наконец, зондами было раскрыто на северной стене внутри здания заложенное гнездо пяты подпружной

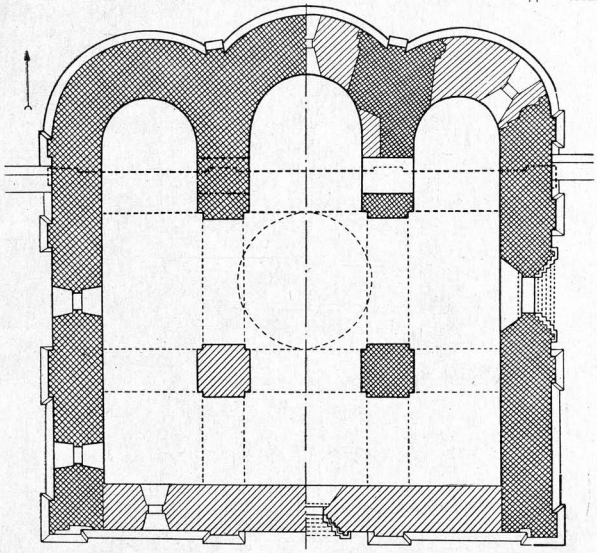


Рис. 1. Успенский собор в Костроме. XVI в. План. Реконструкция С. С. Чижова. 1935 г.

Перекрестной штриховкой показаны сохранившиеся части здания. В правой половине плана дается сечение на уровне порталов и окон алтаря, в левой — по верхнему свету

Успенский собор был расширен в западной части с возведением дополнительной западной пары подкупольных столпов и превратился вследствие этого в совершенно заурядный, по словам Л. К. Любимова, храм с крестово-купольной системой плана и перекрытия. К такому заключению склоняют, во-первых, безрезультатные поиски древних оконных проемов на западном фасаде собора и на западных же пряслах его боковых фасадов (зондажи в нижней части окон XVII—XVIII вв. производились на площади около 2 м²). Во-вторых, внутри собора была найдена перевязка кирпичной кладки так называемых старых и новых стен (XVI—XVII вв.), находившаяся на оси арки, расположенное напротив северо-восточного опорного столпа. Совокупность открытий, сделанных в процессе натурного обследования и архитектурных обмеров руинированного памятника, дала возможность С. С. Чижову предложить реконструкцию первоначальных форм Успенского собора в Костроме — его плана, продольного разреза и северного фасада[5] (рис. 1—3). Принимая во внимание, что первоначальное перекрытие собора и его венчание были уничтожены еще при перестройке во второй половине XVII в. (стены нового храма и

[4] Л. К. Любимов. Дневник хода работ..., л. 7.
[5] Гос. науч.-исслед. музей архитектуры им. А. В. Щусева, отдел фондов, Р. V, № 405—407.

своды, по наблюдениям Л. К. Любимова, были подняты на высоту не менее 1—1.5 м), реконструкция С. С. Чижова верхней части здания XVI в. представляется нам спорной. Система сводчатого перекрытия храма XVI в., пропорции его светового барабана и переход от барабана к закомарному перекрытию до сих пор остаются неизвестными.

В XVI и в начале XVII в. костромской Успенский собор представлял собой двухстолпный, одноглавый трехапсидный храм с позакомарным покрытием и высоким сводчатым подклетом.[7] Придельная церковь Федора Стратилата была устроена или в одной из апсид (скорее всего в северной), или «отдельною статьею» около северо-восточного угла собора.[8]

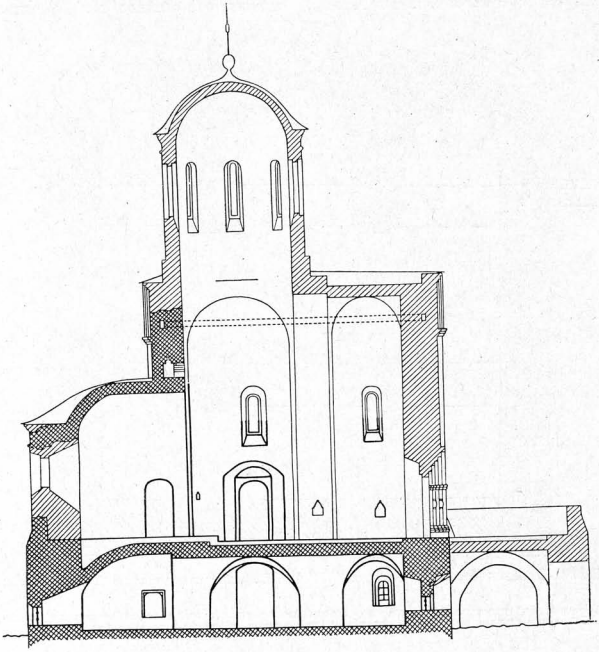


Рис. 2. Успенский собор в Костроме. XVI в. Продольный разрез. Реконструкция С. С. Чижова. 1935 г.

Перекрестной штриховкой показаны сохранившиеся части здания.

Реконструкция плана храма допускает иное решение его верха, а именно — световой барабан мог быть выложен не между подкупольными столпами и восточной стеной четверика, а непосредственно над столпами. Такого рода храмовые сооружения были известны в Московской Руси XVI в., и именно о них писал в свое время В. А. Богусевич.[6]

Фасады храма членились горельефными лопатками на три прясла, в верхней части которых

[6] В. А. Богусевич. Новый архитектурный тип в русском зодчестве XVI и XVII столетий. ГАИМК, Бюро по делам аспирантов. Сб. 1, Л., 1929, с. 93—100.

[7] Таким образом, догадки П. Островского, Г. Лукомского и др. о том, что Успенский собор в Костроме был выстроен с самого начала как двухстолпное сооружение, получили полное подтверждение. См.: П. Островский. Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора. М., 1855, с. 46; ИАК, вып. 31, 1909, с. 72; В. К. и Г. К. Лукомские. Кострома. СПб., 1913, с. 127.

[8] ГАКО, ф. 558, оп. 2, ед. хр. 133 (Писцовая книга г. Костромы 1628 года), л. 565 об.—566.

были узкие оконные проемы, лишенные наличникового обрамления. Ступенчатый излом лопаток объясняется, по всей вероятности, стремлением совместить каждую из межпрясельных лопаток с пятами закомар, которыми венчались фасады собора. В храм вели разнотипные белокаменные перспективные порталы — с килевидным архивольтом на северном и южном

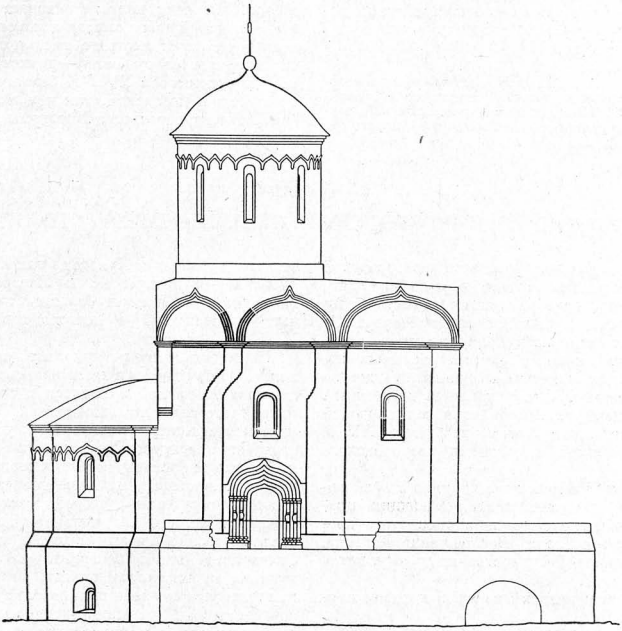


Рис. 3. Успенский собор в Костроме. XVI в. Северный фасад. Реконструкция С. С. Чижова. 1935 г.

фасадах и с полуциркульным завершением с запада. Выше верхнего ряда архивольта каждого из порталов в кладке стен были выложены разгрузочные арки.

Конструктивно-планировочная особенность памятника (двухстолпие) предопределила местоположение портальных входов на боковых фасадах здания — они были сдвинуты к апсидам и выводили непосредственно в подкупольное пространство, расположенное между крестчатыми в сечении опорными столпами и иконостасом. Световой барабан оказывался, таким образом, сдвинутым по своду в том же направлении; он опирался на восточную стену храма и, возможно, на ступенчато-пониженные подпружные арки, выложенные между барабаном и опорными столпами (предположение автора). Напротив восточных граней подкупольных столпов из восточной стены храма выступали две лопатки, переходившие вверху в подпружные арки. Нижнюю часть стен и столпов внутри храма оживляли глубокие ниши — печуры, перекрытые ложными многоступенчатыми сводиками. В верхней части стен имелись оригинальные по конструкции нишки с тем же характером перекрытия (ложный свод).

Одной из немногих известных нам архитектурных форм первоначального декоративного

убранства фасадов Успенского собора является обнаруженный под карнизом апсид поясок килевидных арочек. Из некоторых особенностей объемно-пространственной композиции памятника следует указать на ориентацию апсид собора к северу — в сторону Запрудни, где в XIII в. «явилась» икона Федоровской Богоматери.[9] Собор был выстроен в технике однородной кладки из кирпича размерами 81×139×285 мм. Поставленный на самой бровке костромского детинца, собор казался органичным завершением городского холма.

[9] Поворот апсид на север имел место и в некоторых надвратных церквах Костромского и Галичского уездов XVII в., например в Никольской надвратной церкви Авраамьева Городецкого монастыря под Чухломой (около 1650 г.).

Значение Успенского собора в общественно-религиозной, политической и культурной жизни Костромы XVII в. трудно переоценить. В нем находилась важнейшая икона города — его палладиум — «Богоматерь Федоровская» (XIII в.), широко известная за пределами Костромы и являвшаяся в XVII в. живописным эталоном икон на этот сюжет. Не меньшее значение в художественной жизни города имела архитектура собора. Можно с полным основанием считать, что Успенский собор сыграл основополагающую роль в развитии местного типа культового архитектурного сооружения — двухстолпного храма, получившего в XVII в. большую популярность как в посадском, так и в монастырском каменном строительстве Костромы и ее пригородов.

В. К. Лаурина

К ВОПРОСУ О НОВГОРОДСКОЙ ИКОНОПИСИ XV СТОЛЕТИЯ

Периодом высшего расцвета новгородской иконописи принято считать первую половину XV в. Однако после раскрытия значительного количества произведений второй половины XV столетия и тщательной атрибуции икон, относимых прежде к более раннему времени, но, как нам представляется, созданных также во второй половине XV в.,[1] оказалось возможным изменить оценку данного этапа новгородской иконописи и считать живопись всего XV в. наивысшей точкой в развитии новгородского искусства.

В числе характерных памятников второй половины XV столетия, подтверждающих правильность новой оценки иконописи этого времени, находится икона «Воскрешение Лазаря», принадлежащая Государственному Русскому музею[2] (рис. 1).

Ее иконографический извод, в котором апостолы во главе с Христом помещены слева, а иудеи — в центре, около Лазаря, наиболее традиционен и присущ большинству аналогичных изображений в новгородской живописи XIV—XVI столетий.

Композиция иконы монолитна и динамична, хорошо вписывается в несколько «приземистый» формат. Все в ней находится в состоянии исполненного силы противоборства. Главный элемент композиции — массивная, неустойчиво поставленная фигура Христа, его обращенный к Лазарю энергичный жест. Остальные персонажи намечены скупо. О предельном лаконизме говорит отсутствие второй сестры Лазаря Марфы и то, что апостолы и иудеи представлены всего лишь тремя и двумя персонажами. Развитие действия построено на равнодействующих противопоставлениях, активно выраженных уравновешенных вертикалях и горизонталях. Так, решенным по вертикальному принципу левой и правой частям иконы противопоставлен ее центр с большим количеством останавливающих движение вверх устойчивых горизонталей. А стремительный взлет венчающих сцену горок с прямоугольными лещадками и «пяточками» сочетается с горизонталью, которую они образуют своими вершинами.

Все формы иконы по-новгородски весомые. Одежды, объемно моделирующие фигуры, ложатся тяжеловесными складками.

Цветовой строй очень светлый, сдержанный, с преобладанием холодных тонов: фиолетово-коричневых, голубовато-зеленых, а также светло-зеленых, киновари, белых, черных и объединяющих их светлых и золотистых охр (фон и поля иконы). Причем левая ее часть

[1] В. К. Лаурина. 1) Новгородская иконопись конца XV—начала XVI века и московское искусство. В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV—XVI вв. М., 1970, с. 386—387, 391—393, 396, 398, 435—436; 2) Новые работы реставрационной мастерской древнерусской темперной живописи Государственного Русского музея (в печати).

[2] Инв. № 3069, размер 47.5×38.8×2.8 см. Приобретена в 1968 г. у Л. М. Бялик в Ленинграде. Раскрыта до поступления в ГРМ. Поля иконы, особенно торцовые, опилены. Незначительные тонировки. Надписи слегка правленные. Экспонировалась на выставке «Живопись древнего Новгорода и его земель XII—XVII столетий» в Ленинграде в 1971—1972 гг. («Живопись древнего Новгорода и его земель XII—XVII столетий». Вступительная статья и научная редакция каталога В. К. Лауриной. Авторы-составители В. К. Лаурина, Г. Д. Петрова, Э. С. Смирнова. Л., 1974, с. 15, 53, № 48).

более светлая и спокойная по тону; правая — более напряженная, что достигается контрастным противопоставлением красок. Пробелка и тени на одеждах положены в тон.

Рис. 1. Воскрешение Лазаря. Вторая половина XV в. ГРМ.

Лики — характерно новгородского типа. Их мягкая объемная моделировка с крупными высветлениями светлой охрой по зеленовато-охристому санкирю, легкой подрумянкой и живописно трактованными тенями под глазами завершается обильными оживками. Черные зрачки глаз резко акцентированы.

Целостность видения получает выражение в слитности форм, рисунка и колорита иконы. Динамичное построение в сочетании со свет-

лым гармоничным колоритом создают эмоциональное состояние просветленной радости, которое раскрывает основную идею произведения: торжество жизни над смертью.

Не вызывает сомнений, что рассмотренное «Воскрешение Лазаря» принадлежит к новгородской школе.

Для определения времени его создания сравним этот памятник с аналогичным изображением на Четырехчастной иконе из Георгиевской церкви в Новгороде,[3] а также с одноименными произведениями из церкви Успения на Волотовом поле в Новгороде[4] (рис. 2) и из праздничного ряда иконостаса Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря.[5]

Иконографический вариант интересующей нас сцены Четырехчастной иконы первой половины XV столетия более распространен. Стилистически это произведение старше публикуемого, о чем свидетельствует простота его композиционного построения, мощные, но мягко трактованные формы, тонкость линейных абрисов и карнаций, насыщенность и богатство цвета.

В Волотовской иконе, созданной в последней четверти XV в., при идентичности иконографической схемы, иконографический извод более развит. В нем намечается даже некоторый отход от данной и, по-видимому, изначальной иконографии. Здесь все подчинено основной идее, которую олицетворяет фигура Христа, его приказывающий жест. Даже удлиненный формат произведения и вытянутые пропорции тонко прорисованных фигур многочисленных апостолов и иудеев, ярко выраженный порыв к небу встречных по своему движению горок подчинены главному образу, гармонично слиты с ним. Особенности новгородской школы в этом памятнике еще четко выражены, но в нем прослеживается уже ряд черт, свойственных московской иконописи.

В еще большей степени московское влияние дает себе знать в одноименной иконе из Кирилло-Белозерского монастыря, написанной около 1497 г. (окончание постройки каменного Успенского собора). Основная идея иконы — торжество, победное ликование — присуща московской иконописи и получила яркое воплощение в произведениях Дионисия. В этой же новгородской иконе все мягко, лирично, изысканно, свидетельствует об изящном совершенстве форм.

В Кирилловском «Воскрешении Лазаря» выражены те стилевые изменения, которые определяют характер новгородской иконописи конца XV—начала XVI столетия, находящейся под сильным воздействием московского искусства. В нем повторяется иконографический вариант, воплощенный в одноименных иконах Благовещенского собора Московского Кремля (около 1405 г.) и Троицкого в Троице-Сергиевой лавре (1420-е годы), в которых иудеи изображены за Христом слева, а апостолы — около гробницы Лазаря, в центре произведения.[6]

Во всех рассмотренных иконах прослеживаются разновременные стилистические особенности. Изображение «Воскрешения Лазаря» на Четырехчастной иконе тесно связано еще с традициями новгородской иконописи конца XIV—начала XV столетия. Стилистику Волотовской иконы определяет влияние московского искусства. Наконец, иконография и основная художественная направленность «Воскрешения Лазаря» из Кирилло-Белозерского монастыря объясняется не только временем, но и местом создания этого произведения, взаимодействием новгородской и московской школ, типичным для иконостаса Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря.

---

[3] Воскрешение Лазаря, Троица, Сретение, Иоанн Богослов и Прохор. ГРМ, инв. № 2775, размер 103×76.7×1.8 см. — В ГРМ поступила после выставки 1929 г., через антиквариат. Ранее находилась в Новгородском музее, где и была раскрыта в 1919 г. Экспонировалась на выставках древнерусской иконописи 1929 г., организованной НКП РСФСР в Германии, Англии и Америке. См.: «Живопись древнего Новгорода...». Большинство исследователей датируют икону рубежом XIV и XV столетий. К XV в. она отнесена в лондонском издании каталога выставки (Masterpieces of russian Painting. London, 1930, p. 110, tabl. VII), а также Ф. Швейнфуртом (Ph. Schweinfurth. Geschichte der russischen Malerei. Haag., 1930, Tabl. VII) и В. М. Алпатовым (M. Alpatov und N. Brunov. Geschichte der altrussischen Kunst. Augsburg, 1932, S. 333, Tabl. 261; В. М. Алпатов. Русское искусство с древнейших времен до начала XVIII века. В кн.: Всеобщая история искусств. Т. III. М., 1955, с. 240). Икона имеет обширную литературу и неоднократно воспроизводилась — см. каталог «Живопись древнего Новгорода...», с. 15, 48—49, № 37, илл. 25.

[4] НИАМЗ, инв. № 10913, размер 88.7×57.9×2.7 см. — В Новгородский музей поступила в 1921 г. Раскрыта в 1931 г. Г. О. Чириковым и в 1946 г. Ф. А. Модоровым. Икона воспроизведена: K. Onasch. Ikonen. Berlin. 1961, Taf. 40. См. каталог выставки «Живопись древнего Новгорода...», с. 15—16, № 59.

[5] ГРМ, инв. № 2784, размер 72×58×2 см. — Торцовые поля опилены. В ГРМ поступила в 1933 г. после выставки древнерусской иконописи 1929 г., через антиквариат. Раскрыта в реставрационных мастерских при Новгородском музее древнерусского искусства в 1926—1927 гг. Н. Г. Давыдовым. Происхождение иконы установлено О. В. Лениковой. Была на выставках древнерусской иконописи 1929 г. Икона несколько раз воспроизводилась (Э. С. Смирнова. Две иконы из Кирилло-Белозерского монастыря. В кн.: Сообщения ГРМ. Т. VIII. Л., 1964, с. 101; В. Н. Лазарев. Дионисий и его школа. В кн.: История русского искусства. Т. III. М., 1955, с. 487). См. каталог выставки «Живопись древнего Новгорода...», с. 18, 62, № 76, илл. 43.

[6] Э. С. Смирнова. Две иконы..., с. 100.

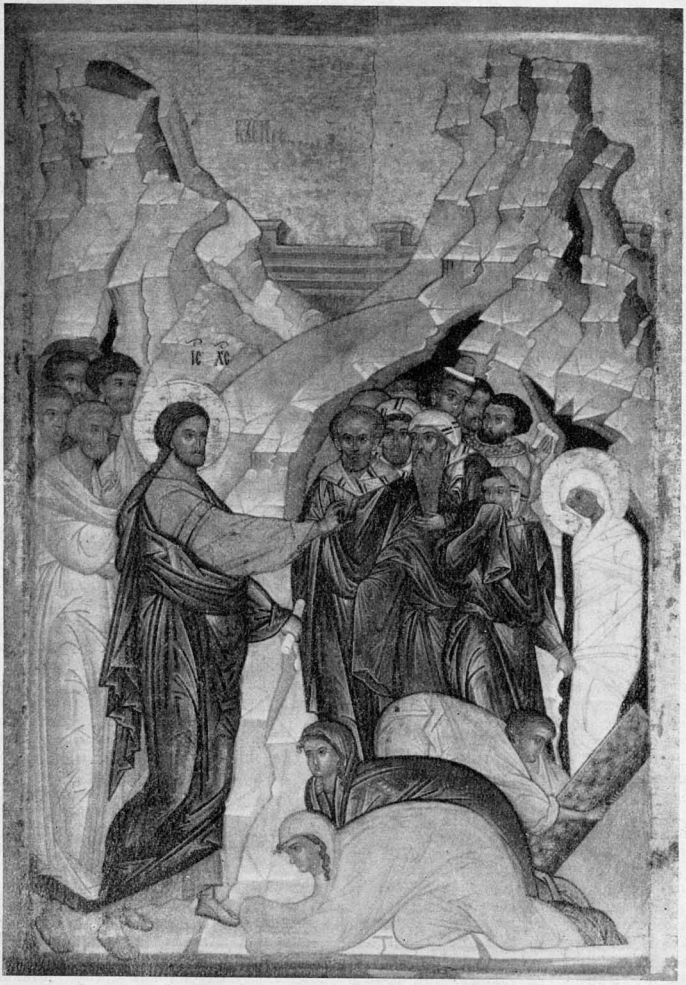


Рис. 2. Воскрешение Лазаря. Икона из церкви Успения на Волотовом поле. Последняя четверть XV в. НИАМЗ.

Сравнение показывает, что иконографический вариант публикуемого «Воскрешения Лазаря» очень старый и максимально упрощенный. Этот памятник моложе Четырехчастной иконы и старше аналогичных произведений из Волотовской церкви и Кирилло-Белозерского монастыря. В отличие от более развитых в иконографическом отношении, отмеченных изысканностью композиционного и линейного решения, утонченностью красочной гармонии Волотовской и Кирилловской икон, оркестровка этой иконы не менее умелая, отвечающая стилю новгородской иконописи второй половины XV столетия.

Время создания публикуемого произведения подтверждает также его стилистическая близость к таким памятникам новгородской школы второй половины XV в., как «Параскева и Анастасия»,[7] «Избранные святые»,[8] и другая недавно раскрытая из-под прописок икона избранных святых[9] (все три — в ГРМ).

В «Воскрешении Лазаря» Русского музея дает себя знать почти земная мощь, присущая новгородской иконописи. Ощущение силы достигается четким ритмом, простотой сопоставлений и динамичностью композиции, контрастом и противоборством подчеркнуто мощных форм.

Специфика и целенаправленность изобразительных средств говорит о том, что эта икона второй половины XV столетия является классическим произведением живописи Великого Новгорода периода ее наивысшего расцвета.

---

[7] Инв. № 2069, размер 74.7×57.5×2.8 см. — Имена в надписях перепутаны. В Русский музей поступила в 1913 г. из собрания Н. П. Лихачева. Была на выставках «Русское искусство от скифов до наших дней. Сокровища советских музеев» (Париж, 1967—1968 гг.) и «Живопись древнего Новгорода...». Воспроизведена в каталоге Парижской выставки: L' art russe des Scythes à nos jours. Trésors des musées soviétiques, Grand Palais. Oktobre 1967. Janvier, 1968, Paris, № 255, tabl. 255. См. каталог выставки «Живопись древнего Новгорода...», с. 54—55, № 53, илл. 33.

[8] Варлаам Хутынский, Иоанн Милостивый, Параскева и Анастасия с Богоматерью Знамение. Инв. № 2061, размер 65.9×50.3×2.6 см. — В Русский музей поступила в 1898 г. из собрания В. А. Прохорова. Была на выставке «Живопись древнего Новгорода...». Несколько раз воспроизводилась. См. воспроизведение иконы в альбоме: В. Н. Лазарев. Новгородская иконопись. М., 1969, табл. 29. См. каталог выставки «Живопись древнего Новгорода...», с. 15, 53, № 49, илл. 30.

[9] «Константин и Елена с преподобным Антонием, Параскевой Пятницей, неизвестной мученицей и Богоматерью Знамение». Инв. № 1567, размер 54.5×42.8×2.3 см. — В ГРМ поступила в 1913 г. из собрания Н. П. Лихачева. Окончательно раскрыта в ГРМ в 1971 г. И. П. Ярославцевым. Вставки новой живописи. Была на выставке «Живопись древнего Новгорода...». См. воспроизведение иконы в каталоге этой выставки, с. 15—54, № 51, илл. 31.

Г. Н. Логвин

НОВЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ В СОФИИ КИЕВСКОЙ

О времени сооружения Софии Киевской и ее первоначальном облике нет единого мнения. Последние публикации, кажется, убедили всех в том, что храм изначально был задуман и возведен как пятинефное здание, окруженное одноярусной открытой аркадо-галереей. Через 30—40 лет возвели второй ярус над внутренними галереями. Это якобы повлекло за собой деформации в аркадах и вызвало необходимость укрепления храма, для чего соорудили наружные галереи и систему аркбутанов с южной башней для входа на хоры. А как до этого на них входили, сторонники данной версии не давали ответа. Наконец, по каким-то неизвестным соображениям значительно позже возвели северную башню.[1] Все эти гипотезы основывались на том, что между южной башней и столбами внутренней галереи нет перевязи в кладке, что один из аркбутанов включен в кладку стены северной башни, а на фасадных плоскостях антов крестчатых столбов западной внутренней галереи возле северной башни и в крещальне возле южной башни обнаружены фрески, прикрытые столбами, подпирающими зениты полуарок аркбутанов.

Для решения вопроса о времени и последовательности строительства и внутреннего убранства Софии Киевской большое значение имеют наблюдения над размером оштукатуренных площадей стен, расписываемых в один прием, характер их стыка, направление нахлеста (рис. 1). Оказалось, что Софию Киевскую начали расписывать одновременно в главном и смежных алтарях Петра и Павла и Иоакима и Анны, сверху вниз, регистр за регистром. Стыки штукатурки как в горизонтальном, так и вертикальном направлениях маскируются коричнево-красной полосой, окаймляющей одиночные изображения либо отдельные сцены. Направление нахлеста штукатурки на верти-

---

[1] М. Кресальний, Ю. Асеев. Нові дослідження архітектури Софійського собору. Архітектура і будівництво. Київ, 1955, № 1 (13), с. 27—29; М. Н. Кресальний. Софійський заповідник у Києві. Київ, 1960, с. 69—70, 87; М. К. Каргер. Древний Киев. Т. II. М.—Л., 1961, с. 166—172.

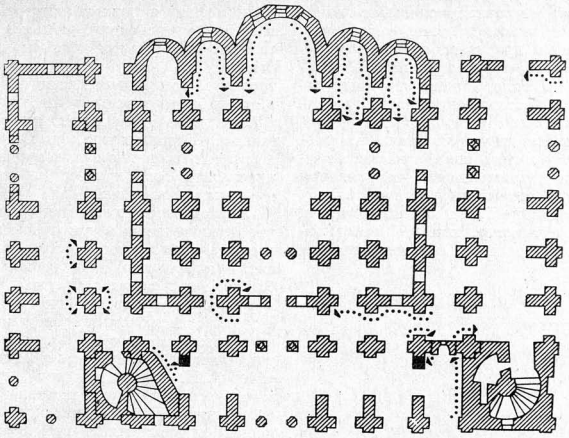


Рис. 1. План собора.

Черным залиты позднейшие столбы-прикладки. Прерывистой линией со стрелками указано направление хода работ по нанесению штукатурки под фреску.

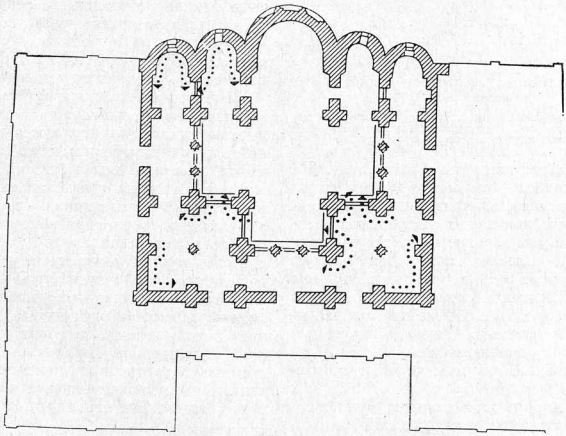


Рис. 2. План собора на уровне хор.

Прерывистой линией со стрелками показано направление хода работ по нанесению штукатурки под фреску.

кальных стыках позволяет сделать вывод, что все пять алтарей начинали расписывать одновременно. Во всех апсидах можно установить, что ход росписей направлялся от центральной части одновременно направо и налево. Особенно хорошо это видно по нахлесту штукатурки в проемах, разделяющих смежные алтари.

Росписи куполов на хорах также начинались сверху и опускались вниз, а нахлест стыков штукатурки вертикального направления свидетельствует о том, что вначале на западной стене южной части хор была написана «Встреча Авраамом трех путников», затем «Жертвоприношение Авраама». Таким образом, мастера

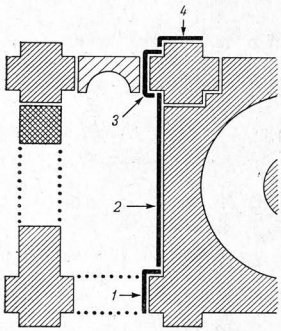


Рис. 3. Крещальня и фрагмент южной башни.

Цифрами обозначен порядок нанесения штукатурки под фреску. Перекрестной штриховкой обозначен позднейший столб-прикладка.

двигались от периферии храма к центру. На крестчатых столбах, отграничивающих хоры от нефа и трансепта, вначале были оштукатурены и расписаны плоскости с внутренних сторон хор, а затем уже обращенные в неф и трансепт (рис. 2). Следовательно, центральную часть храма начали расписывать, когда купола и стены до шиферных карнизов на хорах были уже расписаны, когда одновременно был расписан свод нефа и трансепта также до шиферных карнизов. Поэтому предположение В. Н. Лазарева о более поздней росписи хоров не оправдано.[2]

Еще более любопытную картину можно наблюдать во внутренней западной галерее против Петропавловского алтаря (рис. 1). Вначале был расписан свод галереи, затем стены до шиферного карниза, потом плоскости крестчатого столба между Петропавловским приделом, главным нефом и южной внутренней галереей. Штукатурку наносили, двигаясь из внутренней галереи в Петропавловский придел, а затем в центральный неф. Это могло происходить только в том случае, если росписи делались в очень быстром темпе и мастеров, окончивших работу где-либо на хорах, ставили на роспись галерей. К сожалению, фресковая штукатурка не везде сохранилась, поэтому нет возможности проследить весь процесс работы и в других внутренних галереях.

Последовательность нанесения штукатурки прослеживается и в наружной западной галерее, где видно, что вначале был оштукатурен ант, выступающий из северной стены южной башни, затем стена с фреской «Сорок мучеников при озере Севастийском» (рис. 3). Стена с этой росписью смыкается заподлицо с антом наружного углового крестчатого столба пересекающихся здесь западной и южной внутренних галерей. На крестчатом столбе, где к нему примыкает стена южной башни, первоначально не было штукатурки, а плоскость анта, являющаяся продолжением стены южной башни, была одновременно оштукатурена и расписана фреской «Сорок мучеников». Хотя в месте стыка стены башни и крестчатого столба штукатурка разорвана большой трещиной, можно ясно видеть, что растворы по обе стороны разрыва одинаковой толщины, структуры и цвета, а на анте крестчатого столба сохранился фрагмент одного из мучеников (рис. 4). Другие плоскости опорного столба штукатурились в такой последовательности, что мастер двигался по часовой стрелке из наружной галереи во внутреннюю. Это утверждает нас в мысли, что и наружные галереи были расписаны одновременно не только с внутренними, но и с центральной частью храма. В пользу такого предположения говорит и надпись граффити на фреске «Сорок мучеников», аналогичная и одновременная с надписями в основном объеме храма.[3]

Восточная стена южной башни примыкает к столбу южной внутренней галереи, на которой также нет штукатурки в месте стыка. Отсутствие перевязи — сознательный конструктивный прием,[4] ибо башня и галереи находились не в одинаковых условиях и делать перевязь было крайне неразумно. Таким образом, отсутствие перевязи не может служить доказательством разновременности возведения галерей и башни. Они строились одновременно.

[2] В. Н. Лазарев. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, с. 57.

[3] С. А. Высоцкий. Древнерусские надписи Софии Киевской. XI—XIV вв. Вып. 1. Киев, 1966, с. 88—89, табл. XII, XIII.

[4] І. В. Моргилевський. Київська Софія в світлі нових спостережень. Київ та його околиця в історії і пам'ятках. Київ, 1926, с. 105.

Рис. 4. Крещальня.

Справа — фреска «Сорок мучеников», занимающая стену Южной башни, и ант крестчатого столба внутренней галереи. Виден нахлест штукатурки и кладка крестчатого столба системой с «утопленным рядом».

В северной башне, в том месте, где она примыкает к восточному аркбутану, есть остаток первоначальной штукатурки под фреску, нанесенный одновременно на аркбутан и стену башни. В интерьере видно, что эта стена в том месте, где она примыкает к внешнему опорному концу аркбутана, возведена одновременно с ним, так как в зазоре нет штукатурки ни на стене, ни на аркбутане. Штукатурка под фреску в башне и на входном проеме нанесена и расписана одновременно. Даже орнамент, смальта и штукатурка мозаичных подступенков лестницы северной башни аналогичны мозаичному декору в центральной части храма. Следовательно, отпадает предположение, что северная башня была пристроена значительно позднее наружных галерей и основного объема. В процессе строительства мастеру проще было возвести четкую конструктивную систему аркбутанов, а потом вписать в нее башни. Это подтверждается тем, что по оси стены, разделяющей внутреннюю галерею и Георгиевский алтарь, аркбутана, видимо, не было вообще. Даже если принять гипотезу о позднем возведении наружных галерей, то и в этом случае наличие фресок на внешних фасадных плоскостях крестчатых столбов внутренних галерей подтверждает, что храм был задуман с двумя рядами галерей, иначе эти плоскости, будучи наружными, вообще не были бы расписаны фресками с фигурами святых. Мы не знаем случаев в древнерусском зодчестве, когда бы наружные фасадные плоскости стен или столбов расписывались фресками. Они есть только в нишах либо на внутренних плоскостях сводов арок, как в той же Софии Киевской. И только на восьмигранных столбах северного и южного входов есть орнаментальные украшения.

В крещальне зенит полуарки закрывает часть фрески, написанной на фасадной плоскости анта крестчатого внешнего столба внутренней галереи (рис. 5). Это ввело в заблуждение многих авторов.[5] Следует обратить внимание на то, что в зените аркбутана плинфы уложены вертикально. Вот почему, когда по неизвестным причинам нарушилось статическое равновесие конструкции и аркбутан в месте стыка с плоскостью анта скололся, его верхний конец опустился на 30 см, закрыв нижележащую фреску. А чтобы он не опускался, под него подвели столб-прикладку.

Сравнение кладки, известкового раствора и размеров плинф, из которых сооружены как главный пятинефный объем, так и галереи с башнями, и раствора, кладки и плинф обоих столбов-прикладок подтверждает их разновременность (рис. 6). Столбы-прикладки, закрывающие фрески фасадных плоскостей крестчатых столбов внутренней галереи, не только не одновременны со всеми частями главного объема храма, но и с аркбутанами и башнями. Раствор кладки в нефах, галереях и башнях — розовый, в столбах-прикладках — почти белый. Плинфы всюду большого формата — $(37 \div 39) \times (29 \div 30)$ см, но очень тонкие — 2.9—3.5 см. Зато в столбах-прикладках они меньшего размера — $(34 \div 36) \times (28 \div 30)$ см, но значительно толще — 4—5 см. Система кладки везде в храме четкая, расстояние между выступающими плинфами, как правило, 10—12 см, реже — 13—14 см, в прикладках такой четкости кладки нет. Хотя в сечении эти столбы-прикладки небольшие, всего 105×88 см, сложены они из камня и плинфы смешанным способом, крестчатые же столбы везде сложены только из плинфы способом «с утопленным рядом».

Не только детальный анализ, но даже простое зрительное сравнение открытой кладки аркбутана с южной стороны северной башни и столба-прикладки под зенит этого аркбутана убеждает, что они никак не могли быть возведены одновременно. Столбы-прикладки не имеют никакого отношения к первоначальному сооружению как главного объема храма, так и галерей с башнями.

Таким образом, анализ характера кладки, цвета раствора, размеров плинф и порядка нанесения штукатурки под фрески в центральной части здания, на хорах, во внутренней и внешних галереях и башнях начисто опровергает гипотезу о разновременности строительства и росписи. И строительство, и украшение храма исполнено в одно время, без каких-либо хронологических разрывов. Этот вывод подкрепляется исследованиями В. К. Мясоедова и А. Грабара, утверждавших одновременность росписей храма, стилистическое единство фресок всех его частей.[6]

Нам представляется, что разработанный зодчим проект храма в объемной модели предусматривал возведение двухъярусных внутренних галерей одновременно с пятинефным объемом, одноярусных наружных галерей и двух башен — с лестницами на хоры. В процессе строительства был возведен пятинефный объем с внутренними двухъярусными галереями и аркбутанами внешних галерей. Когда кладка куполов была закончена, убрали леса, возвели две башни с лестницами на хоры и своды на-

[5] М. Кресальний, Ю. Асеев. Нові дослідження. . ., с. 27—29.

[6] В. К. Мясоедов. Фрески северного притвора Софийского собора в Киеве. ЗОРСА, т. XII, 1918, с. 4—5; А. Грабар. Фрески апостольского придела Киево-Софийского собора. ЗОРСА, т. XII, 1918, с. 101; Г. Логвин. София Киевская. Киев, 1971, с. 41.

ружных галерей, нагрузившие аркбутаны. Только в таком случае конструкция получила необходимую статистическую устойчивость, и храм, несмотря на все невзгоды, относительно хорошо сохранился. Разрушение же сводов над главным нефом произошло не по причине плохого конструктивного решения, а из-за вмешательства людей, снявших свинцовые кровли, в результате чего своды стали интенсивно разрушаться.

В пользу нашего предположения о порядке строительства говорит также и характер деформации некоторых подпружных арок в северной и южной галереях и почти всех в западной. Она могла произойти либо от ошибки в устройстве опалубки плотником, или от того, что вто-

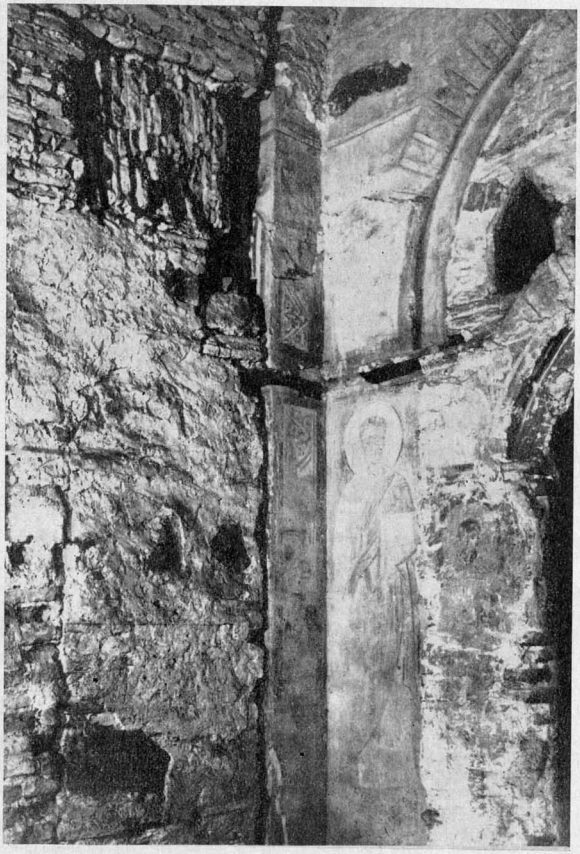


Рис. 5. Крещальня. Фрагмент зенита аркбутана и позднейший столб-прикладка.

Рис. 6. Фрагмент столба-прикладки, подпирающего зенит аркбутана возле Северной башни. Кладка смешанного типа.

рой ярус возводился сразу и арки еще были пластичны. Если бы второй ярус возводили через 30—50 лет, то деформации выразились бы не в пластичном изменении конфигурации арок, а в трещинах. Предположение, что второй ярус внутренних галерей возводился позже, ставит неразрешимое противоречие, ибо непонятно, как мог зодчий преодолеть трудности устройства лесов для кладки стен вначале только пятинефного объема и одноярусных внутренних галерей. Это невозможно, так как леса должны были в этом случае «протыкать» купольные и сводчатые перекрытия одноярусных внутренних галерей.

Наблюдение над высотой сезонных кладок стен Успенского собора Киево-Печерской лавры после разрушения показывает, что она колебалась в пределах 4—5 м. Учитывая сообщение летописей о сроках строительства различных храмов и анализируя конструктивную систему Софии Киевской, можно прийти к выводу, что строительство шло в очень быстром темпе, вероятно, всего 5 сезонов. В первый возведены стены и столбы, включая и наружные галереи на уровень деревянных перевязей арок первого яруса; во второй — до уровня пола хоров, включая и аркбутаны наружных галерей; в третий — до уровня перевязей в тройных арках нефа и трансепта; в четвертый — своды и боковые купола; в пятый — главный купол, разобраны леса и возведены без помех своды наружных галерей и две башни. Один-два сезона — подготовка к росписям и ожидание «усадки» кладки; три сезона ушло на росписи фресками и мозаиками. Итак, строительство, выжидание «усадки» и росписи могли занять 9—10 лет.

Т. И. Макарова

ВЕНЕЦ С ПЕРЕГОРОДЧАТОЙ ЭМАЛЬЮ ИЗ ЛЮБЕЧА

В 1960 г. на Замковой горе в Любече в жилище, погибшем в пожаре татарского нашествия, было найдено 25 нашивных серебряных бляшек.[1] Семь из них круглые, с перегородчатой эмалью, семь — треугольные со стеклянными вставками, четыре — в форме розеток и семь — битреугольные. В треугольной вырезке одной из этих бляшек сохранился мелкий речной жемчуг; очевидно, внутреннее пространство битреугольных бляшек было расшито жемчугом. Края их оказались загнутыми и пробитыми частыми отверстиями, которые не позволяют сомневаться, что бляшки нашивались на ткань. Положенные в ряд, они составляют ленту длиной 40 см. При вероятной симметрии расположения битреугольных бляшек первоначально их там должно быть восемь (см. рисунок). В таком виде любеческие бляшки более всего напоминают венчик — переднюю часть женского головного убора.

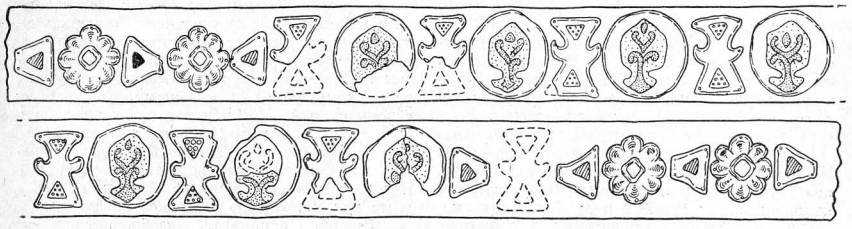
Многочисленные находки металлических пластинчатых и тканевых венчиков хорошо из-

[1] Инв. №: Любеч — 1960, XXVIII, жил. 2, № 376. — Приношу благодарность Б. А. Рыбакову за предоставленную возможность публикации материалов раскопок.

вестны.[2] Они были необходимой принадлежностью женского головного убора на протяжении всего средневековья. Это зафиксировано на различных произведениях монументальной живописи и прикладного искусства и в дополнительной аргументации не нуждается.

Расшитая часть венца доходила примерно до висков. Далее украшать его не было смысла, так как затылок закрывался ниспадавшим на плечи и спину покрывалом. Самим местом венца в головном уборе диктовалась симметричность и нарядность композиции, украшавшей его. Венец мог состоять из золотых звеньев с эмалью, как знаменитые диадемы Сахновки

Круглые любеческие бляшки сделаны из тонкой серебряной пластины, с внешней стороны позолоченной. Диаметр пластин 12 мм, края загнуты и пробиты восемью отверстиями для скрепления с материалом. В центре выдавлен на прорезной матрице лоток глубиной 1 мм в форме шестигранника на ножке с подставкой. Этот этап работы легко восстанавливается. Круглую пластину наложили на круглую матрицу диаметром около 10 мм, сцентрировали их, продавив острой иглой отверстие диаметром 0.5 мм, и, придерживая иглой пластину, выдавили в ней лоток ударами по контуру прорези в матрице. На внутренней стороне пла-



Реконструкция венца из Любеча.

и Киева,[3] или простой парчевой ленты, но и в том, и в другом случае это была центральная часть убора.

Любеческий венец был полихромным: бляшки сохранили следы позолоты; в одной треугольной бляшке обнаружена стеклянная вставка, в одной битреугольной — жемчуг. Семь круглых бляшек были украшены эмалью зеленого, бирюзового, синего цвета. Четыре из них дошли до нас целиком, три — в обломках. Последнее обстоятельство дало возможность сделать спектральный анализ эмали и подробно рассмотреть технологию изготовления украшения.

Результаты спектрального анализа были несколько неожиданными. Стекло, из которого сварена эмаль, оказалось византийским по составу. В нем нет обычного для древнерусского стекла калия и есть отсутствующий в нем кобальт.[4] Можем ли мы считать на основании этого примитивные эмали из Любеча византийским импортом?

стин сохранились следы ударов молоточком по инструменту с тупым рабочим краем длиной 2 мм и шириной 0.5 мм. В центре лотка хорошо видно проколотое отверстие, по всему краю идут следы от ударов этим инструментом, то чередующиеся, то сливающиеся в одну линию. На некоторых бляшках край лотка оказался разорванным. Края бляшек небрежно загнуты на матрице. С внутренней стороны пластины хорошо видно, что все бляшки оттиснуты по одной матрице: всюду заметен ее дефект — некоторая кособокость. На дно полученного таким образом лотка уложены перегородки высотой 1 мм. Положенные не всегда симметрично, они все же уверенно передают один и тот же узор с небольшими вариациями. Это древо с двумя ветвями: верхние загнуты и образуют фигуру, близкую к сердечку, нижние отогнуты, сливаясь со стволом, а тот, утолщаясь, переходит в подножку. Мастер оригинально решает проблему соединения отдельных пластинок: он ставит конец одной из них перпендикулярно линии, которая им выкладывается, образуя своеобразные «усики». Несмотря на асимметричность рисунка, работа производит впечатление профессиональной.

Однако бляшки не напоминают произведения собственно византийской эмали: ни по ком-

[2] В. П. Левашова. Венчики женского головного убора из курганов X—XII вв. В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 91—97.

[3] Г. Ф. Корзухина. Русские клады. М.—Л., 1954. Клады 99 и 107.

[4] Анализ производился в лаборатории спектрального анализа МГУ Ю. Л. Щаповой.

позиции довольно примитивной, ни по мастерству, вполне сложившемуся, но все же провинциальному. По рисунку древа любеческие бляшки ближе всего эмалям, найденным в Рязани. Нигде больше мы не встретим древа на своеобразной подножке. На рязанских колтах с Борисом и Глебом (находка 1822 г.) изображены два древа на подножке. Их напоминает древо черниговских колтов со святыми из клада 1887 г. Любеческие эмали оказываются близкими этой группе древнерусских эмалей и по цветовой гамме, насколько можно судить по дошедшим до нас образцам. Надо отметить, что и по характеру дефектов — слабой полировке и плохой сохранности — из эмалей Руси, найденных в земле, именно эти ближе всего рязанским.

Требует объяснения только греческая рецептура любеческих эмалей. Надо вспомнить, что с древности и до XVII в. эмалевый порошок ввозили из центров с давно налаженным производством.[5] Невозможность подвергнуть спектральному анализу изделия с перегородчатой эмалью не позволяет нам это проверить. Но глаз улавливает тончайшие градации цвета, поэтому и одним визуальным сопоставлением цветовой гаммы русских и византийских эмалей можно уловить их идентичность. Учитывая стабильность сырья определенных производственных центров и зависимость их от местных условий, трудно предположить неизменность цветовой гаммы эмалей, если бы они были сварены в Византии и Руси с естественными, неизбежными для разных центров вариантами рецептуры. В этом случае и единственный доступный пока анализ любеческих эмалей может быть серьезным аргументом в пользу того, что эмалевый порошок привозился из Византии.

Различные производственные условия, существовавшие в мастерских, могли создавать вторичные причины разного качества эмалей. Так, слабая полировка оказалась причиной плохой сохранности рязанских и любеческих эмалей. Полировкой, процессом очень сложным, должны были хорошо владеть столичные ювелиры, работавшие с драгоценными камнями; этого уменья могло не хватить ювелирам удаленных от Киева центров.

[5] И. Е. Забелин. Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела в России. Зап. Археол. общ., т. VI, СПб., 1853, с. 254.

Треугольные, битреугольные бляшки и бляшки-розетки сделаны тиснением на матрице так же, как и круглые с эмалями. Манера их изготовления — одинаково неаккуратно загнутые края, одинаковые отверстия, небрежное тиснение на примитивных матрицах — выдают руку одного мастера. Не менее выразительно говорит об этом и единый идейный замысел композиции любеческого венца. Предложенная схема его реконструкций не исключает других вариантов. Однако от возможных комбинаций расположения бляшек не изменится смысловая нагрузка, которая в них содержится.

Основу композиции венца составляют круглые бляшки с эмалью и фигурные битреугольные с крючковатыми отростками. Последние представляют два треугольника, соприкасающиеся вершинами. От места их соединения отходят отростки. Фигура эта, дополненная аналогичной так, чтобы соприкасались основания, дает схему ромба с крючками, убедительно разгаданную А. К. Амброзом как символ женского начала в природе, символ плодородия.[6] В простейшем виде (как показано на реконструкции очелья) она представляет собой геометризованное изображение богини с воздетыми руками, хорошо известное по вышивкам.

Значение орнамента, изображенного на круглых бляшках, проще. Это древо жизни в одном из распространенных его вариантов, в основе своей несущее те же элементы.[7] Любопытно, что треугольные бляшки и ромбовидные розетки повторяют те геометрические фигуры (треугольник — ромб), которые издревле служили для обозначения женского начала в сложных письменах орнамента.

Итак, рука одного мастера была прослежена нами при анализе технологии изготовления пластин. Строгая подчиненность всей композиции единому замыслу теперь кажется очевидной. Это позволяет видеть в 25 найденных разрозненных бляшках остатки одного украшения — женского головного убора, а в его творцах — русских ювелиров черниговских великих князей, владевших любеческим замком до момента его гибели.

[6] А. К. Амброз. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками»). СА, 1965, № 3, с. 18—20.

[7] Там же, рис. 2, № 54.

А. Л. Монгайт, *П. А. Раппопорт*, *М. Б. Чернышев*

ЦЕРКОВЬ НОВОГО ОЛЬГОВА ГОРОДКА

В «Списке русских городов дальних и ближних» среди рязанских городов упомянут «Новый городок Олгов на усть Проне».[1] Остатками его является городище близ дер. Никитино примерно в 5 км вверх по Оке от Старой Рязани.[2] Городище расположено на высоком правом берегу Оки как раз над местом впадения в нее р. Прони. Площадка городища поднимается над рекой несколько более чем на 20 м. Отсюда прекрасно просматриваются на значительное расстояние поймы обеих рек; хорошо видна и Старая Рязань. Очевидно, именно это удачное расположение, позволяющее контролировать подход по рекам к столице княжества, и послужило причиной создания здесь небольшой, но мощной крепости.

Городище занимает мыс приблизительно треугольной формы (рис. 1). Южный склон его обращен в сторону большого оврага, по дну которого протекает ручей; северо-западный склон обращен к пойме Оки. Оба склона очень крутые. Северо-восточная сторона не имеет естественных оборонительных рубежей, и здесь были сооружены вал и ров. Ров в настоящее время целиком засыпан и о его существовании свидетельствует лишь небольшая лощина, однако в обрезе оврага (при выходе рва в сторону Оки) контуры рва видны совершенно отчетливо. Вал состоит из двух самостоятельных отрезков, почти прямолинейных в плане и несколько заходящих друг за друга концами. Между концами валов расположен въезд на городище, проходящий, таким образом, не поперек линии валов, а вдоль. Въезд этот имеет ширину около 12 м. Валы хорошо сохранились; северный поднимается над уровнем площадки на 4 м, южный — примерно на 3 м. В северной части городища, где вал разрушается небольшим оврагом, видно, что вал насыпан из чистого супеска, взятого, вероятно, здесь же при отрывании рва. В основании лицевой части вала имеется широкая (около 1.6 м) горизонтальная берма.

Площадка городища ровная, слегка понижающаяся к концу мыса. Длина ее — 170, наибольшая ширина — 120 м, общая площадь — около 1.3 га.

Разведка, проведенная на городище в 1970 г., показала, что на всей площадке имеется культурный слой XII—XIII вв. Слой этот довольно тонкий, пропаханный на всю глубину. Поэтому от наземных жилищ, некогда стоявших на площадке крепости, сохранились лишь слабые следы и остатки глинобитных печей. У основания тыльного склона северного участка вала, неподалеку от въезда, отмечены следы железоделательного производства (или кузницы) — крицы и шлак. Кроме культурных остатков XII—XIII вв., на городище почти всюду обнаружены немногочисленные фрагменты керамики городецкого типа.

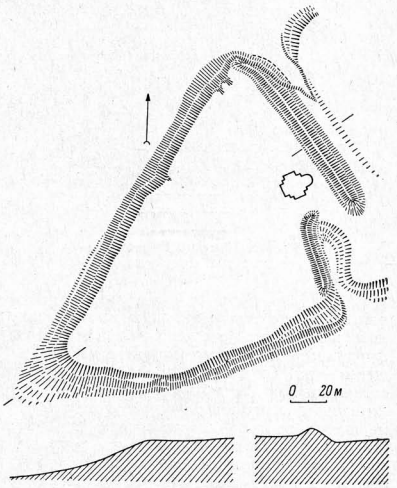


Рис. 1. Городище у дер. Никитино.

Система защиты напольной стороны двумя отрезками вала с заходящими концами и въездом между ними встречается в древнерусских крепостях очень редко.[3] Таким образом, плано-

[1] М. Н. Тихомиров. Список русских городов дальних и ближних. Исторические записки, т. 40, 1952, с. 225 и 243.

[2] Ранее это городище обычно называли городищем у Климентовского погоста, по названию церкви и погоста, расположенных примерно в 1 км. Возможно, что этот же городок упомянут в русских летописях под 1207 г. при описании боя у города Ольгова. В данном случае летописец мог иметь в виду и другой город Ольгов. См.: А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, с. 194.

[3] Впрочем, в том же Рязанском княжестве подобная структура укреплений применена в Тешиловском городище, относящемся также к XII—XIII вв. (П. А. Раппопорт. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси

вая структура укреплений Нового Ольгова городка необычна. Еще более необычно наличие в этом городке кирпичной церкви, стоявшей у самого въезда. Церковь Ольгова городка известна в научной литературе уже давно. В 1889 г. ее раскопки произвел рязанский краевед А. Селиванов.[4] Судя по его очень краткому и не вполне ясному описанию, от церкви сохранилось уже в ту пору очень немного. Разобраны были не только стены, но и в значительной части даже фундаменты. Все же часть фундаментов, а кое-где и остатки стен еще существовали. Опубликованный А. Селивановым совершенно необычный для древнерусской архитектуры план бесстолпной крестообразной церкви не внушал особого доверия к точности его раскопок. Тем не менее были сделаны попытки найти место этой церкви в истории древнерусского зодчества. Так, Г. Ф. Корзухина, которая видела в рязанском зодчестве явные следы кавказского влияния, связывала крестообразный план церкви Ольгова городка с планами кавказских церквей.[5] Вместе с тем она отмечала и близость плана церкви Ольгова городка с некоторыми западными памятниками, например церкви Ларса в Висби. Мнение о связи рязанских памятников и, в частности, церкви Ольгова городка с архитектурой Кавказа поддержал А. И. Некрасов.[6] Однако большинство историков русской архитектуры к этой точке зрения не присоединились.

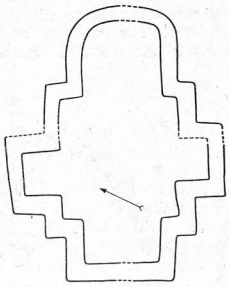


Рис. 2. Церковь Нового Ольгова городка. План фундаментных рвов.

Уникальность плана церкви Ольгова городка, отсутствие прямых аналогий ей в зодчестве не только Руси, но и соседних стран делали данный памятник в значительной степени загадочным. Его место в развитии древнерусской архитектуры оставалось неясным. Тем более важно было получить максимальное количество фактических данных по памятнику, чтобы хоть несколько пополнить материал очень плохой документации раскопок А. Селиванова. Поэтому в 1970 г. церковь была вновь полностью раскопана.

Выяснилось, что со времени раскопок 1889 г. состояние остатков церкви значительно ухудшилось. От здания не сохранилось не только кладки стен, но ни одного куска фундамента. Более того, уровень материка на участке оказался срезанным примерно на 0.5 м, так что удалось проследить лишь нижние части фундаментных рвов. К счастью, контуры этих рвов не были нарушены и позволили полностью проследить план постройки (рис. 2—4).

Наименьшая сохранившаяся высота стенок фундаментных рвов — около 15 см, но в большинстве мест она была больше, достигая 50 см. Судя по соотношению с соседними, ненарушенными участками грунта, первоначальная глубина фундаментных рвов была несколько более 1 м. Ширина рвов по их дну также равна приблизительно 1 м (от 92 до 118 см, а на двух участках — до 128 см). Кверху рвы имели едва заметное расширение. На плане А. Селиванова верхняя часть фундамента имела в обе стороны значительные расширения, теперь уже не сохранившиеся ни на одном участке.

Камни, использованные для кладки фундамента, — обычный необработанный известняк. Размер их — не более 15 см в диаметре. Найдено лишь два более крупных камня (15×20×35 см) со следами грубой обработки. Изредка на камнях встречаются следы раствора; по-видимому, кладка фундамента велась насухо и только в верхней части проливалась раствором. По описанию А. Селиванова, верхняя часть

X—XV вв. МИА, № 105, 1961, с. 29). Сходство Нового Ольгова городка и Тешиловского городища подчеркивается еще и тем обстоятельством, что оба они были небольшими крепостями, расположенными поблизости от большого города: Новый Ольгов городок близ Старой Рязани, а Тешиловское городище — в 400 м от города Тешилова (А. Ф. Дубынин, Р. Л. Розенфельдт, К. А. Смирнов, А. А. Юшко. Результаты работы Московской экспедиции. Археологические открытия 1970 г. М., 1971, с. 46).

[4] А. Селиванов. О раскопках в Старой Рязани и в древнем городке, известном в летописи под именем «Новый городок Ольгов». Тр. Рязанск. уч. архив. комис. за 1890 год, т. V. Рязань, 1891, с. 34. — Краткий отчет о раскопках А. Селиванова хранится в архиве ЛОИА АН СССР (ф. 1, д. 45 за 1886 г., л. 41). Отчет этот почти целиком опубликован (см.: Отчет археологической комиссии за 1889 г., СПб., 1892, с. 53—54).

[5] Г. Ф. Корзухина-Воронина. Рязань в сложении архитектурных форм XII—XIII веков. ГАИМК, Бюро по делам аспирантов, сб. 1. Л., 1929, с. 81.

[6] А. И. Некрасов. Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII вв. М., 1936, с. 76.

Рис. 3. Общий вид раскопанной церкви. Поперек раскопа крестообразно проходят бровки, оставленные для контроля стратиграфии.

Рис. 4. Фундаментный ров церкви.

фундамента, включая боковые расширения, была скреплена известковым раствором. Из этого же описания видно, что, кроме камней, в верхней части фундамента использовались кирпичи, как цельные, так и битые. Обнаруженный раствор — белый с кремовым оттенком. По современной терминологии, его правильнее было бы даже назвать бетоном. Это жирное известковое тесто, почти без песка, с добавкой мелких и довольно крупных камней (большей частью известняка; но встречаются округлые камни, с мелкокристаллической структурой). Раствор не вполне однороден, так как, видимо, не был тщательно перемешан.

Как уже было отмечено, при раскопках не было найдено ни одного фрагмента кирпичной кладки стен. Более того, все обнаруженные строительные материалы настолько измельчены, что даже определение размеров кирпичей потребовало большой работы, поскольку в завалах строительного мусора был найден всего один цельный кирпич, к тому же нехарактерного размера (5.5×19.0×27.5 см). Промер большого количества обломков показал, что большинство кирпичей здания (более 60%) имело толщину от 3.5 до 4.0 см и ширину — от 18 до 19 см. Сравнительно небольшое количество (около 18%) было толщиной от 4.1 до 4.5 см и еще меньшее количество (10%) — от 4.6 до 5.5 см. Наконец, около 10% кирпичей имеет толщину менее 3.5 см. Точно так же ширина редко превышала 19 см, хотя в отдельных случаях достигала даже 21 см. Формованы они небрежно, но имеется серия кирпичей (не более 5%) толщиной около 5 см, отличающихся хорошей, четкой формовкой. Обжиг кирпичей хороший; тесто различное по цвету (красное, бурое, палевое, почти белое), слоистое, иногда с включением кусков извести.

Помимо кирпичей обычного типа, были найдены немногочисленные куски узких, шириной 13—14 см. Они, видимо, служили для выкладки узких полуколонок, поскольку найдены обломки подобных кирпичей, имевших с одной стороны полукруглую форму. Обнаружено несколько трапециевидных кирпичей, широкая сторона которых (23 см) имела дугообразное очертание. Из большого количества обломков только на трех отмечены выпуклые знаки на торцах (в двух случаях вертикальные черточки, а в одном — две черточки, соединяющиеся под тупым углом).

Раствор в кирпичной кладке, очевидно, несколько отличался от раствора фундамента, поскольку в завале строительного мусора найдены немногочисленные куски его с включением цемянки (т. е. битого кирпича), причем включения эти крупные (до 1 см), но редкие, так что раствор в целом имеет белый, а не розовый цвет. Кроме цемянки, имеются включения камня и угля в виде довольно редких кусочков размером до 5 мм. Песок в растворе, видимо, озерного происхождения, частицы его округлые, хотя неправильной формы. Соотношение извести и песка примерно 1 : 1. Раствор довольно пористый, но в то же время очень прочный (по-видимому, не менее 60—80 кг/см^2).

Ни штукатурки стен, ни половых плиток в раскопках не обнаружено. Не обнаружено также и остатков белокаменных резных деталей, хотя А. Селиванов нашел обломок украшения из белого камня, вероятно с наружных частей здания.

Во время раскопок был найден всего один кусочек мелкозернистой штукатурки, покрытой краской красно-коричневого тона, по-видимому, в технике фрески. На краю этого куска виден загиб внутреннего угла. Если бы церковь была изнутри расписана фресками, несомненно, что остатки штукатурки с росписью встретились бы в значительном количестве. Очевидно, церковь не была расписана, а найденный кусок происходит от какой-то росписи, покрывавшей сравнительно небольшую поверхность. Вероятнее всего, это заполнение декоративной ниши на фасаде.

В результате раскопок полностью раскрылся план здания. Выяснилось, что его необычная крестообразная форма не является плодом фантазии А. Селиванова. Храм действительно имел квадратный план с крестообразно примыкающими выступами, причем северо-восточный выступ завершался дугой очень уплощенной формы. Общая длина здания — 18.09, а общая ширина — 14.39 м. Размер центрального квадрата изнутри — 7.85 × 7.87 м. Следует отметить, что приводимые измерения даны по фундаментным рвам, а здание в натуре могло иметь иные размеры, впрочем отличающиеся лишь в пределах нескольких сантиметров.

В отчете А. Селиванова указано, что церковь имела толщину стен 2.5 аршина, т. е. почти 1.8 м. Такая большая толщина встречается в крупных древнерусских храмах, но необычно велика для маленькой бесстолпной церкви.

На самом деле стены не были такой значительной толщины. На плане А. Селиванова видно, что ширина 2.5 аршина — это общая ширина фундамента, включая его верхнюю, расширенную часть. Но сам же исследователь отметил, что толщина стен была уже, чем ширина верхней площадки фундамента. Возможно, что над фундаментом, в уровне основания стен, вдоль этих стен существовала вымостка в один или несколько рядов кирпи-

чей, что нередко встречается в памятниках XII—XIII вв. Если такая вымостка здесь присутствовала, она позволила А. Селиванову сделать вывод о чрезвычайно большой толщине стен. В натуре они, конечно, были либо равны по толщине ширине основной части фундамента, либо слегка превышали эту ширину, т. е. были немногим более 1 м.

Ошибочное предположение о чрезвычайно большой толщине стен в сочетании с расположением церкви у самого въезда привели многих исследователей к мысли о том, что церковь была приспособлена к обороне. Между тем в русском зодчестве домонгольского периода нет ни одного примера, когда здание церкви имело бы малейшие следы того, что оно предназначалось для обороны. Все предположения подобного рода после тщательной проверки оказывались ошибочными.[7] Расположение церкви у самого въезда могло преследовать только одну цель — идеологическую. Это действительно была защита ворот, но защита не физическая, а «небесная». Таким образом, расположение церкви у ворот — прием, аналогичный расположению церкви над воротами, что достаточно часто применялось в древнерусской архитектуре.

Чем можно объяснить постройку кирпичной церкви, хотя и небольшой, в Новом Ольговом городке? Ведь ясно, что городок этот в XII—XIII вв. не был одним из крупных городских центров Рязанского княжества. Конечно, он мог играть роль важной крепости, но в русской истории известно немало сильноукрепленных населенных пунктов, имевших большое военное значение, и тем не менее не обладавших каменным или кирпичным храмом. По-видимому, Новый Ольгов городок, помимо роли крепости, играл роль княжеской резиденции (или был предназначен для этого). Если это так, тогда постройка здесь кирпичной церкви становится понятной, ибо точно так же обстраивали свои резиденции и князья других русских земель (Городище под Новгородом, Кидекша под Суздалем и др.). Следовательно, есть основания рассматривать церковь Нового Ольгова городка как княжескую дворцовую (или, вернее, замковую) церковь.

На основании данных раскопок 1970 г. можно более или менее определенно датировать рассматриваемый храм. Белый раствор почти без цемянки, формат кирпича и, наконец, наличие маленьких декоративных полуколонок говорят о том, что эта постройка была возведена не в середине, а в конце XII в. или даже в начале XIII в.

[7] Так было, например, с предположением о наличии бойниц в Коложской церкви в Гродно. См.: Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. М., 1954, с. 89.

Значительно труднее объяснить происхождение форм этого памятника. План церкви Нового Ольгова городка уникален. Подобные планы неизвестны не только в русском зодчестве домонгольского периода, но и в зодчестве соседних стран. Ни в Византии, ни на Кавказе, ни на Балканах это также не встречается. Таким образом, нет никаких данных, которые могли бы свидетельствовать, что тип церкви Ольгова городка сложился под прямым влиянием зодчества какой-либо другой страны. Имеются, однако, русские памятники, которые могут пролить свет на первоначальную объемную композицию церкви Ольгова городка и на ее происхождение, — это прежде всего Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. На сходство этих двух памятников указывали все исследователи, писавшие о церкви Нового Ольгова городка, начиная с А. Селиванова. Действительно, план церкви отличается от плана собора в Юрьеве-Польском лишь тем, что первая постройка — бесстолпная, а вторая — четырехстолпная. С этим основным различием связано и количество апсид, отвечающее количеству нефов церкви. Все остальные различия — второстепенные. Итак, церковь Ольгова городка является как бы бесстолпным вариантом здания типа собора в Юрьеве-Польском.

Георгиевский собор в Юрьеве-Польском не нуждается в объяснении своих форм внешними влияниями. Форма этого собора — следствие логического развития объемно-пространственной композиции, характерной для русского зодчества рубежа XII—XIII вв.[8] Верхние части Георгиевского собора не сохранились, но вряд ли можно сомневаться в том, что здание это имело башнеобразную композицию.[9] Наличие притворов создавало ступенчатый переход к высоко вздымавшемуся барабану главы. Судя по Суздальскому собору и церкви Михаила Архангела в Нижнем Новгороде, процесс сложения подобной динамической композиции проходил во владимиро-суздальской архитектуре главным образом в начале XIII в. Конечно, сходство форм собора в Юрьеве-Польском и церкви Нового Ольгова городка вовсе не означает, что эта церковь была непосредственно связана с процессом развития владимиро-суздальского зодчества. Совершенно те же явления характерны и для архитектуры других русских земель. Не менее ярко отражены подобные идеи в смоленской архитектуре, в особенности в церкви Михаила

[8] П. А. Раппопорт. Некоторые вопросы истории русской архитектуры конца XII—первой половины XIII в. Старинар, кн. XX, Белград, 1970, с. 339.

[9] Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XIV вв. Т. II. М., 1962, с. 104; Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. М., 1964, с. 96.

Архангела. На примере этого здания, к счастью, почти полностью сохранившего верхние части, видно, какую большую роль играли притворы в создании устремленной кверху ступенчатой композиции. Притворы, которые уже в начале XII в. появились в русской архитектуре как самостоятельные пристройки-тамбуры, к рубежу XII и XIII вв. становятся в ряде случаев совершенно неотъемлемой частью общего композиционного замысла. При этом стенки с порталами, отделяющие пространство притвора от внутреннего пространства, исчезают и интерьер здания становится более слитным, приобретая в то же время крестообразную в плане форму. В рязанском зодчестве имеется достаточно характерный пример этому — Спасская церковь в Старой Рязани, раскопанная в 1968 г. и являющаяся почти точным повторением смоленской Михайловской церкви.

Крестообразность плана упомянутых храмов отражает их объемную ступенчато-башнеобразную однокупольную композицию. По-видимому, и крестообразность плана церкви Нового Ольгова городка отражает ту же композиционную идею, но в бесстолпном варианте. Если такое предположение верно, то эта церковь является единственным известным нам свидетельством, что на рубеже XII и XIII вв. те композиционные идеи, которые были характерны для процесса развития русского зодчества, разрабатывались не только при строительстве больших четырехстолпных храмов, но и в малых бесстолпных церквях.

М. Ф. Мурьянов

К СИМВОЛИКЕ НЕРЕДИЦКОЙ РОСПИСИ

На южной стене церкви Спаса Нередицы под полатями-хорами находилось изображение св. Анастасии.[1] Житейная литература знает двух мучениц с этим именем, их легенды контаминированы и не имеют исторической основы.[2] Это не явилось препятствием для возвышения имени в высший иерархический ранг латинской церкви, где Анастасия входит в число немногих святых, чествуемых древним каноном мессы — постоянной частью календарно варьируемой литургии.[3] В антропонимике Запада это имя практически отсутствует, зато оно широко распространено в славянском мире. У Ярослава Мудрого была дочь Анастасия, вышедшая около 1046 г. замуж за венгерского короля, две Анастасии есть в месяцеслове новгородского Мстиславова Евангелия начала XII в., на протяжении этого столетия имя встречается в летописях. Оно имеет эпическое звучание — сказители называли Настасьями жен Добрыни Никитича, Михаила Потыка, Дуная, Ивана Годиновича, наложницу Ильи Муромца, матерей Дюка Степановича и Сокольника, сестер Алеши Поповича, Бродовичей, Козарина, дочь Морского царя.

Русский иконографический материал, предшествующий нередицкой фреске, ограничивается сегодня тем, что изображение святой с надписью *Настасея* есть на чеканном серебряном кратире, исполненном новгородским мастером второй половины XII в. для Софийского собора.[4]

Почему в Нередицах написана именно эта, а не какая-нибудь другая святая или святой? Ведь в отличие от грандиозного собора малый объем налагал жесткие ограничения на отбор изображений, компоновка такой сжатой системы должна предусмотреть все необходимое и исключить все необязательное, а в христианском мартирологе общее число имен в сотни раз превосходит емкость нередицкой номенклатуры. Причина выбора могла быть примерно такой же, как и для находившейся здесь же под полатями фрески св. Евфросинии: это имя носила здравствовавшая византийская императрица, с которой мититор князь Ярослав Владимирович находился в родстве. Некоторая доля вероятности в мотивировке выбора падает и на сакральную функцию св. Анастасии как покровительницы врачевания — нередицкая церковь сейчас понимается как мемориал, поставленный двум умершим один за другим сыновьям мититора,[5] и в этой связи уместно вспомнить, что однажды в Новгороде для прекращения эпидемии был выстроен обетный храм св. Анастасии.[6] Обе эти возможности объяснения не исчерпывают содержания вопроса; третья и, по нашему мнению, наиболее высокая

[1] Цветную репродукцию см. в кн.: Памятники древнерусского искусства. Вып. 2. СПб., 1909, табл. 3; вып. 3, СПб., 1910, с. 1. — Характеристику живописной манеры см.: М. И. Артамонов. Мастера Нередицы. Новгородский исторический сборник, вып. 5, Новгород, 1939, с. 38.

[2] G. Kappel. Die kirchenslavische Anastasielegende. Slavia, t. 40, Praha, 1971, S. 9—19.

[3] V. L. Kennedy. The saints of the Canon of the Mass. Città del Vaticano, 1963.

[4] Г. Н. Бочаров. Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969, с. 30—33, фиг. 19.

[5] В. Н. Лазарев. Искусство средневековой Руси и Запад. Докл. на XIII Междунар. конгрессе ист. наук. М., 1970, с. 28.

[6] НПЛ, М.—Л., 1950, с. 408.

вероятность приходится на причину, заложенную в то, что в антропонимике называют внутренней формой имени.

Нередицкая Анастасия примыкает к композиции «Страшный суд», занимающей западную стену храма под полатями и своими периферийными частями выходящей на южную и северную стены. Это единственное в древнерусской монументальной живописи изображение Страшного суда, известное во всех подробностях, предшествующие фрески сохранились фрагментарно. Если сопоставить нередицкий «Страшный суд» с ближайшей по времени полно сохранившейся композицией — пятиярусной мозаикой собора св. Марии на острове Торчелло (середина XII в.), то нельзя не обратить внимания на принципиальное различие: верхний ярус итальянской мозаики изображает «Сошествие Христа во ад», которое в новгородской фреске отсутствует.[7] Очевидно, нередицкому мастеру требовалось обоснование для отступления от схемы, принятой в Торчелло, нужен был компактный субститут, заменяющий недостающую часть композиции по принципу символического соответствия — самому характерному принципу средневекового богословского мышления.[8] Правда, не все считают, что в Торчелло «Сошествие во ад» составляет часть «Страшного суда». Однако даже Карл Кюнстле, приводивший в качестве аргументов против единства отличие в масштабах фигур и несходство живописных манер, все же признал смысловую связь между обеими темами.[9] К сомнениям К. Кюнстле не присоединился, кажется, никто из выступавших по этому вопросу исследователей, композицию Торчелло принимают как единое целое.[10]

Заменой недостающего яруса в нередицкой росписи и является Анастасия — носительница символического имени, которым восточное богословие обозначает Сошествие Христа во ад, или анастасис (Ἀνάστασις, в просторечии Ἀναστασία) Это слово фигурирует в качестве надписи на всех византийских изображениях Сошествия, начиная с триптиха IX в. из грузинского монастыря Мартвили.[11]

Аналогий нередицкому иконографическому решению сейчас нет, хотя это не значит, что их не было и в XII в., именно на это столетие приходится отказ от «реалистического» изображения воскресения, переход в трансцендентное.[12] «Несмотря на этот подчеркнуто трансцендентный характер художественного образа, последний никогда не становился в Византии абстрактной формой. Его основой всегда оставалась человеческая фигура».[13] В данном случае мы имеем персонификацию, продолжение художественной традиции, известной и в античности, и в средние века.[14] Параллелями к персонифицированному анастасису могут быть София Премудрость Божия, которая наряду с сохранением абстрактного содержания обрела антропоморфный образ, как она представлена уже на миниатюре кодекса Россано (около 500 г.)[15] или Божественный мир, Εἰρήνη, превращенный в св. Ирину. Косвенным подтверждением права на нашу гипотезу является патрониний одного константинопольского храма — до перенесения в него при патриархе Геннадии (458—471 гг.) мощей мученицы Анастасии он был посвящен анастасису, а после патрониний понимался как имеющий оба значения.[16]

В точном смысле слова «анастасис» есть воскресение, а сошествие во ад подразумевает период между смертью распятого Христа в страстную пятницу и его воскресением на третий день, названный по этому событию воскресеньем.[17]

В средневековом мышлении имя Анастасии оторвалось от житийного материала в достаточной степени, чтобы в определенных условиях выступать в роли персонификации теологического понятия. Контекст нередицкой росписи этим условиям соответствовал, поэтому фигура Анастасии близ «Страшного суда» могла слу-

[7] О «Сошествии» см.: Lexikon der christlichen Ikonographie, hg. von E. Kirschbaum. Bd. 2. Freiburg i. Br., 1970, S. 322—334; М. Ф. Мурьянов. Заметки к Киево-Печерскому патерику. Byzantinoslavica, t. 31. Praha, 1970, p. 45—48. — О встречающемся в итальянских миниатюрах иконографическом варианте, оформленном как выход Христа из ада, см.: G. Cavallo. I rotoli di Exultet dell' Italia meridionale. Bari, 1971.

[8] Bild—Wort—Symbol in der Theologie. Vorträge, hg. von W. Heinen. Würzburg, 1969.

[9] K. Künstle. Ikonographie der christlichen Kunst. Bd. 1. Freiburg i. Br., 1928.

[10] B. Brenk. Studien zur Geschichte des Weltgerichtsbildes. Wien, 1966. S. 121, 161, Taf. 37; G. Lorenzetti. Torcello. Venezia, 1939, p. 50; K. Réau. The Last Judgment: Encyclopedia of World Art, vol. 4. Venezia—Roma, 1961, col. 824; J. Lafontaine-Dosogne. Byzanz und der christliche Osten. Berlin, 1968, S. 117.

[11] B. Brenk. Studien..., S. 162.

[12] E. Sauser. Bibliographie zur Symbolik, Ikonographie und Mythologie. 3. Jg. Baden-Baden, 1970, S. 89.

[13] В. Н. Лазарев. Византийская живопись. М., 1971, с. 33.

[14] L. Voelke. Zusammenhänge zwischen der antiken und der frühchristlichen Symbolwelt. Das Münster, 16. Jg. München, 1963, S. 233—282; J. Andreescu. Torcello. II. Anastasis et Jugement Dernier. In: Dumbarton Oaks Papers, t. 26. Washington, 1972, p. 195—207, pl. 15.

[15] Г. И. Вздорнов. Миниатюра из Евангелия попа Домки. В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М., 1968, с. 204.

[16] La géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin. Le siège de Constantinople et le patriarchat oecuménique, t. 3. Les églises et les monastères, par R. Janin. Paris, 1953, p. 26—29.

[17] E. Jaeckle. Die Osterkirche. Stuttgart, 1970.

жить символом анастасиса. Художественный эффект такого композиционного решения в сравнении с мозаикой Торчелло заключается не только в достигнутой компактности, но и в умении воплощать традиционную идею, избегая унылого однообразия.

В. А. Назаренко

О НАХОДКЕ ОЧЕЛЬЯ В НОВОГРУДКЕ

Раскопками последних лет на детинце древнего Новогрудка изучен комплекс хозяйственных и ремесленных построек XII в.[1] Особое внимание привлекают открытые здесь в 1970—1971 гг. остатки ювелирной мастерской. В пределах постройки в непосредственной близости от нее был сделан ряд интересных находок. Это матрицы для тиснения реберчатых бус и криновидных подвесок, разнообразные готовые изделия и, наконец, неудачные отливки. Среди последних — маленькие литые бронзовые полукольца размерами одно — 18, другое — 22 мм (рис. 1). Внутренняя поверхность у них плоская, а внешняя на большем по размеру полукольце

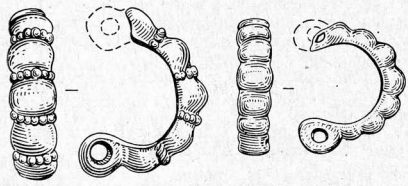


Рис. 1. Бронзовые полукольца из Новогрудка.

оформлена в виде гладких полушарий, отделенных друг от друга поясками, имитирующими зернь. Концы обеих поделок должны были завершаться ушками с отверстием. Однако у каждого изделия при литье на одном из концов ушко не получилось, что и явилось причиной, по которой они были забракованы мастером.

В русских кладах X— XIII вв. имеются два вида предметов, представляющих определенный интерес для интерпретации новогрудских находок. Это дужки и так называемые «аграфы». Дужки русских кладов — широкие золотые полукольца, один конец которых загнут в трубочку, а другой — округлой формы — имеет, как правило, две маленькие дырочки. Встречаются также и полукольца, забранные с одной стороны сплошной стенкой, украшенной перегородчатой эмалью и жемчугом.[2] «Аграфами» Н. П. Кондаков предложил называть проволочные дужки с надетыми на них тремя бусинами. В кладах они найдены согнутыми и прямыми. Последние, как отметила Г. Ф. Корхузина, иногда изготовлялись путем распрямления серег «киевского типа». В этом случае бусины их оказывались сдвинутыми к одному концу.[3] По мнению Н. П. Кондакова, дужки были частью головного убора, который он называл накосником.[4] Соглашаясь с ним, а также считая, что дужки и «аграфы» имели одно и то же назначение, Г. Ф. Корзухина назвала этот убор очельем. Для его реконструкции она предложила использовать находки женских головных уборов из кочевнических, по-видимому половецких, могил в Поросье. Основной частью этих уборов были два изогнутых деревянных валика, обшитых тканью, на которых закреплялись до 20 бронзовых или железных дужек. Начинаясь у висков, валики охватывали лоб и сходились на линии переносья. Укреплялись они по низу мягкого матерчатого головного убора, форму которого установить невозможно.[5] Судя по материалам кладов, древнерусское очелье могло состоять как из двух, так и из одного валика, не обязательно деревянного, на котором закреплялись прямые или согнутые «аграфы». Местный вариант очелья Г. Ф. Корзухина видела в распрямленных «аграфах» Владимирских кладов, где валики отсутствовали вообще, а форма «аграф-

[1] Ф. Д. Гуревич, К. В. Павлова, Т. С. Пономарева, Е. В. Шолохова. Итоги работ Новогрудской экспедиции. Археологические открытия 1970 года. М., 1971, с. 311. — Пользуюсь случаем поблагодарить Ф. Д. Гуревич за любезное разрешение опубликовать сделанные ее экспедицией находки.

[2] Г. Ф. Корзухина. Русские клады. М.—Л., 1954, с. 60. Дужки встречены в кладах 80, 85, 90, 95, 102, 107, 127 (по нумерации Г. Ф. Корзухиной).

[3] Там же, с. 61. «Аграфы» встречены в кладах 49, 103, 122, 129, 131, 143, 151, 154, 163, 166, 167, 168 (по нумерации Г. Ф. Корзухиной), а также в двух Старорязанских кладах 1967 г. — см.: В. П. Даркевич, А. Л. Монгайт. Старорязанские клады 1967 г. СА, 1972, № 2, с. 206—212.

[4] Н. П. Кондаков. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. СПб., 1896, с. 208—209.

[5] И. А. Хойновский. Краткие археологические сведения о предках славян и руси. Киев, 1896, с. 106—108, 126; Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, с. 223—224; Г. Ф. Корзухина. Русские клады, с. 60.

фов» была продиктована, вероятно, высокой тульей бытовавшего здесь убора.[6]

Дужки и «аграфы» входят в состав двух разных, появившихся последовательно один за другим, стилистически единых русских парадных головных уборов. Первые являются неотъемлемой частью убора, составленного из золотых вещей, расцвеченных перегородчатой эмалью, жемчугом и драгоценными камнями. Время его появления Г. Ф. Корзухина определяет второй половиной XI в.[7] Вторые же встречены почти исключительно в кладах, характеризующих более поздний головной убор, состоящий главным образом из серебряных вещей, декорированных чернью. Однако очелья из дужек и «аграфов» разделяет не только принадлежность к разным стилистическим уборам, но и частота встречаемости в кладах, происходящих с разных территорий. Как видно из прилагаемой таблицы (рис. 2), все очелья из дужек были найдены в киевских кладах.[8] «Аграфы» представлены в Киеве лишь одной находкой — кладом, найденным близ Михайловского Златоверхого монастыря в 1903 г. Это дает основание предполагать, что очелья из золотых дужек с момента их появления и до татаро-монгольского нашествия были основной формой парадного головного убора представительниц киевской знати. Возможно, сделанное наблюдение в какой-то степени отражает соотношение уборов вообще — старого с эмалями и нового с чернью — для Киева в целом. Объяснить подобное явление, по-видимому, можно тем, что складывались они в разных местах. Вещи с перегородчатой эмалью появились в Киеве и получили широкое распространение как убор киевской знати. Убор из серебряных изделий с чернью зарождался, вероятно, вне Киева, хотя и под сильным его влиянием, как убор знати крупнейших самостоятельных русских княжеств, как убор общерусский. Основой для его развития послужил расцвет ремесла в древнерусских городах уже в начале XII в.[9]

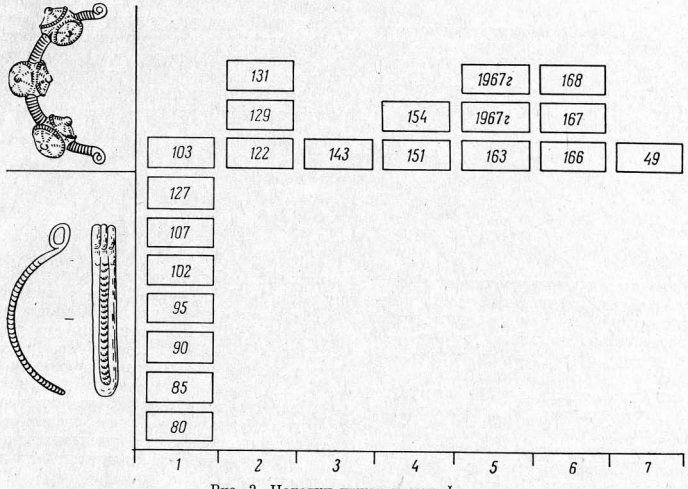


Рис. 2. Находки дужек и «аграфов».

1 — Киевское княжество; *2* — Киев; *3* — Галицкое княжество; *4* — Черниговское княжество; *5* — Муромо-Рязанское княжество; *6* — Владимиро-Суздальское княжество; *7* — Полоцкое княжество.

Дужки очелий из Новогрудка приобретают в связи с изложенным особый интерес. Остатки мастерской, в которой они были найдены, дати-

[6] Г. Ф. Корзухина. Русские клады, с. 64.

[7] Там же, с. 67.

[8] О месте находки клада 127 (по нумерации Г. Ф. Корзухиной) существуют две версии: по одной он был найден на городище Девичья Гора близ с. Сахновка Каневского уезда Киевской губернии, по другой — в Киеве. См.: Г. Ф. Корзухина. Русские клады, с. 131.

[9] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948.

руются не ранее середины XII в.[10] Некоторые элементы, такие как оформление внешней поверхности в виде пяти или семи полушарий, а также наличие на обоих концах ушек с отверстием для закрепления на валиках, связывают новогрудские дужки с «аграфами». Реальным прототипом для них могли послужить «аграфы» с пятью гладкими бусинами, подобные найденным в кладе на территории Полоцкого княжества.[11] Вместе с тем типологически дужки новогрудских очелий близки киевским. Сочетание черт, характеризующих очелья, относящиеся к разным стилистическим уборам, на находках из Понеманья не случайно. Города Черной Руси представляют собой самые западные точки распространения древнерусской культуры. В своем развитии они, конечно, уступали крупнейшим ремесленным и торговым центрам древней Руси и не участвовали в сложении общерусского стилистически единого убора. Переживая расцвет во второй половине XII в., ювелирное ремесло городов Понеманья испытывало на себе сильное влияние как киевского, так и сложившегося к тому времени общерусского парадного убора, вызывая к жизни причудливые их сочетания. Дужки новогрудских очелий являются ярким свидетельством этого процесса.

[10] Ф. Д. Гуревич. К истории культурных связей древнерусских городов Понеманья с Киевской землей (по материалам ювелирного ремесла). Публикуется в настоящем сборнике.

[11] А. С. Гущин. Памятники русского художественного ремесла X—XIII вв. М.—Л., 1936, с. 57—59, табл. V, *3*, *7*.

Т. В. Николаева

ИКОНА-СКЛАДЕНЬ XV В. И ПОХОД ИВАНА III НА НОВГОРОД

Новейшие исследования произведений древнерусского изобразительного и прикладного искусства показали, что они всегда были связаны с определенными историческими событиями и выражали конкретную идею заказчика. Эти идеи воплощались в сложной, хорошо разработанной системе христианской иконографии, имевшей, кроме богословского, еще и иносказательный смысл.

Предметом настоящего исследования будет икона-складень XV в. из ризницы Благовещенского собора Московского Кремля.[1] Она заслуживает особого внимания прежде всего потому, что относится к числу выдающихся произведений искусства, составляющих определенный этап в развитии мелкой пластики и ювелирного дела. Кроме того, специально отобранные иконографические изображения, несомненно, отражают определенную идею, связанную с конкретным историческим событием.

В ризнице Благовещенского собора хранились в основном святыни московских великих князей и царей. Эти произведения искусства были либо заказаны непосредственно московскими государями, либо реквизированы ими у удельных и великих князей. Сложный по составу фонд русских древностей представляет особый интерес, но в то же время он является и чрезвычайно трудным для атрибуции вещей.

Складень Благовещенского собора давно обратил на себя внимание ученых. Впервые его описал Г. Д. Филимонов.[2] Затем эту вещь изучала М. М. Постникова-Лосева в связи с исследованием оклада Евангелия Успенского собора Московского Кремля (так называемого «Морозовского»).[3] Коснулся этого произведения и автор данной статьи при изучении древнерусской мелкой пластики и надписей на предметах прикладного искусства.[4] И все же исследование этого памятника нельзя считать исчерпывающим, тем более что высказывания о нем разноречивы и не раскрывают идейного замысла произведения.

Складень двустворчатый, имеет довольно большие размеры (14×10×3.2 см) и относится к числу икон, которые подвешивались как обетные к окладам местночтимых икон в иконостасе собора. На лицевой его стороне резьбой по дереву изображена Похвала Богоматери (рис. 1). Богоматерь и Христос Эммануил обрамлены орнаментом. К ним обращены пророки с символическими предметами и развернутыми свит-

[1] Хранится в Гос. Оружейной палате Московского Кремля, № 236-БЛ.

[2] Г. Филимонов. К протоколам XVIII, § 7 (11 дек. 1866 г.). Приложения к протоколам (официальный отдел). Вестник Общ. древнерусского искусства при Москов. публичном музее. М., 1875, № 6—10, с. 51.

[3] М. М. Постникова-Лосева, Т. Н. Протасьева. Лицевое евангелие Успенского собора как памятник искусства первой трети XV века. В кн.: Древнерусское искусство XV—начала XVI веков. М., 1963, с. 159, 160, и на вклейке после с. 160.

[4] Т. В. Николаева. 1) Произведения мелкой пластики XIII—XVIII веков в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960, с. 71; 2) Произведения русского прикладного искусства с надписями XV—первой четверти XVI в. САИ, Е1-49, 1971, № 40.

Рис. 1. Икона-складень XV в. из ризницы Благовещенского собора Московского Кремля. Лицевая сторона.

ками в руках, на которых написаны изречения. Фигуры и надписи имеют высокий рельеф. В их исполнении видна рука опытного мастера, который отлично передал пластику фигур в движении и четко проработал лица и складки одежд. На внутренних сторонах створок изображены двенадцать праздников: Благовещение, Рождество Христово, Сретение, Крещение, Преображение, Воскрешение Лазаря, Вход в Иерусалим, Распятие, Сошествие во ад, Вознесение, Сошествие святого духа на апостолов, Успение Богоматери. Каждая композиция расположена под килевидной аркой, опирающейся на тонкие столбики, а сверху над арками изображены полуфигуры пророков: Соломона, Давида, Захарии, Исайи, Иеремии, Даниила, Аггея, Аввакума. Резьба двупланова, с подробной проработкой горок и архитектурных кулис.

Створки складня помещены в золотую сканную оправу с оглавием, украшенную с лицевой стороны десятью драгоценными камнями в древних оправах (одно место пустое). А оборот ее закрыт серебряной вызолоченной пластиной с гравированными изображениями вселенских святителей и русских святых: Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Николы, Леонтия Ростовского, московских митрополитов Петра и Алексея и Сергея Радонежского. Посредине пластины выгравирована строка надписи: «Мощи Иоанна Предтечи Екатерины» (рис. 2).

По боковым сторонам золотой оправы красивым торжественным шрифтом выгравирована богородничная песнь «О тебе радуется...». Эпиграфические признаки надписи характерны для второй половины XV в. Буквы начертаны с расширяющимися кверху и книзу вертикальными мачтами, с сильно изогнутыми линиями петель, с закруглениями сверху в буквах Л, Д, А. Буква А пишется с круглой петлей посредине вертикальной мачты, О — заостренное и изогнутое. Тесная постановка букв придает надписи вид вязи, но в ней еще очень мало лигатур.

Сходные эпиграфические признаки и такой же стиль торжественного шрифта находим на золотом триптихе 1456 г. мастера Троице-Сергиева монастыря Амвросия. Подобные надписи были характерны только для очень узкого круга вещей московского и троицкого происхождения и ни разу не встречены на произведениях, например, новгородской торевтики. Орнамент скани также характерен для золотых и серебряных изделий московской школы. В свободно вьющиеся сканные завитки здесь включены четырехлепестковые цветки из некрученой проволоки, которые в древности, возможно, были расцвечены цветными мастиками.

Серебряная пластина с изображениями святителей одновременна деревянному складню. Превосходный рисунок святых, исполненный в лучших традициях иконописного искусства XV в., имеет аналогию в гравированных изображениях на серебряном ковчеге-мощевике 1463 г., вышедшем из той же мастерской Амвросия.[5] Эпиграфические признаки надписей у изображений указывают также на XV в.[6] Весь складень прекрасной сохранности и в нем мы не могли заметить признаков реставрации или поздних доделок.

Попытаемся выяснить идейно-исторический замысел произведения и определить личность заказчика.

Московские святители Леонтий Ростовский, первый святой Северо-Восточной Руси, митрополиты Петр и Алексей и Сергей Радонежский почитались как покровители русского воинства и прежде всего стольного града Москвы. Они обычно изображались со вселенскими святителями, которые также воспринимались как покровители и помощники в трудных делах государственных.

Степенная книга царского родословия впервые упоминает о покровительстве вселенских и московских святителей во время нашествия на Русь Темира Аксака в конце XIV в.[7] В образном рассказе митрополичьего дьяка Родиона Кожуха о землетрясении в Москве в 1460 г. упоминаются вселенские и московские святители, благодаря молитвам которых якобы был спасен город.[8] Впоследствии мы найдем в летописях свидетельства о покровительстве русской столице вселенскими и московскими святителями во время нашествия на Москву Ахмата в 1481 г. и Мехмета Гирея в 1521 г.[9]

Изображение вселенских и московских святителей и Сергия Радонежского на изучаемой нами иконе говорит о каком-то важном моменте в истории Московской Руси. Чтобы определить, что это был за момент, мы должны рассматривать их вместе с изображениями Похвалы Богоматери, Господских праздников и пророков, а также и учитывать богородничную песнь «О тебе радуется...», начертанную по боковым сторонам оправы. На иконе все изображения взаимно связаны.

Наиболее яркое свидетельство летописи, которое может объяснить данные изображения,

---

[5] Т. В. Николаева. Произведения русского прикладного искусства..., № 87.

[6] По мнению М. М. Постниковой-Лосевой, серебряная пластина, закрывающая оборотную сторону складня, относится к XVI в. Мы не нашли этому подтверждения.

[7] ПСРЛ, т. XXI, ч. 2, СПб., 1913, с. 436—437.

[8] Там же, т. VI, СПб., 1853, с. 183.

[9] Там же, т. XXI, ч. 2, с. 564; т. XIII, М., 1965, с. 37—43.

Рис. 2. Серебряная пластина, закрывающая оборот складня.

мы находим под 1471 г. Это рассказ о походе Ивана III на Новгород, включенный в Софийскую летопись.[10] В данном случае помещено не обычное сообщение о событиях, а целое литературное произведение с четко выраженной политической идеей главенства Москвы, подкрепленной ссылкой на свидетельства библейских пророков.

Организовывая важный для истории Московского государства поход на Новгород, Иван III «благочестия делатель» призывает себе на помощь, кроме покровителей воинов, «помощника на бранех воеводу небесных сил Архистратига Михаила», «непобедимых Дмитрия Солуньского и Егорья Храброго и Федора Стратилата..., Владимера и сынов его..., и на молитвы святых надеяся, великого святителя Иоанна Златоуста патриарха Царяграда, и Николы великаго чюдотворца Мирьскаго, великаго чюдотворца Петра митрополита Руськаго, и Алексия митрополита Руськаго чудотворца, и святаго Леонтия епископа Ростовьскаго чюдотворца, и преподобных святых чюдотворець, великаго Сергия, и Варлама, и Кирила...». «И тако двигнувся князь великий всеми землями, поиде на свою отчину на Великий Новгород, за изменных людей гордость и непокорьство и за отступленье к латыньству». Далее каждый шаг Ивана III на Новгородской земле сравнивается со свидетельствами библейских пророков: «Якоже древле веща Иеремия о Новходоносоре цари Вавилонстем, рече: от яжденья грома колесниць его и отъ рзания конь его потрясеся земля... и в наша лета сбыться сие Пророком реченое».[11]

Первые успехи московских воевод объясняются также свидетельством пророков: «... зде же сбыться Давыдом Пророком реченое: наутрия избивах вся грешныя земли, да потреблю от града Господня вся творящая безаконие». После описания битвы на Шелони автор этого текста восклицает: «О велико неисповедимо Божие милосердье!... Якоже древле Елисею Пророку седящю близ Иердана с пятьюдесят сынов пророчьских...». Далее он ссылается на пророчества Гедеоне и Давида: «...ту большую рать их Новгородскую били добре и многих от них выбили, а иных многих лучших людей руками поимали... а списки Новгородские, что кончали с королем, да и того человека обрете у собе же, кто их писал, с ними же вместе посланна к великому князю на обличение онех лукавых мужей Новгородских. Егда же сия услышав благочестивый князь великий Иван Васильевич всея Руси, и възрадовася зело о неизреченнем и велицем Божьи милосердьи и о поданней ему от Бога свыше помощи на лукавых супостат его; и, въздавъ хвалу Богу и пречистей его Богоматери, еже не попустиша отступникам лукавым на злую неподобную мысль их, и на развращение святые церкве, и на смятенье великих земель и на вражду промежь великых государей, и на пагубу всего православия».

После же победы московских воевод на Двинской земле, автор этого рассказа снова свидетельствует: «Егда же слыщав сие благочестивый князь великий Иван Васильевичъ всея Руси, и похвали Господа Бога и пречистую его Богоматерь о велицей их милости, яко неизведомы судьбы его и неисследованы пути его». В этом рассказе как основной мотив звучит тема покровительства Ивану III вселенскими и московскими святителями, темы предсказаний библейских пророков и похвалы Богоматери и Христу. Изображения на рассматриваемой нами иконе-складне отвечают именно этим темам, которые здесь так тесно связаны одна с другой. И как бы подкреплением их является воспроизведенная полностью на оправе иконы богородичная песнь «О тебе радуется...».

Следует особо отметить, что изображения на иконе соответствуют той литературной редакции о походе на Новгород, которая как самостоятельное произведение, включенное в летопись, озаглавлено: «Словеса изобранна от святых Писаний, о правде и о смиренномудрии, еже сотвори благочестия делатель, благоверный великий князь Иван Васильевич всея Руси, ему же и похвала о благочестии веры; даже и о гордости величавых мужей Новгородских; их же смири Господь Бог и покори ему под руку его, он же благочестивый смиловася о них, Господа ради, и утиши землю их». Произведение это является концентрированным выражением политической идеи величия Москвы, выработанной, несомненно, при дворе Ивана III. Нам представляется возможным указать и на автора этого произведения. Софийская вторая летопись, передающая не литературную версию, а только фактические события, указывает, что Иван III, идя на Новгород, «испроси у матери своей у великой княгини дьяка Степана Бородатого, имеющего говорити по летописцем Руским: егда рече, приидут, и он воспоминает ему говорити противу их измены давные, кое изменяли великим князем в давные времена, отцем его и дедом и прадедом».[12] Дьяк великой княгини Марьи Ярославны Степан Бородатый известен как большой знаток летописей.[13] Он был непосредственным участ-

[10] Там же, т. VI, с. 1—15.
[11] Там же, с. 9.
[12] Там же, с. 192.
[13] Дьяк Степан Бородатый известен еще и по надписи на каменном кресте 1458 г., поставленном в Ростове Ярославском на могиле его сына Ильи.

ником похода на Новгород и именно поэтому мог быть автором этого замечательного литературного произведения, в котором он постоянно обращается к русским летописцам или к тексту библии.

В истории русского изобразительного и прикладного искусства неоднократно отмечались произведения, являвшиеся как бы иллюстрациями определенных литературных памятников. Изучаемая нами икона-складень является именно таким произведением. Ее заказчиком мог быть Иван III. Икона как обетная предназначалась к окладу чтимой иконы Христа или Богоматери, а потом хранилась в ризнице великокняжеского Благовещенского собора. И совершенно не случайно в нее вложены мощи Иоанна Предтечи и Екатерины. Сама икона-складень не является мощевиком, а поэтому святыни, вложенные в нее, специально подобраны. Иоанн Предтеча чтился в Москве как покровитель великокняжеского дома (см. его изображение на пелене 1499 г. Софьи Палеолог).[14] Великомученица Екатерина была покровительницей воинства и особо чтилась в великокняжеских и царских семьях в XV и XVI вв. Вместе с Екатериной 24 ноября чтились и 200 воинов, принявшие христианство, видя стойкое мужество Екатерины, замученной языческим царем.[15] О Екатерине как покровительнице воинства мы узнаем и из послания Иоакима патриарха Александрийского к Ивану IV Грозному во время покорения Казани, в котором в качестве покровительницы упоминается «всемудрая Екатерина».[16] Иван IV Грозный, посылая на Восток Трифона Коробейникова, велит построить церковь на месте погребения Екатерины на Синайской горе.[17]

М. М. Постникова-Лосева предполагает, что резные изображения на деревянных створках складня выполнены новгородским мастером.[18] Нам представляется несомненным, что этот складень был сделан в Москве, а не в Новгороде, в мастерской московского великого князя.

Воспроизведенная на иконе композиция Похвалы Богоматери была хорошо разработана в московском искусстве, а не в новгородском. Каменная церковь Похвалы Богоматери была построена в Москве еще в 1459 г.[19] Композиция Похвалы известна во фресковой живописи XV в., исполненной Дионисием в дьяконнике Успенского собора, на московской иконе XVI в. «Похвалы Богоматери» с акафистом из Кирилло-Белозерского монастыря,[20] на пелене 1510 г. волоцкого князя Федора Борисовича.[21] Эта композиция повторялась в московском искусстве и в конце XVI в. (см. шитый покров на престол Ирины Годуновой из собрания Новодевичьего монастыря).[22]

Некоторые праздничные сюжеты на иконе-складне, например «Сошествие во ад», как справедливо заметила М. М. Постникова-Лосева, имеют композицию, сходную с чеканным воспроизведением данного сюжета на золотом окладе «Морозовского» евангелия.[23] Это свидетельствует, что мастер работал в Москве, где он мог видеть это произведение.

Таким образом, исторические свидетельства, особенности иконографии, эпиграфические признаки надписей, рисунок скани дают основание считать, что икона-складень Благовещенского собора выполнена в Москве по заказу великого князя Ивана III, а непосредственным поводом для ее изготовления мог быть успешный поход москвичей на Новгород в 1471 г.

[14] Н. А. Маясова. Художественное шитье. В кн.: Троице-Сергиева лавра. Художественные памятники. М., 1968, с. 122, рис. 138.

[15] Д. И. Протопопов. Жития святых, чтимых православною российскою церковию, а также чтимых греческою церковию, южнославянских, грузинских и местночтимых в России. Ноябрь. М., 1885, с. 381, 393.

[16] ПСРЛ, т. XXI, ч. 2, с. 669.

[17] И. Сахаров. Сказания русского народа. Т. 2. СПб., 1849, с. 135.

[18] М. М. Постникова-Лосева, Т. Н. Протасьева. Лицевое евангелие..., с. 160.

[19] ПСРЛ, т. VI, с. 181.

[20] Хранится в Гос. Русском музее.

[21] Т. В. Николаева. О некоторых волоколамских древностях. В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV—XVI вв. М., 1970, с. 371, рис. на с. 372, 373.

[22] Ю. Овсянников. Новодевичий монастырь. М., 1968, с. 41, рис. 23.

[23] М. М. Постникова-Лосева, Т. Н. Протасьева. Лицевое евангелие..., с. 160.

С. С. Подъяпольский

УСПЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В БЕЛОЗЕРСКЕ

Успенская церковь в Белозерске известна историкам русского искусства в основном по порядной записи на ее строительство.[1] Эта запись, датируемая 1552—1553 гг., — древнейший из дошедших до нас документов такого рода.

[1] Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. II. СПб., 1874, с. 776; Н. Н. Воронин. Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. М.—Л., 1934, с. 26—27.

Напомним вкратце содержание порядной записи. Заказчиками в ней выступают прихожане во главе с церковным причтом, исполнение работ берут на себя мастера Горяин Григорьев Царев и Третьяк Борисов Ростовка. Царский мастер Горяин Григорьев также, вероятно, был ростовцем, так как ростовцем назван его сын Пахомий Горяинов, закладывавший Успенскую церковь с трапезной в Спасо-Каменном монастыре.[2] Указан образец, которым должны руководствоваться мастера при возведении нового храма, — Успенский собор Кириллова монастыря, а также оговорено особое задание: «... и в стене нам доспети колоколам большим и меньшим, и часовню нам поставить на церкве». Фундамент церкви — «подошва церковная» — к этому времени уже был заложен «без мастерского указа». Строительство должно было вестись «сколько у них на какой год извести и кирпича запасут». «У дела» обязался быть сам старший мастер — Горяин Григорьев «опришно государевой присылки», т. е. в том случае, если он не будет затребован по царскому указу для каких-либо иных работ.[3] Таким образом, нам известны начальная дата строительства и имена мастеров, которым это строительство было поручено.

Исходя из текста документа, естественным было ожидать, что Успенская церковь, если не в деталях, то уж во всяком случае в общей композиции должна следовать предписанному образцу — Успенскому собору Кирилло-Белозерского монастыря. Между тем архитектура обоих памятников настолько различна, что трудно усмотреть в них какие-либо общие черты, кроме совпадения размеров в плане (18×22.5 м).

Рис. 1. Успенская церковь. Северный фасад.

Мало похожа Успенская церковь и на другие белозерские постройки конца XV—XVI в. Это — четырехстолпный, пятиглавый храм без подклета, перекрытый коробовыми сводами (рис. 1). Повышенные подпружные арки чрезвычайно узки, они занимают только около трети ширины столбов (рис. 2). Угловые барабаны имеют в своем основании небольшие ступенчатые арочки. В юго-западном углу храма вверху (как бы на уровне хор) устроен придел, к которому ведет внутристенная лестница в южной и западной стенах. Придел перекрыт сомкнутым сводом, под приделом свод — парусный. Северо-западный угол внутри срезан для размещения в толще стены лестницы наверх, к звоннице и палатке, где помещались часы. Видимо, это и есть упомянутая в порядной «часовня». Кроме лестницы, в северо-западном углу почти на всю высоту четверика проходит вертикальная шахта

[2] Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Ч. II. М., 1878, № 658, с. 236—237.

[3] Акты, относящиеся до юридического быта..., с. 776.

для часовых гирь. Небольшое помещение для часов перекрыто полулотковым сводом, над ним сохранилось основание звонницы с четырьмя поставленными по квадрату массивными столбами, из которых один только наполовину выступает из тела углового барабана.

Внешние формы храма довольно просты. Фасады членятся необычными для Белозерья широкими плоскими лопатками. Северо-западному углу четверика, где помещались часы и звонница, строители придали характер мощной гипертрофированной лопатки, расширяющейся вверху напусками кирпичей. Поле закомар сливается с плоскостью прясел. Оконные проемы без наличников. Перспективные порталы завершены архивольтами, имеющими рисунок очень плоской кривой с небольшим килевидным подвышением. Барабаны имеют по четыре узких окна, утопленных в прямоугольных впадинах, и завершаются поясом пятиугольных ниш, несколько усложненных у среднего барабана. Юго-западный барабан имеет только ниши без световых проемов. Пропорции барабанов довольно приземисты. В основании всех барабанов, кроме северо-западного, наполовину закрывавшегося звонницей, сохранились остатки расставленных по кругу кокошников. Обычная для Белозерья орнаментальная кирпичная кладка применена только в поясе, венчающем низкие алтарные апсиды.

Г. Н. Бочаров и В. П. Выголов, едва ли не единственные, писавшие об этом памятнике, отметили существенное отличие его архитектурных форм от предписанного образца, указав на статичность композиции белозерского храма, простоту и пластичность его архитектурных форм. На этом основании они сближают Успенскую церковь с «псковско-новгородским зодчеством».[4]

Вряд ли можно признать удачным объединение зодчества Пскова и Новгорода XVI в. в «псковско-новгородское», но само по себе это наблюдение небезосновательно, так как церковь Успения, имеющая весьма мало общего с псковской архитектурой, во многих своих чертах действительно может быть сближена с современными ей каменными сооружениями Новгорода.

Еще сравнительно недавно было широко распространено мнение, что с падением политической независимости Новгорода в конце XV столетия закончилось и существование самостоятельной новгородской архитектуры. Почти все новгородское строительство XVI в. трактовалось уже как «московское». К. К. Романов из названных им четырнадцати сохранившихся новгородских церквей первой половины XVI в. только три рассматривал как произведения местной школы, остальные же, по его мнению, «должны были выполняться среднерусскими мастерами».[5] Однако более близкое знакомство с этими якобы вполне среднерусскими постройками показывает, что они не находят себе близких аналогий в архитектуре какого-либо другого района Московского государства. Отдельные формы, безусловно среднерусские по своему происхождению, применены в новгородских

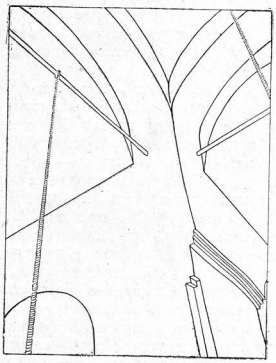


Рис. 2. Успенская церковь. Подпружные арки.

памятниках XVI в. с несомненным своеобразием. Так, для них характерны сочетание «московских» закомар с пощипцовыми покрытиями и особая система декорации фасадов, при которой плоскости стен и лопаток разбиваются неглубокими нишами, имеющими пятиугольную форму, либо арочными с килевидным подвышением.

Самостоятельный характер новгородской архитектуры XVI в. сейчас признается всеми наиболее авторитетными исследователями новгородского зодчества,[6] чему в немалой степени способ-

[4] Г. Н. Бочаров, В. П. Выголов. Вологда, Кириллов, Ферапонтово, Белозерск. М., 1966, с. 264—266.

[5] Три памятника, названные К. К. Романовым, — это церковь Климента на Иворской улице 1520 г., церковь села Папоротского 1522 г., церковь апостола Филиппа на Нутной улице. — К. К. Романов. К вопросу о влиянии взаимоотношений между строителями и заказчиками на формы зодчества в Новгороде в XVI в. Временник Отдела изобразительных искусств Гос. ин-та истории искусств. Т. I. Изобразительное искусство. Л., 1927, с. 57—58.

[6] М. К. Каргер. Новгород Великий. Л.—М., 1961, с. 292—295; Т. В. Гладенко, Л. Е. Красноречьев, Г. М. Штендер, Л. М. Шуляк. Архитектура Новгорода в свете последних исследований. В кн.: Новгород. К 1100-летию города. М., 1964, с. 246.

ствовала большая работа, проведенная в послевоенный период новгородскими реставраторами. Благодаря этому появилась возможность провести детальное сопоставление архитектуры Успенской церкви в Белозерске и современных ей новгородских памятников.

Мы не будем рассматривать план здания, так как он в значительной степени был предопределен закладкой фундамента «без мастерского указа». Но уже в конструкции перекрывающих храм сводов можно отметить почти полное совпадение с церковью Бориса и Глеба на Плотничьем конце в Новгороде, выстроенной в 1537 г. новгородскими урочными мастерами. Своды этой церкви коробовые, в основании западных барабанов также помещены ступенчатые перекрещивающиеся арки. Особенное сходство с Успенской церковью Белозерска придают Борисоглебскому храму необычайно узкие подпружные арки, по поводу которых К. К. Романов писал: «Ясно, что здесь — не свободное употребление ступенчато-повышенной конструкции подпружных арок, ставшей обычной в Средней России к началу XVI столетия, а декоративное подражание ей, выполненное мастерами, не привыкнувшими к ее употреблению».[7] Юго-западный придел Успенской церкви находит близкую аналогию в приделах Борисоглебского храма, помещенных по-новгородски в западных углах четверика «на полатях». В формах внешней архитектуры между обоими памятниками также много общего: широкие плоские лопатки, узкие и острые кили закомар, декор барабанов. Пятиугольные впадины, вообще часто применявшиеся в убранстве новгородских построек XVI в., нередко встречаются и в завершении барабанов (церковь Бориса и Глеба в Плотниках, церковь Варлаама в Хутынском монастыре 1552 г., собор Сыркова монастыря 1554 г., церковь Троицы Духова монастыря около 1557 г.).

Прием помещения арочных оконных проемов в прямоугольную впадину со «ступенькой» вверху широко распространен в русской архитектуре XVI в., особенно в гражданском зодчестве, но именно в Новгороде он находит себе место в устройстве окон барабанов. Очень близки порталы Успенской церкви Белозерска и церкви Никиты на Московской улице в Новгороде (1557 г.) (рис. 3, 4). В том и другом случае сходны уплощенная кривая архивольта с небольшим килем, узкие длинные «дыньки», имеющие различную порезку в пределах одного портала, профили цоколей и капителей. В основании первоначальных оконных проемов Успенской церкви положены подоконные плиты. Этот прием также обычен для Новгорода и встречается в памятниках XIII—XVI вв.

[7] К. К. Романов. К вопросу о влиянии..., с. 56.

Наконец, удалось установить, что церковь Успения имела пощипцовое покрытие прясел, обычное для новгородских храмов XVI в. В кладке угловых барабанов сохранились следы первоначальной заделки охлупней, а на соседних участках прослеживаются границы побелки, соответствующие скатам кровель. Эти следы, не везде одинаково четкие, лучше всего просматриваются с северной стороны северо-восточного барабана. Над малыми закомарами, примыкающими к звоннице, кровли были односкатными (граница примыкания такой кровли хорошо видна с западной стороны). В основании среднего барабана выложена штраба для примыкания кровли, имевшей коническую тесовую «юбку», обычную для новгородских храмов этого времени.

Кровля над кокошниками, окружающими подножия малых барабанов, судя по следам ее примыкания к телу барабанов, не была двускатной, а повторяла очертание архивольтов. Вероятно, также завершались и кокошники, помещенные в основании большого барабана, верх которых срезан существующей четырехскатной крышей (рис. 5).

Проведенное сопоставление Успенской церкви в Белозерске с новгородскими памятниками, как нам кажется, позволяет безоговорочно отнести ее к произведениям новгородского зодчества XVI в.

Как же согласовать этот вывод с упоминанием в порядной записи имен ростовских мастеров Горяина Григорьева и Третьяка Борисова? Нам представляется, что сам текст порядной, упоминая о «государевой присылке» и о весьма неопределенных сроках строительства («сколько у них на какой год извести и кирпича запасут»), оставляет место для известных сомнений, действительно ли строительство осуществлялось под руководством Горяина Григорьева. Надо учесть, что этот зодчий к моменту составления порядной был уже немолодым: его сын Пахомий Горяинов за 10 лет до этого при закладке Спасо-Каменного монастыря выступал как вполне самостоятельный мастер. Поэтому можно предположить, что какие-то внешние причины (другой царский заказ, болезнь или смерть) помешали Горяину Григорьеву осуществить намеченное строительство каменного храма в Белозерске по образцу собора Кириллова монастыря.[8] То, что к этой работе могли быть привлечены мастера-новгородцы, само по себе не

[8] На длительность строительства Успенской церкви указывает, видимо, и сообщение С. П. Шевырева о возведении ее при Грозном в 1574 г. со ссылкой на описание Белозерска 1676 года. (С. П. Шевырев. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора Шевырева в 1847 году. М., 1860, с. 64).

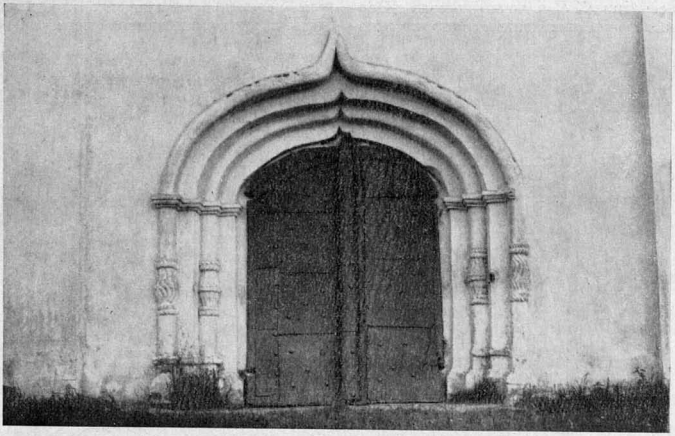


Рис. 3. Успенская церковь. Северный портал.

Рис. 4. Церковь Никиты на Московской улице в Новгороде. Портал.

вызывает какого-либо удивления, так как Белоозеро в середине XVI в. поддерживало с Новгородом достаточно оживленные торговые отношения.[9] Это кажется нам вполне допустимым еще и потому, что белозерский городской посад гораздо менее был связан с Ростовом, чем монастыри, входившие в состав Ростовской епархии, которые систематически вели каменное строительство силами зодчих-ростовцев.[10]

Таким образом, знакомство с архитектурой Успенской церкви позволяет нам включить в круг памятников новгородского зодчества XVI в. еще одно значительное сооружение.

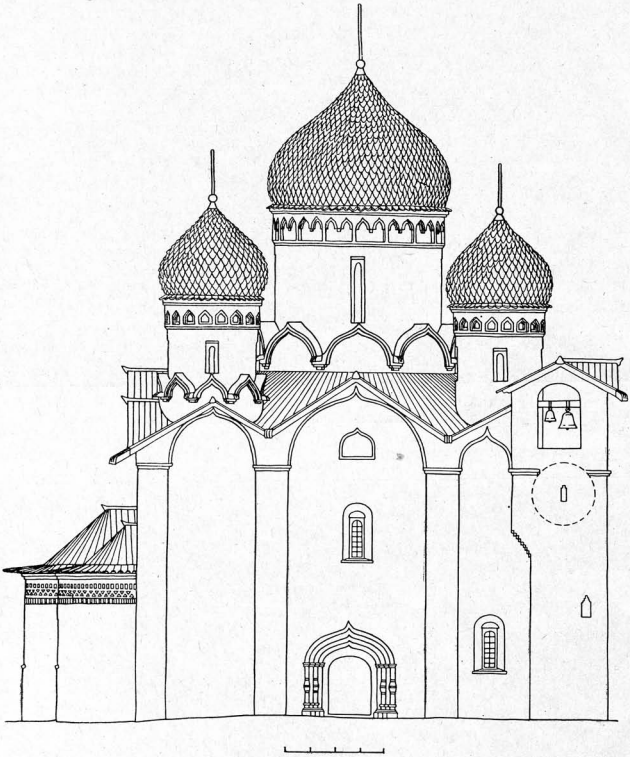


Рис. 5. Успенская церковь. Реконструкция.

[9] М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962, с. 241.

[10] Об архитектурных связях Белозерья с Ростовом см.: Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397—1625). Т. I, вып. 1. СПб., 1897, с. 87—88, 275—277; Н. Н. Воронин. Очерки по истории..., с. 22—26; С. С. Подъяпольский. 1) К характеристике кирилловского зодчества XV—XVI вв. СА, 1966, № 2, с. 75—95; 2) Архитектурные памятники Спасо-Каменного монастыря (XV—XVI века). В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV—XVI вв. М., 1970, с. 437—457.

В. М. Потин

НУМИЗМАТИКА И ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ

Взаимосвязи нумизматики и архитектуры весьма многообразны. В настоящей статье мы остановимся на двух разновидностях монетных находок: 1) монетах, использовавшихся с ритуальными целями при постройке зданий; 2) монетах, чаще всего кладах, укрытых в конструкциях зданий, внутри архитектурных памятников.

Обычай класть монету под камень фундамента или в стены строящегося здания для обеспечения постройке длительности существования, а ее владельцу — богатства и счастья, существовал еще в античности.[1] Этот обычай сохранился в Западной Европе в период средневековья и нового времени. Противники папы Павла II (1464—1471 гг.) обвиняли его в приверженности этому обычаю.[2] Одна из Нюрнбергских хроник подробно описывает, как в 1538 г. члены городского совета торжественно положили золотые, серебряные и медные деньги под первый угловой камень возводившейся постройки.[3] Для XIX в. существование интересующего нас обычая на европейской части территории России не подлежит сомнению. Этнографические материалы говорят о повсеместном распространении обычая при закладке дома класть монеты в углы окладного венца.[4] Известны находки монет в основании построек вместе с так называемыми «закладными досками», снабженными пояснительными записями. В 1926 г. в Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа поступила закладная доска от ограды сада Зимнего дворца вместе с 30 золотыми и серебряными монетами разного достоинства.[5] Однако для более раннего времени мы не имеем ни прямых свидетельств источников, ни попыток обобщения данных находок. В литературе лишь иногда высказывались предположения о длительном существовании этого обычая в Восточной Европе, основанные на единичных случаях находок монет в фундаментах или стенах построек.[6] Собрав доступный нам материал, мы попытаемся установить давность существования обычая класть при постройке зданий монеты, которые условно можно было бы назвать «закладными», или «строительными».

Русские источники постоянно сообщают о закладке зданий, например церквей, не реже чем о строительстве или завершении. Закладка зданий, и прежде всего церковных, происходила в торжественной обстановке. Однако в кратких описаниях таких торжеств не упоминается о вкладывании монет в фундамент или стену, вероятно, рассматриваемом как действие, противоречащее православным догмам. Нам известны две, очевидно случайные, находки в фундаментах зданий, сооруженных, видимо, в X в. На территории древнего Белгорода в фундаменте здания гражданского характера был найден золотой византийский солид Иоанна Цимисхия (969—976 гг.).[7] При раскопках древней Тмутаракани в фундаменте церковной апсиды были обнаружены две медные херсоно-византийские монеты Романа II (959—963 гг.).[8] Известны и более поздние находки. В с. Овстуг Брянской области в фундаменте древнего здания была найдена кубышка с 40 пражскими грошами XIV в.,[9] а в Старой Ладоге в притворе церкви XII в., «от которого сохранился только фундамент», — новгородская монета XV в.[10]

Из пяти известных нам находок XVI—XVIII вв. три сделаны в фундаментах построек гражданского характера, одна — в фундаменте католического костела и одна, возможно, — в фундаменте церкви.[11]

---

[1] F. Friedensburg. Die Münze in der Kulturgeschichte. Berlin, 1909, S. 141; K. Regling. Grundsteinfunde. In: F. Schrötter. Wörterbuch der Münzkunde. Berlin—Leipzig, 1930, S. 244—245.

[2] G. F. Hill. The medals of Paul II. Numismatic Chronicle, 4th series, vol. X, 1910, p. 353—354.

[3] J. Cahn. Ein Beitrag zu der Frage «War Peter Flötner Medailleur?». Berliner Münzblätter, N. F. Bd. IV, 1911—1913, Berlin, 1914, S. 55.

[4] Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения). Восточнославянский этнографический сборник. ТИЭ, нов. сер., т. XXXI, 1956, с. 132.

[5] Гос. Эрмитаж, Отдел нумизматики, книга поступлений 44а, № 516, с. 63. — См. также о находке памятной доски и золотых и серебряных монет 1775—1778 гг. в 1832 г. в г. Твери (Калинин): А. Пискарев. Хронологическое обозрение пятидесяти археологических находок в России с 1820 по 1850 год. Зап. Археол. общ., т. III, СПб., 1851, с. 80—81, № 6.

[6] Прибавление к 56-му вып. ИАК, 1914, с. 117; «Псковская правда», 19 декабря 1950 г.; В. Н. Рябцевич. Денежное обращение и клады на территории Чернигово-Северской земли и Восточной Белоруссии в XVI в. Нумизматика и сфрагистика, вып. 3, Киев, 1968, с. 182, № 15.

[7] А. Н. Кирпичников. К истории древнего Белгорода в X—XI вв. КСИИМК, вып. 73, 1959, с. 26.

[8] В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962, с. 23, № 29а.

[9] И. М. Полозов. Клады рассказывают. Брянск, 1963, с. 13, № 20.

[10] Н. Е. Бранденбург. Старая Ладога. СПб., 1896, с. 46—47, 127.

[11] Перечислим эти находки: 1) фундамент замка г. Быховец, 2) фундаменты дома в дер. Есино Горь-

Поздние этнографические материалы говорят о том, что монета при постройке дома не всегда могла быть положена в фундамент. Многие городские древнерусские строения не имели вовсе фундамента или имели простейшие его элементы в виде разного рода подкладок.[12] Каменные же фундаменты в русских крестьянских домах появляются лишь в начале нашего столетия.[13] В таких случаях в углы окладного венца постройки клали монеты, причем в передний «красный угол» — обычно самую крупную. Часто вместо денег помещали клочок шерсти, горсть зерна, кусок воска и т. п.[14] Последний обычай, вероятно, уходит в глубокую древность и, надо думать, был распространен в так называемый безмонетный период.[15] Характерно, что для XI—XIII вв. мы не могли найти сведений о находках в фундаментах зданий и лишь в двух случаях монеты обнаружены в углах помещений Херсонеса.[16] Интересно отметить, что этот же период приносит большое количество находок в углах жилищ в виде шиферных пряслиц, бус и стеклянных браслетов. Последние появляются в середине XII в., т. е. с началом безмонетного периода.[17] В. Л. Янин еще в 1956 г. сделал предположение, что именно эти изделия служили товаро-деньгами после «отказа» русского денежного обращения от монеты.[18]

К числу «закладных» или «строительных», относится, вероятно, серебреник Владимира, обнаруженный при раскопках ворот, ведших из посада в детинец в Заречье на Стугне. Монета была в заполнении надвратной башни.[19] Более определенно можно классифицировать находки в стене кремля и бывшего Ивановского монастыря в Пскове.[20] К этой же подгруппе находок принадлежат монеты, положенные в основание памятников. В 1832 г. на площади г. Твери были найдены закладная доска и 10 золотых и серебряных русских монет 70-х годов XVIII в. Они были положены в 1777 г. при закладке памятника Екатерине II.[21] Известно также, что при закладке Александровской колонны в Петербурге, кроме металлической закладной доски в фундамент, была замурована шкатулка с 105 платиновыми, золотыми, серебряными и медными медалями и монетами.[22] Таким образом, обычай закладной монеты подтверждается нумизматическими данными предположительно для X—начала XI в. и более уверенно для XIV—XVIII вв., свидетельствуя о его значительной древности на территории Восточной Европы.

Обратимся теперь ко второй подгруппе монетных находок, обнаруженных под полом или в стенах зданий и являющихся укрытыми здесь сокровищами, княжеской или церковной казной. Подавляющее большинство всех находок такого рода принадлежит к так называемым церковным находкам. Оставляя в стороне находки, характер которых неясен, обратимся к данным, отличающимся большей конкретностью. Известно, что при ремонтных работах Пятницкой церкви в Новгороде в 1524 г. под полом был найден большой клад слитков.[23] Клад монет XVII в. был найден в 1894 г. под старой церковью Молчановского монастыря в г. Путивле. Известны клады Воскресенской церкви в Пскове и Спасского собора в Чернигове и, возможно, клады из церкви в с. Лукинском Ленинградской области и из упоминавшейся ранее церкви Георгия на Наволоке

ковской области, 3) дом в г. Путивле бывш. Курской губернии, 4) основание костела в г. Клышине бывш. Гродненской губернии, 5) на месте фундамента церкви Георгия на Наволоке (В. Н. Рябцевич. Денежное обращение..., с. 182, № 15; данные А. С. Мельниковой, ГИМ; Т. А. Горохов. Монетные клады Курской губернии. Изв. Курского губернского общества краеведения, т. VII—VIII, Курск, 1927, с. 37—38; А. Пискарев. Хронологическое обозрение..., с. 79, № 3; Н. Д. Мец. Клады монет, зарегистрированные в Государственном Историческом музее за 1945—1952 годы. КСИИМК, вып. 52, 1953, с. 114—115, № 7). Принадлежность всех этих находок к «закладным» требует, однако, проверки (ср. № 5).

[12] П. И. Засурцев. Постройки древнего Новгорода. МИА, № 65, 1959, с. 265.

[13] Л. Н. Чижикова. Поселение и жилище. Материалы и исследования по этнографии европейской части СССР. ТИЭ, нов. сер., т. VII, 1960, с. 20.

[14] Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки..., с. 132.

[15] В северной Руси он начался в 30—40-х годах XII в., в южной Руси — значительно раньше. Конец его приходится на середину XIV в.

[16] Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1935—36 гг. Севастополь, 1938, с. 133, 154, № 77, с. 333, № 127. — Для более раннего времени (IX—X вв.) также известны находки монет в углах помещений: дирхема 833 г. (вместе с глиняным пряслицем) в жилище № 2 при раскопках в с. Новотроицкое Сумской области; клад из 22 куфических монет, позднейшая из которых чеканена в 922—923 гг., в с. Титчиха Воронежской области. См.: И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, № 74, 1958, с. 52, 53, рис. 34; Н. Д. Мец, А. С. Мельникова. Клады монет (зарегистрированные Государственным Историческим музеем в 1955—1958 гг.). Ежегодник ГИМ, М., 1960, с. 79, № 84.

[17] Ю. Л. Щапова. Стеклянные браслеты и датирование городского культурного слоя. СА, 1969, № 4, с. 102, 107.

[18] В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, с. 187—189.

[19] А. А. Медынцева. Серебреник из Заречья на Стугне. СА, 1965, № 1, с. 289—291.

[20] Архив ЛОИА, ф. 2, 1927, д. 28; «Псковская правда», 19 декабря 1950.

[21] А. Пискарев. Хронологическое обозрение..., с. 80—81, № 6.

[22] А. Я. Ротач. Александровская колонна. Л., 1966, с. 19.

[23] Софийский временник. Ч. II, М., 1821, с. 358; А. А. Ильин. Топография серебряных и золотых слитков. Пгр., 1921, с. 37, № 153.

в г. Вологде.[24] Источники говорят о хранении княжеской казны в «споях», т. е. в подвальных сводах церкви. В 1493 г. во время пожара погибла казна великой княгини Софьи, хранившаяся в споях церкви Иоанна Предтечи в Москве.[25]

Значительно большее распространение имело укрытие кладов, церковной, монастырской или княжеской казны в стенах церквей, особенно на хорах, полатях. Широко известно сообщение летописи о конфискации Иваном IV в 1547 г. сокровищ, найденных им в стене на церковных полатях Софийского собора в Новгороде.[26] Два тайника на хорах этого собора существовали и позже. По преданию, в них была спрятана церковная казна во время вторжения шведов в начале XVII в.[27] Еще более знаменит огромный клад, найденный в 1898 г. на хорах церкви Киево-Печерской лавры.[28]

Один из тайников Успенского собора в Москве был устроен около шеи большой главы, а другой находился на верхних полатях юго-восточной части церкви.[29] В ряде ярославских церквей тайники помещались на сводах алтаря, образуя своеобразные антресоли.[30]

Ряд находок, как отдельных монет, так иногда и значительных кладов, найден в алтарях или под алтарями.[31] Таким образом, в своем большинстве церковные клады укрывались в сводах подцерковья, на хорах и в алтаре.[32] Это не исключает находок монет и в других частях церкви. Так, клад безымянного храма, открытого в центральной части Довмонтовой крепости в Пскове, был найден в кладке стены, примерно на высоте 1 м от пола.[33] В колокольне Ивана Великого в Москве монеты были найдены в печурке.[34]

Разнообразие мест нахождения монет рассматриваемой подгруппы объясняется различным характером кладов. На хорах и в подцерковных сводах обычно хранилась церковная или княжеская казна. Иногда церковная казна пряталась под алтарем, как это видно из находки пяти сосудов с золотыми и серебряными монетами в с. Решневка бывш. Волынской губернии. Весьма вероятно, что сокровища, хранившиеся в «спокойное» время в алтаре, в период угрозы ограбления переносились в хорошо скрытые тайники. В самом алтаре часто находят отдельные монеты — приношения верующих. Иногда клад в церкви мог быть спрятан местным священником и даже звонарем, как об этом свидетельствует находка в печурке колокольни Ивана Великого.

Таким образом, изучение монетных находок, связанных с архитектурными памятниками, обогащает наши знания в области истории искусства, этнографии и социальной истории.

---

[24] Архив ЛОИА, ф. 1, 1894, д. 125; Прибавление к 52-му вып. ИАК, 1914, с. 126; Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1954, с. 14, 138, № 15; И. Г. Спасский. Винницкий клад. Изв. Карело-Финск. фил. АН СССР, 1951, № 2.

[25] ПСРЛ, т. VIII, СПб., 1859, с. 226; И. М. Снегирев. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. Т. III. М., 1873, с. 23.

[26] ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848, с. 342. — Об укрытиях различных ценностей в стенах см. под 1400—1401 г. в Никоновской летописи. (ПСРЛ, т. XI—XII, М., 1965, с. 184).

[27] Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I. М., 1860, с. 56 и прим. 62.

[28] Н. Н. Петров. Археологическая находка на хорах в великой церкви Киево-Печерской лавры. Чтения в Церковно-археологическом обществе, вып. II, Киев, 1899, с. 88—90.

[29] И. М. Снегирев. Москва, т. II, с. 82.

[30] А. Павлинов. Древности ярославские и ростовские. Тр. VII Археол. съезда в Ярославле в 1887 г., т. III, М., 1892, с. 10, 15.

[31] Таковы находки в церкви св. Ирины в Киеве, в церквах в с. Ново-Краснянка бывш. Харьковской губернии, в с. Решневка бывш. Волынской губернии и в Десятинной церкви в Киеве (Н. Беляшевский. Монетные клады Киевской губернии. Киев, 1889, с. 7—8; В. Е. Данилевич. Карта монетных кладов и находок единичных монет Харьковской губернии. Отдельный оттиск из: Тр. XII Археол. съезда в Харькове в 1902 г., т. I, М., 1905, с. 26, № 104; В. Б. Антонович. Археологическая карта Волынской губернии. Тр. XI Археол. съезда в Киеве в 1899 г., т. I, М., 1901, с. 81).

[32] В статье о церковных кладах Норвегии Ганс Хольст приводит данные, по которым в этой части Скандинавии значительная часть находок монет обнаружена под полом церквей: Hans Holst. Numismatiske kirkefunn i Norge. Nordisk Numismatisk Arskrift, 1953, s. 1229.

[33] Г. П. Гроздилов. К вопросу о топографии древнего Пскова. Археол. сб. Гос. Эрмитажа, вып. 6, 1964, с. 147, 149; Устное сообщение В. Д. Белецкого.

[34] А. Пискарев. Хронологическое обозрение. ., с. 92—93, № 49; В. И. Качанова. Топография кладов Москвы и ее окрестностей. Тр. Музея истории и реконструкции Москвы, вып. 5, М., 1954, с. 143, № 55, с. 145. — К сожалению, ряд публикаций говорит о находках кладов в стенах построек без каких-либо уточнений о месте нахождения монет.

Н. Г. Порфиридов

СЛЕДУЕТ ЛИ ОТКАЗЫВАТЬСЯ ОТ ЛЕТОПИСНОЙ ДАТЫ ВОЛОТОВСКОЙ СТЕНОПИСИ?

История древнерусского искусства обладает немногими точными датами создания памятников живописи, отмеченными в письменных источниках. Искусство древнего Новгорода не представляет исключения, хотя новгородские летописи относительно щедрее других на известия о художественной жизни своего города.

В области монументальной живописи Новгорода к таким драгоценным точным известиям принадлежат, например, сведения о росписи церкви Спаса Нередицы в 1199 г., церкви Успения в Волотове в 1363 г., церкви Спаса на Ильине в 1378 г., церкви Спаса на Ковалеве в 1380 г. Эти сведения считаются надежными константами в истории новгородского искусства.

Одним из немногих случаев отступления от общего правила исходить из указываемых летописями точных дат с некоторого времени стала дата росписи церкви Успения в Волотове. Летописные известия об этом памятнике весьма точны. О постройке церкви записано под 6860 (1352) годом: «Того же лета постави владыка Моисей церковь камену в имя святые богородица Успения на Волотове».[1] О росписи ее — под 6871 (1363) годом: «Того же лета подписана бысть церковь Святыя Богородица на Волотове в Моисееве монастыри повелением боголюбиваго архиепископа новгородчкаго Алексея».[2] Приведенные известия, в том числе о росписи церкви, принимались за достоверные как в дореволюционной,[3] так и в советской литературе.[4]

В последние десятилетия в искусствоведческой науке высказано сомнение в том, что волотовская стенопись была исполнена в 1363 г., и выдвинуто предложение датировать ее более поздним временем — концом 70-х—началом 80-х годов XIV в. Высказанная вначале предположительно,[5] эта гипотеза затем в развернутом виде вошла в последние обобщающие труды по истории древнерусского искусства.[6]

Причиной передатировки волотовской росписи явилось определенное понимание соотношения трех новгородских стенописей XIV в., близких друг к другу по времени исполнения и чертам стиля, — Успения в Волотове, Федора Стратилата и Спаса на Ильине. Их родственность замечена еще в 1910 г., когда были раскрыты фрески церкви Федора, а в церкви Спаса были известны лишь незначительные любительски расчищенные их фрагменты.

Между тем именно спасская роспись особенно возбуждала интерес, так как имела точную дату 1378 г. и, что редко бывает, имя автора, причем автор этот — Феофан Грек, легендарная фигура в древнерусском искусстве. Раскрытие в 1918—1921 гг. Всероссийской реставрационной комиссией феофановских фресок, небывалых по силе выразительности, произвело ошеломляющее впечатление. Под его воздействием руководитель комиссии И. Э. Грабарь и ряд авторов, писавших о новгородском искусстве, тому же мастеру, т. е. Феофану, отнесли авторство двух других стенописей «триады», как более ранних, уступавших этой в мастерстве.

Однако в ходе дальнейшего изучения новгородского искусства XIV в. все более уяснялись различия росписей. Признание их несомненной близости осталось непоколебленным, но ему было дано новое объяснение. За спасской росписью, твердо авторизуемой именем Феофана, признано первое место. Две остальные, в частности волотовская, истолкованы как произведения русских учеников, во всяком случае последователей, гениального грека. Но подчиненная такому пониманию исторического генезиса росписей концепция вступила в противоречие с документально засвидетельствованной датой волотовской стенописи, которая, согласно летописи, была исполнена на 15 лет ранее спасской. Тогда, чтобы снять это противоречие и сохранить приоритет за спасской, и было высказано предположение, что известная нам волотовская стенопись произведена после спасской, в конце 70-х или в начале 80-х годов, летописная же дата 1363 г. относится к другой, которую она заменила, или к одной фреске на горнем месте храма.

---

[1] ПСРЛ, т. III, СПб., 1841, с. 85.

[2] Там же, с. 88.

[3] В. В. Суслов. Церковь Успения на Волотовом поле. Тр. Комитета XII Археол. съезда, т. II, 1909; П. Муратов. Русская живопись до середины XVII в. В кн.: История русского искусства. Т. VI. Под ред. И. Грабаря. М., 1909; Л. А. Мацулевич. Церковь Успения Пресвятой Богородицы в Волотове. Памятники древнерусского искусства, вып. IV, СПб., 1912.

[4] И. Грабарь. Феофан Грек. Очерк из истории древнерусской живописи. Казанский музейный вестник, № 1, Казань, 1922; А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, с. 152.

[5] В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, с. 80; М. В. Алпатов. Фрески храма Успения на Волотовом поле. В кн.: Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. М., 1948, с. 110—111.

[6] В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура Новгорода. В кн.: История русского искусства. Т. II. М., 1954, с. 178; М. В. Алпатов. Всеобщая история искусств. Т. III. М., 1955, с. 155.

Отступление от точного исторического документа необычное, единственное. Но действительно ли оно неизбежно? Здесь следует коснуться двоякого рода соображений: во-первых, так сказать, формального порядка; во-вторых, по существу вопроса.

Толкование сообщения новгородских летописей о «подписании» церкви Успения в Волотове в 1363 г. как относящегося к первой, якобы существовавшей, росписи неправдоподобно.

Непонятно, для чего бы могло понадобиться через короткий срок в 15—20 лет одну стенную роспись храма заменить другой при отсутствии к тому каких-либо особых технических причин вроде пожара, разрушений зданий и т. п. Никаких сведений о подобного рода причинах нет. Вовсе трудно предположить, что монастырское руководство единственно ради изменившихся вкусов могло пойти на столь большую и дорого стоящую работу по замене недавно исполненной росписи. Наконец, никаких следов более ранней росписи под той, которая дожила в Волотове до нашего времени, не имелось. Это засвидетельствовано еще дореволюционным исследователем, сделавшим пробы в различных местах зданий. Пробы выяснили, что «под нынешним слоем штукатурки нет никакого другого, нет и следов живописи, слой штукатурки, на котором написана алтарная фреска, весьма отличный от более позднего, сейчас же прекращается за окончанием живописи. Она немного не доходит до краев его и окружена со всех сторон прекрасно сохранившимся обрамлением киноварного тона».[7]

Можно ли отнести летописное сообщение о росписи волотовской церкви в 1363 г. к одному этому алтарному изображению?

Но термином «подписана бысть» в практике летописания обычно обозначалась роспись храма в целом. Нет оснований думать, это этот термин был применен к написанию единственной фрески. Кроме того, если бы это было так, то еще менее было бы объяснимо, почему осталось вовсе не отмеченным на страницах летописей полное «подписание» церкви в 70—80-х годах, дело неизмеримо большего масштаба и значения. Словом, на этом пути возникают труднообъяснимые и трудноустраняемые недоумения.

Не лишено значения и то препятствующее отнесению росписи к 70—80-м годам обстоятельство, на которое указывалось в литературе и к которому следует возвратиться. На южной стене церкви, как известно, имелось изображение ее ктиторов, новгородских архиепископов Моисея и Алексея; при первом из них храм был построен, при втором — расписан. Оба изображены в крестчатых ризах, что не всегда было свойственно облачению новгородских владык. Этот так называемый полиставрий был пожалован константинопольскими императором Иоанном и патриархом Филофеем в 1354 г. архиепископу Моисею и, таким образом, последний изображен в нем естественно. Преемник же Моисея Алексей был лишен этого отличия в 1370 г., когда последовало разъяснение, что это отличие «божественный собор предоставил одному архиепископу Моисею с тем, чтобы он один, которому оно даровано, им пользовался, а не всякий епископ новгородский».[8] Поэтому крестчатые ризы на Алексее могут быть оправданы лишь в том случае, если его изображение в них было сделано в 1363 г., а не после 1370 г.

Соображения второго рода должны коснуться вопроса о том, какая же из двух росписей, волотовская или спасская, стоит на более ранней ступени исторического развития искусства XIV в.

Русская религиозная живопись в XI—XIV вв. была одной из ветвей восточноевропейского, византийского искусства. Обладая своими национальными особенностями, она все же отражала его движение.

Византийское искусство конца XIII—начала XIV в., как известно, было ознаменовано прогрессивным направлением, вошедшим в историю под названием раннепалеологовского искусства. В основе его лежало оживление неоэллинистических начал, внесшее в строгие религиозные образы и иконографические композиции естественное человеческое чувство и свободный живописный стиль. Памятником этого искусства являются мозаики и фрески Кахриэ Джами, бывш. монастыря Хора в Константинополе. Однако в Византии второй половины XIV в., когда она шла к упадку и концу, эти прогрессивные начала не получили развития. Напротив, в ходе споров и борьбы, связанных с религиозно-философским учением исихазма, они уступили направлению, порожденному реакционными силами византийской культуры с их мертвым догматизмом, мистичностью и монашеским аскетизмом, чуждыми духу свободы и человечности.

Представитель столичной, константинопольской школы, работавший в Галате и Халкидоне, Феофан своими корнями органически был связан с искусством первых десятилетий XIV в. Но мы ничего не знаем о подробностях его работы, жизни и идейных интересах на родине. Во всяком случае он, очевидно,

[7] Л. А. Мацулевич. Церковь Успения..., с. 32.

[8] Макарий. История русской церкви. Т. IV. СПб., 1886, с. 327—328.

был так или иначе затронут современными ему идейными направлениями отечественной культурной жизни и таким приехал на Русь. Это, конечно, ни в какой мере не означает, что он явился сюда представителем византийской деградации и упадка. Феофан был и остался в истории вершиной и лучшим выразителем достижений искусства XIV в. Но каким-то «приметам времени» он не остался чужд. Так, видимо, не случаен столь ярко сказавшийся в его росписи повышенный интерес к героям и подвижникам исихии, волновавший и разделявший византийское общество второй половины XIV в. Справедливо отмечается, что «суровость феофановских образов, их особая одухотворенность, их порой экстатичность — все это связано с исихазмом, все это вытекает из существа исихастского учения».[9]

Феофан Грек не был на Руси единственным проводником связи с искусством Византии. Такая связь, в частности с прогрессивным искусством конца XIII—начала XIV в., имелась помимо него и до него. В искусстве Новгорода эту связь документировали не дошедшая до нас роспись церкви Входа в Иерусалим, исполненная в 1338 г. Исаией Гречином, и роспись собора архангела Михаила в Сковородском монастыре, исполненная около 1360 г., погибшая в 1941 г. Самым же ярким документом раннепалеологовской стадии с ее духом, ее стилем, нам представляется, должна быть признана стенопись Волотова 1363 г. Проникнутое свежими веяниями раскрепощаемого человеческого духа, искусство волотовского памятника еще свободно от философской углубленности образов и черт некоторой раздвоенности, суровости, специфической экстатичности, сказавшихся в искусстве гениального спасского мастера.

Анализируя творчество Феофана, все его исследователи считают, что он испытал сильное воздействие произведений монументального искусства, с которыми познакомился на второй родине, на Руси, в первую очередь в Новгороде. В числе последних все чаще называется и роспись церкви в Волотове.[10]

[9] В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа. М., 1961, с. 29.

[10] А. Н. Грабар. Несколько заметок об искусстве Феофана Грека. ТОДРЛ, т. XXII, 1966, с. 83—84; Ш. Я. Амиранашвили. Феофан Грек и Андрей Рублев. В кн.: Андрей Рублев и его эпоха. М., 1971, с. 179.

А. А. Ратич

К ВОПРОСУ О КНЯЖЕСКИХ ДВОРЦАХ В СТОЛЬНЫХ ГОРОДАХ ГАЛИЦКОЙ РУСИ XI—XIV ВВ.

Древнерусские княжеские дворцы относятся к группе важных историко-архитектурных памятников древней Руси. В Галицкой Руси княжеские дворцы имелись во всех столицах удельных княжеств: в Перемышле, Звенигороде, Теребовле, Галиче и Львове. Письменные известия о них скупые и фрагментарные. Существенно заполняют этот пробел археологические исследования.

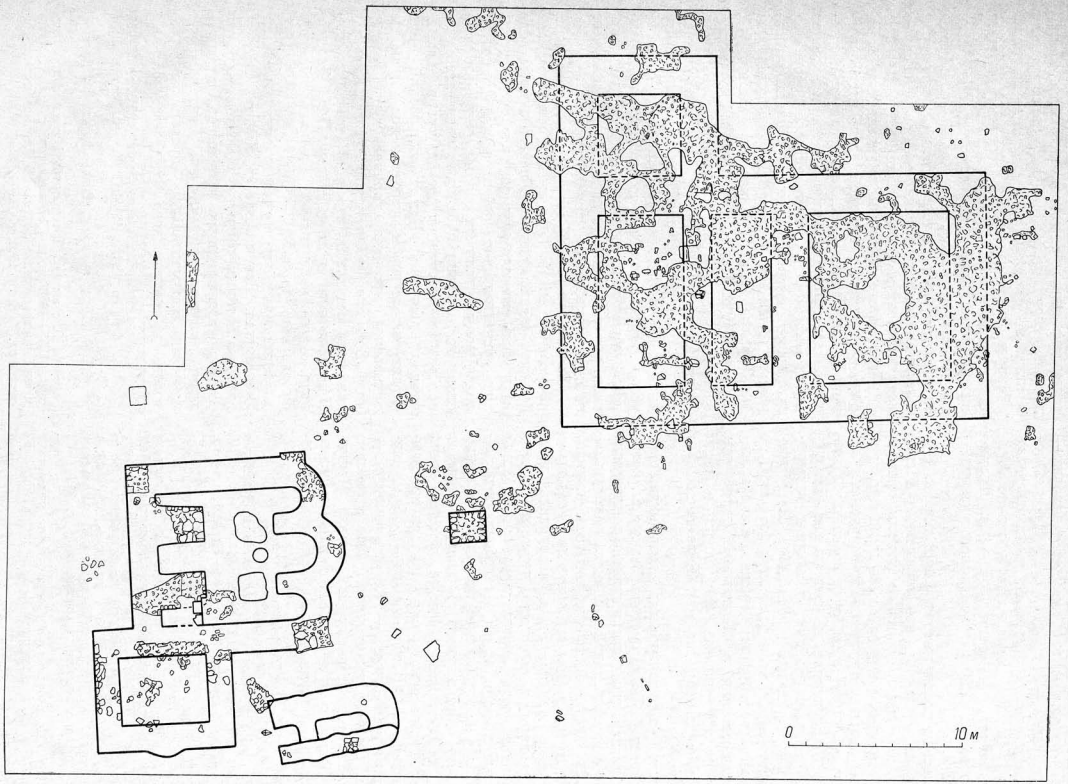
Уже первые раскопки, проведенные в древнем Галиче, имели главной целью вскрыть остатки упомянутых в летописях монументальных зданий культового и гражданского назначения, в том числе и княжеского дворца.[1] Судя по летописным данным, княжеский дворец находился на какой-то возвышенности, с которой был спуск к с. Болшеву, и рядом стояла соединенная с ним переходами церковь Спаса.[2] Базируясь на этих данных, одни исследователи (В. А. Богусевич) предполагали, что княжеский дворец находился в центральной части Крылоской горы, другие (А. Чоловский, Л. Чачковский, И. Пеленский, Я. Пастернак) локализировали его в северной части, на Золотом Токе. В связи с этим в разное время на отдельных участках Галицкого кремля были проведены разведывательные раскопки, не давшие, однако, положительных результатов. На основании летописных и топографических данных, а также мест находок керамических плиток и остатков кровель (слитков меди и олова) наиболее вероятным кажется, что княжеский дворец находился в северо-западной части Золотого Тока, где он, возможно, и будет вскрыт будущими раскопками.

Большой интерес для изучения княжеских дворцов Галицкой Руси представляют археологические исследования в Перемышле и Звенигороде. Согласно результатам раскопок, кремль древнего Перемышля находился на Замковой горе в Перемышле на Сане, где вскрыты остатки церкви и княжеского дворца.[3] Церковь круг-

[1] А. Петрушевич. Критико-исторические рассуждения о наддністрянском городе Галиче и его достопамятностях. Вестник народного дома, Львов. 1882—1883; I. Szaraniewicz. Trzy opisy historiczne staroksiążęcego grodu Halicza w r. 1860, 1880 i 1882. Lwow.

[2] ПСРЛ, т. II, М., 1962, с. 461—464.

[3] A. Żaki. 1) Pierwsze zabytki budownictwa kamiennego w Przemyśli. Z otchlani wieków. XXVI. Poz-



План архитектурного ансамбля древнего Звенигорода на Белке. Чертеж архитектора И. Р. Могитича.

лая, диаметром по внешним краям стен 5.60 м, а примыкающий к ней княжеский дворец — прямоугольный — 34.20×15.20 м. Здания построены из тесаных камней, на известковом растворе. От них сохранились частично фундаменты и стены на высоту 0.70—1 м. Ширина стен ротонды 1.70 м, княжеского дворца — около 2 м.

Польские исследователи (А. Жаки, А. Куныш и др.) считают, что вскрытые в Перемышле объекты являются остатками органически связанных между собой церкви и княжеского дворца, соединенных переходами по второму этажу.[4] Дворец, судя по следам поперечных стен, состоял из нескольких помещений. Оба здания, видимо, построены одновременно в конце X или начале XI в. Не обсуждая правильность этой датировки (это требует отдельного рассмотрения), важно, что оба здания существовали в Перемышле, когда там сидели русские князья Ростиславичи и когда он был стольным городом Перемышльского княжества.

Богатым архитектурными памятниками оказался древний Звенигород на Белке (см. рисунок), где найдены остатки церкви, княжеского дворца и других зданий.[5] Церковь прямоугольная (12.5×10.40 м), трехнефная, трехапсидная, четырехстолпная. Ее юго-западная часть была отгорожена стенкой. Здесь находилась лестница на хоры и, возможно, переходы. С юга к западной части церкви примыкала башня или усыпальница: в ней был обнаружен разрушенный и ограбленный саркофаг. Княжеский дворец расположен к северо-востоку от храма, на расстоянии 14 м от него. Он имел в плане Г-образную форму и состоял из четырех помещений. Длина здания — 24.5 м, ширина в восточной части — 13.6 м, в западной — 20.3 м. Таким образом, дворец был несколько сложнее по плану, чем терема древнего Чернигова.[6] От храма и дворца сохранились развалы камней и прослеживались контуры фундаментных рвов. Следует отметить, что между остатками церкви и дворца находится обособленный столб (2×1.80 м), конструктивно с ними не связанный. В развалинах зданий обнаружены керамические плитки и ценные вещи культового и бытового назначения. Звенигородские монументальные здания были сооружены приблизительно в 40—50-е годы XII в. князьями Иваном Ростиславичем или Володимирком Володаревичем и разрушены во время монгольского нашествия 1241 г.

После этого крупным политическим центром и столицей Галицкой Руси стал древний Львов. В нем во времена Галицко-Волынского княжества существовали два княжеских замка — верхний на Замковой горе (современный парк Высокий Замок) и нижний у подножья Замковой горы.[7] По свидетельству Я. Длугоша, польский король Казимир III, взяв в 1340 г. Львов, разрушил оба существовавших в нем замка и похитил в Высоком Замке княжескую казну.[8] Во второй половине XIV в. (после падения Галицко-Волынского княжества) на месте разрушенного Казимиром III кремля древнерусского Львова на Замковой горе были сооружены постройки польского феодального замка, остатки которого частично сохранились до наших дней.[9]

Раскопками во Львове на Замковой горе, приуроченными к 700-летию города, вскрыты большие завалы камней в перемещенном виде и других строительных материалов, а среди них куски плоского кирпича для вымостки полов монументальных зданий, слитки меди и олова от их крыш и большое количество разнообразных материалов древнерусского и позднейшего времени.[10] Камни сооружений были скреплены раствором извести и песка, а иногда с добавкой кусочков кирпича и древесного угля. Возможно, что вскрытые развалы камней являются остатками строений древнерусского Львова, в том числе и дворца Льва Даниловича и его наследников, а также польского феодального замка XIV—XVIII вв.

Археологические исследования кремлей Перемышля, Звенигорода и Львова, на территории которых вскрыты в последнее время остатки архитектурных комплексов, представляют значительный научный интерес для изучения монументальных памятников культового и гражданского зодчества стольных

nan, 1960, s. 213—215; 2) Palatium i rotunda. Z otchlani wieków. XXXVIII, Poznan, 1962, s. 128—131.

[4] A. Zaki. Wczesnopiastowskie budowle Przemysla i problem ich Konserwacji. Ochrona zabytkow, XIV, 1—2 (52—53), Warszawa, 1961, s. 38—49; A. Kunysz. Przemysl w starozytnosci i sredniowieczu. In: A. Kunysz, Er. Persowski. Przemysl w starozytnosci i sredniowieczu, Rzeszow, 1966, s. 38—43.

[5] А. А. Ратич. 1) Раскопки в Звенигороде на Белке. В кн.: Археологические открытия 1966 г. М., 1967, с. 247—249; 2) Раскопки в Звенигороде на Белке. В кн.: Археологические открытия 1968 г. М., 1969, с. 334—335; И. Р. Могитич, А. А. Ратич. Исследования в древнем Звенигороде на Белке. В кн.: Археологические открытия 1971 г. М., 1972, с. 389.

[6] Н. В. Холостенко. Черниговские княжеские терема XI в. Архитектурное наследство, т. 15, 1963, с. 13, рис. 24, *3*.

[7] Нариси історії Львова. Львів, 1956, с. 23—24.

[8] A. Czolowski. Wysoki Zamek. Lwów, 1910, с. 18—20, III.

[9] J. B. Zimorowicz. Pisma do dziejow Lwowa, с. 61.

[10] О. О. Ратич. Древньоруські матеріали, з роскопок 1955—1956 рр. на Замковій горі у Львові. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття та Волині, вип. 3, Київ, 1961, с. 115—116.

городов Галицкой Руси. Древнерусские княжеские дворцы в Перемышле, Звенигороде и Львове были сооружены не из дерева, как это иногда предполагалось в исторической литературе, а из квадров белого тесаного камня, скрепленных раствором из извести, песка и иногда мелких кусков толченого кирпича.

В течение XII—XIII вв. в стольных городах Галицкой Руси сложился тип архитектурных комплексов, состоящих из храма и княжеского дворца, расположенных близко друг к другу и обычно соединенных переходами на высоте второго этажа. Образцы такого строительства известны в древнем Галиче по письменным данным, а в Перемышле и Звенигороде — по результатам археологических исследований.

Архитектурные ансамбли, состоящие из монументальных зданий культового и гражданского назначения, известны на северо-востоке древней Руси (Боголюбово),[11] в Польше (Остров Ледницкий, Геч, Краков)[12] и других странах. Они являются особенностью не одной, а ряда стран Восточной и Центральной Европы эпохи раннего средневековья.

[11] М. М. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XIV вв. Т. I. XII столетие. М., 1961, с. 201—261, рис. 119.

[12] A. Zaki. Wczesnopiastowskie budowle..., с. 41, рис. 14; A. Kunysz, Przemysl..., с. 42, рис. 28.

М. В. Седова

О ДВУХ ТИПАХ ПРИВЕСОК-ИКОНОК СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

В статье рассматриваются две группы находок, связанных с христианским культом, распространение которых ограничено территорией Северо-Восточной Руси. Это металлические привески-иконки с изображениями Богоматери с младенцем и Успения Богоматери (см. рисунок).

Последняя находка иконки с изображением Богоматери с младенцем происходит из древнерусского города Ярополча-Залесского (слой XII в.).[1] Иконка бронзовая, квадратная, размером 2.4×2.1 см. Поясное изображение Богоматери с младенцем на руках выполнено на лицевой стороне. Вся композиция повернута вправо, изображение довольно грубое, как бы в точечной манере. Изображение Богородицы относится к типу Умиления. На оборотной стороне привески изображен шестиконечный крест. Кроме Ярополча, аналогичные иконки обнаружены еще в девяти пунктах. Одна привеска-иконка найдена в кургане 170 у дер. Сверчково Владимирской губернии,[2] раскопанном А. С. Уваровым, другая — в курганной группе у ст. Петушки Владимирской губернии,[3] третья — в Балахнинском курганном могильнике под Москвой,[4] четвертая — также в Московской области в кургане 3 у погоста Петра и Павла (бывш. Богородский уезд),[5] пятая — в кургане у дер. Кирьяново в Угличском уезде Ярославской губернии,[6] шестая — в кургане 6 у дер. Рыжково Кинешемского района Костромской области,[7] еще три экземпляра найдены в кургане у пустоши Босиха в Костромском Поволжье,[8] шесть — в Белозерском уезде Новгородской губернии (в курганном могильнике у деревень Митино и Зворыкино).[9] Наконец, еще одна находка происходит из Городска на Киевщине.[10] Таким образом, 9 пунктов находок иконок расположены на территории Владимиро-Суздальского княжества (районы Белоозера, Ярославля, Костромы, Владимира, Москвы) и только одна происходит из Городска Житомирской области. Все эти привески-иконки отлиты всего в двух литейных формах: находки из Ярополча и Балахнинского могильника — в одной литейной форме, остальные — в другой.

Новейшая привеска-иконка с изображением Успения Богоматери опять-таки происходит из Ярополча-Залесского. Она тоже бронзовая, но круглая, диаметром 2.4 см. На лицевой стороне привески изображена сцена Успения

[1] М. В. Седова. Ювелирные изделия из Ярополча Залесского. КСИА, вып. 129, 1971, с. 72—74, рис. 24, *14*.

[2] ГИМ, оп. 1281/1.

[3] ГИМ, оп. 1950, инв. № 98592.

[4] Музей антропологии МГУ (курган 12).

[5] ГИМ, 125/11б, оп. 462.

[6] А. И. Кельсиев. Отчет о раскопках, произведенных им в Ярославской и Тверской губ. Изв. ОЛЕАЭ, т. 31, М., 1878—1879, с. 295—308; ГИМ, оп. 781.

[7] Е. Ерофеева. Раскопки курганов в окрестностях г. Кинешма в 1948 г. Архив ИА АН СССР, Р-I, № 224, л. 8, № 225, табл. 18, 19.

[8] Ф. Д. Нефедов. Раскопки курганов в Костромской губ., произведенные летом 1895 и 1896 гг. МАВГР, т. III, 1899, с. 197, табл. 6, *36*.

[9] А. А. Спицын. Курганы Белозерского уезда. ЗРАО, т. VIII, вып. 1—2, 1896, с. 160—162, рис. 32, *9*.

[10] Б. А. Рыбаков. Торговля и торговые пути. В кн.: История культуры древней Руси. Т. I. М., 1951, рис. 216.

Богородицы. Композиция выполнена четко и искусно вписана в круг. Однако количество фигур сокращено против обычного до шести.

Кроме Ярополча-Залесского, аналогичные привески-иконки найдены еще в шести пунктах. Два экземпляра их (серебряный и бронзовый) обнаружены в кургане 38 у с. Ненашевского Юрьевского уезда Владимирской губернии (раскопки А. С. Уварова).[11] Одна найдена вместе с описанной иконкой Богородицы с младенцем в кургане 53 у дер. Кирьяново.[12] Шесть экземпляров «Успения» в комплексе с иконками Богородицы с младенцем и св. Николы происходят из кургана на р. Суде у деревень Митино и Зворыкино.[13] Три экземпляра образков встречены в Костромских курганах,[14] один найден в Старой Рязани[15] и место находки еще одного экземпляра неизвестно.[16]

Образки «Успение» изготовлены, по-видимому, тремя мастерами. Ярополчская иконка отлита в одной литейной форме, иконка из кургана 53 у дер. Кирьяново — в другой, а все остальные, вернее всего, — в третьей форме. Правда, с полной вероятностью об этом трудно судить, так как образки из Старой Рязани, Белоозера и Костромских курганов не сличались в натуре, а сравнивались лишь по их изображениям.

В изображении сцены Успения вся композиция повернута в правую сторону. Обычно и на иконописных произведениях, и на изделиях мелкой пластики[17] голова Богородицы находится в левой стороне изображения и соответственно вся композиция обращена влево. Возможно, что изменение положения фигур на описываемых предметах объясняется зеркальностью отливок с форм, на которых изображение было обращено традиционно влево. Но скорее всего такое композиционное решение мастер-ювелир заимствовал с какого-то хорошо известного ему произведения «высокого» искусства. В этом отношении интересно «Успение», помещенное на западных вратах собора Рождества Богородицы в Суздале.[18] Здесь традиционная композиция также повернута вправо.

Суздальские врата, как известно, датируются исследователями 30-ми годами XIII в.,[19] но композиционное решение «Успения» говорит о местных суздальских или владимирских традициях в изображении этой сцены.

Картографирование мест находок образков с изображением Успения дает ту же примерно картину их распространения, что и иконок с изображением Богородицы с младенцем. Это районы Владимира, Ярославля, Костромы, Белоозера, Старой Рязани, т. е. опять-таки (за исключением Старой Рязани) территория Владимиро-Суздальского княжества. Невольно напрашивается мысль о местном Владимиро-Суздальском или, точнее, Владимирском происхождении описываемых изделий. Поскольку образки обоих типов (с изображением Богородицы и Успения) найдены совместно в курганных комплексах (Митино—Зворыкино, Кирьяново), то очевидно, что они были изготовлены и бытовали одновременно. Время их существования определяется по вещам, сопутствующим им в курганах. Так, в кургане 1 у деревень Митино и Зворыкино вместе с иконками обнаружены крестики-тельники, датируемые по новгородским аналогиям XII в.[20] Там же найдена привеска-конек, относящаяся к XI—XII вв.[21] и стилизованная двуголовая коньковая привеска XII в.[22] В целом этот курган можно датировать XII в. Ту же дату имеет курган 12 Балахнинского могильника. Здесь, помимо иконки Богородицы, найдены 3 крупные привески с включенной лунницей в середине, которые датируются XII в.,[23] желтые зонные стеклянные бусы XII—XIII вв.,[24] рубчатый перстень, браслетообразные и перстнеобразные височные кольца, крестик и др.

В кургане 3 у погоста Петра и Павла, кроме привески Богородицы, имелось семилопастное малое простое височное кольцо, датируемое началом XII в.,[25] лунница круторогая с растительным орнаментом, перстнеобразное височное кольцо, четыре зонные желтые бусины XII—XIII вв. и одна бусина синяя, зонная,

[11] А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, 1905, с. 144, рис. 221; ГИМ, 121/396.

[12] А. И. Кельсиев. Отчет о раскопках..., с. 295—308; ГИМ, 68/30а.

[13] А. А. Спицын. Курганы Белозерского уезда, с. 160—162; Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере. СА, 1962, № 3, с. 53—77.

[14] Ф. Д. Нефедов. Раскопки курганов в Костромской губ., табл. 6, *37*.

[15] А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955, с. 179, рис. 138, *20*.

[16] ГИМ, 48/3 (Собрание П. И. Щукина).

[17] В. Л. Янин. Актовые печати древней Руси. Т. I. М., 1970, с. 151, табл. 73, № 343 (печать XII в. из Новгорода). — Такая же печать найдена в Старой Рязани в 1970 г.

[18] Древности Российского государства. Отд. VI. М., 1853, с. 70—71, табл. 30, 31.

[19] В. Л. Янин. О датировке врат Суздальского собора. СА, 1959, № 3, с. 98.

[20] М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, № 65, 1959, с. 236, рис. 4, *8*, *18*.

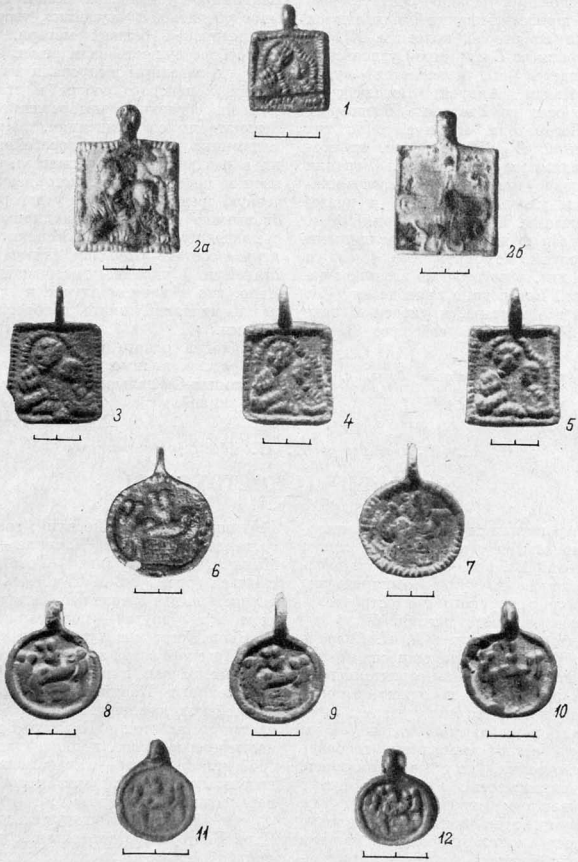
[21] Н. П. Журжалина. Датировка древнерусских привесок-амулетов. СА, 1961, № 2, с. 130, рис. 1, *8*.

[22] Л. А. Голубева. Археологические памятники веси..., рис. 13.

[23] Н. П. Журжалина. Датировка..., с. 137. рис. 1, *19*.

[24] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, с. 167, табл. 1, *7*.

[25] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, с. 49, 140, 150, рис. 35.



Привески-иконки с изображением Богоматери с младенцем (*1—5*) и Успения Богоматери (*6—12*).

1, 12 — Митино—Зворыкино; *2* — Ярополч-Залесский (*а* — лицевая сторона; *б* — оборотная); *3* — Петропавловский погост; *4, 7* — Кирьяново; *5* — Сверчково; *6* — Ярополч-Зелесский; *8, 9* — Ненашевское; *10*— собрание П. И. Щукина; *11* — Старая Рязань.

непрозрачная X—XI вв.[26] В целом инвентарь кургана можно датировать серединой XII в.

На этом основании можно считать, что описываемые привески-иконки появляются в середине или во второй половине XII в. Именно в это время во Владимиро-Суздальской земле складывается и развивается культ Богоматери. Князь Андрей Боголюбский в 1155 г. переносит во Владимир Вышгородскую икону Богоматери, именуемую с тех пор Владимирской. В 1158—1160 гг. он воздвигает во Владимире собор во имя Успения Богородицы, щедро наделяя его всевозможными дарами и украшая иконами и драгоценными предметами. В летописи под 1160 г. читаем: «И украси ю дивно многоразличными иконами и драгим камением без числа и ссуды церковными ... по вере же его и по тщанию его к святой Богородице приведе ему Бог из всех земель все мастера, и украси ю паче инех церквей».[27] Успенский собор во Владимире становится центром религиозной жизни княжества. Сюда стекаются со всех концов Владимиро-Суздальской земли паломники воочию убедиться в «чудесах», творимых иконой Владимирской божьей матери. По-видимому, при соборе существовали ремесленные мастерские, где ювелиры выпускали в память о посещении Успенского собора и его чудотворной святыни образки с изображением Успения и Богоматери с младенцем. Многочисленные паломники, да и просто коробейники разносили их в разные концы княжества. Так попадали иконки не только в христианскую, но и языческую среду. В кургане у деревень Митино и Зворыкино образки (одна иконка «Богоматерь с младенцем» и шесть «Успение») были найдены в составе ожерелья, включающего 17 крестиков и 3 иконки с изображением Николы. Явно, что в данном случае и крестики, и образки являлись чисто декоративными предметами.

Находка одного из описываемых образков в Городске, видимо, свидетельствует о связях Владимиро-Суздальского княжества с Киевской землей.

[26] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы, с. 166, табл. 1, *3*.

[27] ПСРЛ, т. I, М., 1962, стб. 351.

И. Н. Хлопин и *А. Н. Кирпичников*

КАМЕНЩИКИ КОСТОУСОВЫ

Изучение строительного архива Кирилло-Белозерского монастыря открыло новые имена русских строителей XVII в.,[1] в том числе и каменщиков Костоусовых. Эта фамилия уже известна в истории русского градостроительства — отдельные ее представители были названы в обстоятельных трудах А. Н. Сперанского[2] и Н. Н. Воронина.[3] Имеющиеся в нашем распоряжении ценные сведения о деятельности представителей этой семьи послужат к пониманию того, как и из кого складывались профессиональные строительные кадры Руси XVII в. Теперь стало возможным говорить о девяти Костоусовых, которые занимались строительной деятельностью в разных местах Русского государства; хронологически они распределяются по трем поколениям, однако последовательность по старшинству в каждом поколении нельзя считать твердо установленной. Родоначальником этой семьи был Яков Костоусов, затем шли его сыновья — Семен, Корнил, Дмитрий и Леонтий; третье поколение составляли сыновья Корнила — Прокофий и Михаил, и сыновья Леонтия — Савватий с Ильей (рис. 1). В XVII в. весь этот клан разделился на две ветви: одна осталась в Белозерском крае, другая — переселилась в Москву.

Яков Костоусов (уроженец с. Лозы на берегу Лозского озера в 15 км южнее Белозерска) впервые назван в источниках 1627 г. вместе с Семеном и Корнилом в числе государевых белозерских каменщиков; с 1636 г. он упоминается на работах в Кирилло-Белозерском монастыре как обжигальщик[4] (также в 1645 и 1647 гг.), а затем — как каменщик и руководитель строительной артели до 1653 г., когда началось строительство «Нового города».

«Во 151-ом (1643) году сельские каменщики Яков Костоусов с товарищи... делали у больницы каменное дело по 18 дней; дано им по 4 деньги человеку на день, итого 8 рублев 1 деньга».[5] Затем «во 152-ом (1644) году сельские каменщики Яков Костоусов с товарищи... делали у больницы каменное дело».[6] Речь идет о постройке сохранившихся ныне больших больничных палат Кирилло-Белозерского мона-

[1] А. Н. Кирпичников, И. Н. Хлопин. Великая государева крепость. Л., 1972.

[2] А. Н. Сперанский. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930, с. 213.

[3] Н. Н. Воронин. Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. Изв. ГАИМК, вып. 92, М.—Л., 1934, с. 125.

[4] ЛГИА, ф. 251, оп. 1, № 240, л. 38.

[5] Там же, № 250, л. 17 об.—18.

[6] Там же, л. 45 об.—46.

стыря (рис. 2), получивших теперь не только дату постройки, но и имя создателя. Размеры этих палат 35×17.5 м, состоят они из двух больших помещений, почти квадратных в плане (15.5×14.25 м), перекрытых высокими сводами, опирающимися на распалубки и массивный

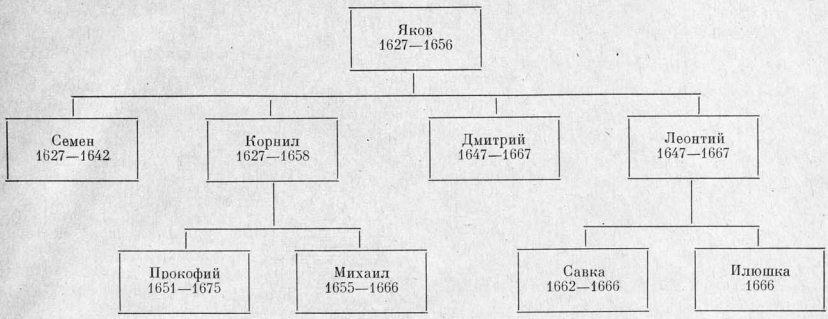


Рис. 1. Род Костоусовых.

Даты указывают на время упоминания имен в документах.

Рис. 2. Большие больничные палаты. Вид с юго-востока.

центральный столб. Оба помещения соединены сенями, имеющими коробовый свод. Неожиданно большой объем интерьера особенно эффектен после впечатления приземистости, которое здание производит снаружи из-за низко расположенных небольших окон.

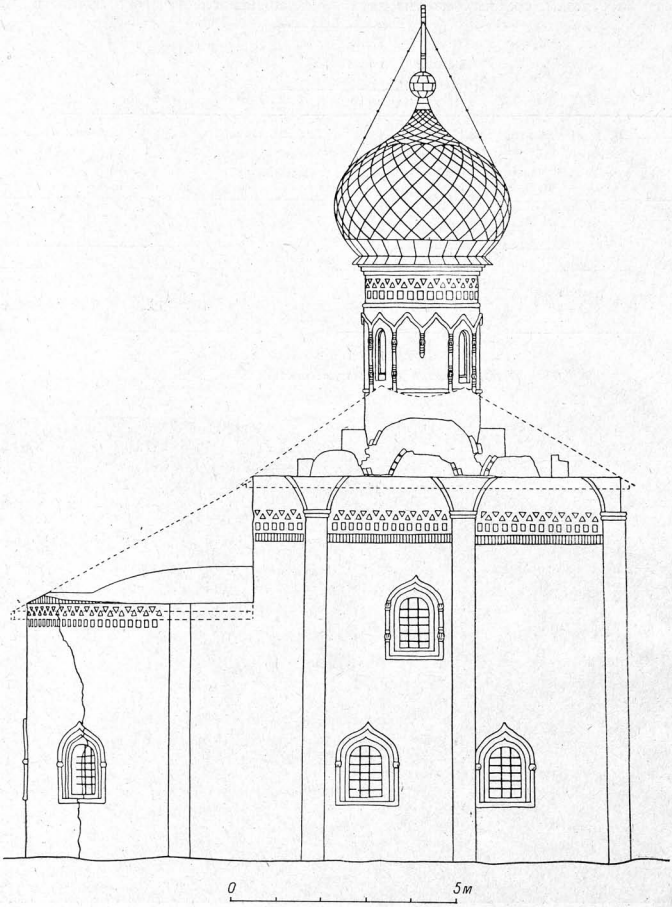


Рис. 3. Церковь Епифания. Чертеж В. В. Данилова. 1919 г. Научно-исследовательский музей Академии художеств СССР.

«Во 153-м (1645) году поставлен храм каменный Святого Епифания Кипрского над телом князя Федора Андреевича Телятевского. От дела каменщикам... дано 12 рублев 5 алтын».[7] В следующем, «во 154-м (1646) году поставлена у больницы церковь каменная Еуфимия Великого. Дано сельским каменщикам... 12 рублев 17 алтын 2 деньги. Да от того ж церковного каменного дела дано подмонастырным каменщикам по соборному приговору Кирилу Серкову с товарищи 16 человекам в поиск 3 рубли 28 алтын».[8]

Сведения приходо-расходных книг существенны: они устанавливают точные даты строительства церквей Епифания Кипрского и Евфимия Великого и авторство обеих построек. Первую из них строила только бригада сельских каменщиков, а при возведении второй сельские действовали при участии подмонастырских. Впервые отмеченный документами глава подмонастырских каменщиков Кирилл Серков, видимо, только что появился в монастыре, поэтому мы не погрешим против истины, если будем рассматривать его в качестве ученика Якова Костоусова. Самостоятельным строителем Серков станет позднее, после сооружения в 1650—1651 гг. своего «мастерского шедевра» — церкви Кирилла на монастырском подворье в Вологде.

Церковь Епифания (рис. 3) строилась явно «по образцу» соседствующей с ней, но возникшей веком раньше бесстолпной церкви Владимира (1554 г.). Она повторяет ее в размерах, конструктивном решении сводов, элементах декора. Что касается больничной церкви Евфимия (рис. 4), то и ее наружные объемы сходны с Епифаниевской, но вместо перекрытия здания системой ступенчато-повышенных арок здесь возведен шатер на низком восьмерике.[9] Таким образом, различие обоих храмов заключается в конструкции их верхних частей, причем в обоих случаях речь идет о подражании образцам предшествующей поры.

Решение фасадов упомянутых храмов, а также и больничных палат (рис. 5) строится на основе присущей позднесредневековой русской архитектуре живописности. Ритм лопаток и окон не согласуется, в результате чего лопатки либо «оборваны», либо «режутся» окнами. Этот прием встречается в том же Кирилловом монастыре и в более ранних (церковь Преображения 1595 г.) и в более поздних постройках («домик келаря» второй половины XVII в.). Это означает, что сооружения Я. Костоусова и К. Серкова не прозвучали диссонансом в архитектурном комплексе монастыря, а органически вошли в его многовековый ансамбль.

Рис. 4. Церковь Евфимия.

В 1647—1648 гг. в монастыре сооружаются четыре здания келий усилиями каменщиков нескольких монастырских деревень, в том числе и лозскими под руководством Якова Костоусова и при участии его сыновей Корнила и Леонтия.[10] Судя по описи монастыря 1668 г., все келейные здания были одноэтажными.[11] В настоящее время имеется шесть келейных построек, но все они подверглись переделкам. Обнаружены данные для отнесения к сооружениям Костоусовых четырех из них (бывшие Настоятельские кельи, часть монашеских и священнических келий и так называемый «Архив»), но, поскольку они не сохранили своего

[7] Там же, л. 82 об.
[8] Там же, л. 149—150.
[9] С. С. Подъяпольский. 1) Путеводитель по архитектурным памятникам Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей. Вологда, 1966, с. 36—37; 2) К характеристике кирилловского зодчества XV—XVI вв. СА, 1966, № 2, с. 83—85.

[10] ЛГИА, ф. 251, оп. 1, № 250, л. 219; № 262, л. 12 об.; № 262, л. 29 об.
[11] РО ГПБ, Q-IV-393, л. 813 об.

первоначального облика, мы о них говорить не будем.

На этом самостоятельная деятельность семьи Костоусовых в Кирилловом монастыре заканчивается; они поступают под начало Кирилла Серкова и участвуют в сооружении «Нового города» наряду с десятками других сельских каменщиков. Однако Костоусовы выполняют иногда и особые подрядные работы: например, в 1655 г. Прокофий и Михаил штукатурят восточное прясло стены «Нового города»;[12] в 1659 г. Прокофий «с товарыщи» штукатурит Казанскую башню, стены и кельи, примыкавшие к ней.[13] В 1656 г. Яков Костоусов отмечен на строительстве последний раз; в 1658 г. Корнил Костоусов числится умершим;[14] только Прокофий принимает участие в завершающем этапе строительства «Нового города» в 1675 г.[15]

Свидетельства о московской ветви семьи Костоусовых появляются в 40-х годах XVII в. В 1647 г. московский каменщик Дмитрий Костоусов оканчивает постройку каменной палатки для пороховой казны в Архангельске.[16] В декабре 1651 г. Леонтий Костоусов был подряжен строить каменные кельи на Кирилловском подворье в Москве, в Афанасьевом монастыре, расположенном в Кремле у Фроловских (Спасских) ворот (подворье было снесено во второй половине XVIII в.).[17] В марте 1652 г. подмастерье каменных дел Леонтий Костоусов начал работы, а 10 сентября они были окончены. Постройка была двухэтажной, ее кирпичные стены снаружи облицованы белым камнем, а изнутри обшиты тесом и обтянуты кожей. Слюдяные окна забраны решетками и снаружи закрывались ставнями; в шести из них были «окончинки маленькие». В нижнем этаже стояла печь, другая находилась в архимандричьей келье (вероятно, на втором этаже). Подробности оформления интерьеров нам неизвестны, кроме того, что в кельях были деревянные лавки. Все строительство обошлось монастырю почти в 400 руб.[18] Через несколько лет эта постройка служила резиденцией приехавшему в Москву Антиохийскому патриарху Макарию.

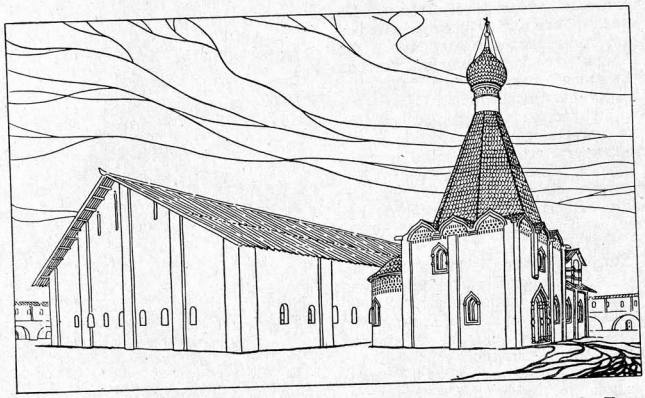


Рис. 5. Церковь Евфимия и большие больничные палаты. Реконструкция С. С. Подъяпольского.

Дальнейшая деятельность Дмитрия и Леонтия Костоусовых ничем не примечательна — они служат в приказе каменных дел и выполняют незначительные поручения.[19] Судьба сыновей Леонтия, Савватия и Ильи, также обычна — они в 1666 г. зафиксированы в звании простых каменщиков.[20]

[12] ЛГИА, ф. 251, оп. 1, № 368, л. 44 об.
[13] Там же, № 417, л. 164.
[14] ГИМ ОПИ, ф. 484, № 55, л. 21—23.
[15] РО ГПБ, ф. СПб. духовной академии, № А I/18, л. 324—327 об.
[16] О. В. Овсянников. Люди и города средневекового Севера. Архангельск, 1971, с. 26.
[17] Н. Успенский. О больших строителях Кирилло-Белозерского монастыря. М., 1896, с. 25.
[18] ЛГИА, ф. 251, оп. 1, № 1488, л. 1—12.
[19] А. Н. Сперанский. Очерки по истории..., с. 213.
[20] РИБ, т. XXIII, с. 744, 763—765, 780, 781; А. Н. Сперанский. Очерки по истории..., с. 213.

Таким образом, на основании архивных документов мы получили возможность достаточно подробно проследить деятельность трех поколений семьи русских каменщиков XVII в. Ее представители не были выдающимися зодчими, но оказались достаточно способными для выполнения самостоятельных работ самого различного профиля. Крестьяне по происхождению, прошедшие практику монастырской стройки, артельщики, носители потомственных семейных «секретов» и традиций отцов, эти люди образовывали в XVII в. характерную ремесленную прослойку общества. На определенном этапе развития каменного дела узы семейного ремесла сковывали его прогресс, становились помехой и неизбежно разрушались. На примере семьи Костоусовых видно, как в середине XVII в. проходил процесс сосредоточения периферийных мастеров, оторвавшихся от своих родных гнезд, вокруг московских правительственных учреждений и вовлечения их в государственные работы общерусского характера.

Н. В. Холостенко

МОЩЕНИЦА СПАСА ЧЕРНИГОВСКОГО

В комплексе исследований Спасо-Преображенского собора в Чернигове, проведенных во время ремонтно-восстановительных работ 1966—1969 гг., были сделаны разведочные раскопки внутри памятника.[1] Основной раскоп был заложен в центральной апсиде, прорезав ее по оси от наружной стены до существующего иконостаса XVIII в. В месте раскопа хорошо сохранилась вся стратиграфия семи напластований полов, последовательно сменявших друг друга на протяжении 940 лет. Основной шурф опущен до шестого пола из гладких шиферных плит, датируемого XII в. Этот пол сменил первоначальный из поливных цветных керамических плиток. Небольшая часть шурфа была опущена до культурного слоя сгоревшего поселения VIII—X вв., на месте которого был основан собор. В шурфе выявлены остатки древнего престола, кивория, синтрона и получены некоторые данные по предалтарной преграде. Выяснилось, что после пожара XVIII в. стационарного оборудования в алтарной части не делали. До этого времени существовал престол XVII в., основанный на завале, состоявшем из обвалившейся кладки средней части конхи апсиды, включавшей большое количество кувшинов-голосников типа крынок и фрагментов штукатурки с фресковой росписью. Под завалом лежали остатки основания престола из плинф XI в. со следами ремонта XII в. Нижняя часть основания этого престола связана, по отметкам, с шиферным полом. Под этой кладкой найдены остатки первоначального престола. От него сохранились остатки шиферного столба, поставленного на основание из шиферной плиты, через которую он был пропущен и забутован в грунт, и фрагменты его шиферных плит. Этот престол погиб в одном из ранних разрушений при пожаре вместе с керамическим полом и его фрагменты с найденными плитками лежали ниже пола из гладких шиферных плит. Затем вместо центрального каменного столба, погибшего в пожаре, был поставлен приблизительно на том же месте деревянный.

На этом центральном столбе могла помещаться доска первоначального престола или под углы доски могли быть подставлены еще четыре столбика, как это установлено для престола Софийского собора в Новгороде[2] и как это было, судя по сведениям Патерика, в Успенском соборе Киево-Печерской лавры. В данном случае, видимо, имел место первый вариант, так как при раскопках найден только центральный шиферный столб, сколотый по тому приблизительно уровню, на котором в центральном столбе Софийского собора располагался тайник для мощеницы.

Во время существования первоначального престола над ним был киворий. От него вскрыты основания под два столба. Хорошо сохранилось западное основание с остатками столба диаметром 20 см. Само основание столба выполнено забутовкой из плинф на растворе. Размер кивория 280×240 см. Остатки аналогичного кивория, тоже деревянного, размером 260×248 см найдены в Софийском соборе.[3] Кивории являлись непременной частью оборудования жертвенного места в раннехристианских и средневековых храмах[4] и сооружались или

[1] Работы проводила Черниговская производственная научно-реставрационная мастерская. Исследования Н. В. Холостенко и М. М. Говденко.

[2] Г. М. Штендер. К вопросу об архитектуре малых форм Софии Новгородской. В кн.: Древнерусское искусство. М., 1968, с. 83.

[3] Там же, с. 88.

[4] П. Лашкарев. Киворий как отличительная архитектурная принадлежность алтаря в древних церквях. Киев, 1883.

из камня (мрамор, известняк), или из дерева, в зависимости от того, как делался весь комплекс малых форм алтаря. Живописцы вводили их изображения в миниатюры, в мозаики и фресковые росписи в сценах евхаристии. Так, явно деревянный киворий изображен во фресковой росписи «Остерской боженицы» в г. Остер.

Исследования в месте алтарной преграды показали небольшие остатки горелого дерева

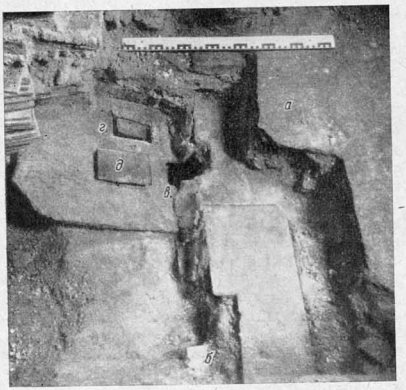


Рис. 1. Раскоп в центральной апсиде.

а — уровень пола из шиферных плит (XII в.); *б* — уровень пола из поливных керамических плиток (XI в.); *в* — место центрального столба престола; *г* — тайник с мощеницей; *д* — снятая крышка тайника.

и фрагментов шиферных плит в створе внутренних пилястр пилонов. Это указывает, что преграда была легкого типа, невысокая, скорее всего в виде барьера. Последующие деревянные преграды выносились постепенно все дальше в пространство трансепта. Исследования кивория показали, что он больше не возобновлялся и что уже плиты шиферного пола перекрыли остатки оснований под его колонны.

Зачистка в месте древнего престола установила, что плита его основания треснула в процессе послестроительной осадки и просела, так как она лежала частью над массивом фундамента апсиды, а частью — над подготовкой под пол. Трещина при последующем ремонте была тщательно заделана раствором и сверху выложено основание из плинф XI в. При зачистке в этой плите первоначального основания обнаружена потайная крышка, прикрывавшая тайник (рис. 1), расположенный близ центрального столба с северной его стороны. Тайник был опущен в грунт и имел отверстие в плите основания размером 16×10 см. Он оказался ненарушенным и там лежал ларец-мощеница, который представлял коробочку с крышкой, выполненную из тонких листков низкопробного серебра, без всяких украшений и лишь с прочеканенными надписями-именами. Размер ларца 12.0×5.5×8.0 см (рис. 2).

Какая же связь между ларцом, местом его находки и церковными обрядами, предусмотренными требниками? Заложение мощей связано с двумя обрядами, которые были обязательными при строительстве храмов. Они регламентируются по «Требнику» Петра Могилы (1632 г.) «Чином, бываемом на основании церкви» и «Чином освящения церкви». Первый обряд совершается без вложения мощей. По нему священнослужитель при проведении обряда берет «камни... на них же начертаны будут кресты, положи их на месте, и деж бысте трапезе... Посреди тое каменни вдружает крест деревянный...». Если церковь будет каменная, то влагает «камень в яму основания, после кропит все основание священной водою...».[5]

В более ранних списках требников предусматривается положение вместе с камнем мощей в основание престола. На этот обряд указывает и Печерский патерик в легенде о приходе строителей. В ней рассказывается о явлении Богородицы, которая, заявив, что хочет построить себе церковь, вручила строителям мощи «Артемия и Полиевкта, Леонтия, Акакия, Арефы, Якова, Федора», приказав: «Это положите в основание».[6]

Наши исследования подтвердили факт заложения мощей в основание.[7] Установлено, что при сооружении престола XVII в., разбирая основание древнего престола и понижая грунт, оставили нетронутой нижнюю часть шиферного столба-креста, поставленного при обряде «заложения», а содержание тайника, бывшего у его основания, вместе с окружавшей землей перенесли в специальное углубление под плиту престола XVII в., использованную от древнего престола. Там вместе с землей находились крышка древнего тайника, разбитый древнерусский горшочек с мощами-косточками, немного мозаичной смальты от стенных мозаик и две плитки мозаичного пола XV в.

Об этом же обряде говорит нижняя предпрестольная доска (шиферная), найденная

[5] Цитируется по экземпляру, хранящемуся в Кабинете рукописей Публичной библиотеки АН УССР в Киеве, с. 324.

[6] Художественная проза древней Руси. М., 1957, с. 176.

[7] Исследования 1963 г. проводились Н. В. Холостенко и М. М. Говденко.

в развалинах храма на Владимирской улице в Киеве. Доска имеет следы мест заделки четырех столбиков престола, а между ними — отверстие с бортиками для крышки тайника, аналогичного по размерам со Спасским.[8] Это же обнаружено нами при исследованиях в Кирилловской церкви Киева, где в центре престола из плинф XII в. обнаружена нижняя часть деревянного столба-креста и около него разграбленный в XV в. тайник.[9]

Второй обряд, регламентирующий освящение уже построенного храма, подробно приведен в том же «Требнике» Петра Могилы, где описывается вся церемония освящения и ее основной акт — вложение мощей в центральный столб-крест престола («основания»). При деревянном столбе требник указывает, что священнослужитель (епископ) «возмет мощи святых мучеников и покладает их в столп под гвоздии», а в случае «аще будет престол каменный, йно покладет служитель мощи святых в уготованное место в камени».[10] Исследование престола Софийского собора Новгорода[11] установило наличие такого «места» в виде тайника в сохранившейся части центрального столба-креста древнего престола. Судя по сколу «столба» Киево-Печерского собора, в нем также был такой тайник для мощеницы. Очевидно, что и в Спасском соборе наличие остатков шиферного центрального столба предполагает, что в нем также было место для заложения мощеницы, вкладываемой при освящении престола нового храма.

Мощеницы-реликварии, вкладываемые в престол в торжественной обстановке освящения готового храма, как например это описано в том же Патерике, были обычно богато украшены. Наш же ларчик весьма примитивен, сделан из плоского тонкого листа металла, кроме надписей не имеет никакой отделки. Найденный в тайнике, доступном только при заложении храма, он относится ко времени этого заложения, которое мы на основе анализа письменных источников и подробного исследования самого памятника относим к 1030—1031 гг. Таким образом, имеющиеся на нем надписи датируются этим же временем и являются древнейшими из сейчас известных древнерусских надписей, кроме, конечно, надписи на фрагменте корчаги X в.

Надпись на крышке чеканная, с чернью, причем чеканилась с лицевой, наружной стороны, так что выпуклость обращена внутрь. Перед нами три строчки — имена тех, чьи ча-

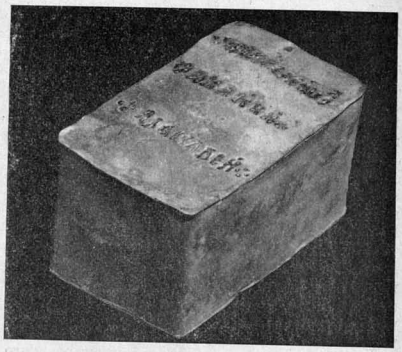


Рис. 2. Мощеница.

стицы мощей вложены в ларец: Пантелеймон, Акакий, Маккавей. Имена состоят из ограниченного набора букв (рис. 3), нейтральных в отношении определения принадлежности их к греко-византийскому или славяно-древнерус-

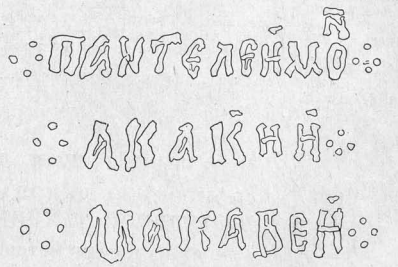


Рис. 3. Надписи на мощенице. Прорись.

скому кирилловскому письму. Анализ показывает, что мастер, находя пропорции самих букв и их сочетания в строке, делал это квалифицированно, имея определенную школу письма, которая ближе всего к закономерностям и стилистике младшего византийского унциала X в. Эти черты, хотя и не так ярко выраженные, как в наших надписях, С. А. Высоцкий отмечает и в старейшей древнерусской азбуке, от-

[8] К. Лохвицкий. О ходе открытия древностей в Киеве до 1836 г. ЖМНП, ч. XII, СПб., 1836, ноябрь, с. 267.

[9] Исследования 1966 г. проводились Н. В. Холостенко, В. В. Петечинским и И. Д. Мовчан.

[10] «Требник» Петра Могилы, с. 351 (см. сноску 5).

[11] Г. М. Штендер. К вопросу об архитектуре..., с. 85.

крытой им среди граффити Софийского собора в Киеве.[12] Сравнивая характерные для датирования буквы А, В, Н, М, О, отмечаем, что они по начертаниям близки аналогичным буквам граффити Софийского собора 1052 и 1054 гг.[13] и аналогичным из надписи Тмутараканского камня.[14]

Но наиболее интересны в этих именах их язык и грамматические формы написания. Здесь перед нами, несомненно, древнерусское звучание имен. Если обратиться к мозаикам Софии Киевской, где имеется начертание одного из них — Акакия — и близких к нему по звучанию Леонтий, Астий, Екдакий, то они там написаны по-гречески.[15] В западной транскрипции приблизительно в это же время имя Акакия в Монреале написано как Acatus. В имени Пантелеймон и звучание, и особенно грамматическая форма очень своеобразны. Для такого его написания можно было применить буквы греко-византийского или кирилловского письма, причем для обоих случаев они передают славянское, древнерусское звучание имени «без устроения», т. е. не придерживаясь установившихся для них правил. Так, для кирилловского письма, начиная с самых ранних стадий развития (при азбуке из 38 букв),[16] при написании этого же имени применялись буквы, здесь отсутствующие, — ъ, ѣ, ѧ вместо ѧ. Примеры этого имеются на тех же граффити Софии Киевской. Так, на фреске Пантелеймона сделана надпись, относимая С. А. Высоцким к XI в., в виде ПѦNТЕЛѢНМОNЕ.[17] На этой же фреске вторая надпись, относимая к XIII в., из апостольского придела начертана как ПѦNЪТЕЛЕНМОNЪ.[18]

Появление в Чернигове такого рода написаний «без устроения» связано с Мстиславовым окружением. Отсюда связи идут непосредственно в Причерноморье — в Тмутаракань, где до этого княжил Мстислав и где в 1022 г. он строил храм. А ведь именно в Причерноморье ведут свидетельства Константина-Кирилла о наличии там древнерусского письма.[19] Черноризец Храбр (Болгария, X в.), говоря об истории славянской письменности, указывал на такой этап ее развития, когда греческими буквами передавали «...славянскоу речь безь оустроениа...».[20] С этой же традицией связывает С. А. Высоцкий и появление найденной им азбуки, основанной главным образом на греческом алфавите.[21] Приведенные сравнения дают основание наши надписи отнести к дополнительным фактам, подтверждающим гипотезу о развитии дохристианской древнерусской письменности.

[12] С. А. Высоцкий. Древнерусская азбука Софии Киевской. СА, 1970, № 4, с. 128.

[13] С. А. Высоцкий. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Вып. 1. Киев, 1966, табл. III, V.

[14] Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв. САИ, ВЕI-44, 1964, табл. I—II.

[15] В. Н. Лазарев. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, с. 125—130.

[16] С. А. Высоцкий. Древнерусская азбука..., с. 133, рис. 3.

[17] С. А. Высоцкий. Древнерусские надписи..., с. 91, № 47, табл. XLV, XLVI.

[18] Там же, с. 99, № 57, табл. LV, *2*, LVI, *2*.

[19] В. Ф. Миллер. К вопросу о славянской азбуке. ЖМНП, СПб., 1884, с. 27.

[20] П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Тр. Славянской комиссии, т. I, 1930, с. 162.

[21] С. А. Высоцкий. Древнерусская азбука..., с. 128.

Г. М. Штендер

К ВОПРОСУ О ДЕКОРАТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ НОВГОРОДСКОЙ СОФИИ

(По новым материалам исследований)

Собор Софии в Новгороде — один из древнейших памятников русского зодчества — принадлежит к числу выдающихся произведений мировой архитектуры. На протяжении девяти столетий памятник неоднократно перестраивался. Но замечательная архитектурная композиция, предельная лаконичность форм и удивительная гармоничность пропорций и в наши дни создают незабываемый художественный образ величественного монумента. В давние времена эти качества воспринимались еще обостренней. Существенная роль в этом принадлежала внешним архитектурным формам и особенно их декоративной отделке. Все, кто изучал архитектуру Софии, понимали, что ее кладка выполняла и декоративную функцию. Но, говоря о чисто декоративных приемах, ученые по-разному оценивали систему кладки несущих конструкций, а следовательно, и систему декора в целом. Их суждения об этом зависели от отношения к наличию и роли кирпича в стенах. В ранние периоды изучения казалось, что

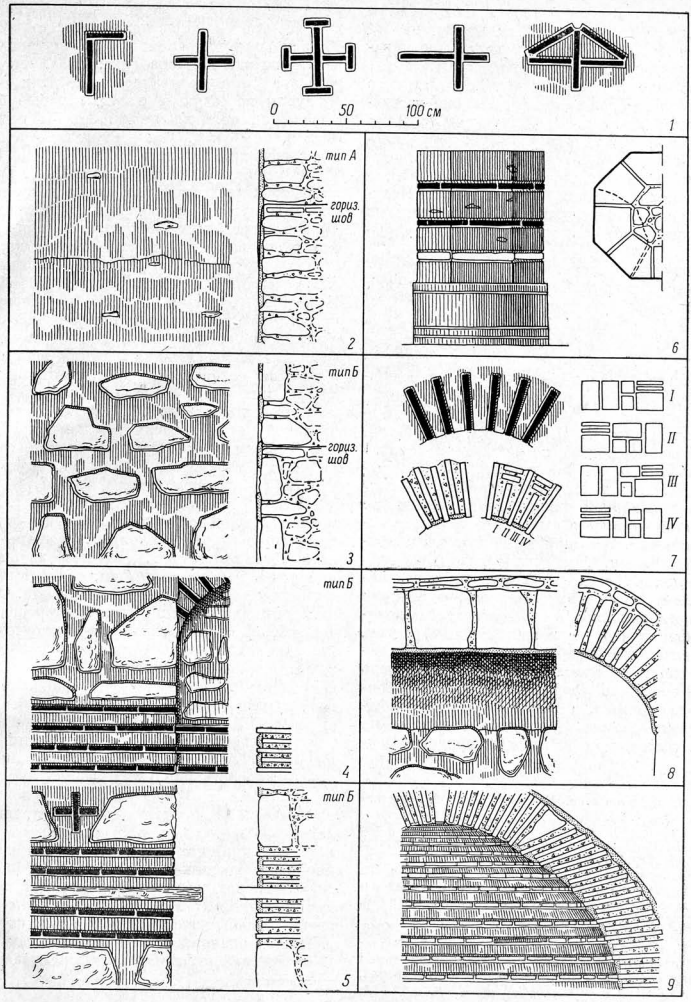


Рис. 1. Декоративные мотивы интерьера и их конструктивное воплощение.

1 — элементы кирпичного декора; *2* — кладка стен 1-го яруса основного объема; *3* — кладка стен 2-го яруса основного объема и галерей на всю высоту; *4* — нижняя часть лопатки хор; *5* — фрагмент крестчатого столба; *6* — кладка граненого столба; *7* — кладка арок (два варианта); *8* — кладка свода; *9* — кладка купола.

памятник «сложен» из местного серого камня и «проложен» тонкими кирпичными плитами. Таким образом, храм представлялся «разукрашенным тонкими красными полосами».[1]

Это мнение продержалось долго.[2] На него не повлияло осторожное высказывание реставрировавшего собор В. В. Суслова: «Стены по преимуществу сложены из больших неправильных камней с незначительной перемешкой тесаной плиты и кирпича».[3] В ранней работе М. К. Каргера о стенах было сказано: «Полосатая кладка из чередующихся рядов плоских плинф (кирпичей) и камня оставалась открытой».[4]

В последние десятилетия благодаря интенсивному изучению Софии эта точка зрения претерпела коренные изменения.

Уже в 1954 г. М. К. Каргер пишет, что кирпич в стенах применен в незначительном количестве, «...отнюдь не создавая впечатления полосатой кладки из регулярно чередующихся рядов плоских плинф и камней».[5]

Исследования 1944—1946 гг., проведенные под руководством Н. И. Брунова, способствовали появлению нового, но не во всем верного представления о системе кладки.[6] Н. И. Брунов и Н. П. Травин допустили ошибку, утверждая, что в основной кладке стен кирпич не употребляли — из него выложены только арочные перемычки. Эту ошибку повторили и другие исследователи. Ошибочным было и следующее мнение: «...разделку наружных стен с обнаженными на поверхности камнями имели только прямолинейные в плане стены Новгородской Софии и что ее криволинейные стены, как-то: апсиды и барабаны снаружи были покрыты сплошным слоем цемянки».[7] Эту мысль они подтверждали гладкой затиркой коробового свода тайника, а также следами «сплошной обмазки цемянкой южной апсиды на участке, выходящем на чердак придела Иоакима и Анны».[8] Последнее наблюдение оказалось весьма приблизительным. Что касается обмазки сводов, то обмазка их внутренней поверхности закономерна (рис. 1, *3*), так как на растворе свода оставались отпечатки грубой опалубки из колотых досок, которые без последующей обмазки придавали бы интерьеру неухоженный вид. Так поступали строители и в последующие эпохи.

По мнению Н. И. Брунова и Н. П. Травина, в Софии создавались различные декоративные эффекты путем применения полосатых арок в разных средах: в одном случае «арки эффектно вырисовывались на поверхности каменных стен», в другом — «на фоне обмазанных розоватой цемянкой боковых апсид и барабанов».[9] Последнее сочетание нашими исследованиями не подтвердилось, так как однообразной гладкой обмазки не обнаружено. В действительности здесь оказалась сложная картина декоративной обработки поверхности стен преимущественно путем имитации кирпичных горизонтальных и вертикальных рядов. Ряды создавались окраской стен красными полосами шириной 5—8 см, ограниченными бороздками, сделанными отпечатком бичевы на сыром растворе или мастерком (рис. 2, *2;* 3, *1, 4*).

В одной из последних работ П. Н. Максимова строительной технике Софии отводятся следующие строки: «Стены... сложены из одного местного камня..., не позволявшего выполнять в нем такие детали, какие выполняли в кирпиче строители Киевской Софии. Отсутствием кирпича в кладке стен Новгородского Софийского собора объясняется и отсутствие на них тех полос узорной кирпичной кладки, которые можно видеть в ряде мест на фасадах Киевской Софии. Вместо этого... наиболее крупные камни оставались обнаженными с лица и розоватый цемяночный раствор, на котором велась кладка, около них подрезан. Такая кладка и обработка стен несколько напоминает каменные постройки Скандинавии, но в отличие от них арки Новгородской Софии сложены не из камня, а из плоского плитного кирпича, аналогичного киевскому, и с применением типичного для киевских построек приема чередования выступающих кирпичей с заглубленными, скрытыми под гладко отшлифованной цемяночной затиркой».[10] При справедливости общей оценки декоративной сущности кладки и здесь не полно оценена роль кирпичей как декора. В следующей работе автор высказывается еще

---

[1] А. М. Павлинов. История русской архитектуры. М., 1894, с. 23, 24.

[2] И. Грабарь. История архитектуры. М., 1909, с. 168; А. И. Некрасов. 1) Византийское и русское искусство. М., 1924, с. 74; 2) Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII веков. М., 1936, с. 39.

[3] В. В. Суслов. Краткое изложение исследования Новгородского Софийского собора. Зодчий, вып. 11—12, 1894.

[4] М. К. Каргер. Новгород Великий. М., 1946.

[5] М. К. Каргер. Новгородское зодчество. В кн.: История русского искусства. М., 1954. — Этой точки зрения исследователь придерживался и в работах, изданных в 1961 и 1970 гг. См.: М. К. Каргер. Новгород. М.—Л., 1970, с. 14.

[6] Н. Брунов, Н. Травин. Архитектура Софийского собора в Новгороде. Новейшие исследования. Сообщения Ин-та истории и теории архитектуры, вып. 7, М., 1947, с. 11.

[7] Там же, с. 9.

[8] Там же.

[9] Там же, с. 91.

[10] П. Н. Максимов, Ю. С. Асеев. Архитектура древнерусского государства (X—начало XII в.). В кн.: Всеобщая история архитектуры. Т. 3. Л.—М., 1966, с. 545.

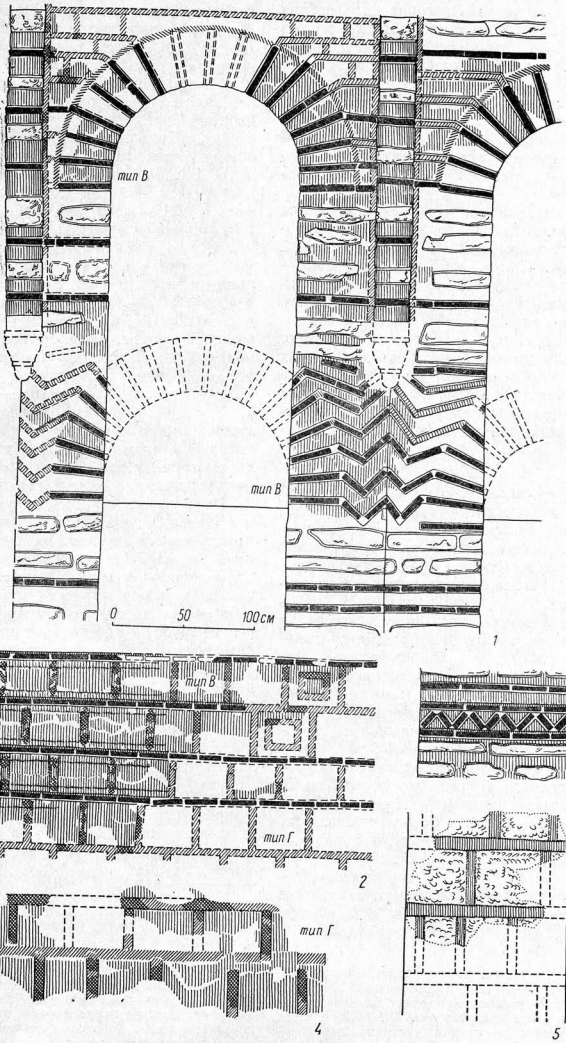


Рис. 2. Декоративные мотивы фасадов.

1 — фрагмент центральной апсиды; *2* — фрагмент северной апсиды; *3* — фигурная кладка центральной южной лопатки западного фасада; *4* — фрагмент южной апсиды; *5* — пробная отделка стен на восточной притолоке проема между алтарем и дьяконником.

яснее: «...кладка стен Новгородского собора была выполнена из одного местного камня без кирпичных прослоек». И далее он пишет об отказе от «...узорной кирпичной кладки».[11] Ниже будет показано, что кирпич не только применялся в стенах Новгородской Софии, где ему отводилась и декоративная роль, вплоть до набора кирпичных узоров, но часто декоративную роль кирпича активно выполняла раскраска фасадных стен красным, белым и желтым цветом.

Из сказанного видно, что в разные этапы изучение памятника давало различное представление о технической и художественной структуре стен. Наши наблюдения в 1962—1972 гг. подтвердили все разноречивые суждения, за исключением однообразной сплошной обмазки криволинейных стен апсид, лестничной башни и барабанов. Оказалось, что мнения ученых о наличии на памятнике кирпичных и бескирпичных (каменных) систем не только не противоречат друг другу, но и дают, правда далеко не полную, характеристику его конструктивного и декоративного многообразия.

* * *

Стены Софии выложены из камня: известняка разных пород и цвета (бурого, серого, желтого, зеленого), булыжника и кирпича на растворе, состоящем из извести с примесью мелких фракций кирпичного щебня, придающих ему розовый цвет.[12] При возведении стен раствор, выступающий из швов, выравнивался в плоскости камней и после схватывания затирался вторым слоем раствора с более мелкими пылевидными фракциями молотого кирпича. Поверхность затирки гладко заполировывалась. Промежутки между крупными камнями заполнялись мелкими камнями или кирпичами. Они несколько заглублялись и закрывались раствором затирки, а иногда выделялись в растворе путем косоугольной подрезки — фаски. Местами следуют два, три, а иногда и больше рядов кирпичных прокладок (рис. 1, *4, 5*). Швы между рядами толстые, часто превышают толщину кирпичей. Один кирпичный ряд заглубляется до 3—5 см, а следующий укладывается в плоскости стены. Заглубленные ряды покрывались слоем раствора до лицевой плоскости стены, а кирпичи, лежащие в лицевой плоскости, окаймлялись с двух сторон скошенными бороздами. Вертикальные швы между кирпичами делались очень тонкими и не были заметны, так что получались только горизонтальные борозды. Создавалось впечатление кладки стены из розовых каменных плит с кирпичными прослойками. В разных местах собора стены имеют неодинаковую структуру и декоративный строй, что позволило нам для удобства изучения расчленить всю кладку на четыре основных типа: А, Б, В и Г. Общими факторами для всех типов является метод возведения стен слоями высотой 0.8—1.2 м, применение кирпичей единой выделки и единство раствора. Несмотря на различную форму кирпичей и размеры (прямоугольные — для стен, крестчатых столбов, лопаток, арок и сводов — 40×31×4, 31×24×4, 21×18×4 см; косоугольные — для многогранных столбов и нижней части граней центральной апсиды, полукруглые — для полуколонок той же апсиды) и разную породу камней, все сказанное свидетельствует о возведении здания в один период (1045—1050 гг.).

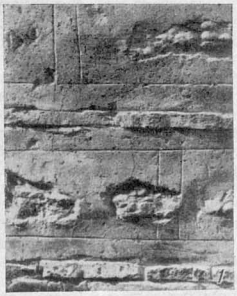
К типу А (рис. 1, *2*) относится кладка нижних частей стен и столбов главного (пятинефного) объема из крупных (длиной до 70 см) постелистых камней бурого ракушечника и серого плитняка, уложенных плашмя.[13]

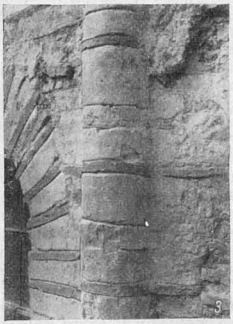
Между камнями в Новгородской Софии, как и в Киевской, иногда встречаются вертикально поставленные кирпичи, но здесь они закрывались раствором и были не видны, хотя рядом на этом же памятнике применялся декоративный прием, где отсутствующие вертикальные кирпичи рисовались на растворе затирки рельефной графьей и подчеркивались цветом. Внутренняя полость кладки забучивалась мелкими фракциями камня и кирпича с большим количеством раствора. Лицевая поверхность имеет почти сплошную обмазку-затирку цемяночным раствором. Лишь кое-где видны небольшие выступающие участки камней. Гладкая обмазка делалась по мере возведения каждого слоя стены. При этом раствор обмазки верхнего строительного слоя спускался до середины нижнего, постепенно утончаясь. Для прочного сцепления новой обмазки с гладкой поверхностью, сделанной ранее, на последней делали насечку. Таким образом, кладка типа А, рас-

[11] П. Н. Максимов. Новгородская архитектура XI—XV веков в свете новых исследований. Докл. по опубликованным работам, представленным на соиск. ученой степени канд. архитектуры. М., 1969, с. 6, 8.

[12] В характеристике кладки частично использованы материалы исследований В. В. Суслова, хранящиеся в Научно-исследовательском музее Академии художеств, фонд В. В. Суслова.

[13] Все исследователи, включая В. В. Суслова, упоминают лишь серый плитняк желтоватых и зеленоватых тонов, хотя, по данным наших исследований, в нижних частях пятинефного объема бурый ракушечник встречается значительно чаще. Уровень высоты распространения ракушечника установить не удалось из-за позднейших росписей, покрывающих стены. Можно предполагать, что кладка из этого камня доходит до первого яруса карнизных плит или несколько выше. Во всяком случае выше уровня хор, а также в наружных стенах галерей бурый ракушечник уже не встречается. Здесь всюду царит плитняк в обрамлении скошенных борозд розового раствора.





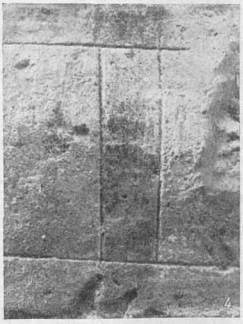


Рис. 3. Примеры декоративных отделок.

1 — фрагмент декоративной отделки северной апсиды; *2* — верхняя часть северо-западного столба хор; *3* — фрагмент кладки центральной апсиды; *4* — деталь отделки рисованными квадрами северной апсиды; *5* — имитация кирпичных рядов в кладке центральной апсиды; *6* — кладка купола.

полагавшаяся в нижних участках стен и столбов основного объема не выше уровня хор, казалась оштукатуренной, и, судя по следам росписей XI в., можно думать, что эта система предполагала роспись непосредственно по кладке,[14] как выполнена композиция «Константин и Елена» на лопатке стены в Мартирьевской паперти.

Следовательно, не верна реконструкция интерьера Софии, сделанная П. Н. Максимовым, где кладка стен и крестчатых столбов от самого низа заполнена офальцованными камнями.[15] В действительности так была выполнена кладка лишь верхней половины собора — тип Б. К нему мы относим кладку стен верхней части главного пятинефного объема (выше хор) и окружающих его галерей на всю их высоту (оба этажа).

Стены сооружены из серых плитняковых глыб (до 70 см), уложенных плашмя. Имеются участки, где преобладают камни, поставленные на ребро и скрепленные с массивом стены горизонтальными плитами (рис. 1, *3*). Последние подтесывались сверху, снизу и с лица. Вертикальные камни подтесывались лишь с лицевой стороны. Пространство между наружной и внутренней верстами заполнено более мелкими камнями и битой плинфой. В версте между камнями встречаются плинфы, уложенные вертикально, косо и горизонтально и затертые раствором. Иногда из плинф или тонких плит набирались горизонтальные прослойки, расположенные через 80—120 см по высоте, выравнивавшие верхнюю плоскость строительного слоя и обозначавшие горизонтальный шов. Эти ряды также закрывались раствором.

Изучавший Новгородскую Софию К. Н. Афанасьев пишет: «Горизонтальные швы в толще раствора, которые можно наблюдать в кладке Софии, образовавшиеся, очевидно, в результате перерывов в производстве работ, быть может, в какой-то степени заменили кирпичные прослойки».[16] Он не выделяет разные кладки и несомненно имеет в виду обе отмеченные группы, где на поверхности стены кирпичи не видны. К. Н. Афанасьев не знал, что в горизонтальных швах, на значительной глубине иногда встречаются кирпичные ряды, создававшие горизонтальную плоскость. Это наблюдение, опровергнувшее предположение К. Н. Афанасьева об отсутствии кирпичных прокладок, одновременно подтвердило его мысль о сравнении послойной кладки из диких камней со статическими принципами эллинистических систем кладки из крупных каменных блоков насухо.[17] Это тем более справедливо, что в слоях часто встречаются вертикальные швы, а между слоями всюду находятся мелкий строительный мусор и пыль, говорящие о том, что слои не соединены в монолит, но разделены, как в кладке блоков, насухо.

Слоистость кладки с поверхности не различима, так как ряды кирпичей или плит, уложенные с отступом от лицевой поверхности кладки, не видны. Следовательно, и с этой точки зрения реконструкция интерьера Софии, где слоистость кладки показана частыми горизонтальными полосами, также неверна.[18] Основная масса стен с кладкой типов А и Б, за исключением полосатых арок, круглых и граненых столбов, казалась бескирпичной. Однако в стенах, лопатках и столбах интерьера встречаются открытые кирпичные ряды по 2—3 один за другим, подчеркнутые широкими слоями раствора с глубокой косоугольной подрезкой (рис. 1, *4, 5*).

В материалах исследований В. В. Суслова имеются зарисовки открытых кирпичных рядов, расположенных над карнизными плитами крестчатых столбов, в стенах над полом хор, в основании простенков барабанов.[19]

Участки кладки из двух или трех кирпичных рядов в действительности представляют собой более монолитно связанные кирпичные пояса, так как каждый открытый ряд дополнительно фланкирует 2 ряда скрытых. Следовательно, вместо трех имеется 5 или 7 рядов в нескольких ярусах, охватывающих значительные участки здания горизонтальными поясами. Наряду с дубовыми связями, находившимися рядом, а также слоистостью всей кладки включение в нее хорошо перевязанного слоя из нескольких рядов, несомненно, имеет конструктивное значение для предохранения от действия косых напряжений. Сочетание дубовых связей, хорошо воспринимающих растяжение и изгиб, со слоями кирпичной кладки, которая

---

[14] Г. М. Штендер. 1) Новые исследования архитектуры Софии Новгородской. Тез. докл. секции истории архитектуры на пленуме Института археологии 1966 г. АН СССР, с. 13; 2) К вопросу об архитектуре малых форм Софии Новгородской. В кн.: Древнерусское искусство, М., 1968, с. 105; В. Н. Лазарев. О росписи Софии Новгородской. Там же, с. 15, 16.

[15] П. Н. Максимов, Ю. С. Асеев. Архитектура..., с. 550, рис. 25.

[16] К. Н. Афанасьев. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961, с. 218.

[17] Там же, с. 219.

[18] П. Н. Максимов, Ю. С. Асеев. Архитектура..., с. 550, рис. 25.

[19] Кирпичные ряды в стенах и столбах второго этажа по высоте не совпадают. Укладка кирпичных рядов в основании архитектурной формы благодаря четким углам и модульности плинфы упрощала работу мастеров и гарантировало правильность разметки в плане. Дальнейшая кладка из камня по кирпичной основе не составляла особых затруднений.

лучше кладки из камней сопротивляется вертикальным расслоениям, по разрешению конструктивных задач отдаленно напоминает работу современных железобетонных поясов.

Разумеется, соединение дерева с кладкой не идет ни в какое сравнение со сцеплением арматуры с бетоном. Тем не менее в местах пересечения всех перпендикулярных направлений (в столбах и стенах) каждые две взаимно перпендикулярные связи, врубленные в полдерева друг для друга, являлись анкером, связанным с кладкой.

Открытые кирпичные ряды в стенах кладки типов А и Б, представляющие резко подчеркнутые горизонтальные полосы, несомненно играли и декоративную роль. Зрительно они вносили устойчивое равновесие и порядок в живописно свободный рисунок кладки стен, набранных из камней, различных по форме и размерам (рис. 1, *4, 5*). Арки, паруса и купола (рис. 1, *7, 9,* 3, *6*), полуколонки и лопатки фасадов [20] тоже казались полосатыми, так как выкладывались из плинф с характерным утопленным рядом или через 1—2 ряда скрытых камней. Это придавало сооружению подчеркнутую структурность благодаря контрастному сопоставлению инертной каменной массы стен со строгими тектонически активными конструкциями. Их кирпичный убор среди массы камня поддерживался декоративными кирпичными орнаментами в виде всевозможных крестов, треугольников и др., обнаруженных не только в интерьере (рис. 1, *1*), но и снаружи. Среди материалов В. В. Суслова найдена фотография с участком лопатки у портала западной галереи. Это кирпичный горизонтальный фриз, набранный из треугольников и представляющий собой самый ранний пример традиционного новгородского бегунца. В отличие от него здесь еще нет впадинок — все находится в одной плоскости, и орнамент воспринимается как безрельефный плоскостной рисунок (рис. 2, *3*).

Особо декоративная кладка, которую мы относим к типу В, выявлена снаружи на трех центральных апсидах. Несмотря на общую декоративность, системы их орнаментации несколько различны. Кладка граненой апсиды, схематично известная по материалам В. В. Суслова, вновь раскрыта и детально изучена нашими зондажами (рис. 2, *1*). На угловых участках граней имеется орнамент «зигзаг», близко напоминающий «веер» Спасского собора в Чернигове.[21] Декор состоит из наклонных рядов, соединявшихся с кирпичами арок нижнего ряда окон апсиды, уничтоженных еще в древности. Наклонные кирпичи верхних арок переходят в горизонтальные ряды до полуколонок. Иногда они имитируются раствором с окраской в технике фрески (рис. 3, *5*). Следовательно, отделка стен производилась в процессе их возведения.[22] Так были нанесены красные горизонтальные, вертикальные и полуциркульные полосы. Полуколонки выложены ритмическим чередованием тонких красных плинф, широких слоев розового раствора и серых камней (рис. 2, *1;* 3, *3*). Необходимость более обобщенной трактовки полуколонок вызвала их сплошную окраску красным цветом. Этим была усилена полихромная ритмичность кладки граней апсиды, где обнаружены следы белого, желтого и красного пигмента. Отделка соседних апсид поддерживала центральную. Кладка северной апсиды, прослеженная на 1/3 высоты (до 4 м), явилась полной неожиданностью (рис. 2, *2*). Она представляет собой характерную для сооружений Киевской Руси первой половины XI в. «полосатую» систему, как бы воспроизводящую каменно-кирпичную кладку opus mixtum нижних частей Киевской Софии. Регулярно через 25—30 см по высоте расположены горизонтальные ряды плинф, между которыми находятся каменные ряды, скрытые раствором обмазки. Ряды плинф, кроме скошенных фасок раствора, подчеркнуты линиями графьи на 4—5 см выше и ниже каждого ряда. Вместе с вертикальными полосами, расположенными в 30—40 см одна от другой, это создавало впечатление кладки из прямоугольных «квадров».

Кирпичные ряды и полосы раствора были окрашены красной краской «по сырому». Кроме того, на обмазке «квадров» обнаружены следы окраски белым и желтым пигментом, а на поверхности двух «квадров» частично сохранилась роспись внутренних прямоугольников красным, белым и желтым цветом. Эта дополнительная роспись «малого внутреннего квадра» (рис. 2, *2*, справа) усиливала ощущение геометрической орнаментальности убранства стен. В других местах роспись не сохранилась. Следует отметить, что декоративные кирпичные ряды обрываются в 1.5 м от северного края апсиды. Здесь кирпичи имитировались красными полосами по обмазке.[23]

---

[20] А. Монгайт. Софийский собор в Новгороде в связи с новейшими исследованиями. Архитектура СССР, 1947, № 16, с. 36. — Полосатость лопаток еще надлежит уточнить исследованием на разных участках.

[21] Кирпичные орнаменты между арками ниш лестничной башни. — Ю. С. Асеев. Архитектура Киевской Руси. Киев, 1969, с. 44—46.

[22] В месте примыкания северной апсиды к восточной стене собора обнаружен участок кладки апсиды с полной цветовой отделкой.

[23] Отсутствие в северной части кирпичных рядов, обрывающихся от вертикали, дает основание предполагать какую-то переделку в процессе строительства.

Фрагмент включает 4 кирпичных ряда. Ниже и выше иногда встречаются кирпичи, но на поверхность кладки они, вероятно, не выходили. Поскольку первоначальная поверхность утрачена, без специального изучения определить характер декоративного убранства нижней (цокольной) части невозможно. Какое оформление имела кладка выше кирпичных рядов? На южной апсиде при смене кровли придела Иоакима и Анны удалось внимательно изучить участок стены размером 1.5×2.2 м, в 1944 г. обследованный Н. И. Брунновым, после чего им сделан был вывод о покрытии штукатуркой криволинейных поверхностей. В действительности, здесь на значительных участках гладкой цемяночной обмазки совершенно явственно видна «квадровая» декорация без кирпичных рядов. Графья, очерчивающая «квадры», выполнена бичевой (рис. 2, *4*). Ширина красных полос и величина «квадров» превышают аналогичные элементы северной апсиды. Рисунок «внутренних квадров» обнаружить не удалось. Участок расположен на 1.5 м выше кирпично-каменного участка северной апсиды. Из осмотра этого бескирпичного участка и факта отсутствия кирпичных рядов в других местах северной апсиды можно сделать вывод, что остальные части боковых апсид трактовались в виде «квадровой» кладки без кирпичей, лишь при помощи системы яркокрасных горизонтальных и вертикальных полос, нанесенных на гладкую сплошную обмазку. Назовем эту кладку типом Г. Итак, на 1/3 высоты апсид среди системы «квадров» на обмазке проходила полутораметровая полоса кладки с кирпичными рядами (тип В), имевшая по рисунку и полихромной отделке более сложную орнаментацию с «внутренними квадрами».

В чем общность и различие трактовки «квадров» в новгородском и киевском памятниках и есть ли аналогии в других сооружениях Киевской Руси? Ближайшую аналогию кирпичному участку северной апсиды можно увидеть на стенах Софии Киевской. Эти участки находятся выше рядов opus mixtum с вертикальными кирпичами между камней и как бы являются их облегченным продолжением в верхней части. В отличие от апсид Новгорода, где фактура обмазки с изображением полос и «квадра» одинакова, в Киеве подчеркивалось различие фактур. Узкие полосы, заключенные между параллельными линиями графьи гладко заполированы, а поверхность «квадра», ограниченная графьей, соскоблена мастерком в сыром состоянии и имитирует насечку камня.

Образец аналогичной отделки обнаружен и в интерьере Новгородской Софии, но лишь на небольшом участке стены в проеме между центральной апсидой и диаконником (рис. 2, *5*). Вероятно, в связи с тем что этот образец не подвергался разрушительным атмосферным воздействиям, здесь особенно резко подчеркнута разница фактур обмазки. Поверхность напоминает грубо тесанные каменные квадры с гладкими полосами по краям. Подобная отделка естественного камня известна, например, в античных постройках Причерноморья и Малой Азии. По-видимому, здесь это проба отделки стен, предложенная зодчим.[24] Об этом свидетельствует отсутствие такой отделки на другой притолоке и в симметричном северном проеме. Прежде казалось, что проба осталась без последствий и не была реализована.[25] Однако, когда стало известно, что большие поверхности стен Софии имели принципиально подобную «квадровую» отделку цветом, стало ясно, для чего делалась эта проба.

Нечто подобное по технике, но на кладке арок, можно видеть в нижних частях Успенского собора Киево-Печерской лавры. Правда, там, наоборот, заполированные участки располагаются в средней части, а соскобленные шероховатости полос — в непосредственной близости от кирпича.

Весьма существенно отметить, что если «квадры» с горизонтальными кирпичными рядами и вертикальными полосами обмазки указывают на Киев, то образец трактовки бескирпичных «квадров» оказался на нижних частях апсиды Спасского собора в Чернигове.[26] Аналогичная система рисованной «кирпичной кладки» в Новгородском соборе говорит о вероятности широкого применения цветовой покраски в Чернигове. Изучение Киевского памятника также свидетельствует о яркой полихромной раскраске фасадов.[27] Последние данные изучения черниговского памятника говорят о том, что в создании его художественного облика большая роль отводилась кирпичному убору. Не случайно между арками окон встречается почти аналогичный новгородскому «зигзагу» выразительный кирпичный орнамент — «веер». Как видим, в Новгородском соборе в создании архитектурно-художественного образа использовались киево-черниговские декоративные приемы. Индивидуальная неповторимость проявилась в многообразии сопоставле-

[24] Г. М. Штендер. К вопросу об архитектуре..., с. 105—106.

[25] Там же.

[26] Наблюдались нами в нижних частях северной апсиды и южной стены во время ремонтных работ 1967 г. Характер отделки по аналогии с Новгородом дает основание предполагать красную окраску полос «квадров».

[27] Ю. С. Асеев. Архитектура Киевской Руси, с. 68.

ния форм каменной и кирпичной кладок, естественной и искусственной полихромии.

«Кирпичная» роспись каменной кладки типа Г, т. е. рисованная «кирпичная кладка», не только давала экономию кирпича и времени, но оказывалась проще в исполнении при почти одинаковом декоративном эффекте. Это видно на примере рисованных поправок неудачно (несимметрично) сложенного кирпичного орнамента центральной апсиды, а на соседнем простенке — по кладке из камня. Неудачно уложенные кирпичи или камни гладко затирались раствором, а вместо них по графье обмазки рисовались красные полосы имитации кирпичей. Обилие рисованной «кирпичной кладки» типа Г, рисунок которой со временем почти исчез, ранее не было известно. Это привело отдельных исследователей к мысли о тесной связи Новгородской Софии с каменными постройками Скандинавии. Теперь это предположение основательно поколеблено. Теснейшая связь Новгородской Софии и Киевской не только по плану и формам, но многим техническим и особенно декоративным приемам — несомненна. Мало того, можно предположить, что активное участие в новгородском строительстве принимали мастера Черниговского и Киевского соборов. Индивидуальная неповторимость может быть отнесена за счет требований заказчика, замысла зодчего, местных строительных материалов, местных кадров строителей и др. Детальные исследования этих памятников позволят уточнить вопрос о мастерах.

Рассмотрим некоторые примеры понимания древними зодчими архитектурных проблем работы конструкций, материалов и выражения всего этого в зримых формах архитектурной отделки.

Полосатая кладка с рядами плинф и тонких плит, но без графьи, оказалась в граненых столбах[28] (рис. 1, *6*; 3, *2*). Интересно, что в нижней части столба высота полос раствора между рядами кирпича и плит, а также толщина плит значительно меньше, чем вверху, и меняется постепенно. Это создает убедительное впечатление, что чем ниже, тем слои становятся тоньше в результате впечатления сжатия материала от увеличения веса конструкции.

Подобный эффект можно видеть и в кладке апсид, где горизонтальные кирпичные ряды нижней части стен, усиленные активной «кирпичной» окраской «внутренних квадратов», зрительно уплотняют и усиливают их декоративную нагрузку. Открытыми кирпичными рядами в столбах, апсидах, арках, парусах, куполах подчеркивалась работа наиболее напряженных конструктивных элементов. Это говорит об эмоциональном представлении зодчим работы каменных конструкций и умелом использовании сложных технических приемов кирпично-каменной кладки для создания выразительной формы.

Изучение кладки барабанов было затруднено цементной штукатуркой, которая в конце XIX в. заменила обветшавшую древнюю обмазку. Тем не менее результаты исследований дают возможность сделать предварительные выводы: центральный большой и четыре малых угловых барабана имели различное декоративное выражение. Поверхность большого барабана

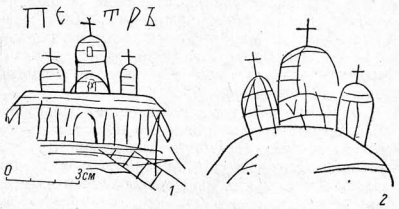


Рис. 4. Граффити с изображением храмов.
1 — на стене придела Иоанна Богослова; *2* — на южном пред алтарном столбе.

представляла преимущественно кладку типа Б из серых открытых камней, оправленных в розовый раствор с косой подрезкой.[29] Горизонтальные кирпичные ряды могли быть в нижней и верхней части стены. Изучение восточных барабанов выявило их сплошную обмазку в древности со следами красной покраски по белому колеру. Это дает основание полагать, что на угловых барабанах преобладала кладка типа Г с геометрической росписью «квадрами» по обмазке, т. е. как в северной части северной апсиды. Вероятно, в различных кладках барабанов присутствовали объединяющие их элементы декора. Различие декоративной трактовки центрального и угловых барабанов, как центральной и боковых апсид, имело не только композиционное значение, но и идейно-смысловую нагрузку. Центральный барабан с главой доминировал благодаря большим размерам и другой фактуре. Кладки центрального и угловых барабанов отличались и в последующих новгородских постройках: пятиглавом Николо-Дворищенском соборе (1113 г.) и трехглавом Рождественском соборе Антониева монастыря (1117 г.). Дополнительным подтверждением квадровой росписи стен малых бара-

[28] Полностью раскрыт северо-западный столб хор; известны по материалам В. В. Суслова остатки трех столбов, находившихся внизу по осям входов.

[29] По простенку между северным и северо-западным окнами.

банов является граффити на древней стене придела Иоанна Богослова (рис. 4, *1*). Это рисунок трехглавого (или пятиглавого) храма с надписью «Петръ», который мог появиться до 1108 г. — даты росписи Софии.[30] На малых главах особенно ясно видны горизонтальные линии, по-видимому обозначающие декоративную отделку стен красными полосами, следы которых нами обнаружены в натуре. София ли это, или один из трехглавых новгородских соборов, автором которого является знаменитый зодчий Петр, и встретились ли мы с его автографом? Это вопрос специального исследования, но ясно одно — человек, изобразивший храм, находился под впечатлением виденной им декоративной отделки барабанов Софии. Менее уверенной рукой нарисован другой трехглавый храм (в диаконнике), но элементы «квадровой» разделки, да еще с вертикальными линиями имеются и здесь (рис. 4, *2*).

Изучение каменных конструкций Новгородской Софии дало возможность представить декоративно-художественную характеристику памятника, синтетически связанную с объемной композицией. После завершения строительства София являла собой структурный объем, составленный из прямоугольных и округлых элементов, объединенных в ярусную композицию архитектурно-строительной логикой, выраженной с помощью декоративной трактовки форм и пропорциональных соотношений. Каменные стены представляли гигантскую цветную мозаику из фиолетово-серых, зеленых и желтых тончайших оттенков камней, оправленных в розовую основу гладко заполированного раствора, кирпичных орнаментов и цветных покрасок, создававших общий жизнерадостный настрой, свойственный народному искусству. Слова «гигантская мозаика» отнюдь не есть образная метафора. Технический прием инкрустации камня и кирпича в гладко заполированном растворе является убедительным основанием для этого. И хоть выкладывалась эта «мозаика» не по картону, но принцип ее, включая ритмы кирпичной декорации, сосредоточенной в нижних частях фасадов, на апсидах и вертикалях тяг, был продуман заранее. Строгий ритм кирпичных полос в живописной каменной кладке стен не только подчеркивал тектонику работы конструкций, но и создавал яркий художественный эффект сочетания живописной вольницы и строгого порядка. Кирпичная декорация нижних частей и отдельных элементов композиции дают основание полагать, что кирпичной орнаментацией и окраской выделялись наиболее существенные части идейно-смысловой и конструктивной композиции памятника. Близкую картину можно было видеть и в интерьере. Но его различие с фасадом заключалось в кладке нижних участков стен типа А, где вместо кирпичной декорации располагалась настенная живопись, наполнившая конкретным содержанием художественный замысел строителя.

Расположение стенописи (главным образом в нижних частях при открытой кладке верхних) усиливало декоративное звучание живописи и способствовало выявлению общей вертикальной направленности композиции интерьера.

В целом декоративная система Софии органично сливалась с объемной композицией и способствовала мощному полифоническому звучанию архитектурной симфонии, достойной могучей державы середины XI в.

---

[30] В. Н. Лазарев. О росписи Софии Новгородской. В кн.: Древнерусское искусство. М., 1968.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ — Византийский временник.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
ГИМ — Государственный Исторический музей.
ГЦХНРМ — Государственные центральные художественные научно-реставрационные мастерские.
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ГРМ — Государственный Русский музей.
ДНГУАК — Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества.
ИАК — Известия Археологической комиссии.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР.
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.
МАО — Московское археологическое общество.
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России.
МАР — Материалы по археологии России.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МИСО — Материалы по изучению Смоленской области.
НЛ — Новгородская летопись.
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.
НИАМЗ — Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник.
ОИДР — Общество истории и древностей российских.
ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии.
ПВЛ — Повесть временных лет.
ПЛ — Псковская летопись.
ПРП — Памятники русского права.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
РО ГПБ — Русский отдел Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.
РИБ — Русская историческая библиотека.
СА — Советская археология.
САИ — Свод археологических источников.
СЭ — Советская этнография.
ТИЭ — Труды Института этнографии Академии наук СССР.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР.
ESA — Eurasia Septentrionalis antiqua. Helsinki.
SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirija, Helsinki.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

К 70-летию Михаила Константиновича Каргера 3

История и археология

Л. В. Алексеев. «Оковский лес» Повести временных лет 5
В. А. Булкин, Г. С. Лебедев. Гнездово и Бирка. (К проблеме становления города) 11
Л. А. Голубева. Граффити и знаки пряслиц из Белоозера 18
Ф. Д. Гуревич. К истории культурных связей древнерусских городов Понеманья с Киевской землей. (По материалам ювелирного ремесла) 22
Г. Ф. Корзухина. Еще раз о Тмутараканском болване 25
В. В. Мавродин, И. Я. Фроянов. «Старцы градские» на Руси X в. 29
М. В. Малевская. Гончарная мастерская первой половины XI в. в древнем Галиче 33
Г. Г. Мезенцева. О некоторых особенностях планировки древнего Белгорода . . . 38
Т. Н. Никольская. Литейные формочки древнерусского Серенска 40
С. Н. Орлов. Городец Александра Невского на Шелони 46
А. В. Поппэ. О записи игумена Сильвестра 51
М. Г. Рабинович. К истории скоморошьих игр на Руси. («Реквизит» вертепа) . . . 53
Е. А. Рябинин. Новгород и северо-западная область Новгородской земли. (Культурные взаимодействия по археологическим данным) 56
В. В. Седов. Две заметки по археологии Суздаля 61
М. П. Сотникова. Серебряный слиток с Изяславля-городища 64
М. В. Фехнер. Некоторые данные о внешних связях Киева в XII в. 66
И. П. Шаскольский. Когда же возник город Киев? 70
А. А. Шенников. О значениях термина «вежа» 73
Е. А. Шмидт. К хронологии курганов XI—XIII вв. в Смоленском Поднепровье . . . 75
А. М. Шовкопляс. Некоторые гутные стеклянные изделия из Киева 81
Ю. Л. Щапова. Стеклянные браслеты Изяславля 85
В. Л. Янин. Церковь Бориса и Глеба в Новгородском детинце. (О новгородском источнике «Жития Александра Невского») 88

Архитектура, живопись и прикладное искусство

С. Л. Агафонов. Исследование Борисоглебской башни Нижегородского кремля . . . 94
С. Н. Азбелев. О сходных тенденциях в архитектуре Новгорода и устном эпосе Новгородской земли XV в. 98
К. Н. Афанасьев. О главах Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде 101
В. Д. Белецкий. Церковь Кирилла 1374 г. в Пскове. (По материалам археологических раскопок) 103
М. Н. Бочкарева. Новгородские каменные кресты из собрания Ростовского музея 107
Д. Бошкович. Несколько слов об общей системе средневековых крепостей на Руси 110
В. Г. Брюсова. О времени освящения Новгородской Софии 111
В. А. Булкин. О церкви Вознесения в Коломенском 113
Г. К. Вагнер. О некоторых чертах старого и нового в московской архитектуре эпохи Андрея Рублева 117
А. В. Воробьев. К датировке Часозвони Новгородского кремля 119
С. А. Высоцкий. Автограф художника из Софийского собора в Киеве 122
Б. В. Гнедовский. К вопросу о происхождении перекрытия «небом» в древнерусском деревянном зодчестве 126
Э. Д. Доброволъская. У истоков каменного посадского зодчества Ярославля. (Церковь Рождества Христова на Волге) 130

Т. В. Ильина. О псковской книжной графике XIII—XV вв. 136
А. Н. Кирпичников, О. В. Овсянников. Древнерусский храм в Копорье 139
Е. В. Кудряшов. К вопросу о первоначальных формах Успенского собора в Костроме 146
В. К. Лаурина. К вопросу о новгородской иконописи XV столетия 150
Г. Н. Логвин. Новые наблюдения в Софии Киевской 154
Т. И. Макарова. Венец с перегородчатой эмалью из Любеча 160
А. Л. Монгайт, П. А. Раппопорт, М. Б. Чернышев. Церковь Нового Ольгова городка 163
М. Ф. Мурьянов. К символике нередицкой росписи 168
В. А. Назаренко. О находке очелья в Новогрудке 170
Т. В. Николаева. Икона-складень XV в. и поход Ивана III на Новгород 172
С. С. Подъяпольский. Успенская церковь в Белозерске 177
В. М. Потин. Нумизматика и памятники архитектуры 183
Н. Г. Порфиридов. Следует ли отказываться от летописной даты Волотовской стенописи? 186
А. А. Ратич. К вопросу о княжеских дворцах в стольных городах Галицкой Руси XI—XIV вв. 188
М. В. Седова. О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси 191
И. Н. Хлопин, А. Н. Кирпичников. Каменщики Костоусовы 194
Н. В. Холостенко. Мощеница Спаса Черниговского 199
Г. М. Штендер. К вопросу о декоративных особенностях строительной техники Новгородской Софии. (По новым материалам исследований) 202
Список сокращений 213

КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

ПОСВЯЩАЕТСЯ 70-ЛЕТИЮ
М. К. КАРГЕРА

Утверждено к печати
Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Л. И. Зайцева
Художник М. И. Разулевич
Технический редактор О. Н. Скобелева
Корректоры Ж. Д. Андронова и Л. В. Субботина

Сдано в набор 4/IV 1974 г. Подписано к печати 29 XI 1974 г. Формат бумаги 84×108¹/₁₆. Бумага № 2. Печ. л. 13³/₄ + 1 вкл. (¹/₈ печ. л.). = 22,89 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 25,36. Изд. № 5619. Тип. зак. № 1096. М-44633. Тираж 8000. *Цена 1 р. 93 к.*

Ленинградское отделение издательства «Наука».
199164, Ленинград, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука».
199034, Ленинград В-34, 9 линия, д. 12